

Краснодарский университет МВД России

**УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА
И КУЛЬТУРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ**

Материалы
Международной научно-практической конференции

(30 сентября 2022 г.)

Краснодар
2022

УДК 343
ББК 67.408
У261

Одобрено
редакционно-издательским советом
Краснодарского университета
МВД России

Редакционная коллегия:

А. Л. Осипенко, доктор юридических наук, профессор (председатель);

К. В. Вишневецкий, доктор юридических наук, профессор
(заместитель председателя);

В. С. Соловьев, кандидат юридических наук, доцент
(ответственный секретарь);

П. В. Максимов, кандидат юридических наук;

И. А. Паршина, кандидат юридических наук, доцент;

В. В. Яковлев, кандидат юридических наук, доцент

Уголовная политика и культура противодействия
У261 преступности : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (30 сент.
2022 г.) / редкол.: А. Л. Осипенко, К. В. Вишневецкий,
В. С. Соловьев и др. – Краснодар : Краснодарский университет
МВД России, 2022. – 464 с.

ISBN 978-5-9266-1859-1

В сборнике опубликованы материалы Международной научно-практической конференции «Уголовная политика и культура противодействия преступности», состоявшейся в Краснодарском университете МВД России 30 сентября 2022 г.

Для научно-педагогического состава, адъюнктов, аспирантов, курсантов, слушателей, студентов образовательных организаций, отечественных и зарубежных специалистов и сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 343
ББК 67.408

ISBN 978-5-9266-1859-1

© Краснодарский университет
МВД России, 2022

Борисов Сергей Викторович,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

**Актуальные проблемы
уголовно-правового противодействия преступлениям
террористической и экстремистской направленности,
совершаемым с использованием сети Интернет**

Использование сети «Интернет», а равно иных информационно-телекоммуникационных (электронных) сетей, является типичным способом совершения ряда преступлений террористической и экстремистской направленности, при этом в ч. 2 ст. 205², ч. 2 ст. 280, ч. 2 ст. 280¹ и ч. 1 ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) данный способ указан в качестве квалифицирующего либо конститутивного признака соответствующего состава преступления. В настоящей статье мы остановимся на отдельных актуальных проблемах уголовно-правового противодействия таким преступлениям, в основе которых лежит использование и распространение террористической и экстремистской идеологии¹.

В диспозиции ч. 1 ст. 205² УК РФ указаны такие альтернативные общественно опасные действия, как публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма, пропаганда терроризма. При этом понятия двух последних видов общественно опасных действий, равно как и понятие террористической деятельности, определены непосредственно в примечаниях к ст. 205² УК РФ, что, на наш взгляд способствует обеспечению правовой определенности соответствующих положений уголовного закона.

¹ См.: Иванцов С.В., Борисов С.В., Узембаева Г.И., Музычук Т.Л., Тищенко Ю.Ю. Актуальные проблемы совершенствования системы мер криминологического предупреждения преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 16. С. 776-777; Иванцов С.В., Борисов С.В. Актуальные вопросы уголовно-правового противодействия распространению экстремистской идеологии в Российской Федерации // Научный портал МВД России. 2022. № 2. С. 50-57.

Так, согласно п. 1 примечаний к ст. 205² УК РФ публичное оправдание терроризма определено как «...публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании», тогда как пропаганда терроризма, как следует из п. 1¹ этих примечаний, представляет собой деятельность, заключающуюся в распространении «...материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности». Следовательно, оправдание терроризма, наказуемое по ст. 205² УК РФ, во всех случаях должно характеризоваться публичностью, предполагающей обращение виновного к широкому, неограниченному кругу лиц, и состоять в открытом заявлении о правильности террористической практики и идеологии, тогда как пропаганда терроризма может быть как публичной, так скрытой, адресной, при этом она всегда ориентирована на конкретные лицо или группу лиц, сознание которых подвергается различного рода воздействию, имеющему определённую цель – сформировать у них мировоззрение, принимающее как соответствующую идеологию, так и её воплощение в террористической деятельности. При этом понятие такой деятельности раскрыто в п. 2 примечаний к ст. 205² УК РФ через указание перечня преступлений террористической направленности, образующих объём этого понятия, тогда как в ст. 280 УК РФ определение экстремистской деятельности не приводится, что ориентирует правоприменителя на её определение, содержащееся в п. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»¹. Между тем, последнее обстоятельство создаёт предпосылки для привлечения к уголовной ответственности за публичные призывы к осуществлению не только преступлений, но и (или) административных правонарушений экстремистской направленности, например, к публичному демонстрированию нацистской атрибутики или символики, что, на наш взгляд, не в полной мере согласуется с задачами и принципами уголовного законодательства.

¹ См.: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О противодействии экстремистской деятельности» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> - 01.07.2021.

В ч. 1 ст. 280 УК РФ речь идет о публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности в той ее части, которая не охватывается ст. 205² УК РФ, а в ст. 280¹ УК РФ – о публичных призывах к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, если те действия, к которым призывает виновный, не относятся к разновидностям террористической деятельности, например, к вооруженному мятежу или к захвату власти. Соответствующие призывы, как показывает изучение судебной практики, как правило, опираются на террористическую или иную экстремистскую идеологию, которую виновные пытаются распространить среди других людей, навязать её им, тогда как преступления, предусмотренные ст. 282 УК РФ, во всех случаях направлены на формирование у других лиц мотивов национальной, религиозной или иной ненависти либо вражды, а равно на унижение их человеческого достоинства по тем же признакам.

На практике важно учитывать, что указанные выше уголовно-правовые нормы не поглощают друг друга при квалификации содеянного, содержащего признаки двух или более различных составов преступлений, связанных с распространением экстремистской идеологии. Например, виновные лица одновременно либо в разное время могут призывать к осуществлению террористической и иной экстремистской деятельности, что предполагает квалификацию таких действий с учётом совокупности преступлений, предусмотренных статьями 205² и 280 УК РФ.

Так, С. был признан виновным в размещении с целью ознакомления неограниченного круга лиц на личной странице в сети «Интернет», свободной для общего доступа, видеофайлов с записью призывов к осуществлению террористической деятельности и оправдания терроризма, а также призывов к осуществлению экстремистской деятельности, которые стали доступны пользователям социальной сети. Его действия были квалифицированы по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 205² и 280 УК РФ¹.

¹ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17 июля 2019 г.) // Бюллетень Верховного Суда. 2020. № 2.

Как следует из приводимой ниже таблицы, содержащей статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ¹, наиболее распространенным в последние три года являются преступления, предусмотренные статьями 205² и 280 УК РФ, заключающиеся соответственно в публичных призывах к осуществлению террористической деятельности, публичном оправдании терроризма или в его пропаганде, а равно в публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности. Также в таблице наглядно представлено, что после введения в декабре 2018 г. административной преюдиции в ч. 1 ст. 282 УК РФ в качестве криминообразующего признака публичных действий, направленных на возбуждение ненависти, вражды, а равно на унижение человеческого достоинства, совершенных без квалифицирующих обстоятельств, предусмотренных в ч. 2 данной статьи², число осуждённых за это преступление сократилась более чем в 14 раз. В конце 2020 г. административная преюдиция также была введена в состав преступления в виде публичных призывов к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности России³, что, как представляется, сведет к минимуму применение ст. 280¹ УК РФ. Одновременно обратим внимание на заметное увеличение в 2021 г. числа осуждённых за преступления, предусмотренные статьями 205², 280 и 282 УК РФ, при этом особо отметим значительный рост судимости за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма, пропаганду терроризма (в 2021 г. число таких осуждённых увеличилось более чем в 5 раз), что в сегодняшних условиях может указывать на намечающуюся тенденцию.

¹ См.: Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации: URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 26.08.2022).

² См.: Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 519-ФЗ «О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 53 (ч. I), ст. 8445.

³ См.: Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 425-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 30 и 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 50 (ч. III), ст. 8070.

Статья УК РФ и её части	Число осужденных лиц (по основной и дополнительной квалификации преступления)					
	2016	2017	2018	2019	2020	2021
статья 205²	55	96	130	126	47	241
часть 1	51	81	68	57	22	46
часть 2	4	15	52	69	25	195
статья 280	143	170	159	145	184	307
часть 1	42	30	19	13	20	30
часть 2	101	140	140	132	164	277
статья 280¹	3	8	10	4	4	2
часть 1	0	0	3	1	0	1
часть 2	3	8	7	3	4	1
статья 282	502	571	518	36	18	50
часть 1	482	562	505	23	7	22
часть 2	20	9	13	13	11	28
Всего:	703	845	817	311	253	600

Сравнительный анализ данных уголовно-правовых норм позволяет сделать вывод об отсутствии системности в регламентации ответственности за распространение террористической и иной экстремистской идеологии. Так, в ст. 205² УК РФ предусмотрены три сходных, но тем не менее различающиеся формы распространения террористической идеологии: 1) публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма; 3) пропаганда терроризма, Применительно же к иной экстремистской идеологии законодатель предусмотрел только две уголовно наказуемые формы ее распространения: 1) публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности либо действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (статьи 280 и 280¹ УК РФ); 2) публичные действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а равно на унижение достоинства человека или группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе.

По нашему мнению, наиболее полно возможные формы распространения опасной идеологии учтены именно в ст. 205² УК РФ,

в связи с чем применённый здесь подход целесообразно применить и к регламентации ответственности за распространение не только террористической, но и иной экстремистской идеологии, в том числе рассмотреть вопрос о возможности признания ст. 282 УК РФ утратившей силу. Последнее предложение обосновывается тем, что содержание ст. 282 УК РФ не в полной мере соответствует требованиям правовой определенности и системности уголовно-правовой охраны однородных общественных отношений.

Отметим, что для формирования практики применения рассматриваемых уголовно-правовых норм большое значение имеют разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, содержащиеся в постановлениях от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»¹ и от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»². При этом особо выделим изменения и дополнения, внесённые в первое из данных постановлений Пленума Верховного Суда РФ в 2018³ и 2021⁴ годах, направленные на исключение избыточного применения статей 280, 280¹, 282 и 282² УК РФ, в том числе с учетом возможной малозначительности соответствующих деяний⁵. Среди таких изменений и дополнений выде-

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Сайт Верховного Суда РФ: URL: <http://www.vsrfl.ru/> (дата обращения: 23.04.2022).

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Сайт Верховного Суда РФ: URL: <http://www.vsrfl.ru/> (дата обращения: 23.04.2022).

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 сентября 2018 г. № 32 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 11.

⁴ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 октября 2021 г. № 32 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 12.

⁵ См.: Зателепин О.К., Борисов С.В. Новые позиции Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности // Уголовный процесс. 2018. № 11. С. 24-33; Пейсикова Е.В., Борисов С.В. Новые позиции Пленума ВС РФ об освобождении от наказания и уголовной ответственности // Уголовный процесс. 2022. № 2. С. 72-74.

лим те, что в наибольшей степени способствуют исключению необоснованного привлечения к уголовной ответственности за деяния, так или иначе связанные с распространением экстремистской идеологии.

Во-первых, Пленум Верховного Суда РФ обратил внимание правоприменителей на то, что уже на момент возбуждения уголовного дела должны быть установлены достаточные данные, указывающие на признаки соответствующих преступлений, в том числе на их субъективную сторону. В частности, применительно к деяниям, наказуемым по статьям 280, 280¹, 282 УК РФ, следует устанавливать не только сведения о размещении в сети «Интернет» или иной информационно-телекоммуникационной сети текста, изображения, аудио- или видеофайла, которые содержат признаки призывов к осуществлению экстремистской деятельности или действий, направленных на нарушение территориальной целостности России, возбуждения ненависти либо вражды, унижения достоинства человека либо группы лиц, но и иные сведения, подтверждающие общественную опасность деяния, включая направленность умысла и мотив совершения таких действий.

Во-вторых, в продолжение предыдущего разъяснения Пленум Верховного Суда РФ подчеркнул, что преступления, предусмотренные статьями 280, 280¹, 282 УК РФ, могут быть совершены исключительно с прямым умыслом и с намерением побудить других лиц к осуществлению экстремистской деятельности, совершению действий, направленных на нарушение территориальной целостности России, либо с целью возбудить ненависть либо вражду, унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе.

При этом особо оговаривается ситуация, когда лицо размещает в информационно-телекоммуникационной сети информацию, которая ранее была признана судом экстремистским материалом, что может быть квалифицировано по ст. 280, ст. 280¹ или ст. 282 УК РФ лишь при условии установления осознания лицом, разместившим этот материал, направленности его действий на нарушение основ конституционного строя, а также его намерения побудить других лиц к осуществлению экстремистской деятельно-

сти, совершению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, либо цель возбудить ненависть или вражду, унижить достоинство человека или группы лиц по указанным признакам. Для установления прямого умысла, а также указанных намерений и цели необходимо учитывать всю совокупность обстоятельств, характеризующих содеянное, включая сведения о деятельности соответствующего лица до и после того, как оно разместило информацию, в частности, о его действиях по увеличению количества просмотров и числа пользователей; о личности этого лица (например, о его приверженности радикальной идеологии, участии в экстремистских объединениях и т.п.); об объёме соответствующей информации, частоте и продолжительность её размещения, интенсивности обновлений.

В-третьих, Пленумом Верховного Суда РФ обращено внимание судов на особенности практики применения ст. 282² УК РФ, в том числе на необходимость установления обстоятельств, подтверждающих совершение обвиняемым конкретных действий и раскрывающих их значение для продолжения или возобновления деятельности экстремистской организации, а также указывающих на мотивы, которыми руководствовалось это лицо при совершении соответствующих действий. При этом действия лиц, не связанные с продолжением или возобновлением деятельности экстремистской организации и заключающиеся только в реализации своего конституционного права на свободу совести и свободу вероисповедания, например, путём индивидуального или совместного исповедования религии, совершения богослужений или других религиозных обрядов и церемоний, при отсутствии признаков экстремизма, не рассматриваются в качестве преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 282² УК РФ (участие в экстремистской организации). Полагаем, что эти разъяснения имеют большое значение для исключения избыточной уголовно-правовой репрессии в тех случаях, когда правомерное поведение граждан хотя и соприкасается с деятельностью экстремистских объединений, являющихся основными центрами формирования и распространения соответствующей идеологии, но не становится её частью, не приобретает качества, присущие экстремизму.

В-четвёртых, не менее важным является и разъяснение о том, что заключение эксперта по делам о преступлениях экстремистской направленности не должно иметь заранее установленной силы и предопределять выводы о виновности лица в совершении инкриминируемого деяния, поскольку таковые входят в исключительную компетенцию суда, которому надлежит основывать свои решения на совокупности тщательно исследованных доказательств. При этом подчёркивается, что заключение эксперта не обладает преимуществом перед другими доказательствами и, как все другие доказательства, должно оцениваться по общим правилам в совокупности с другими доказательствами¹.

Считаем, что в настоящее время назрела необходимость внесения сходных изменений и дополнений в постановление Пленума от 9 февраля 2012 г. № 1, в котором также целесообразно разъяснить особенности применения ст. 205² УК РФ в части квалификации содеянного в качестве пропаганды терроризма, тем более что определённые позиции по данному вопросу уже сформированы в решениях по конкретным уголовным делам.

Например, по одному из таких дел суд на основе анализа законодательного определения пропаганды терроризма, содержащегося в п. 1¹ примечаний к ст. 205² УК РФ, посчитал, что такая пропаганда не требует установления признака публичности совершенных действия, в отличие от публичных призывов к осуществлению террористической деятельности и публичного оправдания терроризма, при этом уголовная ответственность за пропаганду терроризма имеет место и в тех случаях, когда соответствующие действия направлены на идеи и взглядов, относящихся к террористической идеологии, даже у одного человека. Кроме того, пропаганда терроризма направлена на тех лиц, у которых еще не сформированы такая идеология и убежденность в ее привлекательности, а также отсутствует представление о допустимости осуществления террористической деятельности. Именно в наличии возможности изменить мировоззрение лиц, на которых ориентирована

¹ См.: Андрухин Н.Г., Борисов С.В. Предпосылки, содержание и значение новых разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации о квалификации и доказывании преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием сети «Интернет» // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 4. С. 70.

пропаганда терроризма, состоит общественная опасность этого деяния. Соответственно, те лица, у которых указанная идеология уже сформировалась, имеются убеждение в ее привлекательности и представление о допустимости осуществления террористической деятельности, не могут признаваться участниками рассматриваемых правоотношений, так как соответствующая система взглядов и идей у них сформирована ранее и на этот процесс никоим образом не повлияло лицо, распространяющее террористическую идеологию в их присутствии либо в условиях возможного восприятия ими таких действий¹.

Завершая настоящую статью, отметим, что имеющиеся уголовно-правовые средства противодействия преступлениям террористической и экстремистской направленности, совершаемым с использованием сети «Интернет» и иных информационно-телекоммуникационных (электронных) сетей нуждаются в совершенствовании, при этом их дальнейшее развитие целесообразно выстраивать на основе доктринально обоснованных предложений и рекомендаций, в частности, учитывающих требования системности и правовой определенности положений уголовного законодательства, а также необходимости формирования правильной и единообразной правоприменительной практики.

Борков Виктор Николаевич,
доктор юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного права
Омской академии МВД России

Уголовная политика противодействия сговору врагов государства

Единственной организацией, возложившей на себя обязанность по защите прав и свобод человека, является государство. Сторонники ограничения его роли в жизни общества, выступаю-

¹ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 ноября 2019 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 4.

щие за абсолютизацию естественных прав, фактически провозглашают своим идеалом политический режим, предоставляющий свободу убийства, ограбления и оболванивания своих сограждан. Признавая значимость для правопонимания идей свободы и приоритета естественных прав человека, отметим, что на уровне правовой реальности человек и его свободы должны быть надежно защищены, в том числе и уголовно-правовыми средствами. «Лишь сильное государство обеспечивает свободу своим гражданам» (Ж.-Ж. Руссо). Ослабленное государство неспособно эффективно противостоять внутренним и внешним угрозам, обеспечивать безопасность и развитие общества. Наиболее актуальными угрозами для России являются коррупция и предпринимаемые попытки деструктивного иностранного вмешательства, деятельность спецслужб. Поэтому любые уголовно-политические меры, направленные на укрепление государства не могут быть признаны избыточными.

«Один гад, окопавшийся в отделе снабжения, может принести больше вреда, чем дивизия белых на фронте» (Ф.Э. Дзержинский). Разрушительное влияние коррупции на безопасность государства учтено в новой статье 284⁴ УК РФ, предусматривающей ответственность за публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства (введена № 260-ФЗ от 14.07.2022). Такой деятельностью в примечании к указанной норме в числе других преступлений признано взяточничество (ст. 290 и 291 УК РФ). По данным Генерального прокурора РФ И.В. Краснова «...в прошлом году на 14 % увеличилось общее количество выявленных коррупционных преступлений. На треть возросло число расследованных фактов коррупции, совершенных в организованных формах. При этом значительные усилия были сконцентрированы на пресечении откатов, хищений бюджетных средств, неправомерного использования государственного и муниципального имущества»¹. С 2017 года растет число лиц, осуж-

¹ Краснов И.В. Доклад на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 22 апреля 2022. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/interviews-and-presentations?item=73355996> (дата обращения: 15.09.2022).

денных за получение взятки (ст. 290 УК РФ): в 2017 – 3188 человек, в 2018 – 3499, в 2019 – 3988, в 2020 – 4174 и в 2021 – 5020 человек¹. Ученный размер материального ущерба, причиненного преступлениями коррупционной направленности в 2021 г. составил 63, 921 млрд. рублей (в 2020 г. – 58, 364 млрд. рублей)².

Наиболее опасные посягательства на безопасность государства представляют собой акты предательства и имеют характер сговора его внутренних и внешних врагов. Необходимым соучастием являются коррупционные преступления. Так, взятка не может быть получена, если ее никто не дает. По определению соучастием является незаконное участие должностного лица в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК РФ). Коррупция – это всегда сговор чиновника с лицами, заинтересованными в предательстве им государственного интереса. Должностное лицо не способно совершить крупное хищение бюджетных средств без криминализированных предпринимателей, на счета которых они переводятся за не выполненные работы и не поставленные товары. Статья 219 Уголовного кодекса Киргизской Республики «Коррупция» прямо предусматривает ответственность за «...умышленные деяния, состоящие в создании противоправной устойчивой связи одного или нескольких должностных лиц, обладающих властными полномочиями, с отдельными лицами или группировками в целях незаконного получения материальных, любых иных благ и преимуществ, а также предоставление ими этих благ и преимуществ физическим и юридическим лицам, создающее угрозу интересам общества или государства».

В 2020 году в России выявили и пресекли работу 72 кадровых сотрудников и 423 агентов иностранных спецслужб, – заявил Президент России В.В. Путин на заседании коллегии ФСБ, – при этом подчеркнул, что нельзя допускать утечек закрытых сведений во-

¹ Динамика преступлений по ст. 290 УК РФ (Получение взятки). URL: <http://crimestat.ru/> (дата обращения: 15.09.2022).

² Состояние преступности в России за январь – декабрь 2021 года. М., 2022. С. 27. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 15.09.2022).

енного характера, данных о передовых технологиях и перспективных разработках научных центров и предприятий оборонно-промышленного комплекса¹.

Подобно тому, как необходимым соучастием являются коррупционные преступления, посягательства на безопасность государства также состоят в сотрудничестве субъекта с вероятным или реальным противником. Об этом красноречиво свидетельствуют предусмотренные в ст. 275 УК РФ виды государственной измены: совершенные гражданином Российской Федерации шпионаж, выдача иностранному государству или его представителю сведений, составляющих государственную тайну, переход на сторону противника, либо оказание иной помощи иностранным организациям в деятельности, направленной против безопасности России. Под переходом на сторону противника понимается участие лица составе непосредственно противостоящих РФ войск иностранного государства в военных действиях (п. 1 примечания к ст. 275 УК РФ).

Совершение российским гражданином государственной измены происходит путем установления отношений с представителями иностранных спецслужб, собирающих сведения, составляющие государственную тайну, а также иную информацию, для ее использования в ущерб безопасности нашего государства (ст. 276 УК РФ). Так, в 2021 году за государственную измену (ст. 275 УК РФ) было осуждено 14 человек, а за шпионаж (ст. 276) – 3, в 2020 г. такое соотношение было 6 и 1, а в 2019 г. – 8 и 3. Диспропорция в привлечении к ответственности предателей и шпионов, помимо того, что последние могут обладать дипломатическим иммунитетом от уголовного преследования, свидетельствует о нереализованном потенциале противодействия иностранным спецслужбам.

Законом № 260-ФЗ от 14.07.2022 г. диспозиция ст. 276 УК РФ дополнена таким видом шпионажа как передача, соби́рание, похищение или хранение в целях передачи противнику

¹ URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/603641af9a79471d0811bea6> (дата обращения: 19.09.2022).

сведений, которые могут быть использованы против Вооруженных Сил РФ и других органов, совершенных в условиях вооруженного конфликта или военных действий. В примечании к ст. 276 УК РФ под противником предлагается понимать иностранное государство или организацию, противостоящие России в вооруженном конфликте, военных действиях. Законодателю следовало бы ужесточить ответственность за шпионаж в пользу военного противника, предусмотрев его в качестве состава с отягчающим обстоятельством и подняв нижнюю границу санкции, так как верхняя и так является максимальной – лишение свободы на срок до двадцати лет. Обращает на себя внимание и бессистемность изменения уголовного закона, которая выразилась в игнорировании преступного взаимодействия между шпионом и гражданином России, собирающим сведения в интересах ее военного противника. Было бы логично усилить ответственность не только за шпионаж (ст. 276 УК РФ), но и за государственную измену (ст. 275 УК РФ) в пользу противника России в вооруженном конфликте. Так, применительно к ряду преступлений против военной службы законодатель усилил ответственность за их совершение «в период военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий».

В июле 2022 года российский уголовный закон дополнен статьей 275¹ УК РФ, запрещающей установление гражданином РФ сотрудничества на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной либо иностранной организацией в целях содействия деятельности, направленной против безопасности России. Примером здесь послужила ст. 358¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь «Агентурная деятельность». И то и другое преступления предполагают сговор предателя с представителями иностранной разведки. Указанные нормы признают преступлением уже сам факт установления конфиденциального сотрудничества, независимо от оказания информационной или иной помощи другим государствам в их деятельности против безопасности России и Белоруссии. В статьях 275¹ УК РФ и 358¹ УК РБ отсутствует прямое указание на представителя иностранной спецслужбы как

второго субъекта агентурной деятельности, речь идет об организациях, что является недостатком уголовно-правовых запретов. Действия лиц, склоняющих исполнителей комментируемых посягательств к сотрудничеству, при наличии оснований можно было бы квалифицировать как приготовление к шпионажу (ч. 1 ч. 30, ст. 276 УК РФ или ст. 13, ст. 358 УК РБ). Но очевидно, что и сотрудничество на конфиденциальной основе (ст. 275¹ УК РФ), и агентурная деятельность (ст. 358¹ УК РБ) это необходимое соучастие, обе стороны которого должны быть четко названы в качестве субъектов соответствующих посягательств.

Изложенное свидетельствует об уголовно-политическом значении представления о коррупционных и государственных преступлениях как о сговоре и необходимом соучастии, что создает предпосылки реализации неотвратимости ответственности для всех участников данных посягательств.

Ендольцева Алла Васильевна,
Заслуженный работник высшей школы РФ,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

Противодействие правовыми средствами бесконтрольному распространению персональных данных и их незаконному использованию

В соответствии с предписаниями главы 2 Конституции Российской Федерации незаконное посягательство на частную жизнь любого человека, находящегося на территории Российской Федерации, в том числе незаконное собирание, распространение, хищение информации о лице и использование ее в преступных целях влечет за собой юридическую ответственность, установленную законодательством Российской Федерации.

Одним из главных аспектов правового механизма противодействия бесконтрольному и незаконному распространению персональных данных является своевременная профилактика данных

противоправных деяний, поскольку персональные данные того или иного лица могут быть использованы как средство совершения многих преступлений, а также иных правонарушений. Бесконтрольное распространение персональных данных является одной из причин роста совершаемых правонарушений и преступлений в различных сферах общества.

Как показала изученная практика, посредством персональных данных можно получить доступ к аккаунтам и устройствам конкретного пользователя для использования их в своих, в том числе и чаще всего, преступных целях; более точно составить фишинговое письмо, что увеличит вероятность выполнения потерпевшим желаемых злоумышленником действий. При этом способами получения персональных данных злоумышленниками являются:

- взлом баз данных различных организаций и государственных органов, органов местного самоуправления и т.д.;
- фишинговые рассылки;
- инсайдерские утечки;
- поиск в браузерах и социальных сетях открытых персональных данных;
- покупка персональных данных в Даркнете и др.

Перечень персональных данных является открытым, это означает, что к персональным данным можно отнести любые сведения, относящиеся к определенному человеку и позволяющие его идентифицировать.

Однако можно выделить основные категории персональных данных:

- общая информация о личности (ФИО, дата рождения, место рождения, пол, образование, место работы, ИНН, СНИЛС и т.д.);
- специальная информация о личности (раса, национальность, конфессиональная принадлежность, состояние здоровья и т.д.) – обработка данных сведений возможна в исключительных случаях с письменного согласия субъекта;
- биометрические данные лица (отпечатки пальцев, ДНК, сетчатка глаза и т.д.).

В 2020-2022 гг. в законодательство России были внесены изменения, касающиеся распространения персональных данных.

Государственные органы, организации, индивидуальные предприниматели обязаны соблюдать новые правила сбора и размещения персональных данных в открытом доступе. В Федеральном законе от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» введено понятие персональных данных, разрешенных субъектом персональных данных к распространению (п. 1.1 ст. 3), регламентированы особенности обработки персональных данных, разрешенных субъектом персональных данных для распространения (ст. 10.1). Обобщая нововведения, можно говорить о том, что теперь для распространения персональных данных помимо общего согласия на обработку, нужно получать отдельное согласие на их распространение (ч. 1 ст. 10.1). Без данного согласия любое распространение персональных данных признается незаконным. Важно то, что согласие на распространение персональных данных прекращает действовать с момента, когда оператор получил требование субъекта персональных данных об отмене согласия. При этом субъект персональных данных вправе обратиться к любому лицу (не только к оператору), которому было дано согласие на распространение, а также к другим лицам, которые получили право обрабатывать эти данные в будущем. Данные нововведения усилили защиту персональных данных лиц от их бесконтрольного и массового распространения в открытых источниках.

Для решения задачи, связанной с защитой персональных данных, противодействием преступным посягательствам в рассматриваемой сфере, необходимо применять совокупные методы и способы.

Основной метод защиты персональных данных – технический. Мероприятия, связанные с защитой программного обеспечения от несанкционированного доступа, возлагаются на IT-специалистов. Это важно потому, что вопросы защиты персональных данных во многом зависят от объективного технического обеспечения информационной безопасности¹.

Однако данный метод должен работать в совокупности с организационным и правовым методом. Разработка и внедрение

¹ Бражник Т.А. Правовые вопросы обеспечения информационной безопасности личности // Информационное право. 2018. № 4. С. 17-21.

юридическими лицами (государственными органами, организациями и пр.), индивидуальными предпринимателями политики обработки персональных данных и их распространения, положений о защите персональных данных, издание приказов о назначении ответственных лиц, осуществление контрольных мероприятий в данной сфере.

Предлагаем отдельным пунктом в статье 57 «Содержание трудового договора» Трудового кодекса Российской Федерации указать условие «об обязанности работника не разглашать и не распространять ставшие известными ему в результате трудовой деятельности сведения о персональных данных лиц без их согласия, полученного в установленном законом порядке, кроме случаев выполнения возложенных законодательством Российской Федерации полномочий и обязанностей».

Также необходимо для должностных инструкций всех работников и сотрудников, с которыми заключаются трудовые договоры и служебные контракты, установить обязательность положений о недопустимости ознакомления с персональными данными, а также их разглашении без соответствующего доступа к ним и без согласия субъектов персональных данных. Помимо этого в локальных нормативных актах органов и организаций должна быть обязательно прописана ответственность за нарушение данного положения, о чем под подпись должны быть ознакомлены все работники и сотрудники.

Такое же правило, по мнению автора, должно быть установлено законом для всех гражданско-правовых договоров (договоры об оказании услуг, абонентские договоры и пр.).

В любой организации и органе, чья работа связана в той или иной мере с обработкой персональных данных, должны быть составлены и распространены методические рекомендации о работе с персональными данными, а также со способами их защиты. Руководителями органов и организаций должны приглашаться соответствующие специалисты для проведения занятий по защите персональных данных. Данная обязанность работодателя также должна быть закреплена на законодательном уровне (в Трудовом кодексе РФ, а также в иных нормативных правовых актах в сфере трудоустройства).

К организационным способам защиты можно отнести и такие действия:

- разработка локальных нормативных актов в области защиты персональных данных (положения о персональных данных, список работников, имеющих доступ к персональным данным, инструктаж по защите персональных данных с указанием конкретных мер, необходимых для их защиты, журнал контроля использования персональных данных, инструкции о служебном расследовании фактов разглашения персональных данных и т.д.);

- допуск к персональным данным только строго определенного внутренними локальными актами круга лиц;

- назначение ответственного работника за выполнением правовых норм в области защиты персональных данных;

- установление внутреннего контроля за соблюдением правил обработки персональных данных;

- ознакомление работников, обрабатывающих персональные данные, с нормативными правовыми актами и локальными актами в сфере защиты персональных данных и проведение периодических проверок их знаний в данной области;

- обеспечение пропускного режима;

- размещение рабочих мест таким образом, чтобы сохранить конфиденциальность персональных данных;

- программная защита данных;

- проведение профилактических мероприятий по недопущению разглашения персональных данных и т.д.

Адекватное выстраивание процессов в организациях, осуществляющих обработку персональных данных на постоянной основе, создаст необходимые условия для объективной защиты персональных данных¹.

Интересны предложения авторов, направленные на обеспечение защиты персональных данных. Так, Е.Г. Дмитриева предлагает дополнить Федеральный закон «О персональных данных» «требованием о том, что оператор должен разместить на сайте или платформе типовую форму, позволяющую отозвать согласие на

¹ Жемчугов Н. Защита персональных данных в цифровую эпоху: судебная практика в РФ и практические рекомендации //ЭЖ-Юрист, 2022, № 21(1222) (источник обращения: <https://www.eg-online.ru/article/455562/>)

обработку и распространение персональных данных в электронном виде непосредственно на самой платформе»¹. Мы с ней полностью согласны и предлагаем соответствующим положением дополнить статью 18.1 Федерального закона «О персональных данных».

Заслуживают внимания предложения об ограничении на законодательном уровне сроков хранения персональных данных и проведении проверки за соблюдением этих сроков, по организации проведения внешних независимых проверок и расследований случаев утечки и неправомерного использования персональных данных, а также создание упрощенных внесудебных механизмов защиты граждан в случаях неправомерного использования персональных данных.

Цифровая эпоха влияет не только на обрабатываемость персональных данных, но и на последующую безграничную их обработку самыми разными субъектами. Появляются новые способы неправомерного получения доступа к созданным огромным массивам персональных данных граждан. Поэтому законодательство нуждается в обновлении, регламентированных сегодня способов правовой защиты персональных данных уже явно недостаточно. В связи с этим необходимо развивать и уголовно-правовые меры противодействия совершению преступлений, связанных с незаконным сбором, распространением и использованием персональных данных.

С учетом технического прогресса, цифровизации жизни общества все больше видов преступлений совершаются с помощью использования персональных данных потерпевших или их близких лиц, что, по мнению автора, является обстоятельством, усиливающим характер общественной опасности деяния, а в определенных случаях и ее степень. Предлагаем дополнить ч. 1 ст. 63 УК РФ «Обстоятельства, отягчающие наказание» самостоятельным пунктом: «с) совершение преступления посредством использования персональных данных потерпевшего и (или) его близких родственников, родственников или близких лиц.»

¹ Дмитриева Е.Г. Проблемы защиты персональных данных в цифровом мире и пути их решения // Право и бизнес. 2021. № 3. С. 18-23.

На данный момент уголовная ответственность за незаконное собирание или распространение персональных данных предусмотрена в рамках ст. 137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни». С учетом увеличения количества совершаемых преступлений посредством использования персональных данных, зачастую полученных незаконным путем или из открытых источников, где данная информация была размещена без соответствующего согласия субъекта персональных данных, считаем, что незаконное собирание и распространение персональных данных имеет большую общественную опасность, и должно предусматриваться законом в виде квалифицированного состава преступления. В связи с чем, предлагаем дополнить статью 137 УК РФ следующей частью:

«1¹. Незаконное собирание или распространение сведений о персональных данных лица без его согласия либо распространение этих сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации –

наказываются штрафом в размере до двухсот пятидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо принудительными работами на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до четырех лет или без такового, либо арестом на срок до пяти месяцев, либо лишением свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до четырех лет.»

Поскольку законодательного закрепления понятия «частная жизнь» на данный момент не существует, как и не существует закреплённого законом детального перечня персональных данных, полагаем, что для обеспечения реализации данного механизма следует дополнить и положения Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138¹, 139, 144¹, 145, 145 Уголовного кодекса Российской Федерации)». На основе анализа практики привлечения к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного статьей 137 УК РФ, и в целях обеспечения единообразного

применения судами законодательства об ответственности за совершение данных преступлений, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ следует прописать понятие частной жизни, а также перечень персональных данных, на которые следует ориентироваться судам при квалификации соответствующих преступлений.

Также с учетом активного роста совершения определенных видов преступлений, полагаем, что совершение преступлений посредством использования персональных данных потерпевшего и (или) его близких родственников, родственников или близких лиц, необходимо закрепить в уголовном законе и как квалифицирующие составы, а именно изменить редакцию следующих норм УК РФ:

– часть 2 статьи 158 «Кража» дополнить пунктом: «е) посредством использования персональных данных потерпевшего и (или) его близких родственников, родственников или близких лиц, -»;

– часть 2 статьи 159 «Мошенничество» УК РФ представить в виде:

«2. Мошенничество, совершенное группой лиц по предварительному сговору и (или) посредством использования персональных данных потерпевшего и (или) его близких родственников, родственников или близких лиц, а равно с причинением значительного ущерба гражданину, -»;

– часть 2 статьи 163 «Вымогательство» дополнить пунктом: «д) посредством использования персональных данных потерпевшего и (или) его близких родственников, родственников или близких лиц, - ».

В заключение сделаем вывод о том, что противодействие распространению персональных данных и незаконному их использованию должно носить системный характер. При этом необходимо создать и обеспечить баланс методов противодействия, который совместит технические, организационные, воспитательные, идеологические, социально-экономические, а также правовые методы.

Игнатов Александр Николаевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры криминологии
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

Механизмы образования латентной преступности

Для эффективного противодействия негативным социальным явлениям следует, прежде всего, установить их реальные масштабы. Существование скрытой преступности искажает представление общества о ее фактическом уровне и действительной структуре, размере материального и нематериального ущерба, причиняемого обществу и его членам; усложняет выявление основных тенденций развития преступности, факторов, ее обуславливающих, что в свою очередь лишает возможности составлять глубокие криминологические прогнозы и программы противодействия преступности¹.

Проблема объективности показателей состояния преступности и реального контроля над ней является сложной и актуальной для многих стран. Статистические показатели преступности были бы неполными и отображали бы не действительные ее масштабы, а лишь результаты ее регистрации, если не учитывать неизвестные и скрытые от официальной статистики преступления, количество которых в несколько раз превышает официальные данные.

Несмотря на значительное внимание, уделяемое данной проблематике, остается немало вопросов касаясь уровня латентности, как в целом преступности, так и отдельных ее видов, факторов, которые ее обуславливают, а также самого механизма латентизации.

В зависимости от механизма образования латентной преступности следует выделять такие ее виды:

1) естественная латентность – совокупность фактически совершенных преступлений, о которых ни правоохранительным органам, ни должностным лицам, ни гражданам (в ряде случаев и самому преступнику) ничего не известно;

¹ Игнатов А.Н. Об уровне преступности и деятельности правоохранительных органов. Часть 1 // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Журнал Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. 2012. № 2 (27). СПб., 2012. С. 48-59.

2) искусственная латентность – преступления, известные отдельным гражданам и/или должностным лицам, но, ни те, ни другие по различным соображениям не сообщают о них в правоохранительные органы;

3) латентность как смежное состояние – преступные деяния, факт совершения которых стал известен отдельным гражданам и/или должностным лицам, но выявившее их лицо, по причине неясности ситуации или неправильной правовой оценки, не сообщает об этом в правоохранительные органы (не дает данному факту надлежащую правовую оценку);

4) сокрытие преступлений от учета – преступления, о которых правоохранительным органам стало известно, но его представители по различным причинам не регистрируют выявленное преступление¹.

Относительно *механизма образования естественной латентности* следует, прежде всего, указать на роль способа и обстановки совершения преступления.

Обстановка, время, место и другие обстоятельства (которым в контексте латентизации преступлений в научной литературе уделено немалое внимание) могут обусловить совершение преступлений в условиях неочевидности, а в совокупности со способом совершения преступления и сокрытием следов (в том числе трупа жертвы) – отсутствие лиц (кроме преступника), которым что-то может быть известно о совершенном преступлении.

Указанные факторы могут обуславливать как естественную латентность преступлений, совершаемых в среде маргиналов или “случайными” преступниками, так и преступлений, совершаемых профессиональными преступниками или представителями организованной преступности.

Исходя из положения материалистической диалектики о принципиальной познаваемости мира, все явления окружающего мира, в том числе и скрытые преступные деяния, могут быть уста-

¹ Игнатов А.Н. Виктимологические факторы латентности насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников правоохранительных органов // Вестник экономической безопасности. 2020. № 3. С. 132-136; Оболенцев В.Ф. Актуальные проблемы латентной преступности: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. X., 2001. С. 71-72.

новлены, если они имели место. Именно поэтому нередко естественная латентность трансформируется в латентность как смежное состояние или сокрытие преступлений от учета.

Механизмы образования искусственной латентности связаны, прежде всего, с поведением жертв и очевидцев преступления.

Причины, по которым указанные лица не обращаются с заявлением (сообщением) в правоохранительные органы, могут быть разные¹. В целом среди мотивов несообщения о факте совершения преступления специалисты называют:

1) отсутствие желания вступать в контакты с правоохранительными органами через неверие в их действенность (результативность контакта);

2) опасение мести со стороны преступников или покорение давлению со стороны родственников, третьих лиц;

3) нежелание огласки отдельных сторон своей частной жизни (в том числе связанных непосредственно с фактом совершения преступления);

4) забота о престиже и авторитете своего предприятия, учреждения, организации;

5) истечение значительного промежутка времени с момента совершения преступления, когда уже не имеет смысла сообщать о нем;

6) несущественность ущерба и малозначительность преступления, убеждение в нецелесообразности уголовного наказания за содеянное;

7) незнание закона и/или непонимание лицом данного случая как преступления (в том числе по причине изъянов моральных характеристик личности, обусловленных в основном маргинальным положением, или неспособность, прежде всего из-за психического состояния, адекватно осознать произошедшее);

8) возложение потерпевшим вины на самого себя (был пьян, спровоцировал конфликтную ситуацию и др.);

¹ Игнатов А.Н. Латентность преступлений, совершаемых на почве ненависти // Противодействие ксенофобии, экстремизму и терроризму в современном обществе: Научные труды Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. Игнатова А.Н.; Институт экономики и права (филиал) ОУП ВПО «Академия труда и социальных отношений» в г. Севастополе. Симферополь: КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2012. С. 151-156.

9) желание и наличие возможности защитить свои интересы в альтернативных уголовному правосудию формах и пр.

Механизмы образования латентности как смежного (между естественной и искусственной латентностью) состояния обуславливается существованием факторов, благодаря которым лица, выявившие факт их совершения, по причине неясности ситуации или неправильной правовой оценки не сообщают об этом в правоохранительные органы, либо не фиксируют данный факт надлежащим образом в статистической отчетности.

Следует выделить две группы факторов, обуславливающих существование латентности как смежного (между естественной и искусственной латентностью) состояния: *трудности уголовно-правовой оценки преступных деяний, в т.ч. связанные с несовершенством уголовного законодательства и недостатки и/или ошибками применения законодательства отдельными сотрудниками правоохранительных органов, а также недостатками профессиональной деятельности иных лиц, причастных к установлению факта совершения преступления.*

Уголовно-правовая оценка многих преступных деяний сопровождается значительными трудностями, что является следствием разнообразия обстоятельств совершения этих преступлений, а также усложненностью, оценочностью и небесспорностью некоторых признаков состава преступления, которые необходимо устанавливать учитывать в процессе квалификации, а также связано с трудностями разграничения смежных составов преступлений.

Что касается *недостатков и/или ошибок применения законодательства отдельными сотрудниками правоохранительных органов* как фактора детерминации смежной латентности, то они имеют место вследствие, во-первых, *дефицита кадров и несовершенства системы профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов*; во-вторых, *недостаточного материально-технического обеспечения соответствующей деятельности и несовершенства существующей системы профессионального стимулирования и контроля (надзора) за их деятельностью.*

Ошибки при квалификации преступлений могут быть обусловлены неполным расследованием обстоятельств совершения преступления, нередко внимание уделяется лишь установлению объек-

тивных признаки совершенного деяния и не придается соответствующего значения вопросам изучения субъективных факторов (в том числе социально-психологических, психологических, психофизиологических) совершения преступления, специфики и содержания преступной мотивации¹ и пр.

Недостатками профессиональной деятельности не только сотрудников правоохранительных органов, но и *иных лиц, причастных к установлению факта совершения преступления*. Так, например, относительно совершения насильственных преступлений объективные условия (невозможность установить характер повреждений, причины смерти из-за сложности травм; большой промежуток времени с момента наступления смерти и т.п.) или недостаточность материально-технического обеспечения и/или профессиональной подготовки работников органов здравоохранения (прежде всего, судебно-медицинских учреждений), или же их профессиональная недобросовестность содействуют латентизации части насильственных преступлений, которые регистрируются как случаи «некриминальной» смерти (самоубийство, несчастный случай, болезнь, невозможность установить причину смерти) и т.п.

Также механизмы образования данного вида латентности связаны и с недостатками организационно-управленческой деятельности в правоохранительных органах относительно выявления, регистрации и раскрытия преступлений. Так, не редки случаи, когда:

1) следственно-оперативные группы на места событий направляются несвоевременно (даже не в день совершения преступления);

2) при формировании следственно-оперативной группы и направлении ее на место события не учитывается степень квалификации сотрудников и их специализация (особенно следователей), которые в нее включаются;

3) осмотр места происшествия проводится без участия соответствующих специалистов-криминалистов и/или судебно-медицинского эксперта или к осмотру места происшествия направля-

¹ Насимов Г.А. Причины и меры предупреждения убийств: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2004. С. 203-204.

ются специалисты, не имеющие необходимых допусков для проведения соответствующих действий;

4) планы согласованных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий составляются формально, а в дальнейшем не корректируются;

5) большинство возможных версий относительно расследования уголовных дел по тяжким и особо тяжким общеуголовным насильственным преступлениям не отрабатываются, а вся работа сводится к проверке близких жертве лиц или ранее судимых и лиц, находящихся на профилактических учетах, и т.п.;

6) необходимые следственные действия проводятся несвоевременно или вообще не проводятся;

7) из-за несвоевременного или неквалифицированного проведения судебно-медицинских и других экспертиз расследование преступлений данной категории затягивается и т.п.

Механизмы образования латентной преступности в результате сокрытия преступлений от учета связаны со следующими тремя группами факторов.

Первую группу составляют факторы, связанные наличием дискреции в деятельности сотрудников правоохранительных органов и с добросовестностью выполнения ими своих служебных обязанностей. Эти факторы в целом совпадают с теми, которые детерминируют латентность преступности как смежное (между естественной и искусственной латентностью) состояние в случае их сочетания с умышленными действиями сотрудника по сокрытию преступления, мотивированными его стремлением, не прилагая особых усилий, требующих к тому же и высоких профессиональных качеств, выполнить возложенный на него объем работы, улучшить показатели, получить вознаграждение, продвижение по службе и т.п.

Вторую группу составляют факторы, связанные с недостатками деятельности правоохранительных органов в целом – с несовершенством существующей на сегодня системы критериев оценки деятельности правоохранительных органов, а также с отрицательными бюрократическими чертами функционирования последних, в частности с авторитаризмом процесса управления и противодействием внешнему социальному контролю.

Что касается непосредственно сокрытия преступлений от

учета, то происходить это может с помощью нескольких типичных приемов, таких как:

1) отказ в приеме и рассмотрении заявлений и сообщений о преступлениях, формализм и бездействие в работе с заявлениями;

2) заведомо неправильная правовая оценка события, например, как не имеющего признаков состава преступления или как правонарушения (некриминального);

3) тенденциозная подготовка материалов доследственной проверки по факту события (побуждение свидетелей (жертвы покушения) к даче соответствующих показаний; нелогичное и выборочное получение пояснений по факту события и т.п.);

4) утеря объективных данных, свидетельствующих о совершении преступления;

5) подтасовка фактов (подмена, искажение результатов СМЭ и т.п.);

б) манипуляции при квалификации события (например, это касается злоупотребления квалификацией соответствующих деяний, содержащих признаки умышленного убийства, как тяжких телесных повреждений со смертельным исходом; при этом нередко с целью снятия с учета «контрольного» нераскрытого убийства ранее возбужденные уголовные дела об убийстве, даже при подтверждении фактов убийства выводами СМЭ и другими обстоятельствами, в дальнейшем переqualифицируются на причинение тяжких телесных повреждений со смертельным исходом) и т.п.

В целом же сокрытие преступлений происходит в основном путем отказа в регистрации заявления о совершенном преступлении, вынесения необоснованных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием события или состава преступления либо необоснованного прекращения уголовного дела.

Третью группу факторов, с которыми связаны механизмы образования латентной преступности в результате сокрытия преступлений от учета составляют факторы организационно-управленческого порядка детерминирующие укрывательство преступлений на массовом, системном уровне.

К факторам данной группы относится, в частности, принимаемые на общегосударственном уровне решения об изменении пра-

вил квалификации тех или иных преступных деяний. Так, например, так называемое «дистанционное» мошенничество «перекочевало» в разряд краж, растворившись в их общей массе и существенно снизив, таким образом, уровень преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий.

Таким образом, различные механизмы образования латентной преступности свидетельствуют о многоаспектности и сложности этой проблематики и необходимости дальнейшего глубокого исследования каждого отдельного их вида (естественная латентность, искусственная латентность, латентность как смежное состояние, укрывательство преступлений от учета). Различные механизмы образования латентной преступности обуславливают выработку комплекса различных методов и методик установления уровня латентности преступности и ее отдельных видов.

Карнаушенко Леонид Владимирович,
доктор исторических наук, профессор,
начальник кафедры теории и истории
права и государства
Краснодарского университета МВД России

Эффективность социального контроля и методы его осуществления

Современное общество представляет собой сложную, многоуровневую систему, в которой функционирует множество элементов. Такой облик социума складывался на протяжении длительного исторического периода. С каждым веком общество все более усложнялось, пройдя путь от аграрного к индустриальному, а потом и к постиндустриальному облику. Историческое развитие социума сформировало его современную конструкцию как интегральной целостной системы, состоящей из политической, экономической, социальной и духовной подсистем, которые, в свою очередь, испытывают воздействие множества социальных процессов и явлений. Такая сложная система не может существовать исключительно на принудительной силе, которой, например, обладает институт государства. Общество состоит из множества социальных институтов, а государство выступает лишь одним из них.

В этой связи общество должно использовать и иные инструменты поддержания равновесного, стабильного состояния, нежели только принудительное воздействие. В этом аспекте уникальная роль принадлежит социальному контролю, который обеспечивает социальную систему эффективными рычагами, позволяющими влиять на действия и взаимодействия членов общества.

Как отмечают в этой связи исследователи, «социальный контроль – фундамент общественной стабильности, механизм регулирования поведения людей и одновременно инструмент преодоления социальной аномии, беспорядка, смуты и раздора»¹.

Несмотря на то, что общий вектор восприятия исследователями социального контроля, в настоящее время не наблюдается консенсуса по данному вопросу. Классическим в социологической литературе считается позиционирование социального контроля как системы «поощрений и наказаний» за соблюдение социальных норм, либо игнорирование их.

В частности, исследователями обращается внимание на то, что социальный контроль – это «практика всех видов социальных групп по предписанию и поощрению конформности и применению санкций к поведению, нарушающему принятые нормы. Деятельность системы социального контроля предполагает использование широкого комплекса мер (санкций) как позитивного, так и негативного характера»².

Социальный контроль во многом ориентирован на систему социальных норм – правил и образцов поведения людей, групп, общностей в конкретных ситуациях общественного взаимодействия. Однако сложность здесь состоит в том, что соционормативная система существенным образом дифференцирована: поле норм колеблется от «мягких» (морали, традиций и т.д.) до «жестких» (нормы права, в ряде обществ – религиозные нормы и т.д.). В этом аспекте сложность системы социального контроля состоит в варьировании самыми разнообразными санкциями, которые могут носить, как известно, и позитивный характер.

¹ Мангушева Т.С. Социальный контроль организации в условиях демократизации управленческих отношений: дис. ... канд. соц. наук. Саратов, 2006. 148 с.

² Кравцов М.Ю. Функции социального контроля // Logos et Praxis. 2011. №1. С.119-122.

Исследователи указывают, что социальный контроль представляет собой «систему процессов и механизмов, обеспечивающих поддержание социально-приемлемых образцов поведения и функционирования социальной системы в целом. Он осуществляется посредством нормативного регулирования поведения людей и обеспечивает следование социальным нормам»¹.

Одним из важных проявлений социального контроля выступает соотнесение реального и «эталонного» поведения социальных акторов, т.е. осуществление оценки и принятие решения об использовании того или иного вида санкций, либо поощрений. По мнению А.Г. Воробевой, социальный контроль представляет собой «устойчивую систему взаимодействия субъектов и объектов социального контроля различных типов и уровней, обеспечивающую социальную регуляцию деятельности людей посредством соотнесения норм, принципов и стандартов деятельности с реальным поведением, а также применения мер воздействия в случае их несоответствия»².

Относительно структуры системы социального контроля, Т.С. Мангушева обращает внимание на такие его «важнейшие элементы: социальные нормы права и морали (социально одобряемые или законодательно закрепленные правила, образцы, стандарты, регулирующие поведение людей), социальные санкции (разветвленная система вознаграждений за выполнение норм и наказаний за отклонения от них), социальные предписания (запрет делать что-либо, обращенные к индивиду или группе и выраженные в формальной или неформальной форме)»³.

Система социального контроля неразрывным образом связана с социальной системой в целом. Именно эффективность социального контроля позволяет «парировать» дисфункциональные и дезорганизационные тенденции в обществе на микро- и макроуровнях. Именно поэтому исследователи обращают внимание на уникальную роль социального контроля в стабилизации социума.

¹ http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_exs2.cgi?RRu.ogr;t:p!qutywur (дата обращения 12.07.2022).

² Воробьева А.Г. Социальный контроль как фактор повышения эффективности деятельности полиции: на примере Московской области: дис. ...канд. соц. наук. М.,2013. С.45.

³ Мангушева Т.С. Социальный контроль организации в условиях демократизации управленческих отношений: дис. ... канд. соц. наук. Саратов, 2006. С.79.

С точки зрения В.А. Половинкина, именно посредством социального контроля активизируются «процессы, обеспечивающие устойчивость, сплоченность, непрерывность и объективность в управлении поведением людей, социальных групп, институтов. Социальный контроль объединяет их в одно организованное целое и обеспечивает воспроизводство нормативно-ценностной системы общества, поддерживает социальные действия, стабилизирующие общественное развитие, и создает предпосылки для взаимодействия различных субъектов, выполняющих функции обеспечения правопорядка и законности»¹.

Следует отметить, что социальный контроль во многом детерминирован теми историческими условиями, в которых он актуализируется. В частности, в аграрном обществе, как сам облик социального контроля, так и используемые механизмы серьезно отличались от того, что имеет место, например, в современном постиндустриальном обществе. Как справедливо отмечает Е.М. Кузнецова, «социальный контроль, представляя собой социально обусловленное явление, детерминированное социальными параметрами и уровнем самоорганизации участников субъект-объектных отношений, является следствием естественного проявления потребностей субъектов социального управления в процессе развития социальных отношений»². Древние общества, будучи более примитивными и жестокими, чем современные, формировали потребности в соответствующих формах и инструментах социального контроля. В частности, религиозные нормы зачастую были тесно связаны (а в ряде случаев неотделимы) от норм права. Так, согласно Соборному Уложению, принятому в 1649 г., богохульство признавалось самым тяжким преступлением, а санкцией в данном случае являлась не просто смертная казнь, а сожжение преступника. На протяжении нескольких веков, начиная с принятия Судебника 1497 г., квалифицированная (связанная с пытками) смертная казнь назначалась за множество отклонений от социальных норм, часть из которых граничила с нормами морали, традиций, религии, однако санкцией все равно выступала смертная

¹ Половинкин В.А. Социальный контроль в системе общественных отношений // Terra Linguistica. 2012. №4. С.22-29.

² Кузнецова Е.М. Социальный контроль как элемент социального управления: дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2006. С.3.

казнь. В целом, система социального контроля была нацелена на жестокий, примитивный, агрессивный облик социальных акторов.

Современное постиндустриальное общество формирует иные социальные потребности. Для эффективной регуляции обществом применение жестоких санкций уже не требуется – более того, они скорее могут вызвать обратный эффект в обществе. Изменилась не только система социокультурных координат индивидов, само общество стало более открытым, свободным.

В этой связи, как отмечает М.Ю. Кравцов, «только гармоничное сочетание запретительной, превентивной, реабилитационной и трансформационной функций социального контроля позволит заметно снизить масштабы распространения девиации в нашем обществе. Особенно трудно найти оптимальный баланс между запретительными и разрешительными мерами. С одной стороны, жесткие запретительные меры очень часто создают почву для коррупции и снижают поступления в бюджет, с другой – отсутствие в законодательстве жестких наказаний за ряд опасных для общества преступлений приводит к их широкому распространению. Так обстоит дело с коррупцией, налоговыми и финансовыми преступлениями, преступлениями против детей»¹.

В контексте происходящих в XXI в. глубоких социальных трансформаций наблюдаются изменения в основных социальных институтах, ответственных за обеспечение социального порядка и стабильности в социуме. В первую очередь, речь идет именно о государстве, облик которого на протяжении последних десятилетий существенно модернизируется. Это также способствует глубоким изменениям в общественных потребностях.

Как полагают Ю.И. Исакова и И.В. Иванов, «потребность в эффективном общественном контроле обусловлена реформированием (модернизацией) государственного управления, сопровождающимся постоянным ростом бюрократии, рисками должностных злоупотреблений, борьбой с коррупцией, повышением качества

¹ Кравцов М.Ю. Функции социального контроля // Logos et Praxis. 2011. №1. С.119-122.

реализации государственных функций и оказанием государственных услуг»¹.

Именно поэтому в современных условиях актуализируется проблематика эффективности социального контроля. В данном случае мы будем понимать под эффективностью соотношение между задействованными (использованными) ресурсами и полученными результатами (достигнутыми целями).

Исследователи обращают внимание на то, что «существует ряд близких понятий, так или иначе связанных с проблемой эффективности, ключевым из которых является результативность. В российской науке есть тенденция отождествлять понятия эффективности и результативности, как и эффекта и результата. Выделяется три подхода к определению сущности категории «эффективность»:

- достижение эффекта или результата;
- соотношение результата и затрат;
- реализация целей при приемлемом соотношении затрат и результатов².

Эффективность социального контроля может быть дифференцирована на два основных элемента: действия инструментов, связанных с самоорганизацией социальной системы и проводимые мероприятия со стороны института государства (та часть социальных норм, которая непосредственно связана с государством и находится в его компетенции).

В этой связи было бы целесообразным сведение социального контроля исключительно к функционированию системы управления, так как в данном случае не идет речь об использовании всего спектра социальных норм. Так, нормы морали, традиций, обычаев, корпораций и т.п. не включаются непосредственно в инструменты, которыми может пользоваться система управления. Данная группа социальных норм управляется во многом

¹ Исакова Ю.И., Иванов И.В. Общественный контроль как способ обеспечения законности // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2020. №18. С.66-74.

² Штеле Е.А., Вечерковская О.Б. К вопросу о понятии «эффективность» // Экономический анализ: теория и практика. 2017. №5. С.935-947.

именно самоорганизацией общества, веками отработанными механизмами, в центре которых социализация и воспитание подрастающих поколений. С другой стороны, система управления, прежде всего, государственного, играет важную роль в обеспечении действия норм права, общем обеспечении законодательного регулирования.

Подводя некоторые итоги, целесообразно отметить, что социальный контроль играет одну из ключевых ролей в обеспечении стабильности социума. Социальный контроль глубоко интегрирован в различные социальные процессы, структурные элементы общества. Эффективность социального контроля определяется не только достижением целей обеспечения социального порядка и стабильности, но и более сложным комплексом показателей, связанных с духовной жизнью социума (религией, образованием, искусством и т.д.). Именно поэтому позиционировать управление социальным контролем исключительно как функцию института государства (или группы социальных институтов) было бы некорректным. Такой подход определенным образом сужает восприятие проблемы эффективности социального контроля и фактически отождествляет его с эффективностью государственного управления. Однако полноценный социальный контроль невозможен без эффективных механизмов социализации и воспитания подрастающих поколений, в ходе которых ими осваивается пространство духовной культуры социума. Немалая часть социальных норм базируется именно на духовной сфере (мораль и религии, прежде всего). В этой связи только органичное сочетание добровольных и общеобязательных норм, обеспечением которых занята система социального контроля, позволяет рассуждать о достижении показателей эффективности в современных условиях.

Кашкаров Алексей Александрович,
доктор юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного права и криминологии
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

Влияние административно-деликтного права на уголовно-правовую политику

Отечественное административно-деликтное законодательство и право неразрывно связано с институтами уголовно-правовой политикой. Так А.П. Шаргин отмечая тот факт, что в современных условиях административно-деликтное право является самостоятельной отраслью материального права, оно все же имеет уголовно-правовое происхождение. Он отмечает, что предметом рассматриваемой отрасли права являются административно-деликтные отношения, в рамках которых реализуется административная ответственность. Данные отношения по своему содержанию и направленности наиболее близки к уголовно-правовым отношениям. Об этом свидетельствует сходство основных институтов административно-деликтного и уголовного права, наличие значительного числа смежных составов административных правонарушений и преступлений в особенных частях КоАП РФ и УК РФ (более ста составов)¹, П.П. Серков отмечает, что наиболее тесные взаимосвязи административно-деликтное право имеет с уголовным правом. Их сближает общая направленность, УК РФ и КоАП РФ, они решают одну стратегическую задачу предупреждения правонарушений².

Однако, отмечая такого рода тесную взаимосвязь указанных отраслей материального права следует отметить, что отечественный законодатель, особенно в последнее время, начиная с 2011 года, все активнее использует административно-деликтные положения в процессе уголовно-правового законотворчества. Примером

¹ Шаргин А.П. Размышления об административно-деликтном праве // Актуальные проблемы российского права. 2017. №5 (78). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razmyshleniya-ob-administrativno-deliktnom-prave> (дата обращения: 20.10.2022).

² Серков П.П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы. М.: Норма; Инфра-М, 2012.

такого рода является административная преюдиция и сопряжение нескольких административных правонарушений при наличии определенного административно-правового статуса лица.

Институт административной преюдиции не является новеллой для отечественной уголовно-правовой политики, при принятии УК РФ 1996 года, отечественный законодатель отказался от его применения при конструировании уголовно-правовых норм, но в последствии от данной практики он отказался, в результате чего в УК РФ появились новые уголовно-правовые нормы, устанавливающие уголовную ответственность лиц имеющих определенный административно-деликтный статус – подвергнутым административному наказанию, примерами таких уголовно-правовых новелл являются преступления, предусмотренные ст. 151¹ УК РФ (Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции); ст. 212¹ УК РФ (Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования); ст. 264¹ УК РФ (Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию), а также ряд других. Из этого можно сделать вывод, что наличие у лица, определенного судом правового статуса, которое обусловлено наличием административного наказания в соответствующих статья УК РФ признается конструктивным признаком, который характеризует такой элемент состава преступления, как субъект преступления.

Как нам представляется, целью регресса института административной преюдиции в уголовное право России является стремление отечественного законодателя оптимизировать национальную уголовно-правовую политику в сфере предупреждения противоправного поведения, повышение эффективности общей и частной уголовно-правовой превенции, дифференциации юридической ответственности в зависимости от характеристики личности правонарушителя, установление более сурового юридического наказания за неоднократное совершение противоправного деяния. Кроме того наличие административной преюдиции в уголовном законодательстве обеспечивает реализацию одного из основных принципов уголовно-правового наказания, а именно экономии репрессии, так как привлечение лица к административной ответственности, например по ст. нарушение установленного порядка

организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования (статья 20.2 КоАП РФ) обеспечивает предупреждение преступления, предусмотренного ст. 212¹ УК РФ, а также минимизирует возможность привлечения лица к ответственности по ст. 212¹ УК РФ, при условии совершения общественно опасного деяния в первые.

Существование административной преюдиции в уголовном праве России подвергается систематически критики, как со стороны теоретиков, так и со стороны правозащитников-практиков. В некоторых случаях критика правозащитников носит обоснованный характер, так например, в специальной литературе указывается на неоднозначные законодательные формулировки при описании сущности административной преюдиции в различных нормах Особенной части УК РФ, кроме этого теоретики уголовного права отмечают, что существование административной преюдиции недопустимо в условиях современной доктрины уголовного права¹. Однако, административная преюдиция в уголовном праве России является законодательно устоявшимся институтом, что обуславливает его существование в законотворческой деятельности и правоприменительной практике.

Следует также упомянуть, что в последнее время в литературе, всё чаще, встречается идея выделения уголовных проступков, природа, которых схожа с природой административной преюдиции², однако следует понимать, что уголовный проступок относиться к потенциально возможному законодательно закреплённому институту, а административная преюдиция фактически существующий институт.

Решения законодателя об использовании в УК РФ административной преюдиции как признака, конструирующего норму и

¹ Кибальник А.Г. Недопустимость административной преюдиции в уголовном законодательстве // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2 (7). С. 119-125; Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3. С. 64-71; Халитов Р.К. Общественная опасность как основание криминализации деяния (в контексте криминализации деяний, обусловленных административной преюдицией) // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2 (7). С. 271-275.

² Кашкаров А.А., Игнатов А.Н., Волков Д.В. Уголовный проступок: некоторые аргументы «за» // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 4 (27). С. 282-286; Коробов П. В. Уголовный проступок: «за» и «против» // Правоведение. 1990. № 5. С. 90-96.

проявляющего общественную опасность деяния, должны получить однозначный и системный характер, обеспечить выработку оптимальной модели взаимодействия норм административно-деликтного и уголовного права.

Приведённое доказывает необходимость исследования административной преюдиции в уголовном праве России в историческом, теоретическом и прикладном аспектах для разработки эффективных мер реализации её в сложившейся правоприменительной практики.

Кроме административной преюдиции отечественный законодатель использует также такой законодательный приём для конструирования состава преступления, как сопряжение в деянии виновного лица административно-правового статуса, установленного судом в соответствии с федеральным законом, а также совершение этим же лицом административного правонарушения против порядка управления (за исключением административного правонарушения, предусмотренного статьей 19.24 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях), либо административного правонарушения, посягающего на общественный порядок и общественную безопасность, либо административного правонарушения, посягающего на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность, либо административного правонарушения, предусмотренного частью 7 статьи 11.5, либо статьей 11.9, либо статьей 12.8, либо статьей 12.26 КоАП РФ.

Исследователи отмечают, что «отсутствие единообразного толкования термина «сопряженность» негативно сказывается на правоприменении, являясь, на наш взгляд, одной из причин противоречий в судебной практике. Важно подчеркнуть, что сопряженность - это связь двух самостоятельных явлений. Данные явления не соподчинены друг другу, не соотносятся как часть и целое. Этот вывод подтверждается и сравнением законодательно закрепленных признаков убийства и тех преступлений, с которыми оно

сопряжено»¹, М.В. Бавсун и Н.В. Вишнякова отмечают, что понятие «сопряженный» вообще следует исключить из УК РФ, либо ограничить его использование в правотворчестве².

Однако, сопряженность закреплена законодателем в ч. 2 ст. 314¹ УК РФ это фактически устоявшийся законодательный инструментарий, который подразумевает совокупность неоднородных правонарушений, которые образуют преступление, при условии, что лицо привлекался к ответственности по ч. 1 и ч. 3 ст. 19.24 КоАП РФ и совершение им нового правонарушения против порядка управления, что образует ч. 2 ст. 314¹ УК РФ, таким образом мы говорим о том, что сопряжение административных деликтов не образует административную преюдицию в классическом её виде, но образует преступление, схожую позицию высказывает О.М. Калинина³, однако в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.05.2016 № 21 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 314¹ Уголовного кодекса Российской Федерации» не раскрывается.

Приведенное свидетельствует, что институты административно-деликтного права активно используются отечественным законодателем в процессе разработки уголовно-правовых норм.

¹ Баландюк В.Н., Салева Н.Н. Понятие сопряженности убийства с иными преступлениями // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. №4 (8).

² Бавсун М.В., Вишнякова Н.В. Сопряженность как уголовно-правовая категория // Общество и право. 2014. №4 (50). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sopryazhennost-kak-ugolovno-pravovaya-kategoriya> (дата обращения: 21.10.2022).

³ Калинина О.М. Уклонение от административного надзора: вопросы правоприменения // Сибирское юридическое обозрение. 2016. №4 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uklonenie-ot-administrativnogo-nadzora-voprosy-pravoprimeneniya> (дата обращения: 21.10.2022).

Козаев Нодар Шотаевич,
доктор юридических наук, доцент,
заместитель начальника Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России
(по учебной и научной работе)

Идеологический фактор террористической деятельности

Террористическая деятельность долгое время остается одним из наиболее часто используемых средств продвижения интересов радикально настроенной части общества и представителей иностранных спецслужб, осуществляющих подрывную деятельность на территории России.

Анализ процессов и тенденций развития криминогенной обстановки показывает, что в отдельных субъектах России, по-прежнему сохраняется высокий уровень террористической угрозы. В результате деятельности международных религиозно-экстремистских и террористических организаций активно распространяется радикальная идеология. Участниками таких организаций проводится целенаправленная работа по подбору новых сторонников. При этом, пропаганда наиболее интенсивно осуществляется в молодежной среде, которая в силу своей социальной неустроенности, впечатлительности и остроты восприятия окружающей обстановки является той частью общества, в которой наиболее быстро происходит накопление и реализация негативного протестного потенциала. В силу чего, максимально широкое распространение протестных воззрений приходится на долю молодого поколения.

Государство, находясь в достаточно сложных социально-политических условиях, во-многом, обусловленных ситуацией складывающейся в условиях специальной военной операции, все чаще сталкивается с террористическими угрозами со стороны украинских националистов. Очевидно, что избранная ими террористическая тактика представляет угрозу, как для безопасности России, так и отдельных государств, поддерживающих политику противодействия фашизму и национализму.

Сложная экономическая и политическая ситуация в стране обостряется возросшими террористическими угрозами, характер которых выходит за пределы общественной безопасности, все

чаще целями террористических организаций становится безопасность государства и основы конституционного строя.

Справедливости ради, следует отметить, что Россия далеко не единственная страна, столкнувшаяся с проблемой терроризма.

Терроризм, являясь одним из видов преступности, воспроизводит ее особенности, характерные для современного времени, а именно транснациональный характер. Современная террористическая деятельность не знает географических границ, развитие логистических сетей и средств коммуникации, существенно изменили представление о месте и средствах совершения преступления. Проблема международного терроризма, во многом обусловлена возможностями, используемыми террористическими организациями по рекрутированию новых участников, а также формированию террористической идеологии.

За последние 15 лет были совершены акты террора против граждан многих стран. Разумным первым шагом к решению проблемы такого насилия является понимание того, откуда оно исходит – что побуждает людей вступать в террористические организации и участвовать в терроризме. Недавняя работа в области экспериментальной психологии и когнитивной нейробиологии дает некоторую точку зрения на разум террориста¹.

Во-первых, полезно определить, что мы подразумеваем под «терроризмом». В сознании представителей американского и европейского общества образ террориста, как правило, связан с образом мусульманских экстремистов. Например, поиск в Google термина «террорист» в течение месяца после взрывов на Бостонском марафоне и парижских терактов (совершенных мусульманскими экстремистами) увеличился в три и шесть раз соответственно по сравнению с месяцами, предшествовавшими терактам. Напротив, столь же смертоносные нападения Андерса Брейвика в Норвегии, убившего 69 детей, и Диланна Руфа, убившего девять чернокожих прихожан на американском юге, не сопровождались увеличением числа таких обысков. На самом деле, по сравнению с

¹ Думов А.В., Юшков Р.О. Значение сложностной концепции информации для развития сферы когнитивных исследований // Cognitive Neuroscience – 2019: материалы международного форума. Екатеринбург, 6–7 ноября 2019 г. / [отв. ред. А.А. Печеркина, С.В. Попов]; Уральский федеральный университет. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 133-135.

три месяца, предшествовавшими этому, после нападения Брейвика число поисков с использованием термина «террорист» несколько сократилось¹.

Хотя может быть утешительно думать о террористах как о людях, непохожих на нас, я буду утверждать, что это убеждение опровергает неприятную реальность: психологические процессы, побуждающие человека участвовать в терроризме, глубоко человечны, распространены в разных культурах – и черты, которые, вероятно, присущи всем нам.

Определение терроризма, которое применяется в работе включает в себя два ключевых элемента.

Во-первых, это групповая идеология. Люди могут нападать, угрожать, терроризировать или убивать других, но если они не являются частью группы и не мотивированы на это идеологией, то по этому определению они не являются террористами². Даже насильственная группа, такая как наркокартель, который обезглавливает гражданских лиц, не будет считаться террористической организацией, поскольку ее члены не имеют идеологической мотивации (обратите внимание, однако, что многие из процессов, которые я описываю ниже, также применимы к бандам).

Во-вторых, терроризм определяется использованием насилия на службе идеологии группы, и особенно насилия, которое без разбора нацелено на членов группы (например, гражданских лиц, детей)³.

Многие правительства будут оспаривать этот момент, поскольку они осудили ненасильственных местных и экологических активистов, которые саботируют лесозаготовительное оборудование в соответствии с законами о борьбе с терроризмом. Тем не менее, ошибочным будет полагать, что эти группы состоят из «террористов» (но опять же, многие из процессов, описанных ниже, все еще применимы).

¹ Терроризм как социально-политическое явление: противодействие в современных условиях / Ю. Авдеев, В. Бельский, А. Костин, и др. М.: Юнити-Дана. 2015. 460 с.

² Маргиане А.Л. Понятие и основные признаки терроризма // Новаум. 2017. №7. С. 85-87

³ Малков В.П. Преступления против общественной безопасности // Уголовное право России. Часть Особенная: учебник для вузов / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2015. С. 389

На протяжении большей части миллионов лет существования нашего вида люди выживали только благодаря скоординированным усилиям небольших сплоченных коалиций. Поэтому эволюция сформировала в нас глубокое желание принадлежать к группам.

В наше время социальная принадлежность остается основной психологической потребностью, которую мы заполняем, соединяясь с другими через различные «социальные идентичности».

Тенденция подключаться через одну из этих групп может быть рефлексивной с этой точки зрения привлекательность «террористических групп» совершенно ничем не примечательна. Точно так же, как братство, команда, клуб, военное подразделение или банда могут обеспечить глубокую социальную связь с другими людьми, точно так же ИГИЛ, Аль-Каида или белые националистические группы могут обеспечить глубокую социальную связь с другими людьми¹.

Многие думают, что люди присоединяются к группам за то, что они делают (террористы присоединяются к террористическим группам, потому что они жестокие люди), но глубокая, фундаментальная мотивация присоединиться к *любой* группе – это необходимость социальной связи.

С этой точки зрения люди, наиболее подверженные риску присоединения к террористической группе, – это не те, кто беден или склонен к насилию, а те, кто отчужден и, таким образом, привлечен к соглашению, которое может предложить товарищество, братство и цель, которых им не хватает. Это может помочь объяснить, почему очень разные демографические показатели – молодой человек в лагере беженцев, лишенный региональной, профессиональной и академической идентичности, и ребенок среднего класса иммигрантов в западной стране, который чувствует себя отчужденным от своей принимающей страны, – являются обычными рекрутами для ИГИЛ. И, возможно, другие группы.

Хотя социальные идентичности сами по себе могут обеспечить четкие пути для объединения людей, мозг, по-видимому, особенно склонен не только создавать «нас», но и легко определять «их». Классическое исследование, которое продемонстрировало

¹ Аккаева Х.А. Характеристика терроризма в современной России и основные направления деятельности органов внутренних дел по борьбе с данным социально-опасным явлением // Теория и практика общественного развития. 2014. №2. С. 419-421.

легкость, с которой возникают групповые идентичности, было проведено группой экспериментальных психологов в 1950-х годах во главе с Музафером Шерифом¹.

Исследователи стремились создать и рассеять групповой конфликт в группе белых мальчиков среднего класса, которые посещали лагерь, созданный исследователями в парке в Оклахоме. План состоял в том, чтобы разделить мальчиков на две группы, а затем организовать ряд мероприятий по установлению конкурентной групповой идентичности. На самом деле участники предвосхитили стратегию исследователей: мальчики пронюхали друг о друге, немедленно сформировали свою собственную групповую идентичность («Орлы» и «Гремучие змеи») и начали соревноваться сами по себе – делить территорию, совершать набеги на хижины и затевать драки².

Вдохновленный частично исследованием Шерифа, множество экспериментальных исследований продемонстрировали легкость, с которой люди начинают думать в терминах «нас» и «их», и последствия таких различий.

Например, это исследование показало в контролируемых лабораторных условиях, что люди, назначенные в группы на основе произвольных различий (например, являются ли они «недооценками» или «переоценками» количества точек на экране), воспринимают членов своей группы более умными, заслуживающими доверия и привлекательными, чем члены другой группы.

Даже если людям прямо говорят, что группы назначаются произвольно, их разум заставляет их назначать членам группы более высокую ценность, чем членам внешней группы.

С появлением нейровизуализации люди начали получать доступ к внутренней работе некоторых из этих групповых процессов. Это было особенно важно, поскольку психические события, связанные с мышлением «мы» и «они», скорее всего, бессознательны, и поэтому их трудно оценить с помощью самоотчета.

¹ См.: Шавырина А.А. Ужасные психологические эксперименты. Реальные факты из истории. М.: АСТ, 2020. 320с.

² Малков В.П. Преступления против общественной безопасности // Уголовное право России. Часть Особенная: учебник для вузов / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2015. С. 389.

Поскольку количество нейронных смещений не связано с явным расистским отношением, это было воспринято как свидетельство того, что при столкновении с ортодоксальным мусульманином многие люди испытывают автоматическую реакцию страха, основанную на вероятной террористической угрозе.

Одной из наиболее ярких характеристик террористических групп является их строгая приверженность идеологии. Идеологии обеспечивают повествовательную структуру, с помощью которой можно интерпретировать новую информацию и прошлые события. Поскольку террористические группы состоят из обиженного меньшинства, их идеология часто сосредоточена вокруг повествования о жертвенности¹.

Такие повествования кажутся особенно мощными; особенно, возможно, для местнических альтруистов – людей, которые любят свою собственную группу так сильно, что готовы умереть от ее имени. Если вы чувствуете, что спина вашей группы прижата к стене, это может быть как раз то, что нужно, чтобы мотивировать местнического альтруиста действовать от их имени. Возможно, именно поэтому мы видим повествование о жертвах даже среди некоторых из самых влиятельных групп в мире.

Отличительной чертой терроризма является неизбирательное насилие в отношении членов «внешней группы». Межгрупповое насилие никоим образом не ограничивается террористическими группами: установленные правительства и национальные государства несут ответственность за гибель сотен тысяч людей за последнее десятилетие. Насколько отличается «их» насилие от «нашего»².

Наш мозг сформирован с возможностью глубоко заботиться, но и убивать. Эта глубокая амбивалентность потенциально проблематична. Общество, наполненное людьми, которые по своей сути очень сострадательны и очень жестоки, может оказаться нестабильным.

¹ См.: Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера (криминологическое и уголовно-правовое исследование). СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. - 464 с.

² Боголюбова Т. Борьба с терроризмом: уголовно-правовые проблемы // Уголовное право. 1999. № 1. С. 40-45.

Часть эволюционного решения этой проблемы, по-видимому, заключалась в том, чтобы связать процессы, лежащие в основе просоциальности (например, эмпатия), и процессы, способствующие насилию (например, дегуманизация), с внутригрупповыми и внегрупповыми различиями.

Таким образом, люди будут потенцированы любить внутреннюю группу и ненавидеть внешнюю группу; сражаться и умирать от имени «нас» и быть готовым убить «их». Психологические процессы, которые приводят к глубокому альтруизму (для внутренней группы) и мотивируют крайнее насилие (по отношению к внешней группе), все еще живут в нас.

Люди привыкли думать о сочувствии как о недвусмысленной силе социального блага. И по разумным причинам – эмпатия – это «социальный клей», который, возможно, был фундаментальным для того, чтобы большие группы неродственных людей объединялись в сложные кооперативные общества. Хотя хорошие экспериментальные данные показывают, что количество эмпатии, которой человек обладает (эмпатия по чертам характера) или выражает (эмпатия по состоянию), может стимулировать альтруизм, есть также основания полагать, что эмпатия может быть не столь однозначно просоциальной в межгрупповых контекстах¹.

В частности, в то время как сочувствие к аутгруппе, вероятно, мотивирует просоциальность по отношению к ее членам, внутригрупповое сочувствие может иметь противоположный эффект: если люди особенно остро чувствуют страдания членов группы, это может побудить их действовать против членов аутгруппы, которых они считают ответственными.

В воспитании террористической идеологии не последнюю роль играет фактор дегуманизации. Исторически дегуманизация сопровождала некоторые из самых темных глав в истории человечества. Во время колонизации, рабства, геноцида и войны изображения другой стороны как нецивилизованных животных или животных были обычным явлением. Мы видим этот тип дегуманизирующей риторики со стороны террористических групп сегодня – нас, «неверных», не только называют «свиньями» или «собаками»,

¹ Маргиане А.Л. Понятие и основные признаки терроризма // Новаум. 2017. №7. С. 85-87.

но и считают недифференцированными и, следовательно, коллективно ответственными. Риторика в западных демократиях о нелюбимых мусульманских группах и террористах почти идентична: иранцы, ХАМАС и ИГИЛ были изображены в основных средствах массовой информации как крысы, звери, змеи или паразиты, нуждающиеся в уничтожении¹.

Принимая во внимание все вышесказанное, можно прийти к выводу о том, что не смотря на субъективное восприятие «террориста» как о социопата и неудачника, отличающегося от «нас» и являющегося частью нигилистической частью общества, на самом деле его наиболее характерными особенностями является – привязанность к групповой идеологии и готовность участвовать в неизбежном насилии – вероятно, что обусловлено глубокими психологическими процессами в человеческом разуме через эволюцию.

Проведенный анализ современной методологии культивирования террористической идеологии, составляющей основу вербовочной деятельности, проводимой международными террористическими и религиозно-экстремистскими организациями, позволяет предположить расширение применения вербовщиками практики т.н. «одиночного джихада», которая позволяет дистанционно привлекать к совершению преступлений террористического характера одиночек, попавших под влияние идеологов международных террористических и религиозно-экстремистских организаций.

В этой части приоритет все больше отдается этому способу осуществления террористической деятельности, не требующему «ухода в лес» участников НВФ, а также их длительной специальной подготовки в тренировочных лагерях МТО за рубежом. Помимо существенной «дешевизны» такой методики, она имеет еще одно существенное преимущество – в сравнении с законспирированными (т.н. «спящими») ячейками, террорист-одиночка имеет меньше социальных связей, в силу чего характеризуется более высоким уровнем конспирации и располагает более высокими шансами не попасть в поле зрения правоохранительных органов, вплоть до совершения теракта.

¹ Мусаелян М.Ф. Историко-правовое развитие уголовного законодательства об ответственности за терроризм в России в XX в. // История государства и права. 2013. № 14. С. 39.

Колосович Марина Сергеевна,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права
Волгоградской академии МВД России;
Ходякова Наталия Владимировна,
доктор педагогических наук, доцент,
профессор кафедры психологии,
педагогике и организации работы с кадрами
Академии управления МВД России

Гласность и публичность в уголовном судопроизводстве России середины XIX века

В середине XIX в. ученые Российской империи указали на интенсивность развития в стране общественного мнения, сделав вывод о расцвете коллективной личности – общества. В условиях господства в обществе и в науке воззрений о публичности общественной деятельности и признания ее значения при осуществлении важнейших функций правового государства она должна применяться и в уголовной юстиции, имеющей глубоко публичный характер и всецело направленной на охрану существующего порядка. Стараясь избежать конфликта общественных сил, господствующая власть была вынуждена открыть путь для естественного и законного взаимодействия между обществом и судом, причем осуществляемого без ущерба для самостоятельности судей. Наиболее приемлемым средством открытости деятельности судов являлась публичность судебного разбирательства, называемая некоторыми учеными Российской империи гласностью судопроизводства.

В законодательстве Российской империи, при регламентации элементов одного правового явления, было принято применение двух терминов. В ст. 60 ч. IX раздела 1 Основных положений преобразования судебной части в России, 1862 г. законодатель закрепил: «Судебные заседания для решения гражданских и уголовных дел происходят публично...». При этом в ст. 8 ч. III раздела 2 этого же закона было указано: «Гражданское судопроизводство должно быть гласное». Позже термин публичность был применен в ст. 620 Устава уголовного судопроизводства, 1864 г. и в ст. 173 Устава

гражданского судопроизводства, 1864 г. Несмотря на то что в первом случае законодателем был сделан акцент на публичности именно в смысле присутствия участников процесса и посторонних лиц в зале судебного разбирательства, представляется, что в основе применения разных терминов находятся разные предметы процесса: в гражданском – нарушение имущественных прав частных лиц, влекущее за собой лишь обязанность вознаграждения обладателя нарушенных прав или признания их за ним, не представляющее опасности для общества; в уголовном – посягательства на те юридические отношения, неприкосновенность которых государство считает необходимым охранять под угрозой наказания, затрагивающие не только права частных лиц, но и коренные устои общества. Соответственно, основу уголовного процесса составляет публичное начало, означающее, что уголовный суд осуществляет свою деятельность не в личных интересах частных лиц, а в интересах публичных, общегосударственных, требующих покарать виновного.

Единодушие относительно применяемой терминологии не было и в работах правоведов Российской империи, которые использовали как термин «публичность», так и термин «гласность», а также термины «гласность» и «публичность» попеременно. Неопределенности в применяемой терминологии способствовал и перевод на русский язык трудов зарубежных ученых, посвященных институту гласности судебного разбирательства. Так, в русскоязычных работах английского правоведа Иеремиа Бентама при рассмотрении одного и того же правового явления встречается упоминание как термина «публичность» («О судебных доказательствах», 1876), так и термина «гласность» («О судоустройстве», 1860). Между тем в самом оригинале переведенной работы («A Evidence Treatise on Judicial», 1825) можно встретить лишь термин «публичный». Аналогичные сложности возникли и при изучении англоязычной версии работы И. Канта «Perpetual peace; a philosophical essay», 1795, где использовался термин «публичность», переведенный на русский язык как «гласность» («Вечный мир. Философский очерк», 1905).

В России упоминание термина «публичность» встречается уже в 1704 г. в работах Петра I и Ф. Прокоповича. Будучи заимствованным через польский «publiczny» из латинского «publicus»,

рассматриваемый термин означает «общественный». Между тем при обращении к трудам Ф. Прокоповича применен термин «публично», упоминаемый им в смысле прилюдности. Как оглашение общественно значимой информации при скоплении большого количества людей рассматривается публичность и в ст. 8, 23, 68 и 133 Воинского артикула, 1716 г.

Аналогично публичность воспринималась и Э. Вейсманом, рассматривающим ее в конце XVII – начале XVIII вв. как «пред всем народом, пред глазами всех людей, пред всеми людьми». В этом же значении термин «публичность» упоминается в словарях изданных в конце XX в.. На двойное содержание термина «публичность» указывали и советские ученые, раскрывающие его применительно к уголовному процессу в смысле рассмотрения дела в присутствии публики, а также в смысле публичного (официального) характера действий следственных, прокурорских и судебных органов. Публичный характер действий указанных лиц в наши дни принято называть принципом публичности, «требования которого определяют официальный порядок и качество их процессуальной деятельности, а также отграничивают эту деятельность от процессуальной деятельности частных лиц, вовлекаемых в уголовный процесс».

При исследовании связи рассматриваемых терминов установлено, что слово «гласность» восходит к древнерусскому слову «голос», имеющему своим источником старославянское слово «глась» – звук, кричать, говорить, призывать. Прилагательное «гласный» образовано суффиксальным способом от слова «глас», т.е. «голос», и упоминается в словосочетании «гласный суд», буквально означаящем открытый, публичный суд или суд, происходящий при открытых дверях. В этой связи оправданы суждения ученых XIX в. связавших устность судебного разбирательства с его гласностью.

Принимая во внимание требования нормативных актов России разного исторического периода об оглашении показаний и предъявлении других доказательств в присутствии публики (например, ст. 3 Русско-византийского договора 911 г., ст. 8 гл. 6 ч. 2 Краткого изображения процессов или судебных тяжб, 1716 г., ст. 4 Указа «О форме суда», ст. 88, 156, 620 УУС 1864 г.), о необходимости прилюдного оглашения приговора (например, ст. 6 гл. 1

ч. 3 Краткого изображения процессов или судебных тяжб, 1716 г.) можно сделать вывод о правомерности появления обоих терминов, в буквальном смысле обозначающих говорение в присутствии людей. Сказанное обусловило долголетие термина «публичность», применяемого в России вплоть до 1960 г.

Между тем, со временем связывание публичности судебного разбирательства лишь с рассмотрением уголовного дела в присутствии публики перестало отвечать требованиям времени. Развитие общественных отношений, активность общества и технический прогресс обусловили появление новых средств обеспечения названной открытости судебного разбирательства. Так, И.Я. Фойницкий, помимо прилюдности судебного разбирательства, указал на реализацию гласности, также посредством освещения и обсуждения судебного разбирательства в прессе, а также при обнародовании приговоров и материалов судебного производства. Опубликование и обсуждение в печати хода и результатов судебного разбирательства рассматривались в качестве элемента гласности и М.А. Оксом.

В довоенный период Советской России доведение происходящего в судебном разбирательстве заседания, по мимо его прилюдного рассмотрения и регулярного освещения хода в центральной и местной прессе, транслировалось при помощи громкоговорителей на площадях, в других общедоступных и многолюдных местах. В наши дни к перечисленным средствам реализации гласности можно отнести транслирование судебного разбирательства в Интернете.

В связи с тем, что реализация всех перечисленных средств гласности судебного разбирательства возможно лишь в условиях его устности («голос»), а также непосредственности рассмотрения доказательств, представляется обоснованным решение законодателя применить в ст. 241 УПК РФ термин «гласность».

Печников Геннадий Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса
Волгоградской академии МВД России;
Олейник Екатерина Андреевна,
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Волгоградской академии МВД России

О научном (диалектическом) подходе в уголовном процессе

Мир устроен диалектически – источником движения, развития, жизни является закон единства и борьбы противоположностей. Диалектика универсальна, она свойственна и объективному миру и познанию человека. Отсюда, диалектический подход – это действительно научный подход. С требованиями диалектики должен соотноситься и уголовный процесс. В этом, как представляется, залог его научности, а, значит, и его объективности, подлинной справедливости и совершенства.

С этой точки зрения важен системный подход, и в системе непременно должны быть ясно выражены две диалектические противоположности, например, общее и отдельное (частное), объективное и субъективное, цель и средства, государственное и индивидуальное. Если таких ярко выраженных полярных противоположностей в уголовном процессе нет, то такая модель уголовного процесса, с нашей точки зрения, недиалектична, а, значит, ненаучна, необъективна, ущербна. Если под этим углом зрения посмотреть на действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ) с его состязательной концепцией судопроизводства, то он не выдерживает требований диалектики. Так, в нем есть *отдельное (частное)* в виде состязательно-выигрышных целей сторон обвинения и защиты, но нет необходимой *общей* цели, которая бы возвышалась над узкопрагматичными целями сторон, не отождествлялась бы с ними. По Сократу, «не только каждое отдельное действие должно руководиться известной целью, но, кроме того, должна существовать

единая общая и высшая цель, которой подчиняются все частные цели и которая представляет собой безусловное высшее благо»¹.

В состязательном процессе (УПК РФ) есть субъективное, но нет посылки к объективному – к объективной истине. В УПК РФ нет даже самого термина «истина» и нет принципа, который ведет к объективной (материальной) истине – всесторонность, полнота и объективность исследования всех обстоятельств дела. Либеральный УПК РФ ориентирован на иные ценностные ориентиры – на самодостаточную состязательность («состязание для состязания») и пусть победит сильнейший. Все решается самим состязанием сторон. При таком подходе объективная истина выносится за состязательные скобки, поскольку она чужда состязательному процессу. На наш взгляд, состязательный процесс построен тавтологически – «состязание для состязания». Это замкнутый на себя процесс, в нем нет диалектической борьбы противоположностей, поскольку состязательность в нем – *самоцель*, а не необходимое средство для достижения высокой объективно-истинной цели.

Согласно диалектике недопустимо стирать различие между целью и средствами, ведь они различны, как противоположности. Однако в состязательном процессе подобное происходит – цель отождествляется, сливается со средствами. Обращает на себя внимание тот факт, что статья 6 УПК РФ – назначение уголовного судопроизводства, то есть его цель – находится в главе 2 «Принципы уголовного судопроизводства». Тем самым цель возведена законодателем в принцип. А что такое принципы? Это средства, а основополагающий среди них – принцип состязательности, составляющий концепцию всего современного УПК РФ. В результате все подчинено самодостаточной, самоценной состязательности: и цель, и принципы, и правовые институты, включая и институт прав личности. Все реализуется в рамках состязательности и не выходит за ее пределы, границы. В результате получается тавтологический подход – «состязание для состязания», присущий состязательному УПК РФ. Словом, это процесс, замкнутый на себя. Вряд ли это научно. Ведь тавтология – это не диалектика.

¹ Краткий очерк истории философии / Под ред. М.Т. Новчука и др. 4-е изд. М.: Мысль, 1981. С. 68.

В состязательном уголовном процессе есть *индивидуальная защита* прав личности, «личный момент», но нет необходимой действенной государственной защиты прав и свобод личности, поскольку государство в лице дознавателя, следователя и прокурора всего лишь сторона в процессе – сторона обвинения, на равных борющаяся со стороной защиты за выигрыш дела в свою пользу. Причем, если сторона не выигрывает процесс (дело), то она его проигрывает. Состязательно-выигрышный интерес движет сторонами. Поэтому защита прав личности со стороны государства в состязательном процессе возможна лишь формальная, а не по существу. «Закон дает человеку права, но реализовать он вправе их сам. Иными словами, государственные органы обязаны только создать условия для реализации гражданином своих процессуальных прав и защиты своих интересов. Однако реальное выполнение этих прав зависит от самого управомоченного лица (физического или юридического). Каждый вправе сам заботиться о себе (ст. 45 Конституции)»¹. Однако «личной защиты» явно недостаточно для полновесной защиты прав и законных интересов личности в уголовном процессе. В.П. Божьев справедливо отмечает, что гражданин «не может самостоятельно реализовать свои права без участия в этом государственного органа»². Но действительное участие государственных органов в защите прав личности в уголовном процессе возможно, как представляется, если, скажем, следователь как представитель государства в своей процессуальной деятельности возвышается над чистой состязательностью, а не замыкается в ней, исходит из необходимости исследовать фактические обстоятельства дела всесторонне, полно и объективно, а не из сугубо состязательно-выигрышного интереса, не из обвинительно-изобличительной предвзятости в интересах победы над своим процессуальным противником, что, с нашей точки зрения, возможно лишь в объективно-истинной модели уголовного процесса, но не в состязательной. Состязательный уголовный процесс исходит из силы сторон: кто сильнее, тот и прав, реализуется «право сильного», а не правого.

¹ Уголовный процесс России: Учебник / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва; Науч. ред. В.Т. Томин. Москва: Юрайт-Издат, 2003. С. 87

² Божьев В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М.: Юридическая литература, 1975. С. 31

Следует четко различать объективно-истинную и состязательно-выигрышную защиту прав личности. В состязательном (выигрышно-проигрышном) процессе личность поставлена в непосредственную прямую зависимость от силы сторон: неправый может выиграть процесс (дело), а правый – проиграть. Для состязательного уголовного процесса все относительно, а личность в нем лишь относительная, а не абсолютная ценность.

Либеральный состязательный УПК РФ в своей основе направлен не на борьбу с преступностью, установление объективной истины по уголовным делам, а на разрешение правового спора (конфликта) между равноправными сторонами – государством и личностью перед судом, призванным определить победителя поединка. А ведь это совершенно разные вещи. При таком чисто состязательном построении уголовного судопроизводства процессуальная форма выступает «самостоятельной социальной ценностью»¹ и имеет явный приоритет над фактическим содержанием – «приоритет установленной законом процедуры судопроизводства по сравнению с задачей установления фактических обстоятельств дела»².

Другими словами, состязательный УПК РФ исходит из приоритета юридической (формальной) истины над объективной истиной, приоритета самоценной процессуальной формы над конечной целью процесса. Как подчеркнула И.Б. Михайловская, «социальное назначение системы уголовной юстиции заключается в разрешении конфликтов между личностью и государственной властью с наименьшими негативными последствиями для общества»³. При таком подходе «приоритет защиты личности от необоснованного осуждения, а также самоценность процессуальной формы (т.е. требования соблюдать нормы уголовно-процессуального закона) выступают ограничителем средств и способов раскрытия преступления и осуждения лица, виновного в его совершении»⁴.

Отсюда выходит, что весь уголовный процесс – это система гарантий личности (обвиняемого) от произвола государства и это

¹ Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. С.20.

² Там же. С. 8-9.

³ Там же. С. 14

⁴ Там же. С. 16

главнее, чем борьба с преступностью. Иначе говоря, приоритет процессуальных гарантий (процессуальной формы) над конечной целью – достоверным, объективно-истинным раскрытием преступлений. Что означает такой подход с позиции диалектики? Если диалектика, как научный метод, исходит из гармонии во взаимосвязи процессуальной формы и фактического содержания, то состязательный УПК РФ, вопреки этому, устанавливает приоритет формы над фактическим содержанием, конечной целью. В результате, оторванная от реального, фактического содержания процессуальная форма приобретает самодовлеющее значение («самодовлеющая величина»). Такое положение можно охарактеризовать так: процедура выше искомой истины по делу. Правильно ли это? Утверждение, что процессуальная форма в состязательном процессе самостоятельна, независима – это иллюзия. На самом деле, она зависит от силы сторон, зависит от искомого подхода (кто сильнее, тот и прав) и реализует в процессуальных формах такой подход. То есть процессуальная форма в состязательном уголовном процессе также осознательствована, как и все в нем. А при состязательной конструкции процесса, как уже отмечалось, в действительности виновный может выиграть поединок сторон, а в действительности невиновный – проиграть. И именно процессуальная форма в современном УПК РФ создает состязательную конструкцию процесса, благодаря которой устанавливается вероятная формально-юридическая истина (истина победителя состязания сторон).

Если диалектика обязательно предполагает систему: и средство (процессуальная форма, процедура), и цель, то в состязательном УПК РФ все сводится к одной процессуальной форме – форма самоценна, она – самоцель. Выходит, процедура – всё, конечная цель – ничто. Как отмечено в юридической литературе: «Истинными» должны быть порядок, форма, процедура судебного познания, а не цель, результат. Суду надо стремиться не к тому, чтобы познать «объективную истину», а соблюсти справедливый порядок судебного процесса, это стабилизирует»¹.

¹ Александров А.С., Терехин В.В. Пять тезисов из манифеста критических правовых исследований русского уголовно-процессуального права // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2015. № 1 (26). С. 13

Вопреки требованиям диалектики, состязательный уголовный процесс допускает стирание различий между противоположностями: целью и средствами, формой и содержанием, вероятностью и достоверностью, неотвратимостью ответственности и безнаказанностью и др. Однако уголовный процесс, не учитывающий диалектических закономерностей, с нашей точки зрения, утрачивает свою самостоятельность, он уязвим, ущербен, необъективен, ненаучен.

Диалектика неразрывно связана с объективной истиной и, соответственно, наоборот. Поэтому для нас объективно-истинная модель уголовного процесса – это более высокий вид процесса, чем состязательный (выигрышно-проигрышный) процесс.

Стешич Елена Сергеевна,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Ростовского юридического института МВД России,
вице-президент Российской криминологической ассоциации
имени А.И. Долговой, руководитель филиала
Союза криминалистов и криминологов

**Культурологические аспекты
уголовно-правового предупреждения половых девиаций,
связанных с понуждением и домогательством (харассментом)**

В современном обществе, названном в гуманитарных науках обществом постмодерна, с доминированием массовых телекоммуникаций, доступностью информации, растущим вниманием к гражданским правам и равным возможностям, учёными констатируется усложнение динамики общественных процессов, обесценивание прежних норм, рождение новых, их наложение друг на друга. Отношения в нем постоянно усложняются, при этом наблюдается «текучесть морали», то, что было нормой, превращается в патологию и наоборот. Изменявшаяся с течением времени морально-нравственная оценка половых отношений вне брака, оценка нетрадиционных форм половых отношений на различных

этапах развития, существенным образом повлияли на государственно-правовые методы регулирования половой свободы и половой неприкосновенности личности¹.

В нашей стране особенно стремительная трансформация морали в области интимных отношений произошла за последние 20–25 лет. Данному процессу в значительной мере способствовали открывшиеся возможности познания той части европейской культуры, которая ранее считалась закрытой для публичных дискуссий и исследований.

В советский период, как известно, сексуальность практически не изучалась, а тема, например, гомосексуальности, если и затрагивалась, то исключительно с точки зрения психиатрии, медицины и преступного поведения. Так, объектом мужеложства в учебниках по уголовному праву назывались моральные принципы социалистического общества в области половых отношений, которые грубо нарушаются противоестественным деянием, вызывающим глубокое общественное возмущение. Половое сношение, как указывалось в юридической литературе, возможно по самой природе человека только между людьми разного пола².

Надо сказать, что по мнению ученых не так давно ушедшей эпохи, уголовно-правовой запрет добровольного мужеложства, существующий с 1934 г. по 1993 г., имел профилактический потенциал в отношении тех видов отклоняющегося поведения, которые

¹ См., например: Форель В. Половая жизнь и право. М., 1907; Фукс И.Б. Гомосексуализм как преступление. СПб., 1914; Пятницкий Б.И. Половые извращения и уголовное право. Могилев, 1910; Внуков и Эдельштейн. Правонарушения в области сексуальных отношений. М., 1927; Карпец И.И. Уголовное право и этика. М., 1985; Бибик О.Н. Культурное измерение уголовно-правовых и криминологических исследований: теоретические и практические аспекты. М.: Юрлитинформ, 2017; Бойко А.И. Нравственно-религиозные основы уголовного права. М., 2010; Наумов А.В. Идеологические основы уголовного закона // Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью: сб. науч. трудов. Саратов, 2008; Тасаков С.В. Нравственные основы уголовно-правовых норм, направленных на охрану личности, ее прав, свобод и законных интересов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2010; Симоненко А.В. Криминологические проблемы воспитания и его роль в предупреждении преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005; Корецкий Д.А. Терминологические новеллы "новой нормальности" и их юридические последствия // Уральский журнал правовых исследований (Уральский гос. юридич. ун-т) № 4 (11). 2020. С. 123-131.

² Советское уголовное право. Особ часть / ред. Г.А. Кригер. М., МГУ им. М.В. Ломоносова, 1982. С. 178.

связаны с тяжкими насильственными преступлениями на сексуальной почве. Но он противоречил Всеобщей декларации прав человека и, по мере интеграции нашей страны в европейское сообщество, был отменен. Фактически одновременно европейские стандарты привели к криминализации понуждения к действиям сексуального характера в отношении мужчин, что было не характерно для отечественного уголовного права, направленного на охрану главным образом половой свободы женщин и несовершеннолетних, как наиболее уязвимой части социума.

Закономерным следствием новой (постмодернистской) парадигмы, сопровождающейся толерантностью к гомосексуальности (или открытым принятием её), изучением феномена «третьего пола», стало формирование «гендерного дисплея», «перформанса», при которых индивид в разных ситуациях и с разными партнерами «разыгрывает» разную маскулинность. Естественно, свобода сексуальных нравов, тем самым расширяется.

Так, на сегодняшний день почти в 70-ти странах мира в той или иной форме признаются однополые союзы (регистрация брака или так называемых «стабильных пар», «социальных партнерств», «юридически весомых отношений» и пр.). При этом почти во всех этих странах разрешается усыновление (удочерение) детей¹. Не умаляя личных прав и свобод взрослого человека, между тем очевидно, что смена традиционных семейных ценностей отражается в первую очередь на воспитании и социальной адаптации несовершеннолетних, то есть жизни целого поколения. Многократно установлено, что усвоенные в детско-юношеском возрасте стереотипы маскулинности сохраняются в сознании многих взрослых мужчин и женщин².

На этой глобальной социокультурной платформе рождаются новые вопросы формирования государственной политики в области разрешенного и запретного в половой сфере, характера свободы действий сексуального характера и степени общественной

¹ Исаева А. Легализация однополых союзов: конституционно-правовой обзор // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. №2 (135). С. 72–87.

² См., например: Фундаментальная социология: в 15 т. Т.10: Гендер. Семья. Родство / Добренков В.И., Кравченко А.И. М.: ИНФРА-М, 2006 и др.

опасности таких девиаций как понуждение к действиям сексуального характера и сопутствующих ему актов – сексуальных домогательств.

Одновременно следует отметить, что для преступности в целом и для той ее части, которая связана с покушением на половую свободу и половую неприкосновенность личности, характерно появление новых, не встречающихся ранее признаков. Формируются такие настораживающие тенденции, как рост удельного веса малолетних потерпевших, испытывающих сексуальное насилие, в том числе, в родной семье, а также виртуализация угроз, направляемых против потерпевших от исследуемых преступлений¹.

Изучение современной преступности приводит некоторых авторов к выводу о том, что в отечественном уголовном законодательстве по сравнению с опытом зарубежных государств, реализован самый узкий подход к регламентации ответственности за половые преступления, что оставляет без адекватной уголовно-правовой оценки ряд проявлений сексуального понуждения, обладающих криминальной общественной опасностью. Указывается на потребность в расширении сферы уголовно-правовой охраны половой свободы и неприкосновенности. В частности, предлагается криминализовать в рамках ст. 133 УК РФ *сексуальные домогательства*, то есть совершение развратных действий вопреки воле и согласию потерпевшего, в том числе с применением психического насилия².

Между тем, предложение по криминализации сексуального домогательства (в т.ч. харассмента) не отвечает генезису уголовно-правового регулирования, а именно: социальной потребно-

¹ См., например: Клейменов И.М. Сексуальное домогательство: криминологический и уголовно-правовой аспекты // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2019. №32; Соловьев В.С. Криминологические риски цифросексуализма // Вестник Российской правовой академии. 2020. № 3. С. 47-56; Грибанов Е.В. Перспективные направления развития кибертехнологий предупреждения преступлений // Общество и право. 2021. № 4 (78). С. 21-27; Вишневецкий К.В. Детерминанты сексуального насилия и меры по его нейтрализации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 5. С. 109-112; Ильницкий А.С. Противодействие криминальной идеологии в сети Интернет: автореф. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2022.

² Конорезов Н.А. Понуждение к действиям сексуального характера: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации. Дисс... канд. юр. наук. Краснодар, 2022. С. 3 – 4, 13, 36 – 49, 137 – 140.

сти в запрещенности сексуального домогательства именно нормами уголовного права. Не следует забывать, что уголовное право является заключительным (последним) аргументом государства в борьбе с антиобщественным поведением.

Навязчивые акты сексуального характера по праву воспринимаются широкой общественностью крайне неприятными и оскорбительными, они, безусловно, порицаемы моралью. И не только моралью. Наказание может выражаться, в том числе, применением мер дисциплинарного характера вплоть до увольнения, что вытекает из кодексов этики, принимаемых многими государственными ведомствами. Жертвы сексуальных оскорблений имеют возможность компенсировать причинённый им моральный вред, что широко распространено и за рубежом.

Таким образом, механизмы общепрофилактической и специальной направленности по предупреждению домогательств сексуального характера в нашей стране существуют, но ими, в силу разных причин, в том числе аморального поведения самого потерпевшего, слабо пользуются. Следует признать существование организационно-правовых проблем правоохранительных органов по доказыванию сообщений о половых преступлениях, что, однако, социальную сущность деяний и степень их общественной опасности изменить не может. Зарубежный опыт противодействия сексуальным домогательствам на фоне систематических громких сексуальных скандалов («Вестминстерский» (2017 г.), дело Харви Вайнштейна и др.) является слабым аргументом в пользу эффективности борьбы с социальными девиациями уголовно-правовыми средствами, тем более, что в отечественной практике они не только не прижились, но и активно отвергались.

Встречаются суждения о необходимости уточнения уголовно-правовой характеристики субъективной стороны состава понуждения к действиям сексуального характера, а именно, указывается, что для привлечения лица к уголовной ответственности требуется обязательное установление не только вины в форме прямого умысла, но и *специальной цели – совершения действий сексуального характера*. Считается, что признание указанной цели в качестве обязательного признака состава понуждения, ограничит сферу действия ст. 133 УК РФ, исключит возможность ее расширительного толкования и применения к лицам, понуждающим к

действиям сексуального характера в целях издевательства, запугивания, буллинга, поскольку общественная опасность подобных действий заключается не в посягательстве на половую свободу или неприкосновенность, а в нарушении чести и достоинства личности, личной свободы как таковой¹.

Данное предложение представляется не вполне обоснованным с точки зрения криминологических основ уголовного права. Во-первых, оно не подкрепляется репрезентативным эмпирическим исследованием, которым был бы установлен удельный вес привлеченных к уголовной ответственности за понуждение без цели дальнейших сексуальных взаимоотношений. Да и вряд ли, учитывая формальную конструкцию состава, можно определить истинные намерения подозреваемого, как правило, отрицающего умысел на получение сексуального удовлетворения. Во-вторых, общественная опасность данных действий заключается именно в угрозе нежелательных потерпевшему сексуальных актов, при этом жертве относительно безразличны истинные цели виновного, а к нравственным страданиям приводит сам факт выдвигания требований. Практика свидетельствует о том, что сексуальный контакт (особенно при мужеложстве, о чем свидетельствует судебная практика) выступает не столько целью, сколько способом именно издевательства, унижения, управления поведением жертвы в дальнейшем, то есть законодатель справедливо указывает на два объекта посягательства (основной и дополнительный) – половую свободу, а также достоинство личности. Прекращение уголовного преследования при неустановленной цели получения услуг сексуального характера в данном случае, безусловно, будет способствовать ущемлению прав потерпевших в угоду интересам подозреваемых лиц.

Трудно также согласиться с утверждением о том, что статья 133 УК РФ в действующей редакции не предусматривает ответственность за фактическое совершение действий сексуального характера с жертвой, в отношении которой совершено понуждение, игнорирует повышенную общественную опасность результативного понуждения, которая существенно возрастает за счет причи-

¹ Конорезов Н.А. Указ. соч. С. 11, 72-80.

нения реального вреда половой свободе и половой неприкосновенности личности, в связи с чем предлагается предусмотреть результативное понуждение к сексуальным действиям в качестве отягчающего уголовную ответственность признака. Как правило, аргументация предложения связана с опросом экспертов, большая часть из которых усматривает в результативном понуждении повышенную степень общественной опасности в сравнении с собственно понуждением. Между тем, перед респондентами не ставится вопрос *о справедливости* уголовно-правовых санкций ст. 133 УК РФ, в частности, наказания в виде лишения свободы, которая относительно определена, то есть имеет «амплитуду», позволяющую индивидуализировать назначаемое наказание¹.

Заметим, что по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2021 году по ч. 1 ст. 133 УК РФ было осуждено 11, а по ч. 2 – 38 человек, из них к лишению свободы соответственно – 27 % (3 человека) и 53 % (20 человек); по ч. 1 ст. 133 УК РФ в отношении 36,4 % (4 человека) и по ч. 2 ст. 136 УК РФ в отношении 5,2 % (2 человека) применен судебный штраф как мера уголовно-правового характера (ст. 104⁴ УК РФ). В отношении остальных около 40 % осуждённых по каждой части ст. 133 УК РФ применены наказания, не связанные с лишением свободы.

Таким образом, имеющийся потенциал санкций ч. 1, 2 ст. 133 УК РФ позволяет судам назначать справедливое наказание с учётом фактических обстоятельств дела, в том числе учитывать наступившие последствия. При этом усиление наказания за результативное понуждение само по себе не может способствовать обеспечению неотвратимости уголовной ответственности и защите жертв преступлений.

¹ Конорезов Н.А. Указ. соч. С. 12, 100.

Цоколова Ольга Игоревна,
доктор юридических наук, профессор,
первый заместитель начальника
Всероссийского научно-исследовательского
института МВД России

**Уголовный проступок как перспективное направление
уголовной и уголовно-процессуальной политики
(тезисы доклада)**

В уголовно-правовой науке периодически возникает интерес к уголовному проступку как новой уголовно-правовой категории.

5 апреля 2017 года в Совете Федерации широко обсуждалась Дорожная карта уголовной политики 2017 - 2025 под эгидой Центра стратегических исследований, одной из основных составляющих которой был обозначен уголовный проступок. К уголовным проступкам предложено было отнести все преступления небольшой тяжести, средней тяжести, при условии снижения их пенализации до уровня преступлений небольшой тяжести; все составы с административной преюдицией; все административные правонарушения, влекущие в качестве меры наказания арест. Предлагалось также не только исключить судимость, но и «устранить неуголовные следствия привлечения к ответственности за уголовный проступок, включая, но не ограничиваясь невключением осужденного за уголовный проступок в учетно-статистические сведения по базам МВД. Авторы предлагали создать Кодекс уголовных проступков, признавая, что это разрушит систему КоАП РФ. Досудебное уголовное судопроизводство, состав участников процесса, правила доказывания оставались прежними, какого-либо упрощения не предполагалось.

Верховный суд РФ в марте 2017 года провел Международную конференцию, основным направлением обсуждения на которой был уголовный проступок. По результатам был подготовлен проект федерального закона, создана рабочая группа для обсуждения проекта. Обсуждение проходило в режиме дискуссии. Верховный Суд РФ издал Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 42 от 31 октября 2017 г. «О внесении проекта федерального за-

кона в связи с введением понятия уголовного проступка». Основная идея законопроекта – уголовным проступком признается преступление небольшой тяжести, за которое не предусмотрено наказание в виде лишения свободы. Уголовный проступок влечет новые основания освобождения от уголовной ответственности, и применение новых дополнительных иных мер уголовной ответственности. Однозначной поддержки законопроект не находил, вызывал много споров как среди ученых, так и правоприменителей.

Наконец, в 2021 году проект федерального закона № 1112019-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 15.02.2021) был внесен Верховным Судом РФ в Государственную Думу.

В соответствии с официальным отзывом Правительства РФ от 10.02.2021 № 1121п-П4 на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка», проект поддержан с учетом замечаний, и сделан вывод: законопроект требует доработки с учетом замечаний. На 1-е чтение в Государственной Думе законопроект на текущий момент не выносился.

Не ставим здесь задачу обсуждения вышеназванного законопроекта. Идея, направленная на гуманизацию уголовного законодательства и уменьшение количества лиц, имеющих судимость за преступления, не обладающие высокой общественной опасностью, является актуальной и заслуживает внимания.

Вместе с тем на уголовный проступок как новеллу необходимо смотреть не только с уголовно-правовых, но и с процессуальных позиций. И с точки зрения процессуалистов идея уголовного проступка представляется перспективной. В этом отношении конструктивный подход к проблеме следует отметить у Б.Я. Гаврилова, Н.А. Колоколова.

Современные реалии требуют и современного подхода к уголовному судопроизводству, и хотя бы некоторого соответствия между ущербом от совершенного преступления и затратами на разбирательство.

За последнее десятилетие становится все более актуальным вопрос об упрощении уголовного судопроизводства. Необходимость и безотлагательность реагирования на правонарушения, миграция населения с увеличением количества иностранных граждан и российских, совершающих преступления не по месту жительства, появление новых возможностей очень убедительной фиксации фактов требуют принципиально новых подходов к системе уголовного судопроизводства. Именно поэтому уголовный проступок надо рассматривать не только с позиций гуманизации уголовного законодательства, но и с позиций упрощения уголовного судопроизводства.

Высказываются предложения о том, что есть и более простые подходы, чем введение в право новой категории – уголовный проступок, а именно, «понизить» некоторые преступления до административных нарушений. Однако при этом не надо забывать, что административный процесс имеет тенденцию к усложнению и увеличению сроков.

Так или иначе, упрощение назрело, за длительным и масштабным досудебным производством с завышенными стандартами доказывания, проведением огромного комплекса следственных действий, несопоставимым характером трудозатрат органов расследования и финансовых расходов госбюджета с совершенным преступлением утрачивается смысл и справедливость. Именно поэтому категория «уголовный проступок» имеет право на жизнь при обязательном комплексе новелл в уголовном, административном праве, уголовном и административном процессе.

Определяя понятие уголовного проступка, необходимо исходить из признаков деяния, а не из вида и размера уголовного наказания. Целый ряд преступлений отличаются от административных нарушений лишь по количественным признакам. Именно такие незначительные отличия и затягивают сроки принятия решения на стадии возбуждения уголовного дела. Многие статьи КоАП РФ отличаются от смежных статей УК РФ лишь по количественным параметрам или одному признаку, что в ряде случаев приводит к конкуренции норм.

С другой стороны, административное производство все более усложняется, административное расследование по длительности приближается к срокам дознания. Если презумпция невиновности

была принадлежностью уголовного процесса, то в современном административном праве она также присутствует.

Таким образом, уголовный проступок надо рассматривать как деяние, занимающее место между административным правонарушением и преступлением, ряд составов преступлений и административных правонарушений должно быть соединено и сформулированы составы уголовных проступков. Деяния должны быть четко перечислены, как это сделано в КоАП РФ и в УК РФ.

Основным результатом должно стать упрощение уголовного судопроизводства. Расследование уголовных дел в настоящее время превращается в многотомное делопроизводство. Пределы доказывания становятся безграничными. Вместе с тем, по многим преступлениям, обстоятельства которых очевидны, не требуется длительное расследование, надо рассматривать дело в суде и назначать наказание. Упрощение производства крайне необходимо, сейчас за выполнением требований УПК РФ теряется смысл уголовного судопроизводства – раскрытие преступления и изобличение виновного лица.

Уголовный проступок при очевидном характере деяния должен рассматриваться:

в суде без какого-либо предварительного расследования, при кратком сборе материалов и широком использовании видеозаписи, электронных документов и иных современных средств доказывания;

должен быть четко определен предмет доказывания и ограничены пределы доказывания;

среди принципов должен быть принцип доверия к органу уголовного судопроизводства, иначе нельзя ограничить пределы доказывания;

дела об уголовных проступках должны в основном носить характер частного обвинения, при котором производство начинается в мировом суде по заявлению потерпевшего, либо органа, выявившего преступление;

допустимо: применение задержания на срок до 48 часов, доставления, которое предусмотрено в настоящее время в административном процессе как обеспечительная мера; вытрезвление, поскольку проблема имеет место; обязательство о явке; процессуаль-

ный денежный штраф за неявку или иные процессуальные нарушения, например, за непредоставление доказательств; однако в целом процессуальная система мер принуждения к уголовным проступкам неприменима.

Таким образом, Кодекс уголовных проступков, соединяющий как материальную так и процессуальную часть может быть средством эффективной реформы уголовной политики. Однако этот проект требует серьезной обстоятельной проработки с позиций разных правовых отраслей: уголовного, уголовно-процессуального, административного права и процесса. Само по себе добавление категории уголовного проступка ни к чему не приведет, лишь осложнит правоприменение.

Предложения носят тезисный характер, автор планирует рассматривать данную тему более подробно в дальнейших научных публикациях.

Шкаплеров Юрий Павлович,
кандидат юридических наук, доцент,
первый заместитель начальника
Могилевского института МВД Республики Беларусь

**Об одной исторической закономерности
в статистике применения мер пресечения
в Республике Беларусь**

Достижение задач уголовного процесса невозможно без применения мер процессуального принуждения в целом и мер пресечения в частности. Именно поэтому во всех уголовно-процессуальных законах, действовавших на белорусских территориях, начиная со Статутов Великого княжества Литовского имелись положения, посвященные их регламентации. Согласно ст. 166 УПК Республики Беларусь к числу мер пресечения в первые годы действия данного нормативного правового акта относились: подписка о невыезде и надлежащем поведении; личное поручительство; передача лица, на которое распространяется статус военнослужа-

щего, под наблюдение командования воинской части; отдача несовершеннолетнего под присмотр; залог; домашний арест; заключение под стражу.

Большинство из названных мер были известны предыдущему УПК БССР 1960 г. Однако, современным законодателем вновь введены подзабытые со времен отмены УПК БССР 1923 г. залог и домашний арест, которые должны были выступать в качестве альтернативы заключению под стражу, но этого не произошло. Так, изначально после своего появления залог и домашний арест вплоть до 2005 г. в общей структуре применяемых мер пресечения составляли всего лишь около 3 %. В последующем, несмотря на постоянное давление на следователей руководством республики и Следственного комитета эта цифра, наоборот, только уменьшилась: на общем фоне применяемых мер пресечения домашний арест составляет примерно 1 %, а залог – 0,3 %. При этом доля мер пресечения, альтернативных заключению под стражу (23,9%) и подписке о невыезде и надлежащем поведении (71,5%), составляет всего 4,6%.

Приведенная статистика имеет место даже несмотря то, что белорусский законодатель учитывает критику нормативного регулирования залога и домашнего ареста и регулярно вносит соответствующие корректировки в УПК. Например, первоначально минимальная сумма залога согласно ст. 124 УПК Республики Беларусь составляла 500 минимальных зарплат, т. е. внушительную сумму, не подъемную для немалой части населения. Законом от 20 декабря 2007 г. названная сумма снижалась до ста базовых величин. А в 2015 г. предмет залога расширился за счет включения в него ценных бумаг, ценностей, ничем не обремененных и не исключенных из гражданского оборота, иного движимого и недвижимого имущества, принадлежащих залогодателю на праве частной собственности. Позднее, в 2021 г. размер залога вновь был понижен, а также появилась возможность применения данной меры пресечения в отношении несовершеннолетних.

Видимо понимая, что только корректировками ст. 124 и 125 УПК Беларуси тенденцию применения мер пресечения изменить не получится, законодатель 6 января 2021 г. дополнил УПК новой ст. 1231 «Запрет определенных действий», определявшей порядок реализации новой меры пресечения, состоявшей в возложении на

подозреваемого или обвиняемого обязанности по соблюдению одного или нескольких запретов, а именно:

1) находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них;

2) пребывать в общем с потерпевшим жилым помещении и распоряжаться общей совместной собственностью (для подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления в отношении члена семьи);

3) общаться с определенными лицами;

4) отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;

5) использовать средства связи и глобальную компьютерную сеть Интернет;

6) управлять транспортным средством (если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств).

Тем самым была предпринята попытка создания альтернативы домашнему аресту, т. к. до указанных дополнений уголовно-процессуального закона подобные запреты (выхода из жилища полностью или в определенное время; телефонных переговоров, отправления корреспонденции и использования средств связи; общения с определенными лицами и принятия кого бы то ни было у себя) являлись только составной частью данной меры пресечения. В то же время согласно ст. 75 УК Республики Беларусь при постановлении приговора судом два дня домашнего ареста засчитываются за один день ареста, направления в дисциплинарную воинскую часть или лишения свободы, что, при очевидной мягкости данной меры пресечения, представляется не вполне справедливым.

Необходимо акцентировать внимание на том обстоятельстве, что частота применения домашнего ареста, известного еще со времен Свода законов Российской империи, и залога, появившегося в уголовно-процессуальном законодательстве с принятием Устава уголовного судопроизводства 1864 г., была низкой в течение всего времени существования названных мер пресечения. К примеру, в конце XIX ст. в силу проблематичности реализации на практике залог применялся только лишь по 1,7 % уголовных дел, а домашний арест – всего по 0,003% дел.

После Октябрьской революции 1917 г. в первом советском УПК РСФСР, действовавшем и на территории БССР, залог и домашний арест изначально сохранили свое место среди мер пресечения. Однако, позднее положения, регламентировавшие залог, были исключены из редакции УПК БССР 1927 г. В свою очередь, домашний арест в названный период обычно применялся крайне редко и только к лицам офицерского состава, а также в случае болезни обвиняемого, т.к. его считали неэффективным.

Таким образом все сказанное свидетельствует о том, что одним из основополагающих критериев распространения на практике той или иной меры пресечения выступает ее эффективность, определяемая с точки зрения должностных лиц органов уголовного преследования, а очевидная «комфортность» залога и домашнего ареста для подозреваемого и обвиняемого отходит на второй план. Обозначенный тренд прослеживался как в монархической Российской империи, так в социалистической Белоруссии и в современной Республике Беларусь. Активные попытки законодателя ввести залог и домашний арест в уголовно-процессуальный закон, а также оптимизировать их применение очевидного эффекта не давали и не дают. Результатом чего и стало дополнение УПК Республики Беларусь ст. 1231. Представляется, что изложенные суждения следует учитывать как законодателю, так и руководству белорусских органов, ведущих досудебное производство.

Яковлева Лариса Владимировна,
доктор юридических наук, доцент,
главный научный сотрудник
научно-исследовательского центра № 5
по исследованию проблем расследования преступлений
Всероссийского научно-исследовательского
института МВД России

От занятия запрещенными промыслами к незаконному предпринимательству: история вопроса

Экономический фундамент является основой государства, поэтому отношения в сфере экономической деятельности в той или иной степени регулируются в любом обществе. Подлежат они

охране и уголовно-правовыми средствами. Во времена СССР труд рассматривался не только как право, но и как почетная обязанность любого трудоспособного лица. В современном российском обществе гарантируется право на труд при невозможности принуждения к нему. Однако, как ранее, так и в настоящее время, «отдельные виды деятельности граждан государство запрещает под угрозой применения уголовного наказания. Это такие виды деятельности, которые хотя и связаны с созданием товарно-материальных ценностей, но тем не менее причиняют ущерб обществу»¹.

Данные обстоятельства позволяют выявить преемственность в регламентации ответственности за отдельные посягательства на экономические отношения по Уголовному кодексу Российской Советской Федеративной Социалистической Республики² (далее – УК РСФСР) и Уголовному кодексу Российской Федерации³ (далее – УК РФ). В частности, не столь сложно установить, что правовому регулированию ответственности за незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ) в УК РФ предшествовало наличие уголовно-правового запрета за занятие запрещенным промыслом (ст. 162 УК РСФСР), размещавшегося в главе 6 «Хозяйственные преступления».

Первоначальная редакция УК РСФСР содержала ст. 153 «Частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество», утратившую силу только в 1991 г.⁴. В названии этой статьи непосредственно использовался термин «предпринимательская деятельность» в сочетании с указанием на субъектов ее осуществления – частных лиц. В Советском Союзе такого рода деятельность могла осуществляться только физическими лицами, поскольку экономическую основу СССР составляла социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на

¹ Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Т. 4 / Отв. ред.: Беляев Н.А. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. С. 140.

² Принят третьей сессией Верховного Совета РСФСР 27.10.1960 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591. Утратил силу в связи с принятием УК РФ на основании Федерального закона Российской Федерации от 13.06.96 № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2955.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁴ Закон РСФСР от 05.12.91 № 1982-1 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1867.

средства производства. Однако данную статью нельзя признать схожей с ст. 171 УК РФ.

По справедливому замечанию ученых, занимавшихся разработкой проблем установления уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности в УК РСФСР, преступную частнопредпринимательскую деятельность предлагалось рассматривать в широком понимании и в узком. К первой причисляли те составы хозяйственных преступлений, которые были «связаны с различного рода незаконным занятием с целью получения доходов: спекуляцию (ст. 154 УК РСФСР), коммерческое посредничество (ст. 153, ч. II УК РСФСР), занятие запрещенным промыслом (ст. 162 УК РСФСР)...»¹. Часть 1 ст. 153 УК РСФСР относили к видам частнопредпринимательской деятельности в узком смысле. Данной нормой охватывались только такие незаконные действия лица, которые совершались с использованием государственных, кооперативных или иных общественных форм или с прикрытием ими (например, незаконное выполнение на государственном предприятии заказов частных лиц, продажа через государственные или общественные торговые предприятия продукции своей выработки и пр.).

Законодатель не связывал «уголовную ответственность за занятие частнопредпринимательской деятельностью с ее проникновением в какую-либо одну отрасль народного хозяйства, определенную законом. Принципиальное значение имеет признание частнопредпринимательской деятельности уголовно наказуемой независимо от того, какую именно государственную, кооперативную или иную общественную форму использовали виновные»². Субъектами этого преступления являлись, как правило, зубные техники, фотографы, часовые мастера и пр.³.

¹ Лысков К.И. Объективная сторона частнопредпринимательской деятельности // Вопросы предупреждения преступности. Томск: Изд-во Томск. ун-та. 1967. С. 62.

² Гельфанд И.А. О составе преступления «занятие частнопредпринимательской деятельностью» // Материалы итоговой научно-теоретической конференции (тезисы докладов и научных сообщений). Киев: ВШ МООН УССР. 1966. С. 103.

³ Андреева Л.Л. Замечания к комментарию ст. ст. 8, 94, 153 и 170 УК РСФСР // Проблемы советского уголовного права // Материалы обсуждения теоретических вопросов советского уголовного права и Комментария УК РСФСР 1971 года. М.: ВИИПиРМП. 1973. С. 32.

Составы, закреплявшиеся в ст. 153 УК РСФСР и ст. 162 УК РСФСР, являлись смежными. В некоторых случаях лицо, изначально занимавшееся запрещенным промыслом, впоследствии переходило к частнопредпринимательской деятельности (например, Ш., изготавливавший на дому без соответствующего разрешения зеркала, в дальнейшем стал использовать государственную мастерскую по изготовлению зеркал, и в результате он был осужден по совокупности указанных статей)¹.

Статья 162 УК РСФСР отличалась и от ряда других статей этого же кодифицированного правового акта, в которых устанавливалась уголовная ответственность за совершение деяний в виде промысла. К ним относились спекуляция (ст. 154 УК РСФСР), изготовление или сбыт в виде промысла поддельных билетов или иных документов на проезд пассажиров или провоз грузов (ч. 2 ст. 159 УК РСФСР), незаконное занятие рыбным и другими водными добывающими промыслами (ст. 163 УК РСФСР), незаконный промысел котиков и бобров (ст. 164 УК РСФСР), незаконная порубка леса (ст. 169 УК РСФСР), приобретение имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 208 УК РСФСР). Большинство из этих деяний также относились к хозяйственным преступлениям, кроме ст. 208 УК РСФСР, включавшейся в главу 10 «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения» УК РСФСР. Однако объективная сторона большинства составов преступлений перечисленных статей не охватывала действия, связанные с производством каких-либо товаров (за исключением ч. 2 ст. 159 УК РСФСР, ответственность по которой наступала в том числе за изготовление поддельных билетов или иных документов на проезд пассажиров или провоз грузов). По объективной стороне в случаях производства каких-либо товаров в результате занятия запрещенными промыслами и при изготовлении поддельных билетов (или иных проездных документов) деяния, предусмотренные ст. 162 УК РСФСР и ч. 2 ст. 159 УК РСФСР, практически совпадают. Различаются они предметом преступления. По ст. 162 УК РСФСР привлекались лица, которые не имели право производить определенные изделия. Проездные документы не входили в число этих изделий, они составляли предмет преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159 УК РСФСР.

¹ Лысков К.И. Указ. соч. С. 68.

Вместе с тем во всех перечисленных статьях термин «промысел» использовался разных значениях. В преступлениях, посягавших на экологию (за исключением ст. 169 УК РСФСР), а также в ст. 162 УК РСФСР, он использовался в ином значении, чем в ст. ст. 159, 169, 208 УК РСФСР. В деяниях, направленных против элементов природной среды, как и при занятии запрещенными промыслами, термин «промысел» употреблялся в своем основном значении – как добыча тех объектов природного мира, которые являлись предметом данных преступлений, либо как занятие мелким ремесленным производством¹. В ст. ст. 159, 169, 208 УК РСФСР под «промыслом» подразумевалась деятельность, являвшаяся для лица более или менее постоянным источником получения преступного дохода (наживы).

Статья 162 УК РСФСР носила бланкетный характер. В ней устанавливалась ответственность за занятие промыслом, относительно которого имеется специальное запрещение, после наложения административного взыскания за занятие этим промыслом. Такое запрещение содержалось в Правилах регистрации некооперированных кустарей и ремесленников (далее – Правила регистрации), первые из которых были утверждены Советом Министров СССР 30 июня 1949 г.²

В дальнейшем в них неоднократно вносились изменения: в 1958 г.³, в 1963 г.⁴, в 1976 г.⁵. Утратили силу они только в 1987 г.⁶

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / РАН. Институт рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд, дополненное. М.: Азбуковник. 1999. С 615.

² Источники советского гражданского права. М.: Госюриздат. 1961. С. 30-32.

³ Постановление Совета Министров СССР от 22.04.1958 № 434 «О частичном изменении Правил регистрации некооперированных кустарей и ремесленников» // Собрание постановлений Правительства СССР. 1958. № 7. Ст. 64.

⁴ Постановление Совета Министров СССР от 3.06.1963 № 612 «О признании утратившими силу и об изменении решений Правительства СССР в связи с ограничением применения штрафов, налагаемых в административном порядке» // Собрание постановлений Правительства СССР. 1963. № 12. Ст. 121

⁵ Постановление Совета Министров СССР от 03.05.1976 № 283 «Об утверждении Положения о кустарно-ремесленных промыслах граждан» // Собрание постановлений Правительства СССР. 1976. № 7. Ст. 39

⁶ Постановления Совета Министров СССР от 03.04.1987 № 403 «Об изменении, дополнении и признании утратившими силу решений Правительства СССР в связи с принятием Закона СССР "Об индивидуальной трудовой деятельности"» // Собрание постановлений Правительства СССР. 1987. № 28. Ст. 99.

Правила регистрации включали довольно обширный перечень промыслов – от переработки зерна до содержания каруселей, тиров и др. Причем вопрос о разграничении оснований для наложения административного взыскания или привлечения лица к уголовной ответственности решался финансовыми комиссиями по своему усмотрению с 1949 г. до 1958 г. и после изменений, внесенных в Правила регистрации в 1963 г. Только в промежутке с 22 апреля 1958 г. до 3 июня 1963 г. в них было указано, за занятие какими запрещенными промыслами лицо подвергается штрафу в административном порядке, а за какие – уголовной ответственности.

Правовая неопределенность, возникшая после изменений, внесенных в Правила регистрации в 1963 г., справедливо подвергалась критике, поскольку новая редакция этого правового акта давала возможность предположить, что за занятие запрещенным промыслом сразу может наступать уголовная ответственность, а необходимость в предварительном применении мер административного воздействия отсутствует. Предлагалось возникшее противоречие как можно скорее устранить¹. При этом в литературе высказывалась и иная точка зрения, согласно которой на виновного могла налагаться либо административная, либо сразу уголовная ответственность без административной преюдиции². Основанной на тексте уголовного закона представляется первое суждение.

Советом Министров РСФСР в 1965 г. список запрещенных промыслов был дополнен еще несколькими пунктами, касавшимися переработки с использованием специальных машин полученной от заказчика (давальческой) шерстяной пряжи, перевозки пассажиров на лодках и пр.³

Как отмечалось в научных публикациях, из перечня промыслов становилось ясно, что запрет устанавливался главным образом

¹ Трофимов С.В. Некоторые вопросы квалификации занятия запрещенным промыслом // Материалы итоговой научно-теоретической конференции (тезисы докладов и научных сообщений). Киев: ВШ МООН УССР. 1966. С. 100-101.

² Ляпунов Ю.И. Замечания к комментированию хозяйственных преступлений // Материалы обсуждения теоретических вопросов советского уголовного права и Комментария УК РСФСР 1971 года. М.: ВИИПиРМПП. 1973. С. 55.

³ Постановление Совета Министров РСФСР от 4.08.1965 № 914 «Об отдельных видах промыслов кустарей и ремесленников» // Собрание постановлений Правительства РСФСР. 1965. № 18. Ст. 110.

в отношении производственной деятельности частных лиц, состоявшей в изготовлении тех или иных изделий для удовлетворения бытовых, культурных и иных потребностей граждан¹.

Ответственность по ст. 162 УК РСФСР наступала при установлении факта производства изделий для сбыта, а не для собственных нужд. Вместе с тем за единичные незначительные случаи запрещенного изготовления изделий и материалов привлечение к уголовной ответственности не допускалось, поскольку уголовно наказуемыми считались только случаи изготовления и последующего сбыта изделий и материалов, относительно которых имеется специальное запрещение или ограничение².

Немаловажен и тот факт, что перечень запрещенных промыслов содержал ряд действий, за которые в УК РСФСР устанавливалась ответственность в иных статьях. К числу таких промыслов относилось, например, производство и опасных веществ, в том числе пиротехнических изделий - фейерверков, бенгальских огней.

Позднее, с проникновением в экономику СССР рыночных начал, ст. 162 УК РСФСР стала именоваться «Занятие запрещенными видами индивидуальной трудовой деятельности» в соответствии с положениями Закона СССР от 19.11.1985 «Об индивидуальной трудовой деятельности»³.

Принятый в 1991 г. Закон Российской Федерации от 25.12.1991 № 445-1 «О предприятиях и предпринимательской деятельности»⁴ отменил большую часть запретов на занятие кустарно-ремесленными промыслами и иными видами индивидуальной трудовой деятельности, предусматривавшимися в Законе СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности». Ответственность за почти все запреты, содержащиеся в данном законе, регулировалась специальными нормами УК РСФСР (ст. ст. 158, 218,

¹ Кригер Г.Л. Хозяйственные преступления / Курс советского уголовного права в 6-ти томах. Т. 4. М.: Наука. 1971. С. 437.

² Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 3.09.1954 № 7 «О судебной практике о занятии запрещенным промыслом» // Сб. действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924-1957 гг.). М.: Юрид. издат. 1958. С. 31-32.

³ Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 47. Ст. 964.

⁴ Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 30. Ст. 418.

224 и пр.), и общая норма, содержащаяся в ч. 1 ст. 162 УК РСФСР практически не применялась¹.

С введением в 1993 г. в УК РСФСР новой ст. 162.4 «Незаконное предпринимательство»² ст. 162 УК РСФСР «фактически утратила значимость»³. Таким образом, постепенно занятие запрещенными промыслами трансформировалось в незаконное предпринимательство. Текст ст. 162.4 УК РСФСР включал в себя административную преюдицию, как и ст. 162 УК РСФСР, но уже был похож на текст действующей ст. 171 УК РФ.

Вместе с тем между ст. 162 УК РСФСР и ст. 171 УК РФ есть и различия, и сходство.

Общими чертами этих статей можно признать регулирование ответственности в сфере частных интересов, а также осуществление субъектами данных преступлений определенной деятельности для извлечения прибыли. Объединяет рассматриваемые статьи и то, что перечень запрещенных в советское время промыслов преследовал не только цель обеспечения государственной монополии на оказание указанных в нем услуг. Часть включенных в него запретов можно рассматривать как обеспокоенность официальных органов возможностью навредить здоровью граждан ввиду вероятности несоблюдения требований по качеству к изготавливаемым кустарно изделиям. К такого рода запретам можно отнести, например, запрет на производство пищевых продуктов (хлеба, булочных, молочных, колбасно-ветчинных, плодоовощных изделий, пастилы, леденцов, конфет и других кондитерских изделий), безалкогольных и алкогольных напитков и пр. Практически такие же цели обозначены в российском законодательстве, регулирующем отношения в сфере предпринимательской деятельности⁴.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: научно-практический комментарий / Под ред. Л.Л. Кругликова и Э.С. Тенчова. Ярославль: Влад-ОрМак лтд. 1994. С. 437.

² Закон РФ от 01.07.1993 № 5304-1 «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с упорядочением ответственности за незаконную торговлю» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1231.

³ Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / Отв. ред. В.И. Радченко. М.: Вердикт. 1994. С. 285.

⁴ Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 19. Ст. 2716; Федеральный закон от 28.12.2013 № 412-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об аккредитации в национальной системе аккредитации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 52 (часть I). Ст. 6977.

Вместе с тем нельзя не упомянуть и о различиях между рассматриваемыми статьями. По ст. 162 УК РСФСР ответственность наступала за занятие теми промыслами, которыми некооперированным кустарям и ремесленникам (а также в отдельных случаях рабочим и служащим) было вообще запрещено заниматься. По ст. 171 УК РФ привлекаются лица, которые занимаются не запрещенной деятельностью, но нарушают условия ее ведения – не получают в установленном порядке регистрацию, лицензию либо аккредитацию. Условием признания деяния охватываемым составом ст. 162 УК РСФСР являлось совершение его в виде промысла, то есть более или менее на постоянной основе с целью получения регулярного дохода. В ст. 171 УК РФ такого ограничения нет, криминообразующим является факт причинения крупного ущерба гражданам (организациям, государству) или сопряженность незаконного предпринимательства с извлечением дохода в крупном размере. В ст. 162 УК РФ значительный размер являлся квалифицирующим обстоятельством.

Представляется, что различия ст. 162 УК РСФСР и ст. 171 УК РФ обусловлены разными видами экономики советского периода и настоящего, разными способами ведения хозяйства и осуществлении хозяйственной деятельности. При этом во времена действия ст. 162 УК РСФСР необходимость криминализации такого деяния не оспаривалась. Относительно ст. 171 УК РФ высказываются сомнения в целесообразности установления уголовно-правового запрета на осуществление предпринимательской деятельности¹.

¹ Уголовное право России. Особенная часть: учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунеева, А.В. Наумова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист. 2005. С. 243-245.

Агабеков Карен Суренович,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
Всероссийского научно-исследовательского
института МВД России

**Особенности расследования преступлений,
связанных с осуществлением предпринимательской
деятельности без лицензии**

Статья 171 Уголовного кодекса Российской Федерации (*далее – УК РФ*) предусматривает ответственность за незаконное предпринимательство. Одним из квалифицирующих признаков указанной нормы является осуществление предпринимательской деятельности без лицензии, в случае когда это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере. В соответствии со статьей 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (*далее – УПК РФ*) предварительное расследование по ч. 1 ст. 171 УК РФ проводится в форме дознания, а по ч. 2 ст. 171 УК РФ в форме предварительного следствия. В ходе проведения предварительного расследования подлежат доказыванию обстоятельства, предусмотренные статьей 73 УПК РФ, а именно событие преступления, виновность лица в совершении преступления, форма его вины и другие.

Говоря о событии преступления, предусмотренного статьей 171 УК РФ, необходимо отметить, что совершение такого деяния не является одномоментным и предполагает некоторый период времени, в течение которого лицо осуществляло предпринимательскую деятельность без лицензии и считается оконченным с момента причинения крупного ущерба гражданам, организациям или государству либо извлечения дохода в крупном размере. Таким образом рассматриваемый вид преступления является длящимся. При этом рассматривая период осуществления незаконной предпринимательской деятельности без лицензии следует принимать во внимание дату, с которой осуществление определенного

вида деятельности стало возможным только при наличии специального разрешения (лицензии). В соответствии с п. 2 ст. 3 Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»¹ (далее – Закон о лицензировании) лицензия – это специальное разрешение на право осуществления юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем конкретного вида деятельности (выполнения работ, оказания услуг, составляющих лицензируемый вид деятельности), которое подтверждается записью в реестре лицензий. В соответствии с ч. 4 ст. 9 Закона о лицензировании лицензия действует бессрочно, однако в определенных случаях, регламентированных ст. 20 Закона о лицензировании действие лицензии может быть приостановлено, аннулировано либо прекращено. Следовательно, как при отсутствии лицензии в целом, так и в случаях отсутствия у существующей лицензии юридической силы осуществление предпринимательской деятельности будет признаваться незаконным.

Одновременно, в соответствии с п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве»² в том случае, если федеральным законодательством исключен из перечня видов деятельности, осуществление которых разрешено только на основании специального разрешения (лицензии), соответствующий вид деятельности, состав преступления в действиях лица, которое занималось таким видом предпринимательской деятельности, отсутствует.

Не менее важным является вопрос определения места совершения преступления. В нашем случае таким местом должно признаваться место осуществления подозреваемым (обвиняемым) предпринимательской деятельности без соответствующего разрешения (лицензии). Например, относительно преступлений, связанных с эксплуатацией опасных производственных объектов, местом преступления будет признаваться, непосредственное место

¹ Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собрание законодательства РФ. 09.05.2011. № 19. Ст. 2716.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 № 23 (ред. от 07.07.2015) «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве». Рос-сийская газета. 2004. №271.

расположения таких объектов. В случае совершения преступления, связанного с обращением отходов производства и потребления, местом преступления следует признавать адрес регистрации юридического лица, либо индивидуального предпринимателя, а когда указанная деятельность осуществляется без регистрации в налоговом органе, то – адрес расположения офисов, зданий и иных территорий на которых осуществлялся данный вид деятельности.

Согласно п. 2 ст. 9 Закона о лицензировании юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, получившие лицензию, вправе осуществлять деятельность, на которую предоставлена лицензия, на всей территории Российской Федерации и на иных территориях, над которыми Российская Федерация осуществляет юрисдикцию в соответствии с законодательством Российской Федерации и нормами международного права, со дня, следующего за днем предоставления лицензии. При этом следует иметь в виду, что обязательным условием в этом случае является уведомление лицензиантом лицензирующих органов соответствующих субъектов Российской Федерации.

Кроме того, следует учитывать, что лицензия выдается на осуществление конкретного вида деятельности (выполнения работ, оказания услуг, составляющих лицензируемый вид деятельности), а не на объект (место), на котором осуществляется эта деятельность. Однако, принимая во внимание положения Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «О лицензировании отдельных видов деятельности», и положения постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве», в некоторых случаях, осуществление деятельности не по адресу, указанному в лицензии, может быть расценено как нарушение лицензионных требований и условий, что в отдельных случаях расценивается судами одной из форм деяния, характеризующего объективную сторону незаконного предпринимательства, предусмотренного ст. 171 УК РФ¹.

¹ Апелляционное постановление суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Тюменской области от 08.09.2016 №22-1598/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

В этой связи Конституционный Суд Российской Федерации в своем определении от 10.10.2019 № 2685-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Байло Юрия Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 171 Уголовного кодекса Российской Федерации»¹ обратил внимание, на то, что внесенные Федеральным законом от 7 апреля 2010 года № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»² изменения в ст. 171 УК РФ исключили проблему разграничения преступлений предусмотренных ст. 171 УК РФ, когда деяние связано с нарушением лицензионных требований и условий и административных правонарушений, наказуемых по части 3 статьи 14.1 КоАП Российской Федерации. Такого рода деяние вне зависимости от размера ущерба и извлеченного дохода образует состав административного правонарушения.

Способ совершения преступления по ст. 171 УК РФ выражен в действиях, составляющих объективную сторону преступного деяния. К таким действиям следует отнести осуществление лицом предпринимательской деятельности с извлечением дохода в крупном размере либо с причинением крупного ущерба гражданам, организациям или государству, в отсутствие специального разрешения (лицензии), в случаях, когда такое разрешение обязательно.

Анализируя виновность лица и форму вины, необходимо отметить, что статья 171 УК РФ, рассматриваемая во взаимосвязи с положениями статьи 25 УК РФ, предполагает ответственность лишь за осознаваемое лицом общественно опасное деяние, связанное с осуществлением предпринимательской деятельности без лицензии вопреки установленным законом требованиям о лицензировании. Следует отметить, что наличие прямого умысла, как обязательного элемента субъективной стороны рассматриваемого

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Байло Юрия Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 171 Уголовного кодекса Российской Федерации. Определение Конституционного Суда РФ от 10.10.2019 № 2685-О // СПС «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Федеральный закон от 7 апреля 2010 года № 60-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // СПС «КонсультантПлюс».

преступления, должно подтверждаться совокупностью обстоятельств.

Так, суд апелляционной инстанции рассматривая апелляционное представление государственного обвинителя на оправдательный приговор суда первой инстанции указал: как видно из приговора, свой вывод об отсутствии в действиях Б. состава преступления районный суд основывал на том, что органами следствия не представлено объективных, достоверных и бесспорных доказательств, свидетельствующих о том, что Б. совершал какие-либо действия с прямым умыслом, направленные на осуществление предпринимательской деятельности без лицензии в случаях, когда такая лицензия обязательна. И как одно из оснований оправдания Б. по предъявленному обвинению судом первой инстанции указано наличие неустранимых сомнений в виновности обвиняемого, которые в силу ч. 3 ст. 49 Конституции РФ, толкуются в пользу последнего¹.

Рассматривая характер и размер вреда, причиненного преступлением, следует обратиться к диспозиции статьи 171 УК РФ, которая предусматривает ответственность за причинение крупного ущерба гражданам организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере. Полагаем возможным согласиться с мнением С.М. Кочои который указывает, что: «вряд ли можно согласиться с тем, что размеры причиненного ущерба (крупного, особо крупного) могут быть одинаковыми как для граждан, так и для организаций или государства»². Относительно доходов следует обратиться к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве», пункт 12 которого под доходом в статье 171 УК РФ предлагает понимать выручку от реализации товаров (работ, услуг) за период осуществления незаконной предпринимательской деятельности без вычета произведенных лицом расходов, связанных с осуществлением незаконной предпринимательской деятельности.

¹ Апелляционное постановление Саратовского областного суда от 28 января 2020 г. по делу № 22-201/2020(22-4077/2019) // СПС «КонсультантПлюс».

² Кочои С.М. Незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ): к вопросу о форме уголовно-правовой нормы // Адвокатская практика. 2021. №2.

Наибольшую сложность в отдельных случаях вызывает доказывание извлечения дохода в крупном (ч. 1 ст. 171 УК РФ) или особо крупном размере (п. б ч. 2 ст. 171 УК РФ). Вызвано это тем, что зачастую лица осуществляющие незаконно предпринимательскую деятельность, нарушают предусмотренные законом правила проведения расчетов с потребителями, не ведут бухгалтерский учет, минуя безналичный расчет, а при расчетах в наличной форме не составляют платежных документов о произведенных расчетах, в результате чего отсутствует достаточно данных, для установления размера извлеченного дохода. В подобных ситуациях следует обращать внимание на наличие черновых записей в тетрадях учета о поступивших от реализованной продукции наличных денежных средствах, которые также могут быть учтены при исчислении дохода.

Так, например в постановлении Урванского районного суда г. Нарткалы КБР от 12.01.2020 г. по делу № 1-53/2021, суд учел помимо подтвержденных на основании сведений о движении денежных средств по счетам доходов, также денежные средства, сведения о поступлении которых были отражены в виде черновых записей в тетради учета за реализованную асфальтобетонную смесь от физических лиц в наличном виде¹.

Кроме того, сложности могут возникать и при необходимости разграничения полученного дохода, например, в случае, когда предпринимательская деятельность предусматривает в технологическом процессе использование не только производственных объектов, отнесенных к категории опасных и требующих лицензирование, а также в том случае, когда доход получен не от эксплуатации непосредственно производственного объекта, отнесенного к категории опасных, даже если такой объект является частью технологического процесса, в результате которого извлекается доход. В таком случае следует устанавливать причинную связь между эксплуатацией опасного производственного объекта и извлеченным доходом².

¹ Постановление Урванского районного суда г. Нарткалы КБР от 12.01.2020 г. по делу № 1-53/2021 // Материалы предоставлены Следственным департаментом МВД России.

² Оправдательный приговор Ворошиловского районного суда г. Ростов-на-Дону от 03.05.2017 г. // СПС «КонсультантПлюс».

Полагаем, что для установления размера полученного дохода в результате незаконного предпринимательства во всех случаях должна назначаться бухгалтерская и финансово-аналитическая экспертиза деятельности юридического лица или индивидуального предпринимателя.

Обстоятельства подлежащие доказыванию устанавливаются в ходе производства следственных и иных процессуальных действий. Из числа основных следственных действий, по рассматриваемой категории уголовных дел, отметим допрос подозреваемого (обвиняемого) и допрос свидетелей.

В ходе допроса подозреваемого следует выяснять с какого времени он является руководителем организации (индивидуальным предпринимателем), ее основной вид деятельности, местонахождение, состав учредителей, доля участия каждого в уставном капитале и его размер; его должность, функциональные обязанности, чем они регламентированы; налоговый орган, в котором организация (индивидуальный предприниматель) состоит на учете; наименование кредитных учреждений, в которых открыты счета организации (индивидуального предпринимателя), номера счетов; наличие необходимой техники для выполнения основного вида деятельности; имеется ли лицензия на осуществляемый вид деятельности, обращался ли за выдачей лицензии; если лицензия имеется, то каково основание ее предоставления, содержание лицензионных условий, сроки ее действия и сроки начала работ; привлекался ли подозреваемый к административной ответственности по факту осуществления предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии); обстоятельства осуществления предпринимательской деятельности без лицензии; было ли известно подозреваемому о необходимости получения лицензии на осуществляемый вид деятельности, какие меры для этого он принимал; финансовые и хозяйственные отношения с организациями-контрагентами; исчислялись и уплачивались ли платежи, взимаемые при осуществлении определенного вида деятельности; размер ущерба, причиненного преступлением (извлеченного дохода); имелась ли возможность приостановить предпринимательскую деятельность на период

оформления лицензии без причинения ущерба получателям предоставляемых услуг и работ; иные обстоятельства, имеющие значение для производства по уголовному делу.

В качестве свидетелей по уголовным делам рассматриваемой категории могут быть допрошены лица, которым известны определенные обстоятельства совершения преступления, в частности: работники организации (бухгалтера, менеджеры, механики, инженеры, водители, охранники, технические работники, складские работники, номинальные директора, официально не трудоустроенные лица, фактически являющиеся работниками организации и др.), контрагенты (подрядчики, покупатели, поставщики, представители финансовых организаций, сторонние фирмы, оказывающие работы или услуги, арендодатели, фирмы-партнеры и др.), представители органов исполнительной власти (должностные лица лицензирующего органа), представители органов местного самоуправления.

Работники организаций, руководители которых подозреваются в совершении преступления. В ходе допроса в качестве свидетелей работников организации следует выяснять: с какого времени лицо работает в организации; в какой должности состоит, его функциональные обязанности; основания возникновения трудовых отношений; кто является работодателем; виды деятельности организации; с какого времени организация осуществляет определенный вид деятельности; об осуществлении на предприятии лицензионного контроля, в виде выездной проверки, инспекционного визита или документарной проверки; в зависимости от должности и выполняемых обязанностей, выясняются обстоятельства непосредственно связанные с осуществлением предпринимательской деятельности без лицензии.

Полученные от таких лиц сведения могут являться важными источниками, наиболее полной и объективной информации об обстоятельствах совершенного преступления, лицах, его совершивших, способе, обстановке совершения преступления, например, подтвердить факты осуществления определенного вида деятельности без разрешения (лицензии), о порядке организации и ведения бухгалтерского учета, о заключенных договорах (соглашениях), о получении и расходовании денежных средств и прочих

обстоятельствах, имеющих значение для расследования уголовного дела.

Зачастую подозреваемые в целях конспирации и минимизации расходов на оплату труда и уплаты налогов официально не оформляют трудовых отношений с работниками, при том, что они полноценно выполняют свои функциональные обязанности и обладают определенными сведениями о деятельности организации, в связи с чем их также необходимо допрашивать по известным им обстоятельствам.

В отдельных случаях, подозреваемые с целью конспирации личного участия в совершении преступления, а также придания незаконной предпринимательской деятельности видимости легальной используют подконтрольные юридические лица, не ставя в известность формально являющегося генеральным директором таких организаций о противоправности своих деяний. В таких случаях руководителей подставных юридических лиц, если в их деяниях отсутствует состав преступления, следует также допрашивать в качестве свидетелей по обстоятельствам совершенного преступления.

Сотрудники организаций-контрагентов допрашиваются об обстоятельствах финансовых и хозяйственных отношений с организацией, руководитель которой подозреваются в совершении преступления. Так, должностные лица организаций-контрагентов могут сообщить об условиях заключенных договоров и предмете соглашений, о форме и порядке расчетов, об обороте денежных средств, о транспортных средствах используемых для реализации договоренностей, о земельных участках и помещениях арендуемых для осуществления незаконной предпринимательской деятельности, о лицах, с которыми осуществляли взаимодействия, в рамках заключенных договоров, о порядке документооборота, о руководителе организации.

Представители органов исполнительной власти. К данной категории лиц можно отнести представителей лицензирующих органов. В зависимости от вида осуществляемой деятельности лицензирующим органом могут выступать: Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору «Росприрод-

надзор», Федеральная служба по надзору в сфере природопользования «Ростехнадзор», их территориальные органы, подведомственные учреждения и др. При допросе в качестве свидетелей представителей лицензирующих органов следует выяснять: место работы; должность; функциональные обязанности; нормативно-правовая регламентация деятельности данного органа исполнительной власти; порядок лицензирования определенного вида деятельности; обстоятельства осуществления незаконной предпринимательской деятельности; наличия у юридического лица или индивидуального предпринимателя лицензии на осуществление определенного вида деятельности, основание ее предоставления, содержания лицензионных условий; поступало ли от соискателя лицензии в лицензирующий орган заявление на предоставление лицензии; об осуществлении лицензионного контроля в виде выездной проверки, инспекционного визита или документарной проверки; результаты выявленных нарушений и принятых мер, например, привлечение к административной ответственности лиц, допустивших правонарушения; размер ущерба, причиненного преступлением, порядок и методика его расчета; иные обстоятельства, имеющие значение для расследования уголовного дела.

Представители органов местного самоуправления. В ходе допроса указанной категории свидетелей подлежит выяснению: место его работы, должность, функциональные обязанности; полномочия органов местного самоуправления в сфере регулирования отношений при осуществлении определенного вида предпринимательской деятельности, их нормативное правовое регулирование; основания отнесения определенных территорий к производственным зонам; осуществление контроля за находящимся в их ведении имуществом с установленными на них опасными производственными объектами; порядок действий в случаях, связанных с выявлением нарушений при осуществлении определенного вида предпринимательской деятельности без лицензии; возможность приостановки незаконной предпринимательской деятельности юридического лица или индивидуального предпринимателя без ущерба для потребителя (например когда нет альтернативы для замены организации обеспечивающей теплоснабжение населенного пункта) и др.

Считаем, что эффективность расследования преступлений предусмотренных ст. 171 УК РФ, помимо качественно проведенных следственных и иных процессуальных действий, напрямую зависит от качества и полноты проведенной по данному факту доследственной проверки.

Азимзода Шухрат Джурамурод,
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Волгоградской академии МВД России

Об уголовно-процессуальном порядке прекращения уголовных дел на стадии досудебного производства по законодательству Республики Таджикистан

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан (далее УПК РТ) предписывает дознавателю, следователю, прокурору процессуальный порядок окончания предварительного расследования в форме прекращения уголовного дела или уголовного преследования¹. Глава 27 УПК РТ регламентирует последовательность и необходимые атрибуты этой деятельности, но не дает ответы на ряд теоретических, а главное практических вопросов, возникающих в ходе реализации этих общественных отношений. Порядок прекращения уголовного дела представляет собой систему, набор процессуальных действий, которые должно выполнить лицо, осуществляющее досудебное производство. Закон определяет требуемый алгоритм действий при вынесении постановления о прекращении уголовного дела, который позволяет рассматривать данный юридический акт с точки зрения законности, обоснованности и соблюдения прав и интересов участников уголовного судопроизводства, главным образом подозреваемого и обвиняемого.

Немаловажную роль в оценке принятого решения о прекращении дела играет мотивированность вынесенного постановле-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. № 564 (в действ. ред.) // Адлия: централиз. банк правовой информации Республики Таджикистан. URL: <http://www.adlia.tj> (дата обращения: 20.03.2022).

ния, о которой говорится в ч.1 ст.235 УПК РТ. Законодатель описал общие требования к составлению постановления, но этот «фрагмент» процедуры действительно общий и применительно к отдельным основаниям прекращения уголовного дела должен служить лишь моделью (структурой) словестно-документального выражения принимаемого решения, содержащего ответы на правовые вопросы. В любом случае в данном постановлении должно быть изложение оснований и условий прекращения дела.

Процессуально значимым моментом для прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, предусмотренным ст.28 УПК РТ, является конкретизация процессуального положения лица, в отношении которого дело подлежит прекращению, – подозреваемый или обвиняемый. На наш взгляд, вопрос о прекращении дела в данном случае должен решаться лишь после привлечения лица в качестве обвиняемого. Одним из аргументов этого служит тот факт, что в уголовно-процессуальном производстве Таджикистана не существует понятия окончания дела с направлением в суд для рассмотрения по существу с процессуальной фигурой подозреваемого и вынесения обвинительного акта, как это допускается при производстве дознания в российском законодательстве. Даже при применении формы ускоренного производства дознания по УПК РТ подозреваемый привлекается в качестве обвиняемого и составляется обвинительное заключение (ч.1 ст. 455 УПК РТ). Так почему же эта дополнительная гарантия законности и обоснованности принятого решения о прекращении дела – предъявление обвинения, не должна применяться? Аналогичную позицию высказывает М.А. Галимова: «Констатация того, что лицо, в отношении которого прекращено уголовное дело, совершило преступление, предполагает наличие в материалах дела соответствующего подтверждения. Такое подтверждение присутствует в специально предусмотренном для этого документе – постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого, в котором излагается суть деяния, его юридическая квалификация и причастность конкретного лица к преступлению»¹. На наш взгляд, необходимо обозначить такое видение статуса лица, в отношении

¹ Галимова М.А. Прекращение уголовного дела (уголовного преследования) в связи с примирением сторон. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2021. С. 87.

которого прекращается дело по нереабилитирующим основаниям, внеся в ч.1 ст. 235 УПК РТ следующее дополнение: «Прекращение уголовного дела по основаниям, указанным в части первой статьи 28 настоящего Кодекса допускается лишь в отношении обвиняемого».

Видится, что независимо от применения основания прекращения уголовного дела, за исключением отсутствия события и состава преступления, в том числе, если они связаны с недостижением возраста привлечения к уголовной ответственности и декриминализацией преступления, в обязательном порядке в постановлении о прекращении дела должен быть указан текст ранее предъявленного обвинения. Это и будет выполнением требования закона о мотивированности акта, что позволяет нам усмотреть возможность дополнить редакцию ч.3 ст.235 УПК РТ новым предложением: «Если по делу лицо было привлечено в качестве обвиняемого, то в этой части постановления дословно указывается текст обвинения».

Требование закона об обязательном разъяснении обвиняемому условий прекращения уголовного преследования относится лишь к решениям о прекращении по нереабилитирующим основаниям. С юридической точки зрения оно (разъяснение) является одной из гарантий обоснованности такого прекращения дела. Но будет ли окончание производства по делу законным, если согласие на прекращение производства лицо дает без формального закрепления его полного признания вины и понимания им юридических последствий такого прекращения?

Решение о прекращении дела существенным образом касается прав личности, вовлеченной в судопроизводство. Интеграция Республики Таджикистан в мировую систему правовых государств, несомненно, требует пересмотра определенных норм УПК РТ с целью обеспечения гарантий этих прав в сочетании с интересами государства. Необходимо упорядочить оформление возложения обязанностей следователя, дознавателя разъяснить правовые последствия решения о прекращении уголовного дела, учитывая, что они могут лежать как в плоскости юридической, так и за ее пределами. Выяснение мнения лица после всех разъяснительных процедур, как нам видится, не должно быть формально отражено

в протоколе допроса. Право обвиняемого знать существо принимаемого решения о прекращении уголовного дела должно оформляться отдельным протоколом, где, помимо этого, будет обозначено личное согласие о том, что, либо уголовное преследование прекращается с соответствующими последствиями, либо производство продолжается и дело направляется в суд для рассмотрения по существу и вынесения приговора. Такая унификация процессуального оформления результатов определения позиции лица, в отношении которого уголовное дело подлежит прекращению, заслуживает развития. Часть 5 ст.235 УПК РФ следует дополнить следующим содержанием: «Прокурор, следователь, дознаватель перед вынесением постановления о прекращении уголовного дела в указанном случае разъясняет обвиняемому последствия принятия такого решения, выясняет его позицию, о чем составляет протокол, где отражается согласие или несогласие с прекращением уголовного дела».

Неопределенность позиции обвиняемого не допускает прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, так как согласие является обязательным условием окончания расследования в этой форме производства. Протокол по определенному образцу, который можно обозначить «Протокол разъяснения обвиняемому оснований прекращения уголовного дела», будет своеобразным приложением к постановлению, иллюстрирующим согласие обвиняемого с волевым решением государства признать его виновным без процедуры судебного следствия и быть подвергнутым освобождению от уголовной ответственности, хотя и с определенными юридическими оговорками.

Но жизнь непредсказуема, и в практической повседневной работе правоприменителей случается, когда обвиняемый не признает своей вины, но в тоже время дает согласие на прекращение дела в рассматриваемой ситуации. Тут, думается, что исследуемый нами процессуальный механизм не допускает прекращения уголовного дела при примирении сторон, раскаянии от совершенного и изменения обстановки. Что же касается оснований прекращения дела при применении акта об амнистии или истечении срока давности привлечения к уголовной ответственности, то в каждом конкретном случае надо разбираться отдельно. Выводы следствия о

виновности обвиняемого должны быть достоверны. Предполагаемые версии не могут лечь в основу решения о прекращении дела по этим основаниям. Внутреннее убеждение в виновности определенного лица исходит на основе собранных и проверенных доказательств. Сама по себе уверенность следователя в том, что он обоснованно привлек это лицо в качестве обвиняемого, конечно, не противоречит требованию закона, но главное здесь не поддаться обвинительному уклону и желанию закончить следствие без достаточных доказательств. Ведь процесс достижения объективной истины по делу не может находиться в зависимости только от показаний обвиняемого. Мы понимаем так, что раз обвиняемый согласен с прекращением уголовного дела при истечении срока давности или по амнистии, то значит он по умолчанию не возражает против предъявленного ему обвинения, независимо от того признал фактическую вину или нет по известным лишь ему причинам.

Каково требование к порядку прекращения уголовного дела в связи с декриминализацией деяния? По закону не требуется получение согласия лица, нарушившего общественные отношения, до принятия нового закона считавшимися преступными, поскольку вся процессуальная деятельность по доказыванию его вины должна быть остановлена, даже, если оно не признает факт совершения правонарушения. Но, если работа по изобличению виновного будет «заморожена» на той стадии расследования, когда еще нет полной ясности «картины преступления», то не всегда можно сделать вывод о том, что действия этого лица необходимо квалифицировать по уголовному закону, который потерял преступность деяния. Возможно, что в его действиях содержится состав более опасного преступления, поэтому прекращение дела следует осуществить после полного сбора и оценки доказательств, когда все неясности будут устранены и точно определена окончательная квалификация деяния. Декриминализация является отдельным случаем прекращения дела по нереабилитирующим основаниям, которые требует дополнительной процессуальной регламентации. На наш взгляд, с точки зрения науки уголовно-процессуального права стоит проработать порядок прекращения уголовного дела в этом случае на предмет, есть ли необходимость по-

лучения согласия подозреваемого на прекращение дела, возможно, по аналогии с принятием решения о прекращении уголовного дела в отношении умершего. Но в любом случае, постановление о прекращении необходимо согласовывать с начальниками следственного и дознавательного подразделения соответственно.

Одним из обязательных элементов порядка прекращения уголовного дела (уголовного преследования) по УПК РТ является получение согласия прокурора по большинству нереабилитирующих оснований. Законодатель не конкретизирует, какой именно прокурор должен наложить резолюцию. Вместе с тем, в абз.12 ст.6 УПК РТ разъясняется содержание понятия прокурор – это Генеральный прокурор Республики Таджикистан, Главный военный прокурор Таджикистана, прокуроры областей, транспортный прокурор Таджикистана, руководители управлений Генпрокуратуры, также заместители этих прокуроров. Прокуроры городов и районов и приравненные к ним прокуроры и их заместители, осуществляющие деятельность в пределах своей компетенции. Статья 31 Конституционного закона «Об органах прокуратуры Республики Таджикистан», где идет речь о полномочиях прокурора при осуществлении надзора за соблюдением законов органами дознания и предварительного следствия, отсылает к уголовно-процессуальному законодательству¹. Но УПК РТ не уточняет, какие именно прокуроры обладают полномочиями «санкционировать» прекращение уголовного дела. Вместе с тем, в ст.13 упоминаемого Закона, раскрывающей систему органов прокуратуры, ранжир прокуроров расставлен на свои места. Вышестоящими прокурорами в процессуальном смысле являются прокуроры и их заместители, находящиеся на следующей более высокой ступени в этой системе. Такое толкование закона приводит к выводу, что следователь (дознатель) может получить согласие на прекращение только у прокурора или его заместителя, непосредственно осуществляющего надзор за процессуальной деятельностью подразделения, в котором расследуется дело. На наш взгляд, для более правильного и

¹ Конституционный закон Республики Таджикистан от 25 июля 2005 года № 107 «Об органах прокуратуры Республики Таджикистан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 29.01.2021 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30444828 (дата обращения: 20.0.2022).

грамотного понимания права дать согласие на такое решение целесообразно в ст.ст.28-32, 437 УПК РТ после слова прокурор добавить «надзирающий за деятельностью следственного подразделения и дознавательного подразделения, в котором расследуется дело».

Законодатель в УПК РТ применяет термин «согласие» в случае исполнения постановления о прекращении дела. С точки зрения принятия решения прокурором оно носит процессуальный аспект, который предопределяет окончание всех следственных действий. Возникает вопрос, как быть в случае несогласия прокурора с прекращением уголовного дела, например, он не визирует постановление следователя? Закон не определяет дальнейший порядок расследования, то есть продолжается ли оно автоматически. Видится, что в таких случаях должно действовать правило отмены прокурором незаконного постановления, предусмотренное абз.14 ч.1 ст.168 УПК РТ. Прокурор отменяет постановление и возобновляет производство по делу, ведь в названной норме нет конкретных указаний на то, что нельзя отменять постановление лица, производящего предварительное расследование, которое подлежит согласованию с прокурором. С учетом обеспечения единообразия уголовно-процессуальной деятельности в данном направлении представляется, что несогласие прокурора с решением следователя (дознавателя) должно выражаться в вынесении им постановления об отказе в согласовании прекращения уголовного дела (уголовного преследования) и одновременной отмене необоснованного постановления, а не просто написании резолюции – «не согласен» или «возражаю». В постановлении прокурора должно содержаться мотивированное обоснование этого решения, что не позволит заменить процессуальное реагирование некой «страховкой» со стороны прокурора или его заместителя от коррупционной или иной составляющей.

И последнее, спрашивается надо ли предъявлять материалы уголовного дела, как это требуется при прекращении уголовного преследования в отношении одного из лиц еще в рамках продолжающегося предварительного расследования? Например, установлено, что обвиняемый использовал лицо, в отношении которого преследование прекращено, что называется «в темную», при совершении кражи металлических труб, заявив этому лицу, что

трубы принадлежат ему. Оба они задержаны при погрузке похищенного имущества в автомашину. Доказательств умысла о предварительном сговоре не собрано. Если исходить из буквы закона (ч.2 ст.236 УПК РТ), после прекращения уголовного преследования, при ходатайстве лица необходимо ознакомить его с материалами дела. Полной уверенности, что не было соучастия, нет, но знакомить с делом надо. При этом имеющиеся в деле доказательства могут стать известными обвиняемому через ознакомленное лицо. Выходом было бы законодательное решение о внесении дополнения в эту норму о том, что ознакомление с материалами дела лица, в отношении которого прекращено уголовное преследование, производится после объявления об окончании предварительного расследования. Конечно же, копия постановления о прекращении уголовного преследования должна вручаться данному лицу в установленное время после его вынесения.

Вывод таков, что каждое основание прекращения уголовного дела, обозначенное в УПК РТ, должно иметь четкий процессуально-регламентированный порядок.

Алборов Роман Давидович,
начальник отдела по работе с личным составом
Управления внутренних дел
Ленингорского района Республики Южная Осетия

К вопросу о юридических коллизиях в законодательстве Южной Осетии

Становление правового государства является сложным и трудоемким процессом. Развитие социальных взаимоотношений всегда порождает многочисленные конфликты, как горизонтальные (между субъектами общества), так и вертикальные (между государством и отдельно взятым субъектом). Законодательная ветвь власти в системе государства осуществляет регулятивную функцию в наиболее важных вопросах жизнедеятельности общества. В процессе осуществления законотворческой функции законодательный орган любого государства романо-германской правовой

системы сталкивается с юридическими конфликтами и юридическими коллизиями.

Исследователи в области права зачастую отождествляют друг с другом понятия «юридический конфликт» и «юридическая коллизия», однако имеется и противоположное мнение на этот счет. Термин «конфликт» имеет латинское происхождение и дословно означает столкновение. Конфликт является неотъемлемой частью развития общества, одной из форм взаимодействия людей, социальных групп, при которой какие-либо действия одной стороны препятствуют реализации целей другой стороны. Юридический конфликт важно рассматривать как разновидность социального конфликта, через призму противоречий, возникающих между людьми, а не нормативно-правовыми актами. Иную природу имеет юридическая коллизия. Юридическая коллизия – это противоречие между отдельными нормативно-правовыми актами, регулирующими одни и те же, либо смежные общественные отношения, а также противоречия, возникающие в процессе правоприменения и осуществления компетентными органами и должностными лицами своих полномочий¹.

Южная Осетия – относительно молодое государство и участник международных отношений. С момента провозглашения независимости законодательная база республики испытывала нормативно-правовой дефицит. В этой связи Верховным советом Южной Осетии было принято Постановление от 29.01.1992 г. №1 «О применении аналогии Законов России на территории Республики Южная Осетия», позволяющее восполнить возникший правовой дефицит. За время существования Южной Осетии, в статусе независимого государства нормативно-правовая платформа претерпела немало изменений и нововведений, в частности это коснулось административного законодательства.

Новеллой в административном законодательстве Южной Осетии, наряду с действующим на территории государства КоАП РФ и иными законами стал Закон РЮО №131, от 22.07. 2009 г. «Об административной и уголовной ответственности за нарушение ПДД», направленный на обеспечение правопорядка и регулирование отношений, возникающих при нарушении правил дорожного

¹ Купцова О.В., Чечин А.В. Юридический конфликт и юридическая коллизия: к вопросу о разграничении // Сборник конференций НИЦ социосфера. 2016. С. 52 – 54.

движения. Де-факто законодатель тривиальным образом репродуцировал в отдельный закон ряд статей из КоАП РФ, которые, обладая более высокой актуальностью с социально-правовой точки зрения. Это должно было способствовать улучшению выполнения задач по пресечению и профилактике отдельных видов административных правонарушений. Практически полная идентичность статей закона выводит на одну правоприменительную плоскость нормы КоАП РФ и Закона РЮО №131, от 22 июля 2009 года «Об административной и уголовной ответственности за нарушение ПДД».

В содержании некоторых нормативных актов указаны статьи, определяющие квазиерархию административного законодательства:

1. В ч. 1 Постановления Верховного совета Южной Осетии №1, от 29.11.1992 г. «О применении аналогии Законов России на территории Республики Южная Осетия» законодатель определяет нормы права России, как *suprema lex* (от лат. главенствующий закон) в правоприменительной практике, за исключением законодательных актов, определяющих порядок и размеры финансирования¹.

2. Статья 20 Закона РЮО №21, от 13.03.2015 г. «Об административной ответственности за отдельные виды правонарушений» устанавливает примат административного законодательства Южной Осетии КоАП РФ, определяющий общие начала, перечень правонарушений и виды наказаний за исключением статей 7.1, 7.20, 7.21 и 7.22.² Тем не менее, как показывает правоприменительная практика, применяются нормы Закона РЮО №131, от 22.07.2009 г. «Об административной и уголовной ответственности за нарушение ПДД». На основе доктринального толкования законодательных актов сквозь авторскую призму можно констатировать, что законодатель допустил ряд методических пробелов в принятии закона. С точки зрения методологии для приведения законодательных актов в соответствие с вновь принятым законом, устранения множественности норм по одним и тем же вопросам готовятся предложения о приведении законодательства в соответствие с вновь принимаемым законодательным актом путем при-

¹ Постановление №1, от 29.11.1992 «О применении аналогии Законов России на территории Республики Южная Осетия».

² Закон РЮО №21, от 13.03.2015 «Об административной ответственности за отдельные виды правонарушений»

знания законодательных актов (их структурных единиц) утратившими силу.¹ Иными словами, вновь принятый закон лишает юридической силы ранее действующий закон частично или полностью. Однако в Законе РЮО №131, от 22.07.2009 г. «Об административной и уголовной ответственности за нарушение ПДД» отсутствует пункт, позволяющий считать утратившим юридическую силу нормы КоАП РФ в той части, в которой они репродуцированы.

Исходя из вышеизложенного, следует сказать, что для устранения юридических коллизий важно внести в действующий закон норму с соответствующей формулировкой, на основании которого нормы права Российской Федерации, имеющие аналогию в законах Республики Южная Осетия, утрачивают юридическую силу.

Резюмируя, важно отметить, что право, как совокупность устанавливаемых и охраняемых государством норм и правил, регулирующих отношения между людьми, явление относительно дискуссионное. Правильная трактовка закона в первую очередь зависит от педантичного подхода к законодательной деятельности.

Алимпиев Алексей Александрович,
Начальник отделения
научно-исследовательского центра
Костанайской академии МВД Республики Казахстан
имени Ш. Кабылбаева,
магистр юриспруденции

**Массовые беспорядки как фактор,
угрожающий основам конституционного строя,
и организационные средства по их сдерживанию
в Республике Казахстан**

Происходящие в настоящее время мировые события, и их турбулентный характер не могут не влиять на внутреннюю стабильность стран постсоветского пространства.

¹ Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектот от 2003 г. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»

Угроза социальных потрясений с реализацией сценариев цветных революций, сохраняется и на территории стран Центральной Азии.

Не случайно, в перечне сформулированных основополагающих принципов государственного устройства, в Конституции Республики Казахстан общественному согласию и политической стабильности, отведено приоритетное значение¹.

Показателем внутренней стабильности государства и обеспечения системы безопасности упреждающей эскалацию народных волнений на почве политических и социальных протестов, следует считать либо полное отсутствие масштабных массовых беспорядков, сопровождающихся погромами, поджогами, насилием, уничтожением чужого имущества, либо успешную ликвидацию преступных последствий, зависящую, прежде всего от профессиональных действий сотрудников правопорядка по пресечению действий участников деструктивной агрессивно настроенной толпы.

В контексте сказанного закономерным выглядит фокусирование внимания на обусловленности сохранения конституционного строя и безопасности государства от состояния готовности правоохранительных органов и прежде всего полиции к вызовам исходящим, от такого негативного социального явления, как массовые беспорядки.

Произошедшие в Казахстане январские события 2022 года², по смонтированному сценарию методологии цветных революций, явились тревожным сигналом нарастающей угрозы безопасности для стран участниц Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Показавший свою эффективность, задействованный ресурс ОДКБ предотвративший эскалацию массовых волнений в Республике Казахстан, вместе с тем не отменяет, а напротив актуализирует потребность концентрации внимания научного сообщества стран входящих в Евразийский экономический союз (ЕАЭС), в научной проработке вопроса противодействия деструктивным

¹ См.: ч.2 ст. 1. Конституции Республики Казахстан от 30.08.1995 года.

² См.: Беспорядки в Казахстане в январе 2022 года <https://ru.sputnik.kz/besporyadki-v-kazakhstane-v-yanvare-2022-goda> (Дата обращения: 20.05.2022).

тенденциям, влекущим насильственное изменение конституционного строя, распад государственности, и как итог дестабилизацию обстановки в регионе.

Полагаем, что в этой связи особого внимания заслуживает опыт Белоруссии в части успешного отражения попытки государственного переворота.

На нижеследующем примере мы хотим проиллюстрировать насколько предвыборная, выборная и поствыборная ситуации влияют на организацию деструктивно протестных акций, направленных на подрыв авторитета власти.

Как известно начавшиеся с 9 августа 2020 года, акции протеста, как реакция на выборы президента Белоруссии Александра Лукашенко, переросли в массовые беспорядки, для пресечения которых представителями силовых структур были применены резиновые пули, водометы, слезоточивый газ и светошумовые гранаты.

О серьезной угрозе и наличии опасности для жизни самих сотрудников правопорядка разгонявших протестующих, свидетельствует факт смерти одного из демонстрантов, пытавшегося применить взрывное устройство в отношении милиционеров, и погибшего от поражающего действия этого же орудия.

По изученным в ходе просмотра записям видеонаблюдения, следствием было установлено, что среди протестующих находились провокаторы подстрекавшие толпу к насильственным действиям по отношению к сотрудникам ОМОН, уходившие в момент непосредственного столкновения подальше от эпицентра событий, не принимая в них дальнейшего непосредственного физического участия¹.

Именно благодаря решительным действиями сотрудников правопорядка, обеспечивших адекватное революционному порыву противодействие, и проявленной президентом Белоруссии воле, позволившей стражам порядка не усомниться в его поддержке, попытка демонтажа конституционного строя для ее «режиссеров» оказалась безуспешной.

¹ Глава МВД Белоруссии: беспорядки рушат все, чем мы гордились. Доступ с сайта <https://ria.ru/20200813/1575763036.html> (Дата обращения: 10.08.2022)

Отметим, что события двухлетней давности в Соединенных штатах Америки, ангажированные под эгидой недовольства афроамериканского сегмента общества, также были логически вплетены в контекст политического противостояния.

Закономерно и то, что массовые беспорядки, начавшиеся в США на почве возмездия за причинение полицейскими Миннеаполиса в мае 2020 года смерти афроамериканцу Джорджу Флойду¹, происходили в канун выборов, сопровождаясь оппозиционной риторикой в отношении политики действующего президента Дональда Трампа.

Фигура Джорджа Флойда предстала в глазах определенной части американского общества своеобразным символом жертвенности и борьбы темнокожего населения США за расовое равноправие.

И уже не важно то, что Джордж Флойд был неоднократно судимым (около 9 судимостей!!!) рецидивистом, в одном из эпизодов своей профессиональной преступной деятельности применившим оружие в отношении беременной женщины, и не важно, что в момент задержания зафиксированного на видео ресурсе Youtube, он был в состоянии сильного наркотического опьянения и на каждую просьбу, произнесенную полицейскими реагировал неадекватно, оказывая им неповиновение.

История Флойда Джорджа показывает то, каким образом организаторы массовых волнений, паразитируют на факте смерти того или иного лица, используя в своих корыстных целях конкретные имена и фамилии, как символ борьбы против легитимной власти.

По сути, стандартные действия сотрудников полиции США, которым по служебным директивам предписывается в целях сохранения личной и общественной безопасности, исходя из оперативно полученной информации о личности нарушителя и о его судимостях, применять к нему соответствующие адекватные силовые меры, в СМИ были намеренно неоправданно интерпретированы как проявление расизма.

¹ См.: В США беспорядки из-за смерти Флойда начались более чем в 10 городах
Доступ с сайта [HTTPS://RUNEWS24.RU/WORLD/30/05/2020/15372064521FD5268832A960D383DF3F?UTM_SOURCE=YXNEWS&UTM_MEDIUM=DESKTOP](https://runeews24.ru/world/30/05/2020/15372064521fd5268832a960d383df3f?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop) (Дата обращения: 12.08.2022)

Все это послужило поводом для нагнетания протестной обстановки представителями организации Black Lives Matter («Жизни черных важны»).

Под эгидой «борьбы с институциональным расизмом», в США было снесено 28 памятников, разграблены и уничтожены сотни магазинов, подверглось избиению и глумлению (вспомним колени преклонение и целование обуви) значительное число ни в чем не повинных американских граждан, которые по логике примитивного понимания исторических процессов, должны нести ответственность и испытывать чувство постоянной вины за нахождение темнокожего населения в рабстве.

Более того, ситуация в отдельных американских городах была доведена до беспрецедентного абсурда.

Так, городская власть Сиэтла заключила договор с захватившими центр города протестующими, и по отдельным его положениям определен порядок проезда экстренных служб на территорию, контролируемую бунтовщиками¹.

Естественно, что в таких условиях сотрудники американской полиции утратили чувство собственной значимости и веры в торжество правопорядка, ранее обеспечиваемых, хотя и достаточно силовыми, жесткими, но правовыми методами воздействия к нарушителям закона в уличном пространстве.

Вместе с тем, сотрудники казахстанской полиции, как и сотрудники большинства стран постсоветского пространства в отличие от своих коллег из США, не обеспечены правовым механизмом решительного применения силовых приемов, сталкиваясь в своей повседневной практике с проблемой определения законности применения огнестрельного оружия, специальных средств и физической силы к правонарушителям, так, как в определенных случаях их правомерность может быть поставлена под сомнение, и позиция суда, возможно, примет обвинительный уклон.

Примечательно, что право применения огнестрельного оружия, специальных средств и физической силы казахстанскими полицейскими, вытекающее из положений Закона «О правоохрани-

¹ Протесты в США и мире после убийства Джорджа Флойда. Что происходит? <https://rossaprimavera.ru/news/99b1887f> (Дата обращения: 12.08.2022)

тельной службе», вместе с тем ограничено нормами Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятого Резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН от 17.12.1979.

Согласно ст.3 настоящего Кодекса должностные лица по поддержанию правопорядка могут применять силу только в случае крайней необходимости и в той мере, в какой это требуется для выполнения их обязанностей¹.

Иными словами, использование силовых средств должностными лицами правоохранительных органов практикуется в порядке исключения, а самой крайней мерой является применение огнестрельного оружия.

В соответствии со ст.3 огнестрельное оружие применяется в случаях, «когда подозреваемый правонарушитель оказывает вооруженное сопротивление или иным образом ставит под угрозу жизнь других людей»²

Таким образом, подобные нормы международных правовых актов, в практической ситуации пресечения массовых беспорядков, приводят сотрудников органов правопорядка той или иной страны, к сложной дилемме принятия решения: «применить жесткий силовой метод воздействия к правонарушителям или отказаться от него».

О том, что это представляет собой практическую проблему и препятствие для полноценного пресечения массовых беспорядков, свидетельствует практика свершившихся государственных переворотов и цветных революций.

К классическим примерам «цветных революций» можно отнести организованные массовые протесты, следствием которых стала смена власти, вошедшие в анналы истории под различными благозвучными названиями бархатного либо цветочного оттенка³.

¹ Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (принят Резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН от 17.12.1979) // СССР и международное сотрудничество в области прав человека: документы и материалы. М., 1989. С. 5.

² См. Там же.

³ См.: Филимонов Г., Данюк Н., Юраков М. Переворот / Г. Филимонов, Н.Данюк, М. Юраков. СПб.: Питер (Серия «Новая политика»), 2016. С.127-128.

Закономерно, что общей и существенной их особенностью, являлось фактическое неприменение жестких репрессивных и силовых методов к протестующим со стороны силовых ведомств, что очевидно организаторами и участниками массовых беспорядков воспринималось как слабость, и тем самым усиливало «революционный порыв» и чувство агрессивной вседозволенности.

При этом руководство государств, в лице высших должностных лиц, возглавлявших на тот момент страну, идя на уступки протестующим, теряло кредит доверия у основной массы населения, и способствовало еще большему усилению накала враждебности со стороны оппозиции, в итоге отдавая себя на растерзание деструктивных сил.

Пример КНР является во многом показательным для большинства стран, когда путем жесткого подавления деструктивных сил на площади Тяньаньмэнь в 1989 года, руководству страны удалось пресечь революцию в ее самом «зародыше», сохранив политическую стабильность и обеспечив тем самым дальнейший экономический рост Китая, приведший его к числу мировых гегемонов¹.

В этой связи, знание основ идеологии «цветных революций» сотрудниками казахстанской полиции в современных условиях приобретает особую актуальность, так, как на сегодняшний день нельзя исключать вероятность повторных попыток массированных террористических атак и государственного переворота в Республике Казахстан, по апробированному но нереализованному сценарию.

Поэтому все без исключения сотрудники казахстанской полиции должны детально изучить известный труд под названием «198 методов ненасильственных действий», написанный идеологом «цветных революций» американским политологом Джином Шарпом, ставший по сути учебно-практическим пособием по организации государственного переворота².

¹ См.: Танки после Горбачева: как разгоняли студентов на Тяньаньмэнь. Доступ с сайта https://www.gazeta.ru/science/2019/06/04_a_12394045.shtml (Доступ с сайта: 14.08.2022)

² См.: 198 методов ненасильственных действий. Доступ с сайта URL://<https://medium.com/@neonom.info/198-методов-ненасильственных-действий-fa0bb6e740c3> (Дата обращения 15.08.2020).

Труд содержит пошаговую инструкцию демонтажа структуры политической власти в государстве, начиная с публичных выступлений, использования цветной символики, проведения траурных политических акций, дискредитации руководства страны, сотрудников правопорядка, и заканчивая созданием параллельного правительства.

Хотя массовые беспорядки не отнесены ни к одному из 198 прописанных ненасильственных методов, нельзя не усмотреть то, что вся выстроенная так называемая «ненасильственная» методология направлена на их (т.е. массовых беспорядков) провокацию, чтобы в результате столкновения с органами правопорядка произошло как можно больше трагических последствий в виде конкретных жертв.

Далее это становится оправданием для применения насилия к представителям власти и перехода в активную фазу наступления, где массовым беспорядкам отведена роль тарана, разрушающего конституционный строй государства.

Особое внимание сотрудников полиции должно занимать наличие пункта 33 Раздела «Давление на людей», именуемого, как «Братание с солдатами».

Понятием «солдаты» Джин Шарп очевидно охватил все категории сотрудников правоохранительных органов участвующих в пресечении групповых нарушений общественного порядка, в связи, с чем офицерам полиции логично идентифицировать себя с подразумеваемой человеческой военной единицей¹.

Делается это, для того чтобы, во-первых, создать идеализированный образ о протестующих, как о демонстрантах, преследующих исключительно мирные конструктивные цели, что в кадрах новостных лент в период подготовки государственного переворота, сопровождается умильной сценой вручения цветов «стражам порядка», от чего и происходит лексическое значение известного термина «цветная революция».

Во-вторых, таким способом воздействия, организаторы переворотов обнажают защитные ряды легитимной власти, облегчая

¹ См.:198 методов ненасильственных действий. Доступ с сайта URL://<https://medium.com/@neonom.info/198-методов-ненасильственных-действий-fa0bb6e740c3> (Дата обращения 15.08.2022).

работу боевых групп, участвующих в массовых беспорядках, которая заключается в насильственном давлении на сотрудников полиции, включая использование зажигательных смесей (коктейлей «Молотова») взрывных устройств.

В этой связи сотрудник полиции, стоящий на страже конституционного порядка должен осознавать, что «братаясь» с протестующими он не становится на сторону народа, а фактически изменяет присяге, предаёт своих боевых товарищей, оставляя их на произвол грозящей фатальной опасности, и в итоге способствует дальнейшему хаосу и беззаконию.

Кроме того, наивно полагать, что сделанный таким образом жест позволит ему в случае прихода нелегитимным путем к власти новой правящей элиты, избежать репрессий, так как и в ее сознании бывшие сотрудники правопорядка будут восприниматься как «враги народа» и «сатрапы».

Единственный выход из проблемной ситуации, вызванной трудностью принятия решения в момент призывов, протестующих к переходу на сторону «народа», нам видится в неукоснительном следовании служебным инструкциям и приказам, которые вместе с тем исключают использование жестоких унижающих человеческое достоинство способов.

Рассуждая по поводу разницы в степени гуманности применяемых методов государственной властью и организаторами протестных акций деструктивного характера, полагаем, что применение водометов, используемых сотрудниками правопорядка и резиновых пуль не представляют такой опасности для жизни и здоровья протестующих, по сравнению с насильственными способами, применяемыми бунтующими, которые прямо направлены на причинение вреда жизни и здоровью человека.

В какой-то степени, по нашему мнению, примененные в рамках закона специальные средства и физическая сила для самого же нарушителя представляют несомненное благо, так как своевременно пресеченная с его стороны агрессия, не приведет к масштабным разрушениям и гибели человека, оградив потенциального преступника от длительного срока отбывания наказания в местах лишения свободы.

Определенный интерес в свете совершенствования методики пресечения массовых беспорядков представляет рассмотрение

возможности применения в условиях Республики Казахстан оружия нелетального действия (ОНД).

Преимуществом и особенностью данного вида оружия является использование электромагнитной и иной энергии, что, в отличие от огнестрельного оружия, исключает нанесение физического вреда здоровью человека¹.

Оружие нелетального действия позволяет вытеснить участников массовых беспорядков с занимаемой ими площади, либо удержать их на расстоянии не менее 30 и не более 200-250 метров.

Воздействие оружия нелетального действия вызывает у человека болевые ощущения и рефлексивную реакцию панического побега.

Физиологической реакцией, характерной для болевого стресса от действия оружия нелетального действия, является изменение поведения человека в толпе.

Благодаря воздействию КВЧ-излучения, внутриклеточная жидкость человека провоцирует интенсивное возбуждение рецепторов и терморецепторов боли в верхних слоях кожи, повышая температуру человека.

Проникновение в кожный покров не более чем на десятые доли миллиметра, исключает травматическое воздействие на внутренние органы².

Полагаем, что в перспективе подобные средства нелетального действия должны быть взяты на вооружение в подразделениях полиции и Национальной гвардии, что вне всякого сомнения повысит уровень обеспечения общественной безопасности и защиты основ конституционного строя государства.

В целом по итогам рассмотренных в статье вопросов вытекают следующие выводы.

¹ См.: Зайцев Д.В., Сосков Д.Ю., Фотеев А.В. Оружие нелетального действия на основе излучений: физические особенности и перспективы применения // Военная мысль. 2013. № 4. С. 30-37.

² См.: Бурлаков К.Ю., Наумов Н.Д., Пантелеев С.В. Аналитическая модель теплового воздействия КВЧ-излучения на биоткани // Биомедицинская радиоэлектроника. 1998. № 4. С. 30-33.

1. Феномен протестного движения, инспирируемого определенными оппозиционными кругами является фактором возникновения массовых беспорядков, представляющих угрозу для безопасности государства и его конституционного строя.

2. Происходящие в зарубежных государствах попытки государственных переворотов происходят по отработанному сценарию методологии «цветных революций».

3. Качественный уровень защиты конституционного строя зависит от степени готовности сотрудников правопорядка решительно пресекать массовые беспорядки, происходящие на ниве политического протеста, которая обусловлена наличием гарантий, снижающих вероятность привлечения их к уголовной ответственности за фактически добросовестное исполнение своих должностных обязанностей.

4. В качестве наиболее эффективного инструмента пресечения массовых беспорядков целесообразно использовать специальные средства нелетального действия, так как в отличие от огнестрельного вида оружия, они не влекут причинение вреда здоровью или смерти человека, но вместе с тем влияют на рассредоточение агрессивной толпы и вытеснение ее из эпицентра основных событий.

Андреев Николай Александрович,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Особенности личности современного преступника-экстремиста и его мотивация в механизме преступного поведения

Личность – это многомерное, многогранное понятие, представляющее атрибуты моральной и социальной значимости, выражаемые отдельными людьми. Формирование личности происходит под влиянием окружающей среды (родственники, семья, школа, правила поведения и моральные ценности и т.д.). Когда

дети вырастают, они воспринимают различные социальные моральные кодексы поведения, усваивают их и адаптируют к себе в процессе эмоционального и интеллектуального развития¹.

Как известно, человек не рождается личностью, а становится в процессе жизни. Следовательно, человек не является прирожденным преступником. Неблагоприятное формирование личности является предпосылкой для преступного поведения. Это главная криминологическая проблема.

В совокупности положительных и отрицательных качеств в процессе социального взаимодействия личность формируется под влиянием социальной среды. Во многом поведение человека определяется соотношением его личностных качеств. Личность в целом характеризуется комплексом положительных и отрицательных качеств и атрибутов общества, их актуальностью и структурой.

Таким образом, личность преступника – это типологическое понятие, которое характеризуется интегрированными в личность значимыми негативными качествами общества, которые формируются в процессе различных взаимодействий с людьми.

Целью изучения личности субъекта преступлений экстремистской направленности является установление и рассмотрение девиантного поведения и преступности как двух взаимообусловленных социальных явлений, их причинно-следственной связи, детерминант, а также выработка научно обоснованных мер рекомендательного характера, направленных на противодействие таким преступлениям².

Личность преступника образуют социально-демографические характеристики, содержание которых позволяет установить особенности формирования негативно значимых качеств.

Одним из таких признаков является возраст лица, совершившего преступление. Возрастную группу данной категории субъектов составляют лица от 14 до 50 лет и старше. Среди несовершеннолетних подавляющее большинство составляют лица в возрасте

¹ Разумеева Я.А. Личность преступника в криминологии // Вопросы российской юстиции. 2020. С. 994.

² Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года. Утверждена Президентом РФ 28 ноября 2014 г. № Пр-2753 [Электронный ресурс]. Сайт Совета Безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru> (дата обращения: 07.11.2022)

от 14 до 17 лет, что обусловлено их социальной неорганизованностью, отсутствием места работы или учебы, безнадзорностью и беспризорностью, а также подверженности пропаганде экстремистского характера¹.

Эти лица сплачиваются в различные агрессивно настроенные группировки и совершают преступления на основе вражды или ненависти по определенным мотивам (к примеру, причинение вреда здоровью различной степеней тяжести лицам, представляющим те или иные национальности или конфессии).

По данным официальной статистики, в период с 2020 по 2021г. было выявлено 4873 лица, совершивших преступления экстремистской направленности. Из этого числа лица, в возрасте от 14 до 15 лет составили 0,3%; от 16 до 17 лет – 14,9%; от 18 до 24 лет – 40,3%; от 25 до 29 лет – 29,8%; от 30 до 49 лет – 12,8%; от 50 и старше – 1,9%².

Доля лиц женского пола в количественном составе субъектов преступлений экстремистской направленности незначительна – 2,8%. При этом, в большинстве случаев они играли роль подстрекателя или пособника, и лишь небольшая часть из общего количества выступила в качестве исполнителя преступления.

В зависимости от наличия образования, выделяются преступники экстремисты, имеющие среднее профессиональное – 35,9%, и среднее (полное) общее образование – 29,5%³.

Среди лиц, совершивших преступления экстремистской направленности доля тех, кто не имеет постоянного источника дохода составляет – 43,7%, а доля тех, кому имеющегося дохода недостаточно для удовлетворения потребностей составляет – 58%⁴.

Величина субъектов преступлений экстремистской направленности, которые ранее совершали противоправные деяния, не связанные с экстремизмом, составляет 15,2%. Для большинства из

¹ Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2021 года и ожидаемые тенденции их развития: аналитический обзор. М.: ВНИИ МВД России, 2022. С. 24.

² Абдулганеев Р.Р., Миронов С.Н. Криминологический портрет личности современного экстремиста // Вестник Казанского юрид. ин-та МВД России. 2018. № 1 (31). С. 42-47.

³ Характеристика выявленных лиц, совершивших преступления: сводный отчет ГИАЦ МВД России за период с 2020 по 2021 г. М., 2022.

⁴ Там же.

них было характерно совершение преступлений против собственности и против общественной безопасности.

Более 80% преступников выразили недоверие и презрение к суду и правоохранительным органам, большинство из них не признали своей вины.

Таким образом, основываясь на вышесказанном, можно сделать заключение о том, что социально-демографические характеристики субъекта преступлений экстремистской позволяют представить его криминологический портрет. В большинстве случаев, лицо мужского пола, возрастом от 18 до 29 лет, как правило имеющий среднее профессиональное или среднее (полное) общее образование, не имеющий постоянного источника дохода либо же с таковым, но в объеме, не обеспечивающем удовлетворение основных потребностей. Данное лицо, чаще всего, не имеет криминального опыта, а если и имеет, то этот опыт связан с деяниями не экстремистского характера, как правило не представляющими общественной опасности.

Наряду с личностью преступника, важную роль в формировании механизма преступного поведения получает потерпевший, личность которого, как правило, изучается в рамках криминологического учения о жертве (виктимологии).

Личность потерпевшего представляет собой совокупность сведений о физических, биологических, психологических, демографических и иных свойств, характеризующих пол, возраст, образ жизни, профессиональное положение, наличие образования, отношение к религии, принадлежность к определенной расе или нации. Изучение всех этих свойств представляет научный интерес, поскольку на основе указанных данных можно составить более подробный и полный личностный портрет лица, совершившего преступления экстремистской направленности, определить его мотивы, круг возможных участников, а также выработать наиболее рациональные меры профилактики таких преступлений.

Исходя из понятия преступлений экстремистской направленности, потерпевшим от данных посягательств может стать абсолютно любой человек, относящийся к той или иной национальности, расе, конфессии, социальной группе, а также лицо, придерживающийся собственных политических взглядов.

Учитывая тот факт, что к такой категории преступлений будет относиться любое деяние, совершенное по экстремистскому мотиву, выделить из общей массы какие-либо конкретные черты личности потерпевшего не представляется целесообразным.

Отличительной чертой преступлений экстремистской направленности является мотив. В данном случае он становится обязательным элементом субъективной стороны состава преступления, подлежащим неминуемому доказыванию¹.

Исходя из понятия преступлений экстремистской направленности мотивом в данном случае будет выступать ненависть или вражда. По мнению некоторых авторов, можно ограничиться лишь понятием вражда, так как ненависть не проявляется во внешней действительности, а кроется в самом человеке. С таким подходом нельзя согласиться, поскольку чувство ненависти способно побудить человека к определенным действиям. Вражда подразумевает взаимные ненавистные отношения, а ненависть субъективное чувство отдельного человека. Нельзя исключать тот факт, что индивид, испытывая чувство ненависти, к примеру, к той или иной расе или нации, предпринимает определенные меры по реализации своих ненавистных замыслов. К примеру, между представителем такого движения как «скинхеды» и представителем кавказской национальности может и не быть вражды, так как последний не испытывает к первому чувства ненависти. Но, это не будет исключать возможность совершения преступления по экстремистскому мотиву со стороны «скинхеда» в отношении лица кавказской национальности. Следовательно, при определении мотива преступлений экстремистской направленности следует оперировать как понятием ненависть, так и понятием вражда.

Формирует указанные мотивы так называемая ксенофобия, то есть нетерпимость к кому-либо или чему-либо. В широком смысле в данное понятие входят виды национальной, социальной, политической нетерпимости, а в узком – неприятие людей иной национальности.

¹ Кашепов В. Квалификация преступлений экстремистской направленности // Уголовное право. 2007. № 3. С. 33.

Цели преступлений экстремистской направленности можно определить исходя из положений ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»¹, но ими также не стоит ограничиваться. С учетом вышесказанного можно сформулировать следующие цели рассматриваемой категории преступлений:

1. Изменение конституционного строя или территориальной целостности государства.

2. Оправдание идеологии терроризма.

3. Разжигание расовой, национальной, конфессиональной или социальной ненависти или вражды.

4. Распространение пропаганды превосходства или неполноценности человека по его принадлежности к той или иной расе, нации, религии, социальной группе, языку, на котором ведется речь.

5. Дискриминация человека в зависимости от национальной, расовой, религиозной, социальной, языковой принадлежности.

6. Воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования.

7. Воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций.

8. Захват и удержание власти в государстве.

Распространенность анализируемых преступлений гораздо выше, чем это отражают данные официальной статистики. Рассматриваемые деяния обладают высокой латентностью и не всегда получают надлежащую правовую оценку из-за поливариативности самого явления «экстремизм»².

Проанализировав динамику зарегистрированных преступлений экстремистской направленности, размещенную на портале

¹ О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон Российской Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (в ред. ФЗ 14 июля 2022 г. № 303-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 июля 2002 г. № 30 ст. 3031

² Харламова А.А., Макеева И.С. Преступления экстремистской направленности: общая характеристика и некоторые особенности // Российский следователь. 2022. № 1. С. 55-59.

правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации, за период с 2010 года по февраль 2022 года, можно говорить, что в настоящее время наблюдается рост данных преступлений. С начала года по февраль на территории Российской Федерации уже зарегистрировано 159 преступлений экстремистской направленности (март уже 340). Наибольшее число таких преступлений за 2010-2021 годы приходится на 2017 год (зарегистрировано 1521 преступления). Начиная с 2019 года по 2021 год можно наблюдать возрастание количества зарегистрированных преступлений, совершенных по экстремистскому мотиву (в 2019 году – 585; в 2020 году – 833; в 2021 году – 1057)¹.

Согласно отчету о числе лиц, осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам, по составам преступлений, предусмотренных главой 29 УК РФ за 2021 год было осуждено 527 лиц.² Наибольшее количество лиц были осуждены за совершение преступления, предусмотренного частью 2 статьи 280 УК РФ. Это говорит о том, что наиболее частым способом совершения указанных преступлений, является использование средств массовой информации, в том числе телекоммуникационной сети «Интернет». Это обуславливается тем, что в таком случае объективная сторона будет всегда доведена до конца, а также тем, что под призыв, размещенный в СМИ подпадает большее количество людей. По части 1 указанной статьи УК РФ осуждено всего 13 лиц, что также свидетельствует о преобладании способа совершения преступления с использованием средств массовой информации.

Рассмотрев статистику преступлений экстремистской направленности нетрудно заметить стабильный рост их числа вплоть до конца 2018 года, после чего наблюдается значительное снижение количества указанных преступлений, после декриминализации большинства деяний, ранее предусмотренных ст. 282 УК

¹ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2021 года // Генеральная прокуратура Российской Федерации: портал правовой статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 07.11.2022)

² Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2021 год // Судебный Департамент Российской Федерации: данные судебной статистики [Электронный ресурс] URL: <http://cdep.ru> (дата обращения: 07.11.2022)

РФ. После этого в государстве принимались определенные меры по усилению противодействия экстремизму. В 2021 году Президентом Российской Федерации был подписан федеральный закон, согласно которому все социальные сети обязаны блокировать запрещенный контент – призывы к осуществлению экстремистской деятельности, информацию, выражающую прямое неуважение к обществу и государству.

Проанализировав действующее уголовное законодательство Российской Федерации можно утверждать о том, что одной из дефиниций, которые используются при формировании отдельных уголовно-правовых норм, является обстановка совершения преступления.

Такое понятие как «обстановка» определяет различные явления: социальные, экономические, политические, бытовые и т.д. Оно выступает в качестве объекта межотраслевого исследования, поскольку данному понятию уделяется внимание в науке уголовного права, криминологии, криминалистике, а также уголовно-процессуальном праве, что свидетельствует о значимости этой категории и присущих ей неоднородных свойствах.

При определении понятия «обстановка совершения преступления» следует учитывать следующее:

– условия или факторы, приобретающие уголовно-правовое значение

– условия или факторы, которые конкретизированы в уголовном законе или вытекают из его содержания

– конвергенцию событий, условий, обстоятельств, в которых совершается преступление.

На основе вышеизложенного, обстановку совершения преступления можно определить как систему взаимодействующих условий, характеризующих многогранность окружающего мира, в которых совершается общественно опасное деяние. Такие условия могут оказывать воздействие на характер и степень общественной опасности преступления, а также и на лицо, совершившее преступление¹.

¹ Яблонский К.А., Ченчиковский А.Д. Понятие обстановки совершения преступления // Закон и право. 2022. № 4. С. 231-233. <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2022-4-231-233>.

Одним из факторов, обуславливающих обстановку совершения преступлений экстремистской направленности, является экономический. Его могут охарактеризовать: низкий темп развития экономики отдельного административно-территориального образования; значительный показатель населения с низким доходом; большая доля нетрудоустроенных молодых людей и т.д. Указанный фактор особенно актуален в условиях экономического кризиса, при котором наблюдается нарастание протестных проявлений и активизация экстремистских движений¹.

Значительное количество преступлений экстремистской направленности совершается в период массовых мероприятий в целях дестабилизации политической обстановки, разобщения общественных настроений и демонстрации отсутствия страха перед наказанием у преступников-экстремистов. Массовое скопление людей выступает в качестве своего рода укрытием для обеспечения более продолжительного периода осуществления преступного поведения, а также как вспомогательное средство, в случае если отдельные лица из толпы поддадутся экстремистской пропаганде и вступят на сторону правонарушителей.

Таким образом, обстановка совершения преступлений экстремистской направленности характеризуется условиями экономического кризиса, а также периодом политических или социальных волнений, массовыми мероприятиями законного характера независимо от времени суток.

Подводя итог, основываясь на всем вышесказанном, можно сделать вывод о том, что совершение преступлений экстремистской направленности характерно для лиц в возрасте от 18 до 49 лет, не имеющих постоянного источника дохода, обладающих высшим или средним профессиональным образованием и ранее не привлекавшимися к ответственности за подобного рода деяния, либо привлекавшимися за преступления против личности или собственности. В основе указанных преступлений лежит экстремистский мотив, определение которого является обязательным для отнесения конкретного преступления к категории экстремистской

¹ Абросенко С.С. Анализ оперативной обстановки экстремистских проявлений против жизни и здоровья // Российский следователь. 2012. № 16. С. 34 - 37.

направленности. Совершение указанных преступлений характерно в период экономического кризиса или при межэтнических, межконфессиональных стычках, а также при массовых мероприятиях разного характера.

Все вышеизложенное убеждает в необходимости выработки более эффективных мер по противодействию экстремизму, чем существующие сегодня. При этом деятельность правоохранительных органов в области предупреждения преступлений экстремистской направленности, в первую очередь, должна быть научно обоснована и направлена на выявление обстоятельств, способствующих их совершению.

Бешкок Алена Анатольевна,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России

**Вопросы правовой регламентации участия лиц,
не обладающих процессуальным статусом,
в производстве по уголовным делам и пути их решения**

Уголовное судопроизводство сложный и многоуровневый, поэтапный процесс. В действующем уголовно-процессуальном законодательстве находит отражение и закрепление четкая регламентация производства процессуальных действий, совершаемых должностными лицами правоохранительных органов, деятельность участников, вовлекаемых в производство по уголовным делам, как со стороны обвинения, так и со стороны защиты.

Особое внимание уделим нормам, закрепляющим процессуальный статус участников уголовного судопроизводства и лиц, не обладающих таким статусом, однако привлекаемых к производству по уголовным делам.

Обратимся к ст. 5 УПК РФ «Основные понятия, используемые в УПК»¹. В ней содержится довольно внушительный перечень понятий, используемый в уголовном процессе, в том числе это касается лиц, привлекаемых к участию в производстве по уголовным

¹ Уголовно-процессуальный кодекс. М.: Проспект, 2022.

делам, как на стадии досудебного, так и судебного производства. Не все лица, упомянутые в вышеуказанной статье, законом прямо отнесены к участникам уголовного судопроизводства.

Некоторые из перечисленных в ст. 5 УПК РФ упоминаются в различных статьях и разделах УПК РФ, однако правовой статус таких лиц определен либо не в полной мере, либо не определен вообще. К таковым относятся: государственный обвинитель, присяжный заседатель, секретарь судебного заседания, близкий родственник обвиняемого, педагог, психолог, лицо, к которому применяются принудительные меры медицинского характера, лица, предъявляемые для опознания, и иные.

П.Г. Марфин отнес таких лиц к «участникам уголовного процесса с неопределенным правовым статусом»¹.

Возможно ли, что лицо, привлекаемое к участию в уголовно-процессуальных отношениях, не относится к участникам уголовного судопроизводства?

Любое лицо, вовлекаемое в сферу уголовного процесса, на любой его стадии, находит закрепление в нормах действующего законодательства. Он автоматически наделяется определенными правами и обязанностями, несет уголовную ответственность, в случае нарушения закрепленных обязанностей.

При отсутствии закрепленного процессуального статуса лица, вовлекаемого в производство по уголовным делам, возникает ряд вопросов, как правового, так и практического характера.

Первый вопрос, на который хотелось бы обратить внимание, заключается в определении правового статуса лица, который обращается в правоохранительные органы с заявлением о совершенном в отношении него преступлении. Конечно, если доводы, изложенные им в заявлении, найдут подтверждение, то по результатам проверки сообщения о преступлении будет принято решение о возбуждении уголовного дела. Лицо признают потерпевшим по уголовному делу, и автоматически он приобретет статус участника уголовного процесса – потерпевшего, с наделением его соответствующих прав и обязанностей, закрепленных в ст. 42 УПК РФ.

¹ Марфин П.Г. Участники уголовного процесса с неопределенным правовым положением // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы правоприменительной деятельности: межвуз. сб. науч. тр. / отв. Ред. В.А. Азаров. Омск: Ом.Высш. Шк. Милиции МВД России, 1993. С. 21-27.

В данном случае, необходимо отметить, что по результатам проверки сообщения о преступлении, принимается решение о возбуждении уголовного дела.

В противном случае, если факты, не найдут своего подтверждения, то принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела. И тогда, мы сталкиваемся с ситуацией, что лицо, обратившееся в правоохранительные органы с целью защиты своих прав, от преступного посягательства, не наделяется никаким процессуальным статусом.

Анализируя нормы УПК РФ, мы понимаем, что вскользь, между строк законодатель именуется такое лицо заявителем (например, ст. 141, 144-145 УПК РФ). Данное положение, нам видится довольно странным, так как уже в момент написания заявления о совершенном в отношении лица преступлении, это лицо предупреждается об уголовной ответственности по ст. 306 УК РФ за заведомо ложный донос о совершенном преступлении. В ходе проверки сообщения о преступлении, данное лицо подробно опрашивается о доводах, изложенных им в заявлении. В ходе опроса сотрудник, производящий его, разъясняет, что лицо, согласно ст. 51 Конституции РФ, может не свидетельствовать против себя и своих близких родственников, круг которых определен действующим законодательством.

Иначе говоря, правоохранительные органы в данном случае, сталкиваются с ситуацией, когда они действуют интуитивно, по привычке, придавая лицу, обратившемуся с заявлением о совершенном преступлении, статус заявителя, который не закреплен в УПК РФ, а только лишь эпизодически упоминается. Остается открытым вопрос прав и обязанностей, такого лица, даже не смотря на то, что номинально он становится участником досудебного производства.

Следующий проблемный вопрос, на который обращаем внимание, привлечения лица, не обладающего процессуальным статусом – это близкий родственник обвиняемого, который может быть допущен в качестве защитника по решению суда (ч. 2 ст. 49 УПК РФ). В практической деятельности правоприменительные органы именуют такое лицо «общественным защитником». В последнее время, привлечение таких лиц, по инициативе обвиняемых, приобретает популярность. Почему? Ответ, на наш взгляд, прост. Для упрощения доступа к участию в следственных и процессуальных

действиях, упрощению процедуры свидания с обвиняемым, в отношении которого применена мера пресечения в виде заключения, его близкого родственника.

Действующие уголовно-процессуальные нормы упоминают о данной категории участников лишь вскользь, приравнивая их к профессиональным адвокатам. Нам, такая позиция законодателя видится не допустимой, потому что остается открытым вопрос процессуальных прав и обязанностей, которыми наделяются «общественные защитники». В отличие от «заявителя», такие участники уголовно-процессуальных отношений, пользуясь пробелами законодательства и четко очерченным кругом прав и обязанностей, начинают ими злоупотреблять, препятствуя нормальной деятельности должностных лиц, осуществляющих процессуальную деятельность, воображая себя адвокатами, хотя таковыми не являются.

Аналогичные проблемы существуют и при определении процессуального статуса психолога, педагога, привлекаемых к производству по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Данные участники находят упоминание в главе 50 УПК РФ. Хочется отметить, что участие данных субъектов является обязательным условием, при производстве следственных действий с участием несовершеннолетних. Однако, порядок их привлечения и круг полномочий не определен, что не выдерживает критики, так как они призваны на защиту интересов отдельной, специальной категории участников уголовного процесса – детей, которые зачастую не понимают своей роли в том или ином следственном действии. В противовес данному факту, можно поставить то, что защита прав несовершеннолетних ложится полностью на их законных представителей, к слову о которых тоже в уголовно-процессуальных нормах упоминается только эпизодически. Но, мы позволим себе не согласиться с этим, так как роль психолога и педагога играет большое значение, иногда дети доверяют им в больше, чем собственным родителям. А по логике законодателя, привлекать к участию их необходимо, но каким образом и какими правами наделять, остается на усмотрение конкретного должностного лица, проводящего следственное действие, или рассматривающего уголовное дело в суде.

Также, хотелось бы уделить внимание лицам, предъявляемым для опознания. Иначе говоря, «статистам». Законодатель также не

счел нужным эту категорию лиц отнести к участникам уголовного процесса. В связи с чем, возникает вопрос о правовом статусе «статистов». Бытует мнение, что роль таких лиц эпизодична, статична, и отнесение их участником не имеет смысла. Позволим себе, не согласится.

Предъявление для опознания – это следственное действие, его результаты в последующем становятся доказательствами по уголовному делу и зачастую, обвинительными. В связи с этим, следует полагать, что все участвующие лица должны наделяться минимальными правами, как в ходе проведения, так и по результатам следственного действия: возможностью делать замечания по ходу проведения следственного действия, приносить жалобы на действия и решения должностных лиц, если их права были нарушены. Если мы обратимся к процессуальному оформлению данного следственного действия – протоколу предъявления лица для опознания, то заметим, что данные о «статистах» (фамилия, имя, отчество, дата рождения и даже адрес проживания) заносятся в протокол, с которым знакомятся все участвующие в следственном действии лица. Соответственно, роль «статистов» перестает быть просто статичной, и последствия участия их в отдельном следственном действии, обретает правовой характер. Данное обстоятельство и факт вовлечения лиц, предъявляемых для опознания, в процессуальную деятельность, может повлечь за собой любые правовые последствия, включая конфликты и спорные ситуации. Иначе говоря, закрепление процессуального статуса таких лиц в законе, позволило бы сократить возникновение подобных ситуаций.

Отраженные в статье вопросы, касаемо определения правового статуса лиц, привлекаемых на всех этапах уголовного судопроизводства и не наделенных статусом участника, требуют дальнейшего изучения и проработки возможных вариантов изменения действующего законодательства в данной части.

Подводя итог сказанному, можно отметить, что на законодательном уровне необходимо качественно переработать раздел II Уголовно-процессуального кодекса «Участники уголовного судопроизводства» включив в него всех лиц, привлекаемых к участию в уголовном судопроизводстве. По нашему мнению, лиц, проблемы определения правового статуса которых, на сегодняшний

день, остаются актуальными, возможно было бы объединить в отдельную группу – «Вспомогательные участники уголовного судопроизводства». Это позволило бы придать правовой статус этим лицам, наделить их правами и обязанностями, в соответствии с отведенной им ролью и процессуальной необходимостью участия в уголовном судопроизводстве. Данные изменения, на наш взгляд, позволили бы сократить коллизии закона, упростили определения правового статуса и порядок привлечения к участию по уголовному делу указанных лиц, помогли бы избежать многих спорных вопросов и конфликтных ситуаций, возникающих в практической деятельности.

Бикмашев Виталий Абдулхаевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и крими-
нологии

Краснодарского университета МВД России;

Савенко Ирина Алексеевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

**Соотношение институтов Общей части
уголовного законодательства Казахстана, Киргизии,
России и Узбекистана**

«У того, кто решит изменить все законы,
не останется времени их нарушать»

Иоганн Вольфганг Гёте¹

Уголовное законодательство России не идеально. Доказательством этому утверждению служат многочисленные поправки и изменения, вносимые в уголовное законодательство. По состоя-

¹ Гёте Иоганн Вольфганг (1749-1832), немецкий поэт.

нию на сегодняшний день в УК РФ внесено 1880 изменений и дополнений. Не подвергались изменениям только 48 статей, из них в Общей части – 41 и в Особенной части – 7.

Юристам часто приходится обращаться к зарубежному законодательству с целью более глубокого понимания всех нюансов российского законодательства и выработки наиболее полной и удачной техники построения уголовно-правовых норм. При этом используется сравнительное правоведение, под которым понимают «научное направление, представляющее собой понятийный аппарат о правовых системах современности»¹ и используется сравнительный метод. Мы поставили перед собой цель проанализировать законодательство четырех государств.

Уголовный кодекс Республики Казахстан состоит из 7 разделов и 98 статей.

Раздел 1 «Уголовный закон» содержит девять статей, которые определяют задачи; разъяснения; основания уголовной ответственности; действие уголовного закона во времени и по кругу лиц; обратную силу закона; порядок выдачи лиц, совершивших правонарушения.

Раздел 2 «Уголовные правонарушения» включает двадцать девять статей, которые раскрывают: понятие преступления и уголовного проступка; категории преступлений; неоднократность и совокупность правонарушений; виды рецидива; признаки лиц, подлежащих уголовной ответственности; формы вины; приготовление к преступлению; покушение на преступление; оконченное преступление; соучастие в правонарушении и виды соучастников; обстоятельства, исключающие преступность деяния.

Раздел 3 «Наказание» содержит четырнадцать статей: понятие, цели и виды наказаний.

Раздел 4 «Назначение наказания» состоит из тринадцати статей: общие начала назначения наказания; обстоятельства смягчающие и отягчающие уголовную ответственность; назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено законом; назначения наказания за неоконченное преступление, правонарушение, совершенное в соучастии, по совокупности уголовных правонарушений, при

¹ Галактионова Л.В. Сравнительное правоведение в терминах и определениях. М., 2014. 100 с.

разновидности рецидива преступлений, совокупности приговоров; определение сроков наказания при их сложении; исчисление сроков наказаний и зачет наказания; условное осуждение и отмена его.

Раздел 5 «Освобождение от уголовной ответственности и наказания» предусматривает пятнадцать статей: освобождение от ответственности в связи с деятельным раскаянием, при превышении пределов необходимой обороны, при выполнении условий процессуального соглашения, в связи с применением, изменением обстановки, истечением срока давности, истечением срока давности обвинительного приговора; освобождение от наказания с установлением поручительства, условно-досрочное освобождение, замена неотбытой части наказания более мягким либо сокращение срока наказания; отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, мужчинам, в одиночку воспитывающим малолетних детей, освобождение от наказания и отсрочка отбывания наказания вследствие стечения тяжелых обстоятельств; освобождение на основании акта амнистии, помилования, погашения или снятия судимости.

Раздел 6 «Уголовная ответственность несовершеннолетних» содержит одиннадцать статей: понятие несовершеннолетних, виды наказаний, которые могут быть им назначены и условия их назначения; условия, которые необходимо учитывать при назначении наказания и при освобождении от уголовной ответственности и наказания; виды содержания и сроки, применения принудительных мер воспитательного воздействия; условно-досрочное освобождение несовершеннолетних от отбывания наказания; сроки замены неотбытой части наказания, сроки давности и погашения судимости; особенности применения положений 6 раздела к лицам в возрасте от 18 до 21 года.

Раздел 7 «Принудительные меры медицинского характера. Иные меры уголовно-правового воздействия» включает в себя десять статей: основания, цели и виды принудительных мер медицинского характера; их порядок продления, изменения и прекращения; назначение наказания после применения принудительных

мер и принудительные меры, соединённые с исполнением наказания; принудительный платеж и его размер¹.

Как видим, в уголовном законодательстве Казахстана в зависимости от степени общественной опасности уголовные правонарушения подразделяются на преступления и уголовные проступки, причинившее незначительный вред либо создавшее угрозу причинения вреда.

Уголовный кодекс Республики Киргизия состоит из пяти разделов, восемнадцати глав и 121 статьи.

Раздел I «Уголовный закон» содержит две главы.

Глава 1. «Уголовный закон, его цели, задачи и принципы» включает в себя десять статей, из которых одна статья дает понятие закона, его цели и задачи и девять статей определяют принципы уголовного закона.

Глава 2 «Пределы действия уголовного закона» состоит из семи статей: действие уголовного закона во времени; обратное действие уголовного закона; в отношении преступлений, совершенных на территории Кыргызской Республики; в отношении лиц, совершивших преступления за пределами Кыргызской Республики; а также выдача лиц, совершивших преступление (экстрадиция); передача осуждённых для отбытия наказания; уголовно-правовые последствия осуждения лица вне пределов Кыргызской Республики.

В отличие от уголовного законодательства Казахстана УК Кыргызской Республики, как и УК России содержит только понятие преступления.

Раздел II «Преступление» объединяет пять глав.

Глава 3. Понятие и классификация преступлений. Основание ответственности за преступление» обобщает шесть статей: понятие преступления; классификация преступлений; длящееся преступление; совокупность преступлений; правила уголовно-правовой квалификации при конкуренции общей и специальной норм и конкуренции целого и части; основание уголовной ответственности за преступление.

¹ Уголовный кодекс Республики Казахстан: Практическое пособие. Алматы: Норма-К, 2021. 268 с.

Глава 4 «Лицо, подлежащее уголовной ответственности (субъект преступления)» охватывает пять статей: субъект преступления, невменяемость; ограниченная вменяемость; уголовная ответственность за преступление, совершенное в состоянии опьянения; возраст, с которого наступает уголовная ответственность.

Глава 5. «Вина» состоит из четырех статей: вина; умышленное преступление; невиновное причинение вреда (случай).

Так, глава 6 «Оконченное и неоконченное преступление (стадии совершения преступления)» содержит шесть статей: окончанное преступление; продолжаемое преступление; неоконченное преступление; приготовление к преступлению; покушение на преступление; добровольный отказ от совершения преступления.

Глава 7 «Соучастие в преступлении» группирует семь статей: понятие соучастия; исполнитель преступления; виды соучастников преступления; формы соучастия в преступлении; ответственность исполнителей и соучастников преступления, совершенного группой лиц и группой лиц по предварительному сговору; ответственность организаторов и участников организованной группы, преступного сообщества; эксцесс исполнителя преступления.

Раздел III «Деяния, не являющиеся преступлением» состоит из двух глав.

Глава 8 «Обстоятельства, исключющие уголовную противоправность деяния» включает семь статей: необходимая оборона; крайняя необходимость; физическое или психическое принуждение; задержание лица, совершившего преступление; исполнение закона, приказа (распоряжения), обязанностей по должности; обоснованный риск; выполнение специального задания.

Глава 9 «Иные деяния, не являющиеся преступлением» обобщает две статьи: деяния, не являющиеся преступлением; малозначительное деяние.

Раздел IV «Меры уголовно-правового воздействия и их применение», предусматривает семь глав.

Глава 10. «Меры уголовно-правового воздействия, не имеющие принудительного характера», состоит из четырех статей: освобождение от уголовной ответственности в связи с декриминализацией деяния, на основании положений Особенной части УК;

освобождение от уголовной ответственности при достижении согласия с потерпевшим; в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

Глава 11 «Наказание за преступление и его цели. Виды наказаний за преступление» объединяет двенадцать статей: понятие и цели наказания за преступление; виды наказаний за преступление; общественные работы; ограничение свободы; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; исправительные работы; штраф; содержание в дисциплинарной воинской части; лишение свободы на определенный срок; пожизненное лишение свободы; конфискация имущества; выдворение.

Глава 12 «Принудительные меры уголовно-правового воздействия» состоит из одной статьи: возмещение материального ущерба и компенсация морального вреда.

Глава 13 «Назначение наказания» предусматривает десять статей: общие начала назначения наказания; обстоятельства, смягчающие наказание; обстоятельства, отягчающие наказание; назначение наказания: за приготовление к преступлению и покушение на преступление; назначение наказания соучастникам преступления, по совокупности приговоров, при заключении соглашения о признании вины; правила сложения наказаний и зачета времени содержания под стражей; исчисление сроков наказания.

Глава 14 «Пробационный надзор» содержит три статьи: освобождение от наказания с применением пробационного надзора; надзорные требования и пробационные обязанности; правовые последствия пробационного надзора.

Глава 15 «Иные виды освобождения от наказания и его отбывания. Смягчение наказания и замена его более мягким» охватывает десять статей: основания освобождения от наказания и его отбывания, смягчения наказания; освобождение от наказания и смягчение наказания при декриминализации деяния и смягчении санкции закона; отсрочка отбывания наказания осужденным, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет; условно-досрочное освобождение от отбывания наказания; неприменение условно-досрочного освобождения от отбывания наказания; назначение испытательного срока при условно-досрочном освобождении от от-

бывания наказания; освобождение от отбывания наказания по болезни и беременности; давность исполнения обвинительного приговора; амнистия; помилование.

Глава 16 «Судимость и ее погашение» предусматривает одну статью, которая по названию аналогична главе.

Раздел V «Особенности мер уголовно-правового воздействия в отношении некоторых категорий лиц» состоит из двух глав.

Глава 17. «Особенности уголовной ответственности детей» включает в себя восемнадцать статей: уголовная ответственность детей от четырнадцати до восемнадцати лет; освобождение ребенка в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет от уголовной ответственности в связи с применением мер по отвлечению от системы уголовного судопроизводства; освобождение от наказания с применением принудительных мер воспитательного характера; виды принудительных мер воспитательного характера; передача под надзор с предупреждением; ограничение поведения с предупреждением; назначение наказания ребенку; виды наказаний, применяемых к детям в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет; общественные работы; штраф; ограничение свободы; исправительные работы; лишение свободы, назначаемое ребенку; освобождение от наказания с применением пробационного надзора в отношении ребенка; правовые последствия probation; освобождение от уголовной ответственности и отбывания наказания в связи с истечением сроков давности; условно-досрочное освобождение от отбывания наказания; погашение судимости у осужденных детей.

Глава 18 «Принудительные меры медицинского характера и принудительное лечение» содержит восемь статей: понятие и цели принудительных мер медицинского характера; лица, к которым применяются принудительные меры медицинского характера; виды принудительных мер медицинского характера; основания назначения принудительных мер медицинского характера; продление, изменение, прекращение применения принудительных мер медицинского характера; зачет времени применения принудительных мер медицинского характера; применение принудительных мер медицинского характера к лицам с психическим рас-

стройством, не исключаяющим вменяемости; лечение лиц, страдающих алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией, туберкулезом¹.

Общая часть УК Российской Федерации содержит шесть разделов, семнадцать глав и сто тринадцать статей.

Раздел 1 «Уголовный закон» объединяет две главы.

Глава 1. «Задачи и принципы уголовного кодекса Российской Федерации» охватывает восемь статей: уголовное законодательство Российской Федерации; Задачи Уголовного кодекса Российской Федерации; принципы: законности, равенства граждан перед законом, вины, справедливости, гуманизма; основание уголовной ответственности.

Глава 2 «Действие уголовного закона во времени и пространстве» содержит пять статей: действие уголовного закона во времени, в отношении лиц, совершивших преступление на территории Российской Федерации, в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов Российской Федерации; выдача лиц, совершивших преступление; обратная сила уголовного закона.

Раздел II «Преступление» группирует шесть глав.

Глава 3. «Понятие преступления и виды преступлений» включает четыре статьи: понятие преступлений; категории преступлений; совокупность преступлений; рецидив преступлений.

Глава 4 «Лица, подлежащие уголовной ответственности» комбинируются пятью статьями: общие условия уголовной ответственности; возраст, с которого наступает уголовная ответственность; невменяемость; уголовная ответственность лиц с психическим расстройством, не исключаяющим вменяемости; уголовная ответственность лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения.

Глава 5 «Вина» охватывает пять статей: формы вины; преступление, совершенное умышленно; преступление, совершенное по неосторожности; ответственность за преступление, совершенное с двумя формами вины; невиновное причинение вреда.

Глава 6 «Неоконченное преступление» складывается из трех статей: оконченное и неоконченное преступления; приготовление к

¹ Уголовный кодекс Кыргызской Республики. Бишкек, 2021. 212 с.

преступлению и покушение на преступление; добровольный отказ от преступления.

Глава 7 «Соучастие в преступлении» включает пять статей: понятие соучастия в преступлении; виды соучастников преступления; ответственность соучастников преступления; совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией); эксцесс исполнителя преступления.

Глава 8 «Обстоятельства, исключаящие преступность деяния» слагается из шести статей: необходимая оборона; причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление; крайняя необходимость;

физическое или психическое принуждение; обоснованный риск; исполнение приказа или распоряжения.

Раздел III «Наказание» охватывает две главы.

Глава 9. «Понятие и цели наказания. Виды наказаний» обобщает семнадцать статей: понятие и цели наказания; виды наказаний; основные и дополнительные виды наказаний; штраф; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград; обязательные работы; исправительные работы; ограничение по военной службе; ограничение свободы; принудительные работы; арест; содержание в дисциплинарной воинской части; лишение свободы на определенный срок; пожизненное лишение свободы; назначение осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения; смертная казнь.

Глава 10 «Назначение наказания» комбинирует семнадцать статей: общие начала назначения наказания; обстоятельства, смягчающие наказание; назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств; обстоятельства, отягчающие наказание; назначение наказания в случае нарушения досудебного соглашения о сотрудничестве; назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление; назначение наказания при вердикте присяжных заседателей о снисхождении; назначение наказания за неоконченное преступление; назначение наказания за преступление, совершенное в соучастии; назначение наказания

при рецидиве преступлений; назначение наказания по совокупности преступлений; назначение наказания по совокупности приговоров; порядок определения сроков наказаний при сложении наказаний; исчисление сроков наказаний и зачет наказания; назначение наказания лицу, признанному больным наркоманией; условное осуждение; отмена условного осуждения или продление испытательного срока.

Раздел IV «Освобождение от уголовной ответственности и от наказания» объединяет три главы.

Глава 11. «Освобождение от уголовной ответственности» включает пять статей: освобождение от уголовной ответственности: в связи с примирением с потерпевшим; в связи с возмещением ущерба; с назначением судебного штрафа; в связи с истечением сроков давности.

Глава 12 «Освобождение от наказания» охватывает семь статей: условно-досрочное освобождение от отбывания наказания; замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания; освобождение от наказания в связи с изменением обстановки; в связи с болезнью; отсрочка отбывания наказания; отсрочка отбывания наказания больным наркоманией; освобождение от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда.

Глава 13 «Амнистия. Помилование. Судимость» содержит три аналогичные по названию статьи.

Раздел V «Уголовная ответственность несовершеннолетних» состоит из одной главы. Глава 14 «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» объединяет десять статей: уголовная ответственность несовершеннолетних; виды наказаний, назначаемых несовершеннолетним; назначение наказания несовершеннолетнему; применение принудительных мер воспитательного воздействия; содержание принудительных мер воспитательного воздействия; освобождение от наказания несовершеннолетних; условно-досрочное освобождение от отбывания наказания; сроки давности; сроки погашения судимости; применение положений настоящей главы к лицам в возрасте от восемнадцати до двадцати лет.

Раздел VI «Иные меры уголовно-правового характера» состоит из трех глав.

Глава 15 «Принудительные меры медицинского характера» состоит из пяти статей: основания применения принудительных мер медицинского характера; цели применения принудительных мер медицинского характера; виды принудительных мер медицинского характера; принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях; принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях; продление, изменение и прекращение применения принудительных мер медицинского характера; зачет времени применения принудительных мер медицинского характера; принудительные меры медицинского характера, соединенные с исполнением наказания.

Глава 15¹ «Конфискация имущества» объединяет три статьи: конфискация имущества; конфискация денежных средств или иного имущества взамен предмета, подлежащего конфискации; возмещение причиненного ущерба.

Глава 15² «Судебный штраф» объединяет две статьи: судебный штраф и порядок определения размера судебного штрафа.

Уголовный кодекс Республики Узбекистан состоит из семи разделов, семнадцати глав и 103 статей.

Раздел первый «Общие положения» включает в себя две главы.

Глава I «Задачи и принципы Уголовного кодекса» охватывает десять статей: уголовное законодательство Республики Узбекистан; задачи Кодекса; принципы Кодекса; принципы: законности, равенства граждан перед законом, демократизма, гуманизма, неотвратимости ответственности.

Глава II «Пределы действия Кодекса» содержит три статьи: действие Кодекса в отношении лиц, совершивших преступления на территории Узбекистана; действие Кодекса в отношении лиц, совершивших преступления вне пределов Узбекистана; действие закона во времени.

Раздел второй «Основания ответственности» обобщает шесть глав. Глава III «Преступление» предусматривает три статьи: понятие преступления; классификация преступлений; ответственность за преступление и ее основания.

Глава IV «Лица, подлежащие ответственности» состоит из четырех статей: ответственность физических лиц; вменяемость;

ответственность лица, страдающего психическим расстройством, не исключающим вменяемости; ответственность за преступление, совершенное в состоянии опьянения.

Глава V «Вина» обобщает пять статей: формы вины; умышленное преступление; неосторожное преступление; преступление со сложной виной; невиновное причинение вреда.

Глава VI «Неоконченное преступление» состоит из двух статей: приготовление к преступлению и покушение на преступление; добровольный отказ от совершения преступления.

Глава VII «Соучастие в преступлении» объединяет пять статей: понятие соучастия в преступлении; виды соучастников преступления; формы соучастия; пределы ответственности за соучастие в преступлении; прикосновенность к преступлению.

Глава VIII «Множественность преступлений» комбинирует три статьи: повторность преступлений; совокупность преступлений; рецидив преступлений.

Раздел третий «Обстоятельства, исключающие преступность деяния» предусматривает одну главу.

Глава IX. «Понятие и виды обстоятельств, исключающих преступность деяния» содержит восемь статей: понятие обстоятельств, исключающих преступность деяния; малозначительность деяния; необходимая оборона; крайняя необходимость; причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние; исполнение приказа или иной обязанности; оправданный профессиональный или хозяйственный риск; физическое или психическое принуждение либо угроза.

Раздел четвертый «Наказание и его назначение» охватывает две главы. Глава X «Понятие, цели и виды наказаний» включает двенадцать статей: понятие и цели наказания; система наказаний; штраф; лишение определенного права; обязательные общественные работы; исправительные работы; ограничение по службе; ограничение свободы; направление в дисциплинарную часть; лишение свободы; пожизненное лишение свободы; лишение воинского или специального звания.

Глава XI «Назначение наказания» состоит из двенадцати статей: общие начала назначения наказания; обстоятельства, смягчающие наказание; обстоятельства, отягчающие наказание; назна-

чение более мягкого наказания; назначение наказания при деятельном раскаянии виновного в содеянном; назначение наказания по преступлениям, по которым заключено соглашение о признании вины; назначение наказания за неоконченное преступление и за преступление, совершенное в соучастии; назначение наказания при совершении нескольких преступлений; назначение наказания по нескольким приговорам; правила зачета при сложении наказаний; правила зачета задержания, заключения под стражу или домашнего ареста; исчисление сроков наказания.

Раздел пятый «Освобождение от ответственности и наказания» состоит из трех глав.

Глава XII «Виды освобождения от ответственности» обобщает шесть статей: освобождение от ответственности: за преступления вследствие истечения срока давности привлечения к ответственности; в связи с деятельным раскаянием виновного в содеянном; уголовной ответственности в связи с примирением; по болезни; на основании акта амнистии.

Глава XIII «Виды освобождения от наказания» слагается из восьми статей: освобождение: вследствие истечения сроков давности исполнения наказания; от наказания в силу утраты лицом общественной опасности; от наказания в связи с деятельным раскаянием виновного в содеянном; условное осуждение; условно-досрочное освобождение от отбывания наказания; замена наказания более мягким; освобождение от наказания по болезни или вследствие утраты трудоспособности; освобождение от наказания на основании акта амнистии или помилования.

Глава XIV «Судимость» совмещает четыре статьи: правовое значение судимости; погашение судимости; снятие судимости; исчисление сроков погашения или снятия судимости.

Раздел шестой «Особенности ответственности несовершеннолетних» объединяет две главы. Глава XV «Наказание и его назначение» насчитывает семь статей: система наказаний; штраф; обязательные общественные работы; исправительные работы; ограничение свободы; лишение свободы; назначение наказания.

Глава XVI «Освобождение от ответственности или наказания» охватывает четыре статьи: освобождение от ответственности

или наказания с применением принудительных мер; принудительные меры; условно-досрочное освобождение от отбывания наказания; замена наказания более мягким.

Раздел седьмой «Принудительные меры медицинского характера» содержит одну главу «Основания и назначение принудительных мер медицинского характера», которая в свою очередь, включает в себя шесть статей: цели принудительных мер; общее основание применения принудительных мер медицинского характера; виды принудительных мер медицинского характера; назначение принудительных мер медицинского характера; продление, изменение и прекращение применения принудительных мер медицинского характера; применение принудительных мер медицинского характера, назначаемых наряду с наказанием.¹

Проанализировав содержание институтов Общей части уголовного законодательства Казахстана, Киргизии, России и Узбекистана, мы отмечаем новеллы, заслуживающие внимания российского законодателя:

Уголовный кодекс Республики Казахстан:

ст. 10. Понятия преступления и уголовного проступка;

ст. 12. Неоднократность уголовных правонарушений;

ст. 35. Осуществление оперативно-розыскных, контрразведывательных мероприятий или негласных следственных действий;

ст. 50-1. Лишение гражданства Республики Казахстан;

ст. 51. Выдворение за пределы Республики Казахстан иностранца или лица без гражданства;

ст. 66. Освобождение от уголовной ответственности при превышении пределов необходимой обороны;

ст. 67. Освобождение от уголовной ответственности при выполнении условий процессуального соглашения;

ст. 69. Освобождение от наказания с установлением поручительства;

ст. 90. Применение положений раздела к лицам в возрасте от восемнадцати до двадцати одного года.

¹ Уголовный кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2012-ХII) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.10.2022 г.) [Электронный ресурс] URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110 (дата обращения 09.10.2022).

Уголовный кодекс Кыргызской Республики:
ст. 3. Принцип юридической определенности;
ст. 8. Принцип личного характера уголовной ответственности и наказания;
ст. 10. Принцип неотвратимости уголовной ответственности;
ст. 20. Длительное преступление;
ст. 22. Правила уголовно-правовой квалификации при конкуренции общей и специальной норм и конкуренции целого и части;
ст. 24. Субъект преступления;
ст. 34. Продолжаемое преступление;
ст. 52. Выполнение специального задания;
ст. 53. Деяния, не являющиеся преступлением;
ст. 70. Выдворение;
Уголовный кодекс Республики Узбекистан:
ст. 6. Принцип демократизма;
ст. 35. Понятие обстоятельств, исключающих преступность деяния;
ст. 77. Правовое значение судимости.

Брагина Анна Григорьевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Барнаульского юридического института МВД России

Надругательство над государственными символами Российской Федерации: особенности правового регулирования и квалификации

Деяние, охватываемое ст. 329 УК РФ, представляет собой посягательство на авторитет Российского государства, официальные символы которого выражают общепризнанные идеалы и ценности, на основе которых строит свое существование наше общество, объединяют различные социальные, этнические группы и общности¹,

¹ Тен Ю.П. Национальные и государственные символы России // Народное образование. 2010. № 4(1397). С. 278, 280.

воплощают государственность, являются компонентами конституционно-правового статуса¹.

Еще в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в ст. 302 содержалась норма, устанавливающая ответственность за уничтожение, повреждение или искажение выставленных в публичном месте гербов («с намерением оказать неуважение к властям законным, раздерет, отбросит или вычернит, или иным образом повредит или исказит»)². Сменившим его Уголовным уложением 1903 года было установлено, что виновный в деянии, относящемся к неповиновению власти в виде умышленного «сорвания, повреждения или искажения публично выставленных, по распоряжению подлежащей власти ... герба или иного знака власти, или воинского знамени или штандарта, или военного морского флага» подлежал наказанию в виде ареста или денежной пени в размере «не свыше 500 рублей» (ст. 155)³.

В советский период времени к числу преступлений против порядка управления относилось оскорбительное проявление неуважения к РСФСР, выразившееся в надругательстве над государственным гербом, флагом, памятником революции, караемое лишением свободы на срок не ниже шести месяцев (ст. 87 УК РСФСР 1922 г.). В период действия УК РСФСР 1926 года и вплоть до 1966 года ответственность за подобные деяния не предусматривалась, пока в УК РСФСР 1960 г. не была внесена ст. 190.2, установившая ответственность за надругательство над Государственным гербом или флагом СССР, РСФСР или другой союзной республики. Деяние наказывалось лишением свободы на срок до двух лет, или исправительными работами на срок до одного года, или штрафом до

¹ См.: Конституционное право Российской Федерации: учебник для студентов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» (квалификация «бакалавр») / И.А. Алжеев, И.Б. Власенко, Е.Ю. Догадайло и др.; отв. ред. С.И. Носов. М.: Статут, 2014. URL: [//www.consultant.ru](http://www.consultant.ru); Конституционное право России: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / В.О. Лучин, Б.С. Эбзеев, Е.Н. Хазов [и др.]; под редакцией В.О. Лучина [и др.]. 10-е изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. С. 295-296; и др.

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт-Петербург: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И. В. Канцелярии, 1845. С. 80.

³ Новое уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г. Санкт-Петербург: кн. маг. В.П. Анисимова, 1903. С. 63.

пятидесяти рублей¹. По данной статье, например, была привлечена к ответственности Н., лидер движения «демократический выбор», которая 16 сентября 1990 г. во время митинга на Пушкинской площади сожгла несколько советских флагов².

В соответствии с ч. 1 ст. 70 Конституции РФ к государственным символам Российской Федерации относятся Государственный флаг, герб и гимн, описание и порядок официального использования которых устанавливаются федеральными конституционными законами.

И если Государственный гимн РФ уголовно-правовой охране в настоящее время не подлежит, то Государственные герб и флаг РФ находятся под защитой уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 329 УК РФ. Такая конкретизация предмета преступления в норме ст. 329 УК РФ вполне оправданна, хотя и не без предложений в части необходимости ее расширения за счет криминализации надругательства над Гимном РФ как со стороны законодателя³, так и со стороны ученых, на монографическом уровне анализировавших проблему уголовно-правовой охраны государственных символов РФ⁴.

Норма о надругательстве над Государственными гербом и флагом РФ сегодня применяется довольно активно, хотя буквально еще несколько лет назад исследователями констатировалась недостаточная реакция на факты надругательств над государственными символами, в том числе на зафиксированных и в значительном количестве размещенных в сети «Интернет» видеороликов с ними⁵. В декабре

¹ О внесении дополнения в Уголовный кодекс РСФСР: Указ Президиума ВС РСФСР от 16.09.1966 // Ведомости ВС РСФСР. 1966. № 38. Ст. 1038.

² Красов П. Флаг народа // Коммерсантъ Власть. 2006. 21 авг.

³ См.: Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (в части установления уголовной ответственности за надругательство над Государственным гимном Российской Федерации) № 72977-3 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/72977-3> (дата обращения: 26.09.2022).

⁴ Спиридонова О.Е. Символ как предмет преступления: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Казан. гос. ун-т. Казань, 2002. С. 16.

⁵ Чернышова И.А., Плотникова Е.Н. Уголовная ответственность за надругательство над государственным гербом Российской Федерации или государственным флагом Российской Федерации // Российское государство и право: история и современность: Сборник статей преподавателей и студентов направления подготовки «Юриспруденция» / Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова. Новочеркасск: Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, 2016. С. 45-50.

2018 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин прямо указал на то, что в России необходима ответственность за надругательство в Интернете над государственными символами, ответственность за такие деяния должна быть такая же, как и вне сети «Интернет»¹. Имеющаяся судебная практика демонстрирует возросшее внимание правоприменителя к фактам надругательства, и виновные привлекаются к уголовной ответственности за них намного чаще, что указывает на необходимость существования единых правил оценки содеянного, в том числе в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, включая сеть «Интернет».

Уголовно наказуемое надругательство представляет собой различного рода действия, влекущие уничтожение и повреждение, нанесение циничных надписей, иное неподобающее использование предметов преступления², которые свидетельствуют о неуважительном отношении к государственным символам³.

С точки зрения русского языка надругательство – это «грубое издевательство, соединенное с оскорблением»⁴, «оскорбительное грубое издевательство, кощунство»⁵. Таким образом, издевательство синонимично понятию «оскорбление»⁶, которое в широком смысле можно определить как унижение, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме. В число деяний, квалифицируемых как надругательство, охватываемое ст. 329 УК РФ, помимо физического уничтожения или повреждения, можно включить, например,

¹ Рыночнова Д. Путин: нужна ответственность за надругательство над символами государства в Интернете // Парламентская газета. 2018. 20 дек. URL: <https://www.pnp.ru/politics/putin-nuzhna-otvetstvennost-za-nadrugatelstvo-nad-simvolami-gosudarstva-v-internete.html?ysclid=15qjw9xocl293950815> (дата обращения: 26.09.2022).

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). 9-е изд., перераб. и доп. / под ред. Г.А. Есакова. М.: Проспект, 2021. КонсультантПЛЮС

³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Том 4. Особенная часть. Разделы X-XII / отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2019. С. 169.

⁴ Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. В 4-х томах. Т. 2 Л-ОЯЛОВЕЦЬ. М.: ОГИЗ, 1938. С. 344.

⁵ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: А-ТЕМП, 2006. 4-е изд., доп. С. 380.

⁶ Там же. С. 240.

справление малой нужды¹, пачкание в уличной грязи², нанесение надписей и символики экстремистских организаций³, не всегда ведущих к кардинальным изменениям, исключая само существование предмета преступления. Следовательно, надругательство в смысле ст. 329 УК РФ – не просто негативное воздействие на предметы внешнего материального мира, а именно акт, направленный на умаление или даже релятивное уничтожение ценности и значимости Российского государства, выраженный в его символах, что автоматически отграничивает содеянное от, например, деяний, предусмотренных ст. 167, 214, 243.4, 297, 319 УК РФ, по таким признакам состава как объект преступления и его цель.

В то же время не будет являться надругательством над государственными символами их использование в иных целях, например, культурных, не преследующих цели умалить авторитет России, – в виде надетого платья цветов российского флага или обращения в Государственный флаг РФ⁴.

Кроме того, сегодня суды признают надругательством не только деяния с Государственными флагом или гербом РФ, но и с их изображениями в электронном формате, т.е. оценивают символизм преступного деяния, автоматически считываемого неопределенно широким кругом лиц как соответствующее преступление против государственной власти в целом. Например, по ст. 329 УК РФ понес наказание Т., разместивший в социальной сети «ВКонтакте» изображение флага Российской Федерации с нанесенным на него текстом, в котором была выражена негативная оценка Государственного флага РФ «посредством использования лексем с отрицательной коннотацией, стилистически окрашенных средств, имеющих маркированность сниженного стиля и характеризующихся как грубо-просторечные, бранные»⁵.

¹ Архив Ялтинского городского суда Республики Крым за 2018 г. Д. № 1-394/2018.

² Архив Омутинского районного суда Тюменской области за 2019 г. Д. № 1/123/2019.

³ Архив Усть-Катавского городского суда Челябинской области за 2016 г. Д. № 1-24/2016; Архив Устиновского районного суда г. Ижевска Республики Удмуртия за 2017 г. Д. № 1/22/2017.

⁴ Прокуратура не нашла нарушений в фотосессии «Мисс Россия-2015» Софии Никитчук в триколоре. Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/2041193> (дата обращения: 27.09.2022).

⁵ Архив Ахтынского районного суда Республики Дагестан за 2022 г. Д. № 1-39/2022.

Такая квалификация вполне укладывается в современное представление о грядущей неизбежности отказа от обязательности вещности как признака предмета конкретных видов преступлений, совершаемых в цифровой сфере¹, к числу которых также можно отнести и анализируемое нами преступление.

Помимо деяний, квалифицируемых по ст. 329 УК РФ, совершаемых на территории Российской Федерации, немало аналогичных фактов встречается и за рубежом. Например, Посольство РФ в Исландии зафиксировало, что 10 августа 2022 г. одно из «центральных печатных изданий Исландии “Фреттабладид” опубликовало интервью с журналистом Г., находящегося несколько недель на Украине. В статье, помимо фотографий журналиста в бронежилете и улиц Киева, есть снимок, на котором неизвестный стоит ногами на российском флаге, подписанный: «Украинцы нашли новое применение российскому флагу». Как отмечают российские дипломаты, в ст. 95 Уголовного кодекса Исландии установлена ответственность за публичное оскорбление иностранных государственных символов, влекущее наказание в виде лишения свободы. Несмотря на это, виновные к ответственности не привлечены, официальные извинения за публикацию материалов, оскорбляющих государственный символ Российской Федерации, от редакции газеты «Фреттабладид» на момент публикации не поступили². Не углубляясь в проблему установления персональных данных виновного, следует заметить, что такие иностранные граждане могут и должны быть привлечены к уголовной ответственности по российскому уголовному законодательству (т.е. ст. 329 УК РФ) в соответствии с реальным принципом действия уголовного закона, закрепленным в ч. 3 ст. 12 УК РФ: преступление было совершено на территории иностранного государства, виновное лицо не было осуждено в этом иностранном государстве, и преступление было явно направлено против интересов Российской Федерации.

Полагаем, что увеличение числа посягательств на государственные символы РФ в иностранных государствах лицами, не являющимися к тому же гражданами России, требуют однозначной

¹ Винокуров В.Н. Объект преступления: доктринально-прикладное исследование: монография. 2-е изд. перераб. и доп. М. : Проспект, 2022. С. 231-232.

² RusEmbassy Iceland: официальный телеграм-канал Посольства Российской Федерации в Исландии. Сообщение от 11.08.2022. URL: t.me/RusEmb_Iceland/2293.

реакции со стороны соответствующих правоохранительных органов, тем более, что уголовно-правовых средств и их достаточность очевидны.

Вертепова Татьяна Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и крими-
нологии
Краснодарского университета МВД России

Актуальные проблемы квалификации убийства, сопряженного с иными преступлениями

Жизнь – это первооснова всего. Понятие «жизнь», охватывает и включает в себя всё многообразие того, что воспринимает, чувствует, познает и использует человек до наступления биологической смерти, то есть фактического её прекращения. Только при наличии жизни человек может иметь и все остальные блага материального и духовного мира. Всё это делает жизнь важнейшим объектом уголовно-правовой охраны. Право на жизнь дано каждому и закрепляется в ст. 20 Конституции РФ¹. Несмотря на это, жизни человека угрожают много опасностей, таких как: болезни, войны, убийства, теракты и т.д.

Особое место из посягательств, ставящих под угрозу жизнь человека, занимает убийство. По статистическим данным МВД РФ, в 2021 г. в России было совершено 254 128 преступлений против личности, из них 7332 составили убийства и покушения на убийство.² Все это говорит о том, что каковы бы не были средства и способы с помощью которых обеспечивается охрана прав личности, что включает и право на жизнь, не дает нам полную гарантию на их реализацию. Остается не раскрытым каждое четвертое –

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2022).

² Состояние преступности в России за январь-декабрь 2021 г. // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> (дата обращения: 10.09.2022).

пятое убийство, что тоже говорит о наличии данной проблематики.

Жизнь дается нам только один раз и вернуть, либо возместить её не представляется возможным. Уголовное преследование виновного в убийстве лица безразлично для потерпевшего, так как его уже нет в живых. Но тут следует понимать и другое, что при уголовном преследовании, лицо должно быть подвергнуто справедливому наказанию, что однозначно повышает уровень защиты и сохранности прав общества и других лиц. И в этом реализуются такие цели как:

- восстановление социальной справедливости (восстановление нарушенных прав и свобод потерпевшего);
- исправление осужденного;
- предупреждение совершения новых преступлений.

Исходя из вышесказанного, мы видим, что данная тема является очень актуальным на сегодняшний день и требует тщательного анализа и разъяснения.

Для того, чтобы более точно рассмотреть проблемы квалификации убийства, для начала дадим понятие убийству.

В соответствии с ч. 1 ст. 105 убийством признаётся умышленное причинение смерти другому лицу. Данное понятие отличается от ранее принятого понятия, в котором убийством признавалось, как умышленное, так и неосторожное лишение человека жизни. Такое лаконичное определение убийства критикуют многие ученые и не вполне с ним согласны.

А.И. Коробеев обращает внимание на то, что чрезмерный лаконизм данного определения является причиной тому, что из него выпадают некоторые существенные признаки. Автор объясняет свою точку зрения тем, что не имея такого признака как «противоправность», не возможно отграничить убийство от правомерных способов лишения жизни (например, в ходе исполнения смертной казни). В этом случае одно лицо умышленно причиняет смерть другому, но эти действия признать убийством нельзя.¹

¹ См.: Коробеев А.И. Эволюция понятия убийства в истории российского уголовного законодательства // История развития уголовного права и ее значение для совре-

Исходя из вышесказанного, можно сформулировать иное определение убийства. Убийство – это умышленное, противоправное причинение смерти другому лицу.

Теперь необходимо установить, с какого же момента начинается жизнь. Моментом начала самостоятельной жизни младенца является либо начало дыхания, либо момент отделения пуповины, считает Шаргородский М.Д.¹ Загородников Н.И. отмечает, что началом жизни человека следует признать начало физиологических родов, так как этот момент свидетельствует о том, что плод достаточно созрел и приобрел все необходимые качества для внеутробной жизни.² В соответствии с уголовно-правовым аспектом, на наш взгляд, правильнее будет вторая позиция (Н.И. Загородникова).

Также необходимо решить вопрос о том, что будет являться моментом смерти. Различают два вида смерти: клиническую и биологическую смерть. Клиническая смерть наступает с момента остановки сердца. Биологическая смерть характеризуется возникновением необратимого процесса распада клеток коры головного мозга.

В юридической литературе существует мнение, что таким моментом является биологическая смерть. Согласно Закону РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» от 22 декабря 1992г., заключение о смерти дается на основе констатации необратимой гибели всего головного мозга.³ Некоторые авторы высказывают мысль о том, что нужно пересмотреть этот момент, так как в последнее время широко распространилась коммерческая деятельность, связанная с изъятием органов и тканей человека для трансплантации.

менности. Материалы 5 Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 26-27 мая 2005 г. М.: ЛексЭст, 2006. С. 199-201.

¹ Шаргородский М.Д. Преступление против жизни и здоровья. М., 1948. С.59.

² Загородников Н.И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. М., 1961. С.89.

³ Закон РФ от 22 декабря 1992 г. №4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (с изменениями и дополнениями от 20.06.2000 г.) // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 10.09.2022).

В науке уголовного права, есть некоторые недоучеты и упущения законодателя, которые вызывают довольно существенные проблемы и неточности при квалификации убийств. Мы постараемся выявить такие проблемы при квалификации убийств по ст. 105 УК РФ.

Вместе с вступлением в действие Федеральных законов от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ и от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ, появилась новая конструкция института совокупности, которая исключила такой вид множественности, как неоднократность и ввелось такое дополнение в ст. 17 УК РФ, как «Совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено, за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части настоящего Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание»¹.

Данные изменения породили бурные споры о проблеме квалификации «сопряженных преступлений» - преступлений, за которые по сравнению с их основным составом предусмотрено более суровое наказание, вследствие того что данные преступления соединяются с иными преступлениями, выполняются в ходе процесса совершения или сразу же после их совершения.

Ссылаясь на статью 105 ч. 2 УК РФ сопряженность квалифицированного убийства встречается в трех пунктах: в пункте «в», где говорится об убийстве, сопряженном с похищением человека; в пункте «з» идёт речь о сопряженности с разбоем, вымогательством и бандитизмом; а в пункте «к» имеет место квалифицированное убийство, сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера².

Так теперь попробуем ответить на вопрос о том, как квалифицировать такое убийство, которое сопряжено с иными видами преступлений, которые упоминаются в некоторых пунктах ч. 2

¹ Статья 17 Уголовного Кодекса РФ. М.: Издательство «Омега-Л», 2013. С. 7.

² Рожнов А.П. Проблемы квалификации убийств, сопряженных с иными преступлениями // Legal Concept. 2011. №5-14. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-ubiystv-sopryazhennyh-s-inymi-prestupleniyami> (дата обращения: 13.09.2022).

ст.105 УК. Можно ли считать, что перед нами единое сложное (составное) преступление, или всё же совокупность двух преступлений – убийства и другого преступления, которое с ним сопряжено.

В Постановлении Пленума Верховного Суда №1 «О судебной практике по делам об убийстве» имеется такое разъяснение, что убийство, сопряженное с похищением человека; с разбоем, вымогательством или бандитизмом; а равно с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера – содеянное следует квалифицировать по соответствующему пункту ч. 2 ст. 105 УК РФ и по соответствующим частям ст. 126, 162, 163, 209, 131, 132 Уголовного Кодекса. Исходя от этого, можно сказать, что Пленум Верховного суда РФ следует мысли о том, что при «сопряжении» имеет место совокупность преступлений.

А вот И.А. Зинченко, например, говорит так: «Когда в статьях Особенной части УК указывается на совершение соответствующего преступления, сопряженного с действиями либо последствиями, рассматриваемыми в качестве самостоятельного преступления, содеянное следует расценивать как учтенную законом совокупность преступлений и квалифицировать по общему правилу как одно составное преступление по статье Особенной части УК с данным признаком»¹.

Ни для кого не является секретом, что Постановления Пленума Верховного суда РФ хотя и не носят обязательного характера, но все же вся правоприменительная практика основывается на их разъяснениях. Так что же получается? Выходит, что судебная система прямо игнорирует предписания ч. 1 ст. 17 УК РФ. Или же они думают, что в ч.1 ст. 17 совершение двух или более преступлений предусмотренных ч.2 ст. 105 не предусматриваются в качестве обстоятельств, влекущих более суровое наказание? Для ответа на этот вопрос мы опять обратимся к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. №1 «О судебной практике по делам об убийстве». Здесь точно указывается, что «в соответствии с положениями ч. 1 ст. 17 УК РФ убийство двух или более лиц, совершенное одновременно или в разное время, не образует совокупности преступлений и подлежит квалификации по

¹ Зинченко И.А. Единые (единичные) преступления // Энциклопедия уголовного права: в 35 т. Т. 3. Понятие преступления. СПб.: Изд. проф. Малинина, 2005. С. 348.

п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а при наличии к тому оснований также и по другим пунктам ч. 2 данной статьи, при условии, что ни за одно из этих убийств виновный ранее не был осужден»¹. В этом случае Пленум уже связывает то отграничение совокупности от сложного преступления, которое указано в ч.1 ст. 17 УК РФ.

Стоит обратить внимание на мнение тех учёных, которые критикуют взгляды законодателя по поводу конструирования квалифицированных убийств через признак сопряженности с некоторыми другими видами тяжких и особо тяжких преступлений. Таким примером являются Б.В. Волженкин, Г.Н. Борзенков, Н.Ф. Кузнецова, П.С. Яни, которые предлагают вообще отказаться от таких неудобных и сбивающих конструкций, вносящие погрешности в доктрину и дезориентирующих практику, с чем мы тоже соглашаемся².

Данный проведенный анализ даёт нам понять, что наше уголовное законодательство совсем не идеально с точки зрения логики построения норм и не соответствует исходным идеям уголовного закона. Может некоторым ученым, политикам, судьям и т.д. кажется, что это всё незначительные погрешности, но для того, чтобы государство существовало как высшее образование общества, со всеми необходимыми благами, для этого очень важно, чтобы весь его механизм функционировал в соответствии жёстким, справедливым и точно интерпретированным законом.

В нашем государстве высшей ценностью являются права личности, а жизнь непосредственно относится к правам данной категории. И наш анализ показал, что нам необходимо решить вполне серьёзные проблемы, стоящие на данный момент перед нами.

Для этого видится необходимым законодателю обратить больше внимания на понимание того, для каких целей создаются данные нормы, и как они будут работать на практике и не усложнять и так не совсем простую конструкцию уголовно-правовых норм.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.09.2022).

² Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений»; науч. ред. и предисл. акад. В.Н. Кудрявцева. М.: Городец, 2007. С. 158.

Гамаюнова Виолетта Петровна,
преподаватель кафедры административной деятельности
органов внутренних дел
Краснодарского университета МВД России

Проблема нелегальной миграции в современной России

В последние годы наблюдается активный рост миграционной активности населения во всем мире, что обусловлено как экономическим неравенством государств, социально-демографическим кризисом, так и развитием технологий, способствующих более легкому перемещению между государствами и континентами.

Российская Федерация не является исключением, миграционная ситуация в ней также нестабильна и имеет тенденцию к постоянному увеличению количества мигрантов на ее территории.

На сегодняшний день в развитых современных государствах проблема борьбы с незаконной миграции является наиболее актуальной, так как это создает опасную угрозу разных интересов не только для общества и государства, но в целом для каждой конкретной личности. Также если исходить, в общем, незаконная миграция создает угрозу национальной безопасности всех государств.

Миграция населения – естественный процесс, возникающий вследствие действия многих факторов, прежде всего экономического, культурного (в том числе религиозного), политического, идеологического и других. Уже на ранней стадии становления российской государственности прослеживается тенденция к установлению управления со стороны государства над миграционными процессами. Речь идет о заселении славянами северо-восточных земель, где проживали финно-угорские племена. Это заселение продлилось несколько столетий, начиная с IX века, и было обусловлено неблагоприятными условиями существования: набеги кочевых племен, войны, природные бедствия, и т.д.

А.Н. Жеребцов верно отмечает, что «... миграция – естественное состояние общества, вытекающее из неотчуждаемости права человека на свободу передвижения. Перемещение людей способствует развитию человеческого потенциала, а также позво-

ляет решать целый ряд социальных и экономических задач»¹. С таким подходом следует согласиться, поскольку миграционный процесс был бы невозможен без нормативного закрепления права на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства.

Справедливо мнение А.В. Богданова, Е.Н. Хазова о том, что миграционные процессы остановить невозможно, однако их надо постоянно контролировать². В связи с этим встает вопрос о государственных механизмах, которые позволят осуществить эффективный контроль в этой сфере. Данное направление государственной деятельности невозможно без межгосударственного сотрудничества по вопросам миграции, которое проявляется в таких формах, как, создание международных организаций и осуществление непосредственных контактов между заинтересованными сторонами, заключение международных договоров, разработка межгосударственных программ.

Миграционные отношения в Российской Федерации, а именно, вопросы въезда, выезда, размещения и использования иностранной рабочей силы, в значительной степени нашли свое закрепление в ряде законов и подзаконных нормативных актов, призванных урегулировать общественные отношения, возникающие в этой непростой, социально и экономически значимой отрасли государственной деятельности. С развитием Российской Федерации объем и качественный состав трудовой миграции постоянно изменялись, что в значительной степени затрудняло организацию и осуществление надлежащего контроля за иностранной рабочей силой. Несмотря на серьезные усилия со стороны властей нашей страны, проблема нелегальной трудовой миграции в настоящее время не исчерпала себя, но получила ряд осложнений, связанных с резким изменением политического и экономического климата, ростом экстремизма в сопредельных государствах и повышением военной опасности.

¹ Жеребцов А.Н. Концепция административно-правового регулирования миграционных отношений в Российской Федерации (комплексный анализ теории и практики): автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2009. С. 3.

² Богданов А.В., Хазов Е.Н. Миграционные процессы в России: современное состояние и перспективы их развития // Криминологический журнал. 2012. № 3. С. 41-45.

Актуальность проблем обеспечения законности в миграционной сфере, особенно в части исполнения миграционного законодательства, в настоящее время связана с глобализационными процессами и нестабильной обстановкой в мире. Российская Федерация является миграционно-привлекательной страной, наряду с Канадой и США. Основную массу мигрантов составляют преимущественно граждане государств – участников СНГ.

С 1 октября 2021 г. в Российской Федерации формально прекратил действовать мораторий на депортацию нелегальных мигрантов. При этом действует некоторое послабление: те иностранные граждане, которые хотя бы встали на миграционный учет, депортированы не будут. По данным МВД РФ таких мигрантов в России порядка 1 млн человек.

Нелегальная миграция – незаконный въезд в Российскую Федерацию иностранных граждан или лиц без гражданства, их незаконное пребывание или незаконный транзитный проезд через территорию Российской Федерации.

Раскрывая понятие нелегальной миграции в широком смысле, правоведы концентрируют наше внимание на ее социально-правовых и экономических аспектах. Тем самым, предлагая нам рассматривать незаконную миграцию как «совокупность противоправных процессов, включающих: нелегальную миграцию и незаконное пересечение государственной границы Российской Федерации; общеуголовную преступность мигрантов; организованную национально-этническую преступность мигрантов; терроризм; наркобизнес; торговлю людьми»¹.

Незаконная миграция влечет за собой проникновение в страну не только профессиональных преступников, но и активных участников преступных сообществ, организаций, являющихся источниками распространения идей терроризма и экстремизма на религиозной и национальной почве. Так, Е.Н. Сасина напрямую связывает незаконную миграцию с распространением в России орга-

¹ Власов И.С., Голованова Н.А., Артемов В.Ю. Миграция и преступность: сравнительно-правовой анализ: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного анализа при Правительстве Российской Федерации; «Контракт», 2012.

низованных преступных группировок, экстремистских и террористических организаций¹. Значимость проблемы незаконной миграции преимущественно определяется теми преступлениями, которые совершают незаконные мигранты на территории страны пребывания.

Присутствие большого количества незаконных мигрантов в стране влечет за собой ряд угроз безопасности Российской Федерации. Нелегальный поток мигрантов может охватить все сферы жизни общества.

Нелегальных мигрантов на территории Российской Федерации более 2,6 млн человек, доля нелегальных мигрантов сокращается в связи с уменьшением общего количества приезжающих в Российскую Федерацию, и, в частности, с целью поиска работы. Так, по данным Федеральной службы государственной статистики², в 2021 г. в Российскую Федерацию прибыло 594 146 человек, в том числе из стран СНГ – 535 923, что выше показателя 2019 г. на 5,05% (существенный скачок с 2020 г. был связан с изменением методики учета миграции и возможным недоучетом числа прибывших в 2019 г.).

Одной из серьезных проблем является нелегальная миграция, являясь массовым незаконным переселением людей в чужую страну с целью осуществления трудовой деятельности и временного или постоянного проживания. Причинами миграции населения могут быть разные, но основными являются межнациональные конфликты, уголовное преследование, голод, а также поиск работы и жилья. Существует несколько способов стать незаконным мигрантом: незаконное пересечение границы; законное пересечение границы, но нарушение срока визы (отсутствие регистрации) и другие.

Нелегальная миграция влечет за собой увеличение числа преступности, связанная с наркоторговлей, торговлей людьми или их эксплуатацией, терроризмом, вооруженными нападениями и незаконным оборотом оружия и наркотических средств. Нелегальные

¹ Поскребец С.В. Современные проблемы незаконной миграции // Проблемы миграции внутри и вокруг России. Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 2015. № 39. С. 9.

² Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 14.10.2022).

мигранты становятся привлекательным средством для вербовщиков различных международных террористических и экстремистских организаций. Незаконный мигрант может быть как субъектом различных видов преступлений, так и объектом посягательства на его жизнь, здоровье, неприкосновенность личности и т.д. (продажа органов, проституция, педофилия и т.д.). Здесь уместно отметить, что организаторы незаконной миграции, а также предприниматели и иные лица, нещадно эксплуатирующие труд нелегальных мигрантов, наносят существенный вред экономике и стабильному социальному положению любой страны.

Многие нелегальные мигранты являются выходцами из исламских государств и приверженцами идеологии радикализма, при которой имеет место быть абсолютный социальный контроль и мобилизация своих сторонников, что несомненно несет опасность для России.

Правовая ответственность за административные правонарушения миграционной сферы, ответственность предусмотрена в ст.18.1-18.20, 19.27 Кодекс об административных правонарушениях¹ (далее – КОАП РФ). Для осуществление трудовой деятельности подать документы на выдачу патента необходимо в течение 30 дней с момента пересечения границы, в противном случае образует состав правонарушения, предусмотренный ст. ст. 18.20 КОАП РФ. Патент необходим для осуществления трудовой деятельности. Согласно ч. 1 ст. 18.10 КоАП РФ предусматривает ответственность не только за отсутствие патента, но и за осуществление трудовой деятельности вне разрешенного патентом субъекта РФ.

Следует отметить, что недопустимо работодателю направлять работника в командировку в другие регионы. Однако некоторые работодатели направляют работников в командировку в другие регионы, ошибочно полагая, что это допустимо, если специальность относится к командируемым.

Таким образом, проблема незаконной трудовой деятельности мигрантов остается актуальной, детерминируя, в свою очередь,

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 20 октября 2022 г. N 410-ФЗ, изменения вступают в силу с 31 октября 2022 г.) // Собрания законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. № 1 (часть I) ст. 1

проблему выявления работодателей, совершающих административное правонарушение и допускающих незаконную трудовую деятельность.

Решение актуальной проблемы видится в усилении контроля и надзора за соблюдением работодателями правил привлечения к труду иностранных работников, ужесточении мер административной ответственности работодателей за привлечение к труду мигрантов, не оформивших право на законное осуществление трудовой деятельности в РФ.

За совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 18.8, ч. 1–3 ст. 18.10, ч. 1 ст. 18.11, ч. 2 ст. 18.17 КоАП РФ, иностранные граждане могут быть подвергнуты такому административно-правовому наказанию, как принудительное выдворение за пределы страны. Для этого иностранные граждане могут помещаться на двое суток в специальное учреждение. За этот период должна быть установлена их личность и получены соответствующие документы, что в реальном времени не всегда представляется возможным. Возникает проблема незаконного длительного содержания в спецучреждениях иностранных граждан.

По нашему мнению, возможными решениями указанной проблемы, как:

1) внесение законодательных изменений, содержащих оговорку, при наличии каких оснований срок содержания иностранных граждан в спецучреждении может быть увеличен;

2) совершенствование механизма получения документов, подтверждающих личность иностранных граждан, в том числе улучшение качества межведомственного взаимодействия и оперативное решение вопросов информационного обмена.

Следует разработать целый комплекс мер, для предупреждения и предотвращения угроз безопасности государства от незаконной миграции.

Например, следует усилить контроль за деятельностью сотрудников, которые оказывают различные государственные услуги, ужесточить административную ответственность работодателей за прием на работу незарегистрированных лиц и не имеющих разрешение на работу, провести полноценный анализ регионов страны для дальнейшего размещения в них мигрантов; усилить контроль на таможне за прибывающими лицами, их целью

прибытия и причиной выезда из своей страны, повысить качество работы по депортации граждан, если ими было не соблюдено законодательство нашей страны, также данный процесс должен иметь невозвратный характер. Также следует создать консультативные центры, где мигранты смогут получить различную информацию, например, по поводу получения регистрации.

Представляется, что исследование современного опыта решения в правовом поле проблемы незаконной миграции позволит сформулировать следующую классификацию средств борьбы с незаконной миграции: 1) исключительно юридические (принятие нормативных актов уполномоченными лицами и организациями, заключение международных соглашений); 2) организационные (создание системы органов государственной власти для решения вопросов миграции, применение процедур для отбора иностранных граждан и лиц без гражданства - визовые процедуры, сопровождение нахождения в стране пребывания со стороны работодателя или иной приглашающего лица); 3) физические/технические (создание препятствий для незаконного пересечения границы, дактилоскопия); 4) правоприменительные (административная и уголовная ответственность); 5) поощрительные (специальные программы для получения гражданства страны пребывания - «миграционная амнистия», программы «переселения соотечественников», налоговые льготы); 6) контрольные/надзорные (проведение рейдов специальными службами по месту жительства, работы и в общественных местах).

Решение проблемы нелегальной миграции видится в усилении контроля и надзора за соблюдением иностранных граждан миграционного законодательства, необходимо ужесточении мер административной ответственности в РФ.

Отметим, что все без исключения методы борьбы с незаконной миграцией теоретически должны находиться в рамках закона, всеобщих принципов права.

Проблема незаконной трудовой деятельности мигрантов остается актуальной, детерминируя, в свою очередь, проблему выявления работодателей, совершающих административное правонарушение и допускающих незаконную трудовую деятельность.

Решение обозначенной проблемы видится в усилении контроля и надзора за соблюдением работодателями правил привлечения к труду иностранных работников, ужесточении мер административной ответственности работодателей за привлечение к труду мигрантов, не оформивших право на законное осуществление трудовой деятельности в РФ.

Борьба с незаконной миграцией должна являться не только деятельностью уполномоченных органов государственной власти, безусловно, обладающей определенными административными, экономическими, юридическими ресурсами, но и юридических и физических лиц.

Все это стало очередным шагом к решению задач по пресечению или минимизации незаконной миграции. Однако проблемы незаконной миграции далеки от решения, поскольку представляют собой комплекс сложнейших вопросов, над решением которых работает законодатель, правоохранительные органы РФ.

По нашему мнению, возможным решением проблем незаконной миграции в РФ является: внесение законодательных изменений и совершенствование механизма получения документов, подтверждающих личность иностранных граждан, в том числе улучшение качества межведомственного взаимодействия и оперативное решение вопросов информационного обмена.

Таким образом, проблемы административной ответственности за нарушения в сфере миграционного законодательства требуют внесения изменений в соответствующие правовые нормы и совершенствования административно-правовых механизмов учета иностранных граждан и лиц без гражданства, что, в свою очередь, позволит обеспечить единообразный подход к применению мер административной ответственности и повышению их эффективности в отношении иностранных граждан.

Все вышеупомянутое требует теоретического осмысления и практической реализации ради обеспечения безопасности Российской Федерации и ликвидации угроз этой безопасности. С развитием информационных технологий устранение проблем требует современных подходов и решений, направленных на совершенствование сферы миграции.

В целях противодействия нарушениям миграционного законодательства и пресечения каналов нелегального трафика принимаются не только меры, направленные на предотвращение и пресечение нарушений, но и связанные с усилением ответственности в этой сфере.

В заключение отметим, что меры, которые предусмотрены комплексом нормативных актов, направленных на борьбу с незаконной миграцией, выступают адекватным ответом на увеличившиеся миграционные потоки. Миграционная политика государства – это один из мощнейших инструментов для решения экономических, политических и социальных вопросов. Но она должна проводиться с учетом требований национальной безопасности, так как миграционные процессы во многих случаях являются индикатором кризисной ситуации.

Грибанов Евгений Викторович,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Антикоррупционное просвещение населения: сущность и технология осуществления

Актуальность проблематики антикоррупционного просвещения населения в первую очередь обусловлена положениями Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». В частности, в ст. 6 указанного закона в качестве первой меры по профилактике коррупции отмечено формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению.

Развитие современных технологий многократно повысило роль информации в воздействии на сознание и поведение человека в офлайн и онлайн пространстве. Общественное, групповое и индивидуальное сознание, стереотипы поведения во многом формируются контентом, который транслируется через средства массовой, групповой и индивидуальной коммуникации. Основываясь на достижениях в сфере IT, совершенно на новый уровень развития выходят социальные технологии, применяемые для достижения

прогнозируемого социального результата путем воздействия на поведение людей, культурные и социальные структуры, системы или ситуации¹.

Указанные обстоятельства существенно актуализируют вопросы использования современных технологий для развития института антикоррупционного просвещения населения.

Новые подходы к организации антикоррупционного просвещения населения требуют не только дополнительного теоретического обоснования, но и выработки новых прикладных, технологических решений, которые можно успешно внедрить в правоохранительную деятельность.

Деятельность по антикоррупционному просвещению населения образует систему, состоящую из объектов и субъектов антикоррупционного просвещения населения. Она направлена на правоохранительные проблемы, которые могут быть разрешены (минимизированы) посредством антикоррупционного просвещения населения. К ним относятся:

- работа с потенциальными взяткодателями;
- работа с потенциальными взяткополучателями;
- профилактика виктимного коррупционного поведения;
- профилактика коррупционных административных правонарушений и дисциплинарных проступков;
- участие граждан в антикоррупционной деятельности;
- иные направления, ориентированные на решение правоохранительных задач.

Применительно к достижению правоохранительных целей антикоррупционное просвещение населения представляет собой деятельность, направленную на всестороннее развитие личности в области обеспечения его безопасности от коррупционных посягательств на основе приобретения специальных знаний, умений и навыков.

Таким образом, антикоррупционное просвещение населения представляет собой профессиональную деятельность сотрудников правоохранительных органов по доведению до сведения граждан и организаций информации, направленной на обеспечение защиты

¹ Ильницкий А.С. Противодействие криминальной идеологии в сети Интернет с использованием технологий антикриминальной пропаганды // Общество и право. 2022. № 1 (79). С. 33-39.

прав и свобод человека и гражданина, общества и государства от коррупционных посягательств, возможности стать участником коррупционных отношений. Именно в этом смысле антикоррупционное просвещение населения выступает в качестве одной из форм профилактики правонарушений и является предметом деятельности правоохранительных органов.

Отправной точкой в правовом регулировании антикоррупционного просвещения населения являются положения ст. 17 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», где в качестве первой формы профилактического воздействия предусматривается правовое просвещение и правовое информирование. В соответствии со ст. 18 указанного закона в целях правового просвещения и правового информирования субъекты профилактики правонарушений или лица, участвующие в профилактике правонарушений, доводят до сведения граждан и организаций информацию, направленную на обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, общества и государства от противоправных посягательств. Указанная информация может доводиться до сведения граждан и организаций путем применения различных мер образовательного, воспитательного, информационного, организационного или методического характера. Эти положения уже более детально раскрывают содержание антикоррупционного просвещения населения как правоохранительной категории. Именно такое ее понимание следует брать за основу при рассмотрении проблем антикоррупционного просвещения населения.

Краеугольное положение в вопросах антикоррупционного просвещения населения занимают нормы Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Как отмечено выше ст. 6 указанного закона к числу основных мер профилактики коррупции в качестве первостепенной отнесено формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению. Реализация этой нормы может быть обеспечена только за счет антикоррупционного просвещения населения.

Формы антикоррупционного просвещения населения образует внешнее выражение антикоррупционной деятельности, получившее оформление в виде документа, профилактического материала, программы, сценария, проекта и т.п. Антикоррупционное просвещение населения осуществляется в следующих формах:

использование потенциала средств массовой коммуникации: официальных, в т.ч. ведомственных, средств массовой информации (телевизионных, печатных, радиальных); официальных сайтов, социальных сетей и иных ресурсов сети интернет; наглядной агитации, выступлений перед гражданами и иных форм;

работа с малыми группами (учебными, трудовыми коллективами, иными малыми социальными группами): беседы, лекции, семинары, конкурсы, игры, викторины, тренинги и т.п.;

индивидуальная работа с гражданином и его микросредой (семьей).

Антикоррупционное просвещение населения осуществляется с помощью разработанного субъектом профилактической деятельности инструментария в виде различных документов, профилактических материалов, программ, планов, сценариев, проектов и т.п.

Методы антикоррупционного просвещения населения представляют собой специально разнообразные приёмы правовоспитательного воздействия, применяемые к гражданам. Методами антикоррупционного просвещения населения являются: убеждение, оказание помощи, поощрение, пример, упражнение, приучение, внушение, требование, создание воспитывающих ситуаций.

Отталкиваясь от положений теории криминологических технологий¹, технологии антикоррупционного просвещения населения следует определить как совокупность научно обоснованных приемов, методов и решений, применяемых для достижения прогнозируемого результата в правоохранительной сфере, путем осуществления воздействий, оказывающих влияние на правовую и криминологическую осведомленность людей, их поведение по обеспечению безопасности от участия в коррупционных отношениях². Технология антикоррупционного просвещения населения включает в себя ряд последовательных стадий.

1. Диагностика и аналитика. Здесь происходит определение и постановка конкретной проблемы в области антикоррупционного

¹ Симоненко А.В., Грибанов Е.В. Криминологические технологии и инженерия: место в науке и значение для правоохранительной практики // Общество и право. 2016. №1 (55) С. 121-127.

² Грибанов Е.В. Правовое воспитание и просвещение населения как технология предупреждения преступлений // Общество и право. 2020. № 4 (74). С. 12-18; Грибанов Е.В. Универсальная (типовая) технология предупреждения преступлений // Общество и право. 2021. № 3 (77). С. 26-31.

просвещения населения. На основе источников информации о проявлениях коррупции на конкретной территории, ее причинах и условиях, оценки оперативной и криминогенной обстановки, результатов криминологических исследований субъект антикоррупционного просвещения населения должен четко обозначить круг наиболее приоритетных правоохранительных проблем, которые необходимо разрешить или минимизировать их остроту. В зависимости от охвата территории (страна в целом, регион, муниципальное образование, микрорайон, иной объект) постановка правоохранительной проблемы должна иметь соответствующую степень конкретизации. В общем виде такими проблемами могут быть: высокие коррупционные риски в какой-либо сфере; вовлечение в коррупционную деятельность; пассивность населения в противодействии коррупции; участие граждан в антикоррупционной деятельности.

2. Определение объекта предупредительного воздействия. Объектом воздействия может выступать неограниченный круг лиц, малая социальная группа, конкретный индивид или его микросреда. Соответственно формируется три уровня антикоррупционного просвещения населения: массовый, групповой и индивидуальный. На данном этапе субъекту профилактики следует определить, на каком уровне будет возможно достичь максимального правоохранительного результата с наименьшими затратами.

3. Разработка подробного плана антикоррупционного просвещения населения, программы, социального проекта, материала, мероприятия, сценария, контента. На данном этапе необходимо решить вопрос и о привлечении третьих лиц к профилактической работе: представителей иных субъектов антикоррупционного просвещения населения, некоммерческих организаций, граждан, средств массовой информации¹.

4. Непосредственная реализация предупредительной деятельности и ее освещение. Ответственный специалист на данном этапе в зависимости от избранного уровня антикоррупционного просвещения населения обеспечивает размещение специализированного контента в средствах массовой коммуникации, проводит

¹ Хомутов М.В. Предупреждение преступлений социально ориентированными некоммерческими организациями: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2021. 233 с.

антикоррупционное просвещение населения с малой социальной группой, осуществляет индивидуальную беседу.

5. Оценка эффективности мероприятия и его корректировка. Реализацией антикоррупционного просвещения населения не оканчивается предупредительная деятельность. Важно дать профессиональную оценку проделанной работе, выявить ее положительные результаты и недостатки. Такая работа позволит отказаться от мероприятий, которые не имеют должной эффективности и аккумулировать ресурсы на тех из них, которые, напротив, демонстрируют высокую эффективность.

Густова Элла Владимировна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;

Новикова Валерия Игоревна,
командир отделения
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

Влияние решений Конституционного суда Российской Федерации на применение уголовного закона

Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) является единоличным органом судебной власти уполномоченным разрешать дела о соответствии уголовного закона нормам, закрепленным в Конституции РФ. С момента создания, начиная с 1993 года по настоящее время, им было рассмотрено свыше 2 000 таких дел¹.

¹ Гузеева О.С. Конституционализация уголовного права Конституционным Судом РФ // Законность. 2020. № 9. С. 44–47.

Стремительное развитие событий, повлекших изменения в стране и мире, о которых мы ранее и не задумывались, потребовали от законодателя консолидированной собранности и динамичного принятия решений по внесению изменений и дополнений в действующие нормативные правовые акты, в том числе и в Уголовный кодекс РФ. Так, 14 июля 2022 года подверглись изменению нормы об ответственности за преступления против интересов РФ и госбезопасности, в частности за тайное сотрудничество с иностранным государством, направленное против безопасности РФ; участие в вооруженном конфликте в целях, противоречащих интересам РФ; публичные призывы к осуществлению деятельности против безопасности государства и т.д. Теперь к государственной измене отнесли переход на сторону противника, то есть участие лица в составе сил, противостоящих РФ в вооруженном конфликте.

Спустя чуть более двух месяцев 24 сентября 2022 года в УК РФ вносятся изменения об ответственности за воинские преступления в период мобилизации, военного положения, в военное время, в условиях вооруженного конфликта или боевых действий в сторону ужесточения, а именно: неисполнение приказа; сопротивление начальнику или насильственные действия в отношении него; самовольное оставление части или места службы; дезертирство; уклонение от исполнения обязанностей военной службы; умышленное уничтожение или повреждение военного имущества и его утрату и т.д. Расширяется перечень отягчающих обстоятельств и ужесточаются правила замены неотбытой части наказания. Помимо этого, вводятся новые составы преступлений в сфере гособоронзаказа, за добровольную сдачу в плен и мародерство.

Таким образом, результатом, продиктованным реальной необходимостью, стало не только внесение многочисленных изменений в уже действующие нормы, но и появление новелл – абсолютно новых, специфических составов в УК РФ. В этой связи возникает актуальный вопрос своевременного контроля за их применением, во избежание необоснованного ограничения неотъемлемых прав гражданина, гарантированных Конституцией РФ.

Решения КС РФ выступают в качестве способа преодоления неопределенности в понимании положений Конституции РФ.

В этой связи, показательным примером являются следующие два постановления. Так, 27.05.2008 г. КС РФ было принято постановление № 8-П «По делу о проверке конституционности положения ч. 1 ст. 188 УК РФ в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян»¹. Из материалов дела следует, что последняя ввезла незадекларированную валюту в крупном размере (на тот момент он устанавливался примечанием к ст. 169 УК РФ, в размере 250 000 рублей). Однако из ввезённой суммы не вычиталась часть валюты, которая в соответствии с законодательством о валютном регулировании разрешалась к ввозу без подачи письменной декларации в таможенный орган в размере 10 000 долларов.

КС РФ согласился с доводами заявителя и признал в рассматриваемой части норму ч.1 ст.188 УК РФ не соответствующей Конституции РФ. То есть, уголовная ответственность теперь наступала за контрабанду незадекларированной валюты в совокупном суммировании 10 000 долларов и 250 000 рублей (в долларовом эквиваленте). Меньшая сумма ввозимой валюты, не прошедшей декларирование, но превышающая 10 000 американских долларов, образовывала состав административного правонарушения.

Практический интерес вызывает тот факт, что одновременно с КС РФ, свои разъяснения, имеющие принципиальные различия, по данной норме дал Верховный суд РФ в постановлении Пленума от 27.05.2008 № 6 «О судебной практике по делам о контрабанде» (в настоящее время утратил силу). В частности, он указал, что контрабандой необходимо считать часть валюты, не прошедшей декларирование. При этом, вопросов порядка определения ее размера у суда не вызвало.

Спустя два года данная норма вновь становится предметом исследования КС РФ в Постановлении от 13.07.2010 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 188 УК РФ, ч. 4 ст. 4.5, ч. 1 ст. 16.2 и ч. 2 ст. 27.11 КоАП РФ в связи с жалобами

¹ Постановление Конституционного суда РФ от 27.05.2008 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.11.2022).

граждан В.В. Баталова, Л.Н. Валуевой, З.Я. Ганиевой, О.А. Красной и И.В. Эпова»¹. Заявители не согласились с порядком определения крупного размера (учитывая налоги, различие цен в стране и т.д.). Как итог, суд вновь признал неконституционными взаимосвязанные нормы ч.1 ст. 188 УК РФ, ч. 1 ст. 16.2 и ч. 2 ст. 27.11 КоАП РФ в части определения стоимости и системы оценки ввезенного через границу физическим лицом товара для личного потребления и использования, в целях разграничения контрабанды от недекларирования товара (преступления от административного правонарушения). Кроме того, суд указал, что при исчислении штрафа за основу необходимо брать рыночную стоимость всего товара, перемещенного через границу, в том числе разрешенного к пересечению таможенной границы без подачи декларации и уплаты пошлин.

Далее, по прошествии чуть более года, 07.12.2011 г. Федеральным законом № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты РФ» ст. 188 УК РФ признается утратившей силу.

Таким образом, за время своего существования ст. 188 УК РФ дважды была предметом исследования КС РФ и ее положения в той или иной степени признавались не соответствующими Конституции РФ и лишь спустя определенное время она была декриминализована.

Данная норма с момента принятия Уголовного кодекса просуществовала более 15 лет. Все это время работали правоохранительные, следственные и судебные органы по выявлению, пресечению данного преступления и назначению наказания за него. Было привлечено большое количество граждан к уголовной ответственности, не все из них, в дальнейшем обжаловали решение, ведь были и те, которые на момент появления данных постановлений уже отбыли наказание, и по различным обстоятельствам за от-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2010 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В.В. Баталова, Л.Н. Валуевой, З.Я. Ганиевой, О.А. Красной и И.В. Эпова» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.11.2022).

меной решений не обращались, их конституционные права и свободы так остались не восстановленными. По состоянию на 31 декабря 2011 года в связи с декриминализацией ст. 188 УК РФ было прекращено производство 1088 уголовных дел¹.

С момента принятия действующего УК РФ было вынесено 11 Постановлений КС РФ, повлекших официальное изменение его положений. Однако решений, имеющих значение для определенности уголовно-правовых норм, было значительно больше, ведь многие из них, содержащие толкование и разъяснения особенностей их применения, не вносили изменений в сам уголовный закон².

Важным свойством, присущим решениям КС РФ является их окончательность, которая закреплена в ч. 1 ст. 79 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» и формулируется следующим образом: «Решение Конституционного Суда Российской Федерации окончательно и не подлежит обжалованию». В.Д. Зорькин, рассуждая об окончательности решений КС РФ, отмечает: «Суд не связан формулировками ранее принятых правовых позиций. Это обусловлено тем, что изменение жизненных реалий может приводить и к отступлению от ранее сформулированных правовых позиций, поскольку Конституционный Суд, применяя и истолковывая Конституцию, выявляет не только букву, но и дух тех или иных ее положений на каждом новом этапе развития и тем самым приспособливает ее к меняющимся отношениям в обществе. В таком случае корректировка ранее сформулированных правовых позиций не означает отмены ранее принятого решения и не приводит к пересмотру в целом практики Конституционного Суда. Его решение сохраняет юридическую силу и не подлежит пересмотру. Сохраняет свою силу и сформулированная в нем правовая позиция. Однако ее применимость не является абсолютной и определяется Конституционным Судом каждый раз в сходной ситуации с учетом единства буквы и духа этой позиции в конкретно исторических обстоятельствах»³.

¹ Тюльков В.Г. О работе, связанной с декриминализацией статьи 188 УК РФ [Электронный ресурс] // URL: <https://www.interfax-russia.ru> (дата обращения: 25.11.2022).

² Пудовочкин Ю.Е., Бабаев М.М. Взаимоотношения судебной и законодательной власти в контексте уголовной политики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 1. С. 153–185.

³ Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. Москва, 2011. С. 164.

В качестве одного из показательных примеров приведем решение по вопросу о проверке конституционности ст. 64 УК РСФСР, регламентирующей ответственность за измену Родине. В своем постановлении Конституционный Суд в категоричной форме признал «положение п. «а» ст. 64 УК РСФСР, квалифицирующее бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы, как форму измены Родине, не соответствующим Конституции РФ»¹.

Вместе с тем, Федеральным законом от 14.07.2022 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ» внесено изменение, в ст. 275 УК РФ, согласно которой государственной изменой признается «переход на сторону противника». При этом законодатель в примечании 1 к данной статье разъяснил, что под этим высказыванием «понимается участие лица в составе непосредственно противостоящих Российской Федерации сил (войск) иностранного государства, международной либо иностранной организации в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники».

Учитывая данные обстоятельства так уж категорично рассматриваемое постановление? В первом случае речь идет о бегстве, во втором о переходе. В первом – за граница, во втором – противник. Но и в том и другом случае, это враждебная, агрессивно настроенная среда по отношению к нашей стране, преследующая цель максимального причинения вреда как государству в целом, так и гражданам, проживающим на ее территории в отдельности. В этой связи, позволим себе высказать предположение, что категоричность и ясность этого постановления определялись внутренним отношением и желанием населения, власти и суда во враге разглядеть друга, который никогда таковым не был, а всего лишь им притворялся. В свою очередь действия отдельно взятого гражданина, направленные вопреки интересам своей страны и народа, по своей сути всегда остаются изменой. И рассмотренный пример ярко тому доказательство, базирующееся лишь на циклическом витке развития отечественного уголовного права.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.1995 № 17-П «По делу о проверке конституционности ряда положений пункта «а» статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Смирнова» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.11.2022).

В свете изложенного, полагаем необходимым внесение изменений в действующее законодательство, направленное на закрепление полномочий за Конституционным Судом по проведению предварительной правовой экспертизы на предмет соответствия Конституции РФ каждой уголовно-правовой нормы на стадии ее принятия. Это позволит избежать нарушения прав и свобод граждан, а также минимизирует число декриминализованных статей, что будет способствовать авторитету уголовного законодательства.

Деревянская Татьяна Павловна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

Причинение вреда при оказании первой и медицинской помощи: вопросы квалификации

При оказании первой и медицинской помощи нередко возникают ситуации причинения вреда человеку, которому оказывается помощь, вследствие неправильных или недостаточных действий лица, оказывающего такую помощь. Несомненно, требуется оценка такого вреда, в том числе уголовно-правовая, если наступила смерть или причинен вред здоровью различной степени.

Однако уголовно-правовая оценка причинения вреда человеку в процессе оказания первой и медицинской помощи является достаточно сложной. Уголовный закон не предусматривает прямой ответственности за причинение вреда здоровью или жизни человеку во время оказания помощи. При этом квалификация деяний, повлекших такой вред будет напрямую зависеть от того, кто оказывал первую или медицинскую помощь.

В соответствии с ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ», первая помощь оказывается гражданами до оказания меди-

цинской помощи при состояниях, угрожающих их жизни и здоровью. Анализируя законодательство РФ можно выделить две группы лиц, которые могут оказывать первую помощь:¹

1. Лица, не обязанные в силу закона или специальных правил оказывать первую помощь, но обладающие соответствующими навыками и (или) подготовки, а также водители транспортных средств.

2. Лицами, обязанные оказывать первую помощь в соответствии с законом или со специальными правилами и имеющими соответствующую подготовку, в том числе сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, сотрудниками, военнослужащими и работниками Государственной противопожарной службы, спасателями аварийно-спасательных формирований и аварийно-спасательных служб.

Лица, относящиеся к данным группам, могут или имеют обязанность в силу соответствующих навыков или подготовки оказывать первую помощь. При этом, стоит отметить, что первая помощь проводится в состояниях, угрожающих жизни и здоровью человека, а жизнь является высшей ценностью, поэтому попытка сохранить жизнь и здоровье пострадавшего при оказании первой помощи, даже если вследствие нарушения правил или порядка действий наступил вред здоровью или смерть человека, должна расцениваться как крайняя необходимости или, при наличии оснований, превышение пределов крайней необходимости. Доводы некоторых ученых о том, что такие действия нельзя назвать крайней необходимостью в силу отсутствия признака невозможности устранения опасности иными средствами (была возможность вызвать скорую медицинскую помощь) являются ошибочными. В первую очередь это связано даже не с тем, что скорую помощь необходимо ждать продолжительное время или медицинская помощь также не всегда бывает квалифицированной², а с тем, что первая помощь оказывается гражданам до оказания медицинской

¹ Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ (последняя редакция)

² Берчанский К.А. Крайняя необходимость при причинении вреда в ходе оказания первой помощи // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 5. С. 116–133. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.138.5.116-133.

помощи. Это комплекс мероприятий, который проводится до приезда скорой медицинской помощи при несчастных случаях, травмах, ранениях, поражениях, отравлениях, других состояниях и заболеваниях, угрожающих их жизни и здоровью, и промедление в таких случаях может повлечь смерть человека.

Итак, считаем, что неумышленное причинение вреда здоровью или наступление смерти при некачественном оказании или недостаточности мер первой помощи необходимо рассматривать как крайнюю необходимость или, в предусмотренных законом случаях, как превышение пределов крайней необходимости.

Медицинскую помощь могут оказывать только медицинские организации, к таким видам помощи относятся первичная медико-санитарная, специализированная, скорая и паллиативная медицинская помощь. Проблема квалификации причинение вреда при оказании медицинской помощи сегодня стоит особенно остро. Действия медицинского работника, оказавшего медицинскую помощь, но повлекшие наступление вреда различной степени тяжести невозможно квалифицировать по ст. 124 УК РФ, как неоказание больному, т.к. помощь фактически была оказана.

Стоит оговориться, что уголовно-правовая оценки наступления вреда при оказании медицинской помощи является достаточно сложной и в каждом конкретном случае требует самостоятельной оценки, в связи с чем сегодня мы рассмотрим общие варианты квалификации таких действий.

Уголовный закон не предусматривает прямой ответственности врача за неумышленное причинение вреда при оказании медицинской помощи, в уголовном законодательстве отсутствует понятие «врачебной или медицинской ошибки». Более того, оказывая медицинскую помощь врач не желает принести вред здоровью и жизни пациента, напротив он стремится помочь пациенту всеми доступными ему способами.

В связи с чем, является необоснованной позиция, при которой возможна квалификация неосторожного причинения вреда при оказании медицинской помощи по ст. 238 УК РФ, даже если медицинская помощь оказывается на платной основе¹. Поскольку

¹ Янина И.Ю. Неосторожное причинение при оказании медицинских услуг // Медицинское право 2019 № 3 С.50-55.

при квалификации действий по указанной статье вина врача по отношению к оказанию услуг, не отвечающих требованиям безопасности, должна быть умышленной. Вряд ли возможно усмотреть умысел на оказание услуг, не отвечающим требованиям безопасности, когда врач, оказывая медицинскую помощь, опираясь на свои профессиональные знания и опыт, желает помочь пациенту. Однако если в результате таких действий врача вследствие легкомыслия или небрежности причиняется тяжкий вред здоровью или наступает смерть пациента, деяние необходимо квалифицировать по ч. 2 ст. 118 УК РФ «Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности, совершенное вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей», по ч. 2 ст. 109 УК РФ «Причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей» соответственно.

Верховный суд РФ разъясняет, что по смыслу ч. 2 ст. 109 УК РФ под ненадлежащим исполнением профессиональных обязанностей виновным понимается такое поведение лица, которое полностью или частично не соответствует официальным требованиям или предписаниям, предъявляемым к лицу, и в результате этого наступает смерть потерпевшего. Кроме того, указывается, что установление правовых предписаний, регламентирующих поведение лица в той или иной профессиональной сфере является обязательным условием, необходимым для привлечения лица к уголовной ответственности. Отсутствие такой правовой нормы или правил поведения свидетельствует об отсутствии общественно опасного деяния, потому что в этом случае невозможно установить отношение лица к тем или иным правовым предписаниям или профессиональным обязанностям. Кроме того, не совершение необходимого действия либо совершение запрещаемого действия должно быть обязательным условием наступившего последствия, т.е. таким условием, устранение которого (или отсутствие которого) предупреждает последствие¹.

Определенный порядок оказания медицинской помощи установлен соответствующими приказами Минздрава России, которые

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2015) (ред. от 28.03.2018)

содержат информацию по безопасному и эффективному оказанию медицинской помощи в различных ситуациях¹, что соответствует разъяснениям Верховного суда РФ и оказание медицинской помощи в нарушение соответствующей инструкции можно признать ненадлежащим исполнением профессиональных обязанностей врача.

Учитывая изложенное полагаем, что причинение вреда при оказании первой помощи лицами, которые могут или имеют обязанность в силу соответствующих навыков или подготовки оказывать первую помощь, должно расцениваться как крайняя необходимости или, при наличии оснований, превышение пределов крайней необходимости, а уголовная ответственность врача при назначении лекарства не в соответствии с инструкцией по применению лекарственного препарата возможна только при причинении тяжкого вреда здоровью или смерти пациенту по ч. 2 ст. 118 УК РФ «Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности, совершенное вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей», по ч. 2. ст. 109 УК РФ «Причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей» соответственно. В остальных случаях уголовная ответственность врача невозможна.

Евтушенко Инна Ивановна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

Современные факторы, влияющие на содержание уголовно-исполнительной политики

Уголовно-исполнительная политика России совершенствуется, фиксируется в программных документах – Концепции развития на определенный период времени, как правило, это 10 лет.

¹ На сегодняшний день действует около 60 приказов Минздрава России, утверждающих порядок оказания медицинской помощи.

На формулирование конкретных направлений уголовно-исполнительной политики оказывают влияние определенные факторы, под которыми мы понимаем систему условий, определяющих как конечные цели, так и формы реализации такой политики.

Среди таких факторов можно выделить следующие.

1. Внешняя политика России в определенный исторический период. Следует отметить, что в развитии отечественной уголовно-исполнительной системы можно выделить как периоды активного сотрудничества с другими государствами, обмена опытом (например, 18-19 века, длительный период после распада СССР до 2014 года), так и периоды почти полной изоляции, когда развитие УИС шло своим собственным путем (например, после Октябрьской революции 1917 года, или после 2014 года, когда зарубежные государства стали оказывать на Россию «санкционное давление»).

2. Внутренняя политика государства, прежде всего в сфере противодействия преступности, определение наиболее опасных ее проявлений в конкретный исторический период (например, известны периоды политической борьбы с оппозицией уголовно-правовыми и уголовно-исполнительными средствами; в периоды боевых и военных действий обостряется борьба с диверсантами, шпионами и государственными изменниками; в периоды экономического развития – противодействие экономической преступности).

3. Социально-политическое состояние и структура общества, господствующие в нем нравственные ценности и правовые представления. От уровня толерантности общества, его социального благополучия очень зависят и цели, и способы их достижения, и конечный результат уголовно-исполнительной политики, проводимой органами власти. Если сотрудники полиции, прокуратуры, Следственного комитета России, судов не готовы «принимать» положения Концепции развития УИС в части приближения условий содержания осужденных в местах лишения свободы и СИЗО к мировым стандартам, их гуманизации, а общество не воспринимает как справедливое назначение наказания, не связанного с изоляцией от общества, то и степень реализации этих положений будет крайне низкая.

4. Материальное благополучие, работа системы социальных служб, обеспечение граждан пенсиями, пособиями и иными гарантиями социальной защиты также должно быть на уровне мировых

стандартов. В противном случае улучшение условий содержания для осужденных остальной законопослушной частью общества воспринимается как нарушение принципа социальной справедливости, если эти условия жизни для осужденных оказываются лучше условий жизни законопослушной части общества. В свою очередь, такое неравенство приводит к опасной тенденции: не найдя достойного места в жизни, не имея достаточных средств на получение профессионального образования и соответственно, возможности получить высокооплачиваемую работу, не имея собственного жилья или возможности оплачивать его стоимость, такой человек видит для себя как ему кажется единственный выход – совершать преступления, чтобы все эти недостающие блага в виде гарантированных питания, жилища, образования получить совершенно бесплатно в местах лишения свободы.

5. Развитие институтов гражданского общества, открытости в деятельности ФСИН России, эффективного общественного контроля за деятельностью УИС, создание условий для деятельности общественных формирований, таких как правозащитные организации; благотворительные фонды помощи лицам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации; кризисных центров; центров ресоциализации лиц, отбывших лишние свободы; центров по реабилитации лиц, страдающих алкоголизмом или наркоманией; подростков в девиантным поведением и т.п.

6. Состояние и динамика преступности в стране, меры по ее предупреждению. Современное состояние преступности позволяет спрогнозировать в ближайшем будущем количество лиц, которые будут отбывать наказание, предусмотреть для этого необходимые материально-технические, организационные и штатные ресурсы. Кроме того, изменение структуры преступности, увеличение доли тяжких и особо тяжких преступлений в общей структуре преступности, преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и в составе организованных преступных групп, лицами, ранее совершавшими преступления, оказывает влияние и на задачи, и формы деятельности оперативных подразделений ФСИН России и МВД России по выявлению и пресечению таких деяний.

7. Уровень развития экономики в стране, наличие финансовых и материальных ресурсов для нормального функционирования системы органов и учреждений, исполняющих наказания. В определенный период времени, в 90-х годах прошлого столетия финансовое и материальное обеспечение деятельности УИС было крайне низким, обосновывался тезис о необходимости самокупаемости имеющихся на территории исправительных учреждений производственных мощностей, развитии подсобных хозяйств. Однако экономическая эффективность производств, использующих труд осужденных в России, оказалась не достаточной для обеспечения деятельности учреждений и УИС в целом. На сегодняшний день эта деятельность в полном объеме финансируется государством, а имеющиеся предприятия и подсобные хозяйства в большей степени выполняют роль центров трудовой адаптации осужденных.

8. Развитие уголовного законодательства и практики его применения. Прежде всего следует сказать о криминализации и декриминализации деяний, их пенализации и депенализации. То есть о преступности и наказуемости деяний. Все последние годы при изменении уголовного законодательства очевидна тенденция криминализации деяний, увеличения категории тяжести преступлений и ужесточения наказаний за них. Так, в системе Особенной части УК РФ появилось много новых, ранее не известных отечественному законодательству составов преступлений. Усилена уголовная ответственности за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, преступлений, связанных в незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, экстремистских и других преступлений. Это в свою очередь сказывается на количестве лиц, содержащихся в СИЗО, колониях строгого и особого режима, оно неуклонно растет.

9. Уровень развития уголовно-исполнительного законодательства, приведение его и практики учреждений и органов, исполняющих наказания, в соответствие с требованиями международных стандартов по обращению с осужденными. В настоящий момент сложная геополитическая обстановка значительно осложнила возможности обмена опытом со странами Европы. Выход РФ из состава Совета Европы, блокирование участия России в дея-

тельности других международных организаций, конгрессов и конференций тем не менее не изменило направленность внутренней уголовно-исполнительной политики России на учет мирового положительного опыта исправления осужденных и снижения рецидива преступлений среди них. Поэтому в Концепции развития УИС России до 2030 года внесение изменений в уголовно-исполнительное законодательство названо в качестве одного из ключевых направлений развития УИС. И такая работа последовательно ведется на протяжении последнего десятилетия: улучшены условия отбывания наказания в местах лишения свободы – значительно увеличены суммы денежных средств, которые осужденные к лишению свободы могут тратить в месяц в зависимости от их поведения, режима и условий отбывания наказания; в целях поддержания социально-полезных связей осужденных закреплено их право ходатайствовать о направлении (переводе) осужденного для отбывания лишения свободы в субъекты РФ по месту жительства до осуждения, или по месту проживания близких родственников осужденного; в новых Правилах внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правилах внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы (утв. приказом Минюста России от 04.07.2022 № 110) расширены гарантии осужденным, содержащимся в запираемых помещениях (камерах), на соблюдение элементарных санитарно-гигиенических норм, право на получение платной медицинской помощи и так далее.

10. Уровень развития фундаментальных общественных наук, а также науки уголовного и уголовно-исполнительного права. На двадцатый век пришелся расцвет гуманитарных, социальных наук, предметом изучения которых были и остаются человек, общество, социальные и политические институты, взаимодействие государства и гражданского общества. Концепция правового государства была детально разработана учеными как правовых, так и политических наук. Именно в рамках концепции правового государства и его взаимодействия с институтами гражданского общества, строится разработка проблем повышения эффективности уголовного и уголовно-исполнительного права. Данные отрасли правовых наук продолжают развиваться, предлагая органам как законодательной,

так и исполнительной власти совершенствовать действующее законодательство и подзаконные акты. В свою очередь органы судебной власти, осуществляя надзор за правоприменением нормативных актов, корректируют складывающуюся практику. В свою очередь, ученые, занимающиеся развитием уголовно-исполнительного права, анализируя зарубежный опыт и законодательство, позиции органов законодательной и исполнительной власти, судов, предлагают научно обоснованные предложения о совершенствовании действующих правил. Особая роль отводится таким институтам гражданского общества как благотворительные и правозащитные организации, наблюдательные комиссии и попечительские советы, средства массовой информации, которые осуществляют общественный контроль за деятельностью УИС России, реализуя таким образом на практике рекомендации ученых о повышении открытости в деятельности органов принудительного исполнения.

Следует отметить, что на содержание политики, прежде всего, оказывают влияние экономические и социальные факторы. Каковы экономика и состояние общества в целом, такова и политика. Благополучная экономика создает динамично развивающуюся, фундаментальную политику, которая смотрит в будущее.

Общепризнанным является тот факт, что лучшая уголовная и уголовно-исполнительная политика – это хорошая социальная политика. Если уровень жизни в государстве и социальной защищенности всех членов общества достаточно высок, государством обеспечивается принцип неотвратимости наказания, то в таком государстве уровень повторности при совершении преступлений колеблется в пределах 4-12 %. В России по данным Судебного Департамента РФ уровень рецидива составляет порядка 30-33% на протяжении последних 10 лет, а по данным МВД России количество лиц, совершивших преступления повторно неуклонно росло и по итогам 2021 год составило 60%¹. Кроме того, в России отмечается увеличение количества тяжких и особо тяжких преступле-

¹ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2021 года [Электронный ресурс] URL: <https://мвд.рф/statistics> (Дата обращения: 29.09.2022)

ний в общей структуре преступности, а также увеличение количества преступлений, совершаемых в составе организованных преступных групп.

При таких показателях эффективность существующей уголовной и уголовно-исполнительной политики нельзя признать удовлетворительной. А значит при реализации уже принятых программных положений необходимо исходить из динамично развивающихся как внешних, так и внутренних факторов, своевременно внося изменения в них, в большей степени отвечающих вызовам настоящего времени.

Ендольцева Юлия Владимировна,
кандидат юридических наук,
докторант Центра организационного
обеспечения научной деятельности
Всероссийского научно-исследовательского
института МВД России

**Развитие института освобождения
от уголовной ответственности в разрезе
тенденций современной уголовной политики**

Либерализация и гуманизация уголовной политики, начатая еще во времена СССР, продолжается и в настоящее время, идя в ногу с основной задачей правоохранительной системы – борьбой с преступностью. Современная российская уголовная политика направлена, с одной стороны, на реализацию положений о неотвратимости привлечения виновного к уголовной ответственности за совершенное им преступное деяние, а с другой, принцип гуманизма и принцип справедливости, закреплённые в статьях 6 и 7 Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года (далее – УК РФ), предоставляют государству не применять крайние меры принуждения, связанные с ограничением прав и свобод, к преступнику. В связи с этим в российском уголовном праве немалая роль в решении важных государственных задач принадлежит правовому институту освобождения от уголовной ответственности.

Становление уголовной политики России до современного состояния прошло долгий исторический путь. В зависимости от этапа развития общественных отношений определялись направления государственной политики. Как известно, одной из форм выражения политической воли государства является законодательство, закрепляющее нормы права. В зависимости от тенденций уголовной политики в различные исторические периоды формировался и институт освобождения от уголовной ответственности.

Уголовная политика дореволюционной России носила феодальный характер, и только начиная со второй половины XIX века начала приобретать определенные черты политики буржуазного государства¹.

Законодательные акты дореволюционной России (Русская правда; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года; Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 года) не содержали понятий «уголовная ответственность», «освобождение от уголовной ответственности», виды освобождения лиц, совершивших преступление, именовались освобождением от наказания.

В 1917 году на территории бывшей Российской империи произошли глобальные политические и социально-экономические реформы, а также было положено начало советскому уголовному праву, что не могло не сказаться и на трансформации уголовной политики. Новые тенденции уголовной политики Советской власти, направленные, в том числе, «на социалистический гуманизм и сочетание мер уголовного наказания и мер общественного воздействия в борьбе с преступностью»², положили начало формированию института освобождения от уголовной ответственности.

С развитием советского общества, государства и, соответственно, права в уголовном законе виды освобождения от уголовной ответственности расширялись. Изначально в декретах Советской власти 1918 года и 1921 года предусматривалась возможность освобождения от уголовной ответственности тех лиц, которые заявили судебным властям о даче ими взятки.

¹ Мулукаев Р.С. К вопросу об уголовной политике дореволюционного Российского права // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2018. Т. 18. № 1. С.88-89.

² Ермолович Я.Н. Принципы военно-уголовной политики Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2011. № 7 (169). С. 97-99.

УК РСФСР 1922 года закрепил возможность освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних, руководствуясь декретом СНК РСФСР 1920 года «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях». В УК РСФСР 1926 года появился еще один вид освобождения от уголовной ответственности – в связи с изменением обстановки. УК РСФСР 1960 года определил и другие виды освобождения от уголовной ответственности.

С распадом Советского Союза в стране снова произошли глобальные преобразования, изменившие общественный, экономический и политический строй нашего общества. Новые реалии уголовной политики России, как демократического правового государства, предопределили реформацию уголовного закона, в том числе и института освобождения от уголовной ответственности.

В 1996 году, когда был принят Уголовный кодекс Российской Федерации, в нем свое отражение нашли нормы, направленные на реализацию уголовной политики, тенденции которой в то время были довольно разнообразны.

Не секрет, что со времен образования СССР, а потом и Российской Федерации, как правопреемницы Советского Союза, одним из приоритетных направлений уголовной политики стала ее гуманизация. Наличие института освобождения от уголовной ответственности напрямую свидетельствует об этом. А расширение видов освобождения от уголовной ответственности, дающих надлежащим государственным органам как право, так и в определенных законом случаях обязанность освобождения лиц от уголовной ответственности подтверждает, что государство и сегодня следует выбранному пути. К примеру, в 2011 году появился такой вид освобождения от уголовной ответственности как освобождение в связи с возмещением ущерба, в 2016 году – с назначением судебного штрафа.

Как видно из содержания большинства видов освобождения от уголовной ответственности, государство одним из факторов, влияющих на их правовую природу, определяет ориентацию преступника на социально полезное поведение, связанное с возмещением им вреда потерпевшему. Наличие данного фактора обусловлено тенденцией современной уголовной политики, направленной

на обеспечение неотъемлемого права потерпевшего, закрепленного Конституцией страны, на компенсацию ему причиненного преступлением вреда.

Еще одной тенденцией российской уголовной политики на современном этапе является – противодействие преступлениям террористического характера¹. По нашему мнению, данный вектор определенным образом влияет и на развитие института освобождения от уголовной ответственности.

Когда в УК РФ появились новые преступления террористической направленности (статьи 205, 205¹, 205³, 205⁴, 205⁵, 206), были регламентированы и специальные случаи освобождения от уголовной ответственности за совершение этих преступлений, закрепленных в примечаниях к указанным статьям Особенной части УК РФ. Важно, что условиями освобождения от уголовной ответственности в обозначенных случаях являются, во-первых, своевременное сообщение органам власти или иным образом способствование предотвращению либо пресечению совершения террористического преступления (статьи 205, 205¹, 205³ УК РФ), а, во-вторых, добровольное прекращение участия в преступной деятельности (статьи 205⁴, 205⁵, 206 УК РФ). Наличие в законе таких положений есть средство достижения цели государства по предупреждению совершения преступлений, в том числе противодействию преступлениям террористического характера.

Более того, увеличение количества компромиссных, стимулирующих уголовно-правовых норм, пробуждающих граждан к позитивному постпреступному поведению и отказу государства от их уголовного преследования, является общей тенденцией современной уголовной политики России, направленной на предупреждение совершения преступлений. В силу этого, как уже говорилось выше, в российском уголовном законодательстве перечень видов освобождения от уголовной ответственности, закрепленных как в Общей части уголовного закона, так и в примечаниях к его Особенной части, постепенно расширяется.

¹ Нудель С.В. Тенденции современной Российской уголовной политики в контексте криминализации // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27(1–4). № 1. С. 24.

В УК РФ содержатся не только диспозитивные нормы об освобождении от ответственности (в связи с примирением с потерпевшим, в связи с деятельным раскаянием, в связи с назначением судебного штрафа), которые в своей основе несут позитивное постпреступное поведение лица, совершившего преступление, но и императивные (в связи с истечением сроков давности, в связи с возмещением ущерба, в связи с актом об амнистии и др.). Заметим, что правовая природа норм второй группы определяется другими обстоятельствами – разумными сроками уголовного судопроизводства, гуманной волей государства и экономией федеральных бюджетных средств и процессуальной репрессии, что также является одной из тенденций современной уголовной политики. Затраты на расследование и рассмотрение преступлений часто превышают ущерб, причиненный самим преступлением, органы предварительного расследования и суды перегружены, поэтому приведение законодательства в соответствие с актуальными направлениями уголовной политики России является важной задачей государства.

Положения действующего законодательства, регламентирующего институт освобождения от уголовной ответственности, стабильно подвергаются модификации. Начиная со времен образования СССР и по сегодняшний день, тенденции уголовной политики подтверждают необходимость существования института освобождения от уголовной ответственности и целенаправленно ведут к расширению как общих, так и специальных оснований освобождения от уголовной ответственности.

Анализ официальных статистических данных¹ показал, что в 2021 году доля лиц, освобожденных судами от уголовной ответственности, составила 22,45% (для сравнения: в 2020 году – 25,55%, в 2019 году – 23,67%, в 2018 году – 22,33%, в 2017 году –

¹ Анализ проводился на основании статистических сведений, представленных на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Данные судебной статистики // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения - 09.08.2022 г.); на официальном сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации и о показателях преступности в России // URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics> (дата обращения: 09.08.2022 г.).

21,95%). При этом доля прекращенных уголовных дел в досудебном производстве составила в 2021 году 9,35% (в 2020 году – 9,58%, в 2019 году – 9,27%, в 2018 году – 7,41%, в 2017 году – 7,59%).

Из представленных сведений наглядно видно, что нормы института освобождения от уголовной ответственности стабильно применяются как судами общей юрисдикции, так и органами предварительного расследования. Однако в судебном производстве уголовных дел прекращается в два раза больше, чем в досудебном, что, по нашему мнению, не полностью соответствует выше обозначенному курсу современной уголовной политики, в связи с чем сам собой напрашивается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования рассматриваемого правового института во взаимосвязи и взаимной обусловленности с положениями уголовно-процессуального закона, регламентирующего основания и порядок прекращения уголовного преследования лиц, освобождаемых от уголовной ответственности.

Зоиров Джамшед Абдукодинович,
адъюнкт кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России

**Социально-политические предпосылки
криминалистического познания особенностей расследования
экстремистской деятельности в молодежной среде
(на примере Республики Таджикистан)**

Одной из глобальных угроз национальной и международной безопасности является экстремизм. В современных условиях информатизации и глобализации он приобретает все более изощренные формы и угрожающие масштабы, провоцирует международные и региональные конфликты, повышает уровень недоверия населения к власти, возбуждает ненависть или вражду по мотивам расовой, национальной, этнической или социальной принадлежности. В различных регионах мира политическими и национали-

стическими радикалами, взявшими на вооружение методы и средства осуществления экстремистской деятельности, организованы разветвлённые сети по вовлечению лиц в экстремистские организации и совершение преступлений на территории стран СНГ. Не является исключением и Республика Таджикистан.

Высокую степень социально-политической значимости вопросов противодействия экстремизму не единожды подчеркивал руководитель Республики Таджикистан. Выступая на конференции по международному и региональному сотрудничеству в области безопасности границ и пограничного контроля для борьбы с терроризмом и предотвращения передвижения террористов, многоуважаемый Эмомали Рахмон абсолютно справедливо определил, что «...Таджикистан находится на передовой линии борьбы с угрозой экстремизма и терроризма, защищая не только регион, но и территории за его пределами от трагических последствий этого явления»¹.

Последствия активного «разгула» экстремистских организаций и сообществ на территории постсоветского пространства наглядно продемонстрированы в недавних событиях на территории Республики Таджикистан, Украины, Белоруссии, Казахстана и Российской Федерации. Организовывались многочисленные митинги, перерастающие в массовые беспорядки и столкновения с сотрудниками полиции, предпринимались попытки насильственного изменения конституционного строя и захвата государственной власти, разжигалась ненависть к гражданам по признакам их расовой, национальной, религиозной или социальной принадлежности, совершалась серия террористических актов.

Объединяющей тенденцией совершаемых на территории государств-членов СНГ преступлений экстремистской направленности явилось активное вовлечение молодежи в экстремистскую деятельность².

¹ См.: Лидер нации: «Таджикистан находится на переднем крае борьбы с угрозой экстремизма и терроризма». URL: <https://khover.tj/rus/2022/10/lider-natsii-tadzhikistan-nahoditsya-na-perednem-krae-borby-s-ugrozoy-ekstremizma-i-terrorizma/> (дата обращения 10.11.2022).

² См.: Павленко Е.Н. Современные тенденции экстремистских преступлений, совершаемых несовершеннолетними, как объект криминалистического изучения // Юристъ-Правоведъ. 2018. № 1. С. 52-58.

Молодые люди в силу слабой психофизиологической организации и высокой склонности к психологическому воздействию все чаще вовлекаются в экстремистские сообщества и организации, совершают преступления экстремистской направленности, являются активными фигурантами соответствующих уголовных дел. Наряду с традиционными способами вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность, активно развиваются информационно-телекоммуникационные механизмы вовлечения¹. Молодые люди, являющиеся активными пользователями социальных сетей, мессенджеров, форумов, и видеохостингов регулярно просматривают фото- видео контент экстремистского содержания, вступают в сетевую коммуникацию в различных сетевых сообществах деструктивной направленности, «впитывают» радикальные идеи, подталкивающие их к совершению преступлений экстремистской направленности.

Все это требует от правоохранительной системы выработки эффективных средств и методов противодействия рассматриваемому феномену, разработки современных методик выявления, предупреждения и расследования преступлений экстремистской направленности, с учетом особенностей молодежной среды их порождающих. Потребность совершенствования правоохранительной, в том числе, следственной практики отмечал почтенный Президент Республики Таджикистан, говоря о том, что «...террористические группировки, расширяя свою экстремистскую деятельность, привлекают к ней все больше молодежи, поощряя и совершая теракты, в том числе с использованием информационно-коммуникационных технологий»². Вместе с тем, наряду с имеющимися позитивными тенденциями совершенствования следственной практики в данной области, выраженных в развитии технологической оснащенности следственных подразделений, совершенствовании кадрового потенциала, все же имеется ряд проблем.

Субъекты расследования не в полной мере владеют информацией о современных тенденциях и закономерностях преступлений экстремистской направленности, совершаемых молодыми людьми,

¹ См.: Скориков Д.Г. Криминалистическая характеристика преступлений экстремистской направленности. М., 2014. С. 2.

² См.: Рахмон заявил о расширении деятельности террористов через современные технологии. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16082365> (дата обращения 10.11.2022).

личностных характеристиках преступников, механизмах совершения преступлений. В результате правоприменители сталкиваются с трудностями на этапах проверки сообщений о совершении преступлений экстремистской направленности, совершаемых в молодежной среде, а также в ходе организации взаимодействия следователей с подразделениями дознания, иностранными правоохранительными ведомствами, расследующими преступления экстремистской направленности. Неясными остаются тактические особенности расследования и производства отдельных следственных действий, направленных на получение материально-фиксированной и вербальной информации, имеющей значение для правильного выяснения всех обстоятельств совершенного преступления, субъекты расследования не обладают должными специальными знаниями в данной области.

Насущная потребность совершенствования следственной практики расследования преступлений экстремистской направленности, совершаемых среди молодежи, требует постоянного обновления научно-теоретического и прикладного инструментария расследования. В то же время криминалистическая наука в Республике Таджикистан развивается весьма нерасторопно. Отсутствует комплексная система знаний об особенностях расследования преступлений экстремистской направленности, совершаемых в молодежной среде. Не освещены в криминалистике и отдельные вопросы в области имеющихся механизмов совершения преступлений экстремистской направленности, в том числе с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий.

Обозначенная потребность правоохранительной системы требует немедленной проработки научных положений, а также разработки и последующего внедрения на их основе научно-практических рекомендаций, содержащих средства, методы, тактические приемы и комбинации по расследованию преступлений экстремистской направленности, совершаемых среди молодежи. В совокупности, имеющиеся социально-политические предпосылки, потребность совершенствования криминалистической науки и следственной практики всецело обуславливают актуальность и практическую значимость поднятой проблемы.

Находясь лишь у истоков криминалистического познания особенностей расследования экстремистской деятельности в мо-

лодежной среде, уже сейчас имеющаяся эмпирическая база (материалы уголовных дел; контент-анализ ресурсов сети Интернет; статистические показатели МВД Республики Таджикистан) позволяет определить основные направления криминалистического познания в исследуемой области:

понятие и признаки экстремистской деятельности в молодежной среде;

механизм совершения преступлений экстремистской направленности в молодежной среде;

криминалистически значимая информация об экстремистской деятельности в молодежной среде;

личность преступника, совершающего преступления экстремистской направленности в молодежной среде;

особенности ситуативного подхода при расследовании экстремистской деятельности в молодежной среде;

специфика взаимодействия следователя с органами дознания и иностранными правоохранительными структурами при расследовании экстремистской деятельности в молодежной среде;

тактические особенности производства отдельных следственных действий, направленных на получение материально-фиксированной информации при расследовании экстремистской деятельности в молодежной среде;

тактические особенности производства отдельных следственных действий, направленных на получение вербальной информации при расследовании экстремистской деятельности в молодежной среде;

тактические особенности использования специальных знаний при расследовании экстремистской деятельности в молодежной среде.

Реализация представленных исследовательских задач позволит разработать комплексное криминалистическое знание и выработать научно-теоретические положения, которые до сих пор не нашли отражения на страницах криминалистической науки в Республике Таджикистан. Обобщение особенностей расследования экстремистской деятельности в молодежной среде и разработка научно-практических рекомендаций в данной области, будет способствовать совершенствованию организационных и тактических основ расследования экстремистской деятельности в молодежной среде.

Ильницкий Александр Сергеевич,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Противодействие криминальной идеологии в сети Интернет: правовая основа и меры ее совершенствования

Активное распространение криминальной идеологии в информационно-телекоммуникационном пространстве, все более привлекает внимание представителей государственной власти и институтов гражданского общества. Президент Российской Федерации В.В. Путин систематически отмечает высокую потребность противодействия пропаганде экстремисткой и террористической деятельности, суицидов, наркопотребления и иных форм преступного и антиобщественного поведения¹. В основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 отмечается, что идеологическое и психологическое воздействие на граждан ведет к насаждению чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей². Указанное свидетельствует о высокой степени важности представленной проблемы и необходимости выстраивания системы противодействия криминальной идеологии в сети Интернет.

Одним из важнейших направлений противодействия современным идеологическим течениям криминальной направленности в информационно-телекоммуникационном пространстве является выработка нормативно-правовой основы антикриминальной практики в данной области. Наряду с тем, что правовые нормы не могут сами по себе минимизировать экономические, социальные или

¹ См.: Расширенное заседание коллегии МВД России 2021 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65090> (дата обращения 11.11.2022); См.: Расширенное заседание коллегии МВД России 2022 г. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/67795 (дата обращения 11.11.2022).

² См.: Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

культурные причины и условия преступности, они способны оказывать воздействие на общественные отношения и тем самым локализовать, блокировать отрицательные явления и процессы, организовать надлежащее противодействие им¹.

Нормативные положения устанавливают цели и задачи антикриминальной практики, регламентируют порядок ее осуществления, определяют круг специальных субъектов противодействия криминальным проявлениям, указывают на формы, средства и методы предупреждения правонарушений, обеспечивают направления межведомственного и межгосударственного взаимодействия в антикриминальной практике. Вместе с тем отсутствие структурированной системы правового обеспечения деятельности по предупреждению преступлений, дублирование отдельных законодательных положений, регламентирующих порядок осуществления профилактики правонарушений, а также новизна феномена криминальной идеологии, распространяемой в информационно-телекоммуникационном пространстве, требуют определения системы нормативно-правового обеспечения антикриминальной практики в данной сфере и внесения предложений по ее совершенствованию

Анализ нормативно-правовых актов в исследуемой области демонстрирует бессистемность и общую раздробленность нормативных положений в сфере противодействия криминальной идеологии в сети Интернет. Правовая основа антикриминальной практики объединяет в себе различные по характеру законодательные положения административного, информационного и уголовного права, правовые акты Президента Российской, Правительства Российской Федерации и иных федеральных органов государственной власти, регламентирующие общественные отношения в данной сфере. Существующие нормативные положения обеспечивают противодействие криминальной идеологии в сети Интернет путем установления точечных запретов пропаганды различных идеологических течений криминальной направленности, распространяемых в киберпространстве (экстремизм, терроризм, наркопотребление, суициды, нетрадиционные сексуальные отношения среди несовершеннолетних).

¹ См.: Криминология: учеб. для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2005. С. 448

Запрет на распространение информации, транслирующей отдельные идеологические течения криминальной направленности, связанные с пропагандой войны, разжиганием национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды, устанавливается п. 6 ст. 10 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹.

Ограничения по распространению отдельного вида информационной продукции, которая может причинять вред здоровью и (или) развитию детей, отражены в ст. 5 Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»².

Необходимость противодействия пропаганде исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии законодательно закреплена в положениях Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»³.

В соответствии с положениями ст. 6 Федерального закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» пропаганда идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость ее осуществления, является составным элементом террористической деятельности⁴.

Законодательные основания противодействия пропаганде наркотических средств и психотропных веществ отражены в ст. 46 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», в соответствии с ко-

¹ См.: Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2006. № 31, ч. 1. Ст. 3448.

² См.: О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: федер. закон от 29 дек. 2010 г. № 436-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 48.

³ См.: О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

⁴ См.: О противодействии терроризму: федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

торой запрещается пропаганда наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ, культивирования наркосодержащих растений, осуществляемая юридическими или физическими лицами и направленная на распространение сведений о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ, местах их приобретения, способах и местах культивирования наркосодержащих растений¹.

В августе 2020 г. в Государственную Думу был внесен законопроект № 1009841-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в части реализации механизмов профилактики и противодействия криминальных субкультур в Российской Федерации», предусматривающий установление законодательного запрета пропаганды криминальной субкультуры на территории Российской Федерации.

В июле 2022 г. депутатами Государственной Думы внесен законопроект № 165975-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части запрета информации, пропагандирующей нетрадиционные сексуальные отношения», который указывает на необходимость установления законодательного запрета на распространение сведений, пропагандирующих отрицание семейных ценностей и нетрадиционные сексуальные отношения, в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетях.

Таким образом, имеющиеся законодательные нормы запрещают пропаганду экстремизма, терроризма, наркотических средств, психотропных веществ и новых потенциально опасных веществ, суицидов и нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних. Вносимые в Государственную Думу законодательные инициативы также направлены на установление запрета пропаганды отдельных идеологических течений криминальной направленности. Вместе с тем криминальная идеология в

¹ См.: О наркотических средствах и психотропных веществах: федер. закон от 8 янв. 1998 г. № 3-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1998. № 2. Ст. 219.

киберпространстве активно развивает традиционные идеологические течения криминальной направленности, постоянно образует новые, в том числе общественно опасные, формы проявления криминальной идеологии в сети Интернет, противодействие которым не может осуществляться «точечным» введением правовых норм.

Запрет на распространение отдельных форм ее проявления нередко вызван необходимостью реакционного ответа на действующие в киберпространстве криминальные угрозы. Появляющиеся угрозы, обусловленные активным распространением криминальной идеологии в сети Интернет, не позволяют своевременно подготовить законодательство для обеспечения эффективного противодействия им. Для преодоления указанных выше проблем, возникающих в практике противодействия криминальной идеологии в сети Интернет, придания системности и согласованности отдельным законодательным положениям в данной области необходимо внесение изменений в ряд правовых норм.

Совершенствование правовых положений в указанной сфере должно включать в совокупности законодательный запрет распространения информации, транслирующей любую из форм проявления криминальной идеологии, выработку административного и уголовно-правового механизма охраны общественных отношений в данной области, определение стратегического планирования в сфере противодействия криминальной идеологии.

Оставляя на откуп специалистам в области уголовного, гражданского и административного права вопросы выстраивания конкретных законодательных конструкций, определим подходы к совершенствованию правовых положений, позволяющих сформировать качественную нормативную основу противодействия криминальной идеологии, распространяемой в киберпространстве.

В сфере законодательного регулирования оборота информации на территории Российской Федерации требуется внесение изменений в положения федерального законодательства, определяющего запрет на распространение информации. Здесь следует вести речь о необходимости расширения ч. 6 ст. 10 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Оптимальным изменением ч. 6 ст. 10 указанного Федерального закона, позволяющим на законодательном уровне обеспечить

защищенность пользователей информационно-телекоммуникационного пространства от воздействия криминальной идеологии, распространяемой в сети Интернет, видится следующая редакция: «Запрещается распространение информации, которая направлена на пропаганду войны, преступного поведения и совершения правонарушений, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды, а также иной информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность».

Наряду с законодательными изменениями, расширяющими положения об информации, оборот которой запрещен на территории Российской Федерации, необходимо актуализировать критерии признания информации запрещенной и привести их в соответствие актуальным угрозам, обусловленным распространением криминальной идеологии в сети Интернет. Здесь следует вести речь о необходимости актуализации нормативного обеспечения функционирования ЕАИС «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено».

Реализация предложенных подходов к совершенствованию законодательного регулирования оборота информационной продукции на территории Российской Федерации, расширит законодательные границы признания информации, запрещенной к обороту, обеспечит актуальность имеющихся критериев оценки материалов и информации, необходимых для принятия специальными субъектами решений об их включении в ЕАИС, позволит уполномоченным субъектам оценивать информацию, транслирующую криминальную идеологию в сети Интернет, имеющуюся на сегодняшний день и допустимую в ближайшем будущем, будет способствовать сдерживанию экспансии отдельных форм проявления криминальной идеологии в киберпространстве.

Калашников Виталий Геннадьевич,
заместитель начальника Отдела полиции
по городскому округу Балашиха
Межмуниципального управления
МВД России «Балашихинское»

**Роль координационных и совещательных органов
при высшем должностном лице субъекта Федерации
с участием представителей МВД России
в вопросах профилактики преступлений**

Результаты анализа статистических данных, отражающих качественные и количественные характеристики преступности на территории Российской Федерации, свидетельствуют о складывающейся неблагоприятной тенденции.

Так в 2012 году зарегистрировано 2302,2 тыс. преступлений, в 2013 – 2206,2 тыс., в 2014 – 2190,5 тыс., в 2015 – 2388,4 тыс., в 2016 – 2160 тыс., в 2017 – 2058,4 тыс., в 2018 – 1991,5 тыс., в 2019 – 2024,3 тыс., в 2020 – 2044,2 тыс., в 2021 – 2004,4 тыс. преступлений соответственно¹. Однако общее снижение числа выявленных преступлений не является прямым показателем, позволяющим судить о высокой эффективности противодействия преступности. Более информативными в данном аспекте будут результаты раскрываемости преступлений. Так в рамках анализируемого периода не раскрыто: в 2012 году 1014,7 тыс. преступлений, в 2013 – 950,3 тыс., в 2014 – 977 тыс., в 2015 – 1047,1 тыс., в 2016 – 983,3 тыс., в 2017 – 886,7 тыс., в 2018 – 860,4 тыс., в 2019 – 915,2 тыс., в 2020 – 963,7 тыс., в 2021 – 933,3 тыс. преступлений соответственно². Таким образом, складывается ситуация, когда общий уровень раскрываемости составляет немногим больше половины выявленных преступных фактов.

¹ Состояние преступности в России: ежегодный статистический отчет ГИАЦ МВД России [Электронный ресурс] // URL: <https://мвд.пф/dejatelnost/statistics?ysclid=18mssscoqj483313497> (дата обращения: 29.09.2022 года).

² Там же.

Изложенные цифры наглядно свидетельствуют, что существующая система профилактики и противодействия деструктивным процессам, выражающимся в виде преступных проявлений в обществе, остается все еще недостаточно эффективной.

В настоящее время значительное количество научных публикаций в юридических журналах посвящено вопросам профилактики преступности, вместе с тем рассмотрение проблем взаимодействия субъектов, вовлеченных в обеспечение общественной безопасности, зачастую ограничивается только исследованием форм взаимодействия и их материального выражения в отношении субъектов, непосредственно вовлеченных в раскрытие и расследование преступлений. Вопросы же взаимодействия за пределами системы МВД России остаются малоизученными, тогда как консолидация усилий различных ведомств и структур управления, в компетенцию которых входит обеспечение общественной безопасности и правопорядка, а также оказание содействия в процессе реализации данной задачи, позволит выйти на новый уровень противодействия преступности.

Современная преступность уже давно вышла за рамки обособленных преступных групп. Существующий преступный мир все больше нацелен на увеличение уровня латентности совершаемых преступлений, обмен преступным опытом, межрегиональный и трансграничный характер совершаемых преступных действий. Очевидно, что эффективное противостояние данным тенденциям невозможно путем простого увеличения числа сотрудников правоохранительной системы, так как такой путь развития заранее обречен на провал, приведет только лишь к низкой волатильности системы, высокой финансовой нагрузке и характерен для экстенсивного пути, имеющего пределы развития. Следует обратить внимание на поиск интенсивных путей развития правоохранительной системы в части решения задач противодействия преступности.

Одним из таких направлений может стать системная работа МВД России по укреплению межведомственного взаимодействия в рамках четкого разграничения компетенции федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, консультативных и совещательных органов при высших должностных лицах субъектов Российской

Федерации, органов местного самоуправления в области обеспечения профилактики преступлений.

В соответствии со ст. 10 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции»¹ полиция при осуществлении своей деятельности взаимодействует с другими правоохранительными органами, государственными и муниципальными органами, общественными объединениями, организациями и гражданами. Может использовать возможности государственных и муниципальных органов для достижения поставленных перед ней правоохранительных задач, а также оказывает им содействие в обеспечении защиты прав и свобод граждан, соблюдения законности и правопорядка.

Иными словами, взаимодействие выступает в качестве интегрирующего фактора, следствием которого является объединение усилий его участников для достижения определенного результата. В данном случае, это профилактика преступлений. Между тем какого-то конкретного механизма взаимодействия в данной статье не обозначено. В этой связи становится актуальной задача согласования интересов субъектов взаимодействия, учета их профессиональной деятельности и возможностей по борьбе с преступностью, а также выработка такого механизма, при котором предпринимаемые каждым субъектом мероприятия были выстроены в единую скоординированную систему. Подобная задача может быть решена с использованием такой платформы взаимодействия, как создание и функционирование координационной комиссии (совещания) по профилактике правонарушений и преступлений, соблюдению правопорядка на уровне субъектов Российской Федерации при высшем должностном лице субъекта, обязанность по созданию которых возложена на руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 11.12.2010 г. №1535 «О дополнительных мерах по обеспечению правопорядка».

Кроме того, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 18.10.2007 г. №1374 «О дополнительных мерах по

¹ О полиции: федеральный закон Российской Федерации № 3-ФЗ от 7 февраля 2011 г. (ред. от 21 дек. 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров», а также решением Национального антитеррористического комитета на уровне субъектов Российской Федерации созданы и функционируют антинаркотические и антитеррористические комиссии.

В соответствии с Указом Президента РФ от 02.07.2005 № 773 «Вопросы взаимодействия и координации деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти» (ред. от 31.12.2021), высшие должностные лица субъектов наделены полномочиями по организации взаимодействия и координации деятельности органов исполнительной власти соответствующих субъектов Российской Федерации и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации. Данное решение нацелено на обеспечение единства координации субъектов, задействованных в процессе обеспечения правопорядка и безопасности в обществе.

Предполагается, что высшие должностные лица субъектов Российской Федерации, обладая исчерпывающими данными о существующих на территории субъектов проблемах правоохранительного характера, потребностях в обеспечении безопасности, приоритетах местного населения, с учетом правоохранительной обстановки, имеющихся сил и средств, направляют усилия субъектов правоохранительной деятельности, формируя их возможности в единое поле с четко определенными целями, задачами и ответственными исполнителями по каждому из ключевых этапов реализации общего замысла.

В соответствии со статьей 5 Федерального закона от 23 июня 2016 года №182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» к субъектам профилактики относятся:

- федеральные органы исполнительной власти;
- органы прокуратуры Российской Федерации;
- следственные органы Следственного комитета Российской Федерации;
- органы государственной власти субъектов Российской Федерации;
- органы местного самоуправления.

Эти же органы должны быть отнесены и к субъектам профилактики преступлений, при этом основные обязательства в вопросах профилактики преступлений возлагаются на полицию в лице руководителя территориального органа Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации. Отсюда следует, что за ним же сохраняется и основная инициатива в вопросах профилактики преступлений, информировании высшего должностного лица субъекта Российской Федерации о наиболее проблемных вопросах, разработке возможных путей их разрешения и вынесение их на обсуждение.

Для этого за ними закреплено право на создание ведомственных координационных советов по вопросам профилактики правонарушений и осуществление координационной деятельности по профилактике правонарушений в подведомственных органах и организациях.

Такая форма взаимодействия как внутри ведомства, так и на уровне взаимодействия с другими государственными и негосударственными образованиями получила наименования «координация»¹, суть которой заключается в согласовании, упорядочении усилий каждого из участников взаимодействия на пути решения общих задач.

Не смотря на то, что Указом Президента Российской Федерации от 11.12.2010 г. №1535 «О дополнительных мерах по обеспечению правопорядка» и Указом Президента РФ от 02.07.2005 № 773 «Вопросы взаимодействия и координации деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти» руководящая роль в вопросах координации отдана высшим должностным лицам субъектов федерации, в научной литературе высказываются мнения о целесообразности отнесения компетенции по координации деятельности субъектов правоохранительной деятельности к вопросам ведения прокуратуры. Так,

¹ См.: Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Азъ, 1994. 907 с.

например, А.Л. Воронцов, Н.И. Снегирева и Д.Е. Снегирева¹ обосновывают данную точку зрения тем, что в соответствии с законодательством Российской Федерации координация деятельности правоохранительных органов в сфере противодействия преступности функционально возложена на прокуратуру (ст. 8 Федерального закона от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О Прокуратуре Российской Федерации»; п. 3 «Положения о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью»). Как отмечают исследователи, данная функция не только свойственна прокуратуре, но и является одной из важнейших.

Полагаем возможным не согласиться с данной точкой зрения, так как для координации деятельности субъектов, вовлеченных в решение правоохранительных вопросов, требуется уровень организационного порядка выше, чем тот, который присущ органам прокуратуры. Хотя прокуратура и занимает первостепенные позиции в вопросах обеспечения правопорядка, она все же относится к органам контроля и надзора, тогда как требуется участие такого субъекта, который мог бы обладать исчерпывающей информацией о возможностях органов исполнительной власти, складывающейся правоохранительной обстановке и текущих задачах по обеспечению правопорядка и безопасности на вверенной территории. Безусловно данным субъектом выступает высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации – губернатор, возглавляющий исполнительную власть на территории субъекта Российской Федерации.

Именно губернатор, с учетом складывающейся в регионе ситуации, принимает решение о порядке функционирования постоянно действующих координационных совещаниях по обеспечению правопорядка в субъектах Российской Федерации, определяет и утверждает их состав. Решения, принимаемые на таких совещаниях, оформляются в виде акта высшего должностного лица субъекта Российской Федерации – распоряжения главы администрации субъекта Российской Федерации. Как правило, данные акты содержат в себе конкретные организационные мероприятия, указание на ответственных исполнителей и сроки их реализации. Так как решения таких совещаний не имеют заранее определенной силы, то

¹ См.: Воронцов А.Л., Снегирева Н.И., Снегирева Д.Е. Некоторые проблемы организации координационной деятельности государственных органов в сфере борьбы с преступностью // Юридический Вестник ДГУ. 2020. №4. С. 74-79.

они, как правило, носят рекомендательный характер и оформляются в виде предложений и рекомендаций, адресованных отдельным органам и подразделениям.

Отсутствие заранее установленной юридической силы решений, принимаемых по итогам работы координационных совещаний по обеспечению правопорядка, не является препятствием в обеспечении координации деятельности участвующих в совещаниях субъектов правоохранительной деятельности. Это объясняется тем, что суть подобных совещаний сводится не к тому, чтобы заставить участников выполнять навязанные им задачи, а к выработке порядка решения стоящих перед ними общих задач с рациональным распределением имеющихся в их распоряжении сил и средства, выстраивании линии межведомственного взаимодействия.

Таким образом, функционирующие на территории Российской Федерации, постоянно действующие координационные совещания и комиссии по обеспечению правопорядка в субъектах Российской Федерации представляются эффективной платформой для решения вопросов, связанных с профилактикой преступлений, так как позволяют учитывать специфику региона, стоящие перед субъектом Российской Федерации задачи, а также рационально распределять силы и средства вовлеченных в решение правоохранительных задач субъектов правоохранительной деятельности.

Каледин Максим Евгеньевич,
старший помощник прокурора
Промышленного района г. Ставрополя

Современные тенденции преступности несовершеннолетних

Преступность несовершеннолетних и молодежи отражает общий уровень социально-экономического и политического благополучия в стране и является своеобразным индикатором состояния будущей преступности.

Преступности несовершеннолетних и молодежи присущи следующие специфические особенности: потерпевшими от преступлений довольно часто выступают члены их семей или другие

родственники, а также другие несовершеннолетние, составляющие круг общения преступника; большое количество преступлений совершаются на улицах, в других общественных местах; большое количество преступлений совершается в вечернее и ночное время; преступники склонны к совершению преступлений в группе, при этом в таких группах нередко присутствует взрослый «наставник», имеющий криминальный опыт и передающий его несовершеннолетним; дерзость и циничность совершаемых преступлений, проявление немотивированной жестокости и агрессии; делящийся характер преступной деятельности, ее многоэпизодность. При этом следует отметить, что для преступности несовершеннолетних и молодежи характерен более высокий уровень латентности. Особенно он высок в преступности несовершеннолетних, которая, по мнению исследователей, может более чем в 3 раза превышать официальные показатели. Особенно это касается насильственной преступности.

Следует заметить, что материалы официальной статистики не содержат сведений о невыявленных, неучтенных, нераскрытых преступлениях, совершенных несовершеннолетними, что не позволяет оценить фактическое состояние данного вида преступности. Необходимо отметить следующие тенденции преступности несовершеннолетних и молодежи в России: «омоложение» преступности несовершеннолетних, увеличение числа лиц, совершивших общественно опасные деяния, предусмотренные уголовным законодательством, до достижения ими возраста уголовной ответственности; повышение криминальной активности несовершеннолетних лиц женского пола; увеличение количества преступлений, совершенных несовершеннолетними, имеющими психические отклонения или расстройство, не исключающие вменяемости; довольно высокий удельный вес преступлений, совершенных несовершеннолетними в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотиков либо других одурманивающих веществ; распространение бытового пьянства и немедицинского потребления наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов среди несовершеннолетних; повышение уровня жестокости и дерзости несовершеннолетних, совершающих преступления.

В настоящее время преступность несовершеннолетних и молодежи занимает достаточно серьезное место в структуре преступности в целом. Число преступлений, совершаемых несовершеннолетними и молодежью, в общей структуре преступности достаточно велико. Так, в 2015 году выявлено 54 369 несовершеннолетних, совершивших преступление, в 2016 году – 55 993, в 2017 году – 48 599, в 2018 – 42 504, в 2019 году – 40 860, в 2020 году – 37 953, в 2021 году – 36 748¹. Проблема преступности несовершеннолетних и молодежи в современной России с каждым днем становится все более актуальной. В настоящее время молодежная преступность в России прогрессирует, втягивая все больше молодых граждан страны в криминальную субкультуру. Поэтому решение этой проблемы зависит как от комплекса социальных и правовых мер по предотвращению преступности несовершеннолетних и молодежи, так и от активных действий общества, которые просто не могут остаться равнодушными к этой проблеме².

Преступность несовершеннолетних и молодежи имеет составной характер и образуется за счет двух относительно самостоятельных подгрупп, характеризующихся криминологическим единством.

Данное единство проявляется в схожести процессов детерминации преступного поведения и его механизмов, а также криминологических особенностей личности.

Первая группа – преступность несовершеннолетних охватывается возрастной группой от 14 до 18 лет. В соответствии с Уголовным кодексом РФ для данной группы лиц предусмотрена специфика уголовной ответственности, выраженная в либеральных особенностях уголовного наказания, а также в возможности применения принудительных мер воспитательного характера. Подобная дифференциация уголовной ответственности несовершеннолетних обосновывается особенностями их мировосприятия, отли-

¹ Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/# (дата обращения: 20.05.2022).

² Ашин А.А., Михайлов А.Б., Тараканов И.А. Преступность несовершеннолетних и молодежи: состояние и тенденции // Ученые записки. 2020. № 3 (35). С. 81-85

чающегося определенной социальной незрелостью, не позволяющей полноценно определить общественную опасность своих действий и их последствий, а также оценить свое место в системе социальных отношений. В рамках данной группы имеется правовое различие, позволяющее выделить две группы:

– лиц от 14 до 16 лет, для которых установлена уголовная ответственность по незначительному числу составов УК РФ. Данные преступления, относясь преимущественно к категории тяжких и особо тяжких, по своему характеру позволяют оценить степень их общественной опасности, равно как и наличие правового запрета на их совершение уже в этом возрасте;

– лиц в возрасте от 16 до 18 лет, для которых установлена общая уголовная ответственность, т.к., по мнению законодателя, в данном возрасте несовершеннолетние уже способны оценивать общественную опасность и уголовно-правовой запрет в полном объеме. Конечно, не все преступления можно совершить к данному возрасту, например, несовершеннолетний не может совершить вынесение заведомо неправосудного приговора (ст. 305 УК РФ), поскольку в принципе в этом возрасте не может обладать теми социально-демографическими характеристиками, которые позволили бы ему стать субъектом данного преступления – судьей. Следует отметить, что возрастные пределы привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности обосновываются комплексными социологическими, психологическими, педагогическими и криминологическими исследованиями.

В Российской Федерации периодически предпринимаются попытки снизить пределы привлечения к уголовной ответственности до соответственно 12 и 14 лет, которые пока отвергаются законодателем.

Следует отметить, что в официальном уголовно-статистическом учете МВД России не выделяют группу «преступность несовершеннолетних и молодежи», фиксируя только преступность несовершеннолетних. По данным Главного информационно-аналитического центра МВД России по результатам анализа состояния преступности в России за январь-декабрь 2021 год каждое двадцать седьмое преступление совершено несовершеннолетними

или при их соучастии, что составляет 3,7% от общего числа зарегистрированных преступлений. Всего выявлено 33575 несовершеннолетних лиц, совершивших преступления за 2021 год. При этом следует отметить снижение данного уровня на 11,5% по отношению к сведениям 2020 года¹.

Несмотря на высокий уровень преступности несовершеннолетних в целом, можно с уверенностью сделать вывод о снижении криминализации в России. Так, если в 2015 году было зарегистрировано 78 548 преступлений, совершенных несовершеннолетними или с их участием, то в 2021 их стало 33 575, то есть более, чем в два раза уровень данного вида преступности снизился. Причинами такой значительной положительной динамики могут быть помимо всего прочего повышение уровня правовой культуры несовершеннолетних и молодежи.

С развитием информационных-телекоммуникационных технологий участие несовершеннолетних и молодежи в различных сферах жизни общества стало более заметным, поток информации, получаемой несовершеннолетними, увеличился во много раз. В современных условиях у данной категории лиц есть все возможности, чтобы получать необходимую информацию, анализировать ее, систематизировать и делать выводы. Поэтому говорить о неосведомленности как о причине правового невежества несовершеннолетних и молодежи не приходится. Вместе с тем, именно информационная среда сейчас оказывает беспрецедентное влияние на формирование правовой культуры и правовых взглядов молодежи. Так, в последнее время активно развивалась среди молодежи криминальная организация «АУЕ». На заседании Верховного суда РФ 17 августа 2020 года установлено, что организация АУЕ является хорошо структурированной и управляемой организацией – молодежным движением экстремистской направленности. В рамках движения и в его интересах участниками АУЕ совершались экстремистские правонарушения, а также массовые беспорядки». В движение, по данным Генпрокуратуры, «активно

¹ Главный информационно-аналитический центр МВД России: официальный сайт // URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 01.05.2022).

вовлекались подростки и молодежь, чья психика наиболее подвержена деструктивному воздействию»¹.

К специфическим особенностям структуры преступности несовершеннолетних относятся: 1) сравнительно небольшой круг совершаемых преступлений; 2) преобладание преступлений против собственности (краж, грабежей); 3) меньший (по сравнению с преступностью совершеннолетних лиц) удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений; 4) незначительная доля преступлений с неосторожной формой вины, в том числе связанных с управлением транспортными средствами. Преступность несовершеннолетних и молодежи характеризуется развитием уровня профессионального мастерства (что можно наблюдать по увеличению доли мошенничеств) и большей представленностью. Указанные группы преступлений образуют около 74% всех преступлений несовершеннолетних и молодежи. При этом в преступности несовершеннолетних и молодежи выделяются такие виды преступлений, которые не характерны для несовершеннолетних, как: преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта (9,1 %); против порядка управления (5,5 %).

В заключении следует сделать вывод о том, что очень важно контролировать весь информационный поток, который все стремительнее оказывает влияние на формирование правовой культуры несовершеннолетних и молодежи. Именно поэтому так важно вовлекать несовершеннолетних в общественно-полезную деятельность, например, волонтерскую, что позволяет молодежи изнутри прочувствовать все трудности, с которыми сталкивается общество, и сделать определенные выводы для своего будущего, а также определить ориентиры и ценности, которые и будут формировать несовершеннолетнего как личность.

¹ Верховный суд признал экстремистской организацией уголовную субкультуру АУЕ // URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/08/17/836930-ekstremistskoiaue> (дата обращения: 20.05.2022).

Карчевский Кирилл Александрович,
преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

Объект преступлений в сфере предпринимательства, подлежащего лицензированию

Большинство возникающих проблем в оценке деяния, предусмотренного ст. 171 УК РФ, в случаях ведения предпринимательской деятельности без обязательной лицензии заключается в неоднозначности конструкции бланкетной диспозиции указанного состава преступления, которая порождает неоднородную следственно-судебную практику и противоречивость судебного толкования при применении обстоятельств, исключающих преступность деяния, а также решения вопроса о наличии состава преступления при ведении предпринимательской деятельности по производству продукции и товаров или предоставлению услуг, когда только один из этапов предпринимательской деятельности (процесса производства или предоставления услуг) подлежит лицензированию. Немало дискуссий вызывает и непосредственный объект данного преступления. Согласно доминирующей точки зрения в доктрине уголовного права непосредственным объектом преступления выступают общественные отношения по обеспечению установленного специализированным законодательством о лицензировании порядка осуществления предпринимательской деятельности¹.

¹ Гравина А.А., Зайцев О.А., Жилкин М.Г., Кашепов В.П., Кошаева Т.О. и др. Научно-практический комментарий к главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» Уголовного кодекса Российской Федерации (в двух томах, том первый; отв. ред. д.ю.н., проф. И.И. Кучеров, д.ю.н., проф. О.А. Зайцев, д.ю.н., доц. С.Л. Нудель). Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М.: ООО «Юридическая фирма Контракт», 2020. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/77299035> (дата обращения: 14.06.2022).

Однако в научной среде нет единого мнения относительно объекта преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ. Аванесян Г.С.¹ высказывается за более узкое понимание объекта преступления. Так, по его мнению, объектом преступления выступает конституционное право на ведение предпринимательской деятельности при соблюдении установленных требований по наличию лицензии. Вместе с тем, в трудах ученых-правоведов высказываются мнения об отсутствии общественной опасности и объекта в преступлении, предусмотренном ст. 171 УК РФ, что, по нашему мнению, является весьма дискуссионным. Данные суждения предложены Ивановой Я.Е.,² а следом и Умновой Ю.В.³, которые рассматривают данный состав преступления как предпосылку замедления развития свободного предпринимательства и чрезмерно суровый инструмент поддержания состояния безопасности при ведении предпринимательской деятельности.

Кроме того, в научной литературе, в частности в трудах Хорошилова С.А., высказывается мнение о наличии дополнительного объекта преступления, который заключается в интересе граждан и организаций в ведении предпринимательской деятельности без обязательной лицензии⁴, что является довольно спорным. Неоднозначность приведенной позиции обусловлена тем, что в случае причинения физического или морального вреда гражданам или организациям ведением предпринимательской деятельности без обязательной лицензии, это выходит за пределы объекта исследуемой нормы уголовного закона и требует дополнительной квалификации по иным составам преступлений.

¹ Аванесян Г.С. Уголовно-правовая охрана предпринимательской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ульяновск, 2000. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000288782> (дата обращения: 05.06.2022)

² Иванова Я.Е. Незаконное предпринимательство: вопросы теории и проблемы правоприменения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2010. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003492056> (дата обращения: 05.06.2022)

³ Умнова Ю.В. Материальное содержание оснований ответственности за незаконное предпринимательство: уголовно-правовой и криминологический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2012. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005015279?> (дата обращения: 25.06.2022)

⁴ Уголовное право России. Общая часть: учебник / П.В. Агапов [и др.]; отв. ред. Р.А. Сабитов. 2-е изд., перераб. и доп. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2013. 220 с.

На основании приведенных позиций полагаем, что доминирующей точкой зрения, которую мы поддерживаем, объектом преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, следует определять в обеспечении установленного специализированным законодательством о лицензировании порядка осуществления предпринимательской деятельности.

Каснова Мария Сергеевна,

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России;

Генрих Наталья Викторовна,

доктор юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой уголовного права
Северо-Кавказского филиала
Российского государственного университета правосудия

К вопросу об ответственности за насилие в отношении несовершеннолетних в семье

Дети представляют собой не только важнейшую часть современного российского общества, но и залог развития сильного государства. В этой связи система защиты фундаментальных прав каждого ребёнка является необходимым элементом механизма обеспечения национальной безопасности России. Одним из таких прав является защита от насилия, в том числе в семье. Конституция Российской Федерации, провозглашая детей важнейшим приоритетом государственной политики, признала общепризнанные принципы и нормы международного права составной частью своей правовой системы. Однако проблемы в сфере детства остаются, и их решение требует консолидированной работы органов власти, институтов гражданского общества.

Анализ статистических данных за 2021 год позволяет отметить ряд негативных изменений в сфере детства.

Увеличились показатели младенческой смертности на 1,1% и составили 6523 человека. На 37,4% увеличилось количество самоубийств несовершеннолетних, до 753 человек. На 5,1 % увеличилась численность детей, отобранных у родителей при непосредственной угрозе жизни или здоровью детей – 1 862 ребёнка. На 5,9% увеличилась численность детей, у которых лишены родительских прав оба родителя или единственный родитель – 19 723. Ограничены в родительских правах 8777 родителей, что на 13,6% больше, чем в 2020 году. Возросло жестокое обращение с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей – 59 случаев, + 34,1%. В 5 раз увеличилась численность детей, здоровью которых был причинён вред по вине усыновителей, опекунов, попечителей, приёмных родителей. В 7 раз увеличилась численность усыновителей, опекунов, попечителей, приёмных родителей, привлечённых к уголовной ответственности за совершение преступлений в отношении детей, принятых ими на воспитание в семью – 84 человека¹.

За период 2021 года количество детского населения (0-17 лет) сократилась на 0,2%. На 2,3% сократилась численность рожденных детей. Произошло сокращение лиц, получивших материнский капитал на 12,8%².

Пытаясь разрешить обозначенную проблему, необходимо определиться с основополагающими понятиями и их правовой регламентацией. Семья, насилие, несовершеннолетние члены семьи – все эти слова не являются новыми и вполне объяснимы в ежедневном лексиконе. Правоотношения, возникающие внутри семьи, могут регулироваться разными отраслями права, которое в свою очередь имеет свой предмет, задачи и цели. Субъекты правоотношений наделяются правами и обязанностями. В случае неисполнения обязанностей, субъекты привлекаются к ответственности. Здесь возникают сложности.

Проанализировав нормативно-правовые акты РФ на предмет «семья», единого подхода к пониманию данного слова не прослеживается.

¹ Доклад о деятельности уполномоченного при Президенте РФ по правам ребёнка в 2021 г.

² Федеральная служба государственной статистики (rosstat.gov.ru)

Так Семейный кодекс РФ (далее – СК РФ), начинается со ст.1, где прописаны основные начала семейного законодательства, в п.1 говорится о том, что материнство, отцовство и детство в Российской Федерации находятся под защитой государства. Далее, п.2 ст. 1 СК РФ даёт пояснения по поводу брака. Пункт 3 определяет принципы регулирования семейных отношений между супругами. В п.4 перечисляются признаки, устанавливающие запрет на любые формы ограничения прав граждан при вступлении в брак и в семейные отношения.

Не содержит СК РФ и определения «брак». Специальная литература и судебная практика определяет брак как юридически оформленный, свободный и добровольный союз мужчины и женщины, направленный на создание семьи и порождающий для них взаимные, личные и имущественные права и обязанности¹.

Жилищный кодекс Российской Федерации, (далее – ЖК РФ, содержит определение «члена семьи», но понятий «семьи» и «брака» не прописывает.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ (УПК РФ) вместо термина «семья» оперирует понятиями: близкие лица, близкие родственники, родственники. К таковым УПК РФ относит – супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, бабушка, дедушка, внуки.

Уголовный кодекс РФ (УК РФ) использует термин «семья» в Особенной части в главе 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних», а также в Общей части при назначении наказания.

ППВС РФ² от 27.01.1999 года № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» под близкими лицами потерпевших, помимо близких родственников считает всех, кто неразличен потерпевшему в силу сложившихся личных отношений. Исходя из толкования ППВС РФ такими лицами могут оказаться многие, не обязательно родственники.

Множество подходов в попытках понимания термина «семья» раскрывают теоретики, но несмотря на достаточное количество исследований, здесь также нет единства. Каждый автор понимает и вкладывает свой смысл в определение «семьи». Некоторые

¹ Советское семейное право / Под ред. В.А. Рясенцева. М.: Юрид. лит., 1982. С. 64.
<https://stskrf.ru/10>

² Постановление Пленума Верховного суда РФ.

из них не учитывают признаки, которые необходимы для полного осмысления исследуемого понятия.

А.Н. Ильяшенко определяет семью как круг лиц, которые связаны между собой правами и обязанностями, вытекающими из брака, родства, усыновления или иной формы принятия детей на воспитание¹. В свою очередь, семейные отношения должны развиваться, укрепляться на принципах морали.

Так, В.А. Шакина под семьёй понимает исторически конкретную систему взаимоотношений между супругами, родителями и детьми, представляющую собой малую группу, связанную брачными или родственными отношениями, а также единым бытом и моральной ответственностью². Данное определение не учитывает признаки: 1) связь членов семей может не являться юридической, но сам факт брачных отношений присутствовать; 2) не указаны отношения свойства, форм принятия детей, оставшихся без родителей на усыновление, воспитание и др.

С.Н. Золотухин, учитывая вышеперечисленные признаки даёт следующее определение: семья – совокупность лиц, находящиеся в браке (юридическом, фактическом), а также в состоянии родства, независимо от его характера и степени, также лица, семейные отношения между которыми возникли в результате любой формы опеки, либо иных лиц, оказавшихся в семье и нашедших приют у других людей и попавших к ним в различного рода зависимость и неспособных позаботиться о себе самостоятельно³.

Проанализировав, существующие понятия «семьи» можно констатировать, что рассматривать их необходимо в правовом русле, если имеет место нарушение обязанностей со стороны субъектов, а в общем её понимании, когда во главу угла ставятся морально-этические категории. Необходимо также понимать, что для создания семьи необязательно наделять её юридическими признаками. Сложность заключается в том, что необходимо обращаться

¹ Ильяшенко А.Н. Борьба с насильственной преступностью в семье. М., 2003. С. 38.

² Шакина В.А. Женщина как жертва семейного насилия в супружеских отношениях: проблемы, причины, предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Иркутск, 2002. С. 26.

³ Золотухин С.Н. Причинный комплекс факторов, обуславливающих внутрисемейное насилие. Челябинск, 2007. С. 42.

к юридическому толкованию понятия «семьи», а именно как к союзу лиц, наделенных правами и обязанностями каждый раз, когда происходит нарушение упомянутых выше прав.

В семейных правоотношениях, в том числе для их урегулирования, необходимо разграничить критерии понятий, зачастую подменяющих друг друга, но принципиально отличающихся между собой с точки зрения права.

Так в семье от родства необходимо отличать свойство. Последнее, в свою очередь, возникает вследствие брака между мужчиной и женщиной и не регулируются семейным законодательством.

Очевидно, что необходимо разграничить ряд понятий, которыми оперирует законодатель в семейных правоотношениях.

Следующее понятие, которое необходимо обозначить – «несовершеннолетний член семьи», относительно понятий, исследуемых выше, оно менее затруднительно.

Главный закон страны, а именно Конституция РФ, позволяет гражданину самостоятельно осуществлять права и обязанности с 18 лет (ст.60).

В свою очередь Гражданский кодекс РФ (ГК РФ) определяет совершеннолетие, а равно наделение правами и обязанностями гражданина в полной мере с 18 лет (п.1 ст.21), исключения есть, но они не касаются темы исследования.

ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» определяет несовершеннолетнего, как лицо, не достигшее возраста 18 лет (ст.2).

СК РФ не содержит понятия несовершеннолетнего, в свою очередь определение «ребёнок» идентично ему (ч.1 ст.54).

УК РФ под несовершеннолетним понимает лицо, которому исполнилось 14 лет, но не исполнилось 18.

Проанализировав понятие «несовершеннолетний», обозначенное в законодательстве РФ можно утверждать, что оно имеет сходное смысловое значение слову «ребёнок».

Концепция о правах ребёнка обозначает, что таковым является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее (ст.1).

Преамбула Конвенции ООН о правах ребёнка¹ основополагающим принципом прав считает: семейное окружение, атмосферу счастья, любви и понимания.

Из анализа норм, оперирующих понятием ребёнок и совершеннолетний, а также из преамбулы к Конвенции ООН о правах ребёнка, авторы рассматривают такие понятия как: несовершеннолетний, ребёнок и семья в неразрывной связи, независимо от фактов возникновения отношений между совершеннолетними членами семьи и несовершеннолетними, при условии, что последние находятся в зависимости от совершеннолетних её членов.

Анализ законодательства РФ на предмет определений: семья, несовершеннолетний и ребенок показал, что единого подхода к пониманию данных слов нет. Специальная литература также не отражает единства мнений в данном вопросе. Более того, авторы для раскрытия проблемы исходят из понимания семьи, включающей в себя признаки как правового, так и социального характера, что в свою очередь, только усложняет решение проблемы.

Кецко Константин Вадимович,
заместитель начальника УЭБ и ПК
УМВД России по Камчатскому краю,
адъюнкт Академии управления МВД России

Некоторые криминологические особенности преступлений, предусмотренных статьями 241, 242, 242.1 УК РФ, совершаемых в сфере электронной коммерции

В современном мире электронная коммерция затрагивает практически все сферы жизнедеятельности людей. Если еще лет 10-20 назад электронная коммерция у большинства граждан ассоциировалась только лишь с интернет-магазинами, то в настоящее время без участия данного экономического процесса тяжело представить большинство направлений развития современного общества. Переживаемая человечеством информационная революция

¹ Конвенция о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989. Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.08.2022).

не только ускоряет развитие цивилизации, но и порождает новые угрозы безопасности личности, общества и государства¹, в том числе и нравственности. Преступления против нравственности - это особая группа преступлений, посягающих на определенный объект, которым является общественная нравственность². Возможности информационно-телекоммуникационных технологий являются катализатором нелегального распространения порнографической продукции, развращая общество и порождая циничные представления об интимной жизни целых групп людей³. Как отмечают эксперты, восьмая часть всех мировых интернет-сайтов – это порнография, причем значительная ее доля – детское видео на порнографии ежегодно зарабатывается почти \$5 млрд⁴.

Таким образом можно сказать, что распространение порнографических материалов и организация занятия проституцией является рентабельным коммерческим процессом, а с внедрением и использованием возможностей сети интернет данный процесс можно отнести к нелегальному сектору электронной коммерции.

Вопросы организации эффективного предупреждения и пресечения данных преступлений с развитием информационных технологий используемыми преступниками при совершении противоправных деяний становятся первоочередными, как справедливо высказался Гишинский Я.И. «Господа законодатели, загляните в Интернет, кого вы собираетесь привлекать к уголовной ответственности за «организацию проституции?»⁵.

Местом совершения таких преступлений может быть как виртуальное пространство, когда распространяется уже готовая порнографическая продукция, так и в реальная действительность,

¹ Григорьев А.Н., Маханек А.Б., Серых А.Б. Некоторые проблемы раскрытия и расследования преступлений, связанных с распространением детской порнографии в сети Интернет // Право и практика. 2017. № 1. С. 37–42.

² Ярошенко О.Н. Новые возможности исследования преступлений против общественной нравственности // В сборнике: Мировые научные исследования современности: возможности и перспективы развития материалы XVI международной научно-практической конференции. Ставрополь, 2022. С. 475-478.

³ Киселёва М.А. Особенности возбуждения уголовных дел о незаконном распространении порнографических материалов в сети интернет Алтайский юридический вестник. 2022. № 2 (38). С. 110-114.

⁴ <https://www.gazeta.ru/business/2020/06/05/3380694.shtml?ysclid=17r2tjrb2387088915>

⁵ Гишинский Я.И. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности: взгляд криминолога // Криминалистика. 2021. № 2 (35). С. 18-22.

когда, например, изготовление происходит в реальном пространстве, а распространение с помощью информационно-телекоммуникационных сетей, либо организация занятия проституцией происходит с использованием сайтов и интернет-мессенджеров.

Вопросам сокрытия своей преступной деятельности лицами занимающимися организацией занятия проституцией уделяется огромное внимание, в том числе за счет использования возможностей информационных технологий. Например, организаторы обещание касаются преступной деятельности с администраторами и иными пособниками, сообщниками осуществляют посредством различных интернет мессенджеров, иногда не зная даже друг друга лично. Незаконный доход от преступной деятельности организаторы стараются получать с использованием банковских транзакций на счета и электронные кошельки различных систем электронных платежей с использованием электронных денег (QIWI, WebMoney и иные), рассчитываются криптовалютой.

Усиление внимания мирового сообщества и национальных законодателей к проблеме детской порнографии обусловлено ее растущей доступностью в Интернете и в рамках других развивающихся технологий¹.

Ежегодный оборот порнографических материалов достигает 3,5 миллиардов евро, а каждый детский порнографический сайт приносит около 30 000 долларов дохода ежемесячно². В сети интернет: в «DarkNet», функционирует большое количество различных платформ, сайтов и иных ресурсов, занимающихся распространением контента с порнопродукцией, в том числе с несовершеннолетними лицами. В качестве примера можно привести такие платформы как «DarkScandals», «Babyheart», «Elysium» и иные.

Данная проблема вызывает беспокойство у руководства страны. Так, по мнению Министра внутренних дел РФ В.А. Колокольцева особую опасность представляет использование сети Интернет для распространения порнографических материалов, в том

¹ Климов А.С. Ответственность по международному законодательству за распространение порнографических материалов и предметов В сборнике: Международное право и современный мир. Материалы международной научно-практической конференции. Под редакцией Н.Ю. Жуковской, Е.В. Калининой. 2016. С. 73-76.

² URL: http://europa.eu.int/information_society/programmes/iap/index_en.htm.

числе и с участием несовершеннолетних лиц¹. Президент России В.В. Путин на различных совещаниях и конференциях, посвященных проблемам внутренней безопасности страны, регулярно обращает на это внимание. Например, на заседании коллегии ФСБ Президент РФ обратился с указанием к правоохранительным органам «...очищать Российское интернет-пространство от незаконных, преступных материалов»².

Вопреки активной деятельности правоохранительных органов по пресечению вышеуказанных преступлений, очевидно, что объем указанного противоправного контента не снижается, а официальная статистика не отражает реальные показатели преступности в данной сфере, одним из признаков которой является высокая латентность.

По официальным статистическим данным, количество осужденных по ч. 3 ст. 242 УК РФ лиц в период с 2016 года по 2020 год варьировалось в пределах от 187 до 236 (187 в 2016 году, 203 в 2017 году, 236 в 2018 году, 220 в 2019 году, 199 в 2020 году).

Согласно данным проведенного анкетирования сотрудников оперативных подразделений территориальных органов МВД России, 68 % опрошенных пояснили что уровень латентности вышеуказанных преступлений превышает 50 %. При этом 45 % причинами высокой латентности выделили именно использование информационных технологий в ходе преступной деятельности, как следствие возникающие проблемы с документированием и доказыванием.

В 2022 году законодателем в диспозицию статей 242 и 242.1 внесены изменения, а именно в качестве отягчающих обстоятельств предусмотрено использование средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. При этом статья 241 УК РФ такого признака не содержит, хотя исходя из реального положения введение отягчающего признака в данной статье, также в числе прочего способствовало бы предупреждению таких преступлений.

¹ URL:<http://mvd.ru/news/item/1052088/>

² URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/49006>

Рассматривая данные преступные посягательства как составляющие нелегальной электронной коммерции можно выделить отличительные базовые признаки данного вида преступности:

- 1) Корыстный характер
- 2) Масштабное распространение
- 3) Использование информационных-телекоммуникационных технологий

Одним из значимых элементов криминалистической характеристики данных преступлений, связанных с незаконным оборотом порнографических материалов в глобальных компьютерных сетях и организацией занятия проституцией с использованием возможностей информационных технологий, являются личность потерпевшего, личностная характеристика преступника.

В ходе изучения материалов уголовных дел по статьям 241, 242, 242.1 УК РФ было установлено, что потерпевшими в большинстве случаев являются женщины, как правило, в возрасте 17–32 лет, неработающие, имеющие низкий уровень образования. Если потерпевшими являются дети, то они в основном из неблагополучных семей, в которых низкий уровень дохода на одного члена семьи, родители злоупотребляют спиртными напитками и т.д.

Личность преступника по рассматриваемым преступлениям можно охарактеризовать с большой степенью условности. Как правило, это лица мужского пола в возрасте 19–36 лет с достаточным уровнем образования, ведущие нормальный образ жизни (не антиобщественный и аморальный), не злоупотребляющие спиртными напитками, имеющие постоянное место работы или учащиеся.

Однако данные преступления могут совершить абсолютно все категории граждан, не имея специального образования, а обладая всего лишь общими навыками работы на компьютере, имеющими дома персональный компьютер с выходом в сеть Интернет¹. Характеристики личности преступника и жертвы также совпадают и с характеристиками личностей преступника и жертвы в сфере электронной коммерции.

В заключении можно сказать, что уголовно-правовое и криминалистическое изучение данного вида преступлений именно в

¹ Григорьев А.Н. Методика расследования преступлений, связанных с распространением порнографических материалов с использованием сети Интернет // Союз криминалистов и криминологов. 2019. № 2. С. 65-73.

контексте отнесения к одному из видов электронной коммерции позволит выявить особенности и общие закономерности, иные необходимые теоритические знания для выработки эффективных мер предупреждения преступлений как данного вида преступлений, так и в целом преступлений в сфере электронной коммерции.

Колесников Роман Викторович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Воронежского института МВД России

Уголовная ответственность несовершеннолетних: некоторые проблемные вопросы законодательного регулирувания и пути их решения

Борьба с преступностью является неотъемлемой частью деятельности правоохранительной системы государства. Такая борьба осуществляется по различным направлениям, из общего числа которых следует выделить деятельность по профилактике, выявлению, пресечению преступлений, совершаемых несовершеннолетними.

Наличие высокого уровня преступности среди указанной категории лиц является огромной проблемой и представляет угрозу для общества, в том числе из-за прямой связи преступности среди несовершеннолетних и взрослых лиц. Например, неконтролируемый рост числа совершаемых преступлений несовершеннолетними впоследствии обязательно приведет к росту рецидивной преступности среди уже взрослых лиц.

Возрастные цензы и разграничения играют немало важную роль в дифференциации прав человека и гражданина. Практически на всех сферах жизнедеятельности человека отражается данное обстоятельство. К ним относятся и гражданские отношения, и здравоохранение, и сфера социально-экономической жизни, в целом. Но нас наиболее всего интересует конкретно область уголовной ответственности лиц определенной возрастной группы – несовершеннолетних.

Таким образом, изучение вопроса привлечения к уголовной ответственности лиц, не достигших возраста 18 лет, является актуальным и в настоящее время.

В настоящее время по всему миру общим условием наступления уголовной ответственности является достижение лица определенного возраста. Это связано с психологическими особенностями человека. Так, в силу этого в определенный период своей жизни человек еще не способен самостоятельно осознавать характер своих действий, понимать последствия принимаемых им решений.

В рамках уголовного закона лицо должно достичь именно на момент совершения преступного деяния определенного возраста, а не во время привлечения его к ответственности. Из этого следует, что лицо, не достигшее такого возраста к уголовной ответственности не может быть привлечено.

Так что же такое возраст? Возраст, по мнению некоторых научных деятелей, – это период развития человека, который характеризуется качественными изменениями в физических и психических потребностях¹. Он служит для определения характеристик личности в определенный промежуток времени. Выделяют следующие виды возраста:

– хронологический (календарный): он отсчитывается от момента рождения лица до настоящего или определенного времени без каких-либо особенностей и специфики;

– психологический (данный вид возраста характеризуется особенностями развития лица, его характерными чертами относительно образа жизни, восприятия окружающей обстановки, людей и себя в этом мире).

Стоит отметить, что такое разделение также находит свое отражение в действующем уголовном законе, а именно в ч. 3 ст. 20 УК РФ.

Анализируя правовую литературу, а также законодательство различных временных промежутков, в том числе и настоящее, мы можем сделать вывод, что в основу определения возрастной дифференциации ложатся такие условия, как:

– сформированность личности;

¹ Хромова Н.М. Возраст уголовной ответственности несовершеннолетних // Журнал российского права. 2018. № 4 (256). С. 96.

- степень ее социализации;
- наличие приобретенного жизненного опыта;
- наличие круга общественно значимых связей.

Так, в уголовном законе установлен общий возраст уголовной ответственности в 16 лет, а за совершение определенных преступлений данный порог снижен до 14 лет. Такое положение, учитывает не только исторический и практический опыт, но еще и социально-психологические особенности.

К последней группе стоит отнести такие установленные факты, как наличие к 14 годам у ребенка достаточно развитой способности к умозаключениям посредством сопоставления причин и последствий; снижение уровня внушаемости подростка в силу биологических и социальных особенностей; развитая волевая составляющая личности, которая способствует саморегуляции поведения ребенка.

Почему же тогда в системе уголовного закона как Российской Федерации, так и некоторых зарубежных стран общий возраст уголовной ответственности не 14 лет?

Здесь стоит учитывать другие особенности личности подростка:

- неустойчивость в поведении;
- повышенная эмоциональная составляющая;
- склонность к самовнушению;
- повышенная раздражительность от внешних и внутренних факторов;
- отсутствие большого объема жизненного опыта, позволяющего в полной мере осознавать негативные последствия некоторых принимаемых решений.

Для полноты и объективности данного исследования также необходимо проанализировать зарубежный опыт и законодательство в сфере уголовной ответственности несовершеннолетних. Для этого мы приведем несколько примеров, которые в свою очередь классифицируем в зависимости от правовых систем описываемых государств.

Рассмотрим некоторых представителей романо-германской правовой системы. Так, современное законодательство Германии

устанавливает возраст уголовной ответственности с момента достижения 14 лет¹. Помимо этого, иные критерии, определяющие субъект преступления схожи с положениями российского уголовного законодательства, т.е. уголовной ответственности подлежит физическое, вменяемое лицо, достигшее соответствующего возраста.

Среди других представителей указанной правовой системы возраст уголовной ответственности определяется следующим образом: в Бразилии – 12 лет, в Польше – 15 лет, во Франции – 13 лет, в Японии – 14 лет². Среди стран ближнего зарубежья, которые также входят в романо-германскую правовую семью выделим следующие положения относительно возраста уголовной ответственности: Беларусь – 14 лет³, Монголия – 14 лет⁴, Узбекистан – 13 лет⁵, Казахстан – 14 лет⁶.

Теперь перейдем к представителям англо-саксонской правовой семьи. Например, в Великобритании судебной практикой установлено, что лицо, достигшее возраста 10 лет может быть привлечено к уголовной ответственности в случае, если несовершеннолетнее лицо, совершившее преступление, в момент его совершения осознавало факт причинения серьезного ущерба своими действиями. В противном случае такое лицо не привлекается к уголовной ответственности в привычном понимании⁷.

¹ Павлова А.Г. Возраст уголовной ответственности несовершеннолетних в российском уголовном праве и праве Федеративной Республики Германии: сравнительно-правовой аспект // *Open innovation: сборник статей IV Международной научно-практической конференции*. Пенза, 2018. С. 201.

² Хромова Н.М. Указ. раб. С. 106.

³ Новик О.О. Общие вопросы уголовной ответственности несовершеннолетних в Республике Беларусь // *Современное образование Витебщины*. 2014. № 3 (5). С. 72.

⁴ Алпатов С.Ю. Уголовная ответственность несовершеннолетних по законодательству Монголии // *Образование и право*. 2021. № 10. С. 318.

⁵ Гаврилова А.А. Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних по законодательству стран постсоветского пространства // *Вестник Российского нового университета*. 2017. № 3. С. 40.

⁶ Жамулдинов В.Н. Уголовная ответственность несовершеннолетних по законодательству Республики Казахстан, Российской Федерации и Федеративной Республики Германии // *Вестник Института законодательства Республики Казахстан*. 2015. № 2 (38). С. 75.

⁷ Воронцова С.В. Уголовная ответственность несовершеннолетних по законодательству Англии // *Вестник Московского университета МВД России*. 2013. № 10. С. 104.

В США, к примеру, лишь в некоторых штатах общий возраст уголовной ответственности составляет 16 лет. Как правило, он варьируется от 10 до 15 лет в зависимости от штата. Но, например, в Оклахоме ребенок в возрасте 7 лет может быть привлечен к уголовной ответственности при условии понимания характера и последствий своих действий¹. Стоит отметить, что далеко не во всех штатах рассматриваемого государства установлен минимальный возраст уголовной ответственности. Так, практически в половине штатов за совершение наиболее общественно опасных преступных деяний ребенок наравне со взрослыми лицами может понести уголовную ответственность.

Среди иных представителей англо-саксонской правовой семьи возраст уголовной ответственности дифференцируется следующим образом: в Австралии – с 10 лет, в Канаде – с 12 лет, в Новой Зеландии – с 10 лет².

Помимо этого, в США, Великобритании и некоторых других странах накоплен огромный практический опыт применения института пробации.

Пробация – это определенная система контрольных и социальных мер правового характера, основной задачей которой является коррекция поведения лиц, совершивших или осужденных за совершение преступных деяний.

Этот институт направлен на оказание помощи в различных сферах лицам, реально или условно осужденным за совершение преступлений. Такая помощь может выражаться в следующем:

- решение проблем с трудоустройством;
- оказание юридической и психологической помощи;
- возмещение вреда, который был причинен в результате преступного деяния.

Указанные меры могут быть применены к различным возрастным категориям преступников, в том числе и к несовершеннолетним. На наш взгляд, использование описанного зарубежного

¹ Белякова О.В. Некоторые аспекты назначения наказания несовершеннолетним в зарубежном уголовном законодательстве // Вестник международного юридического института. 2018. № 3 (66). С. 108.

² Руденко А.С. Некоторые особенности уголовной ответственности несовершеннолетних по зарубежному законодательству // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2016. № 2 (8). С. 151.

опыта потенциально может качественно отразиться относительно количественных и качественных показателей преступности, а также на процессе реабилитации и ресоциализации лиц, осужденных за совершение преступных деяний.

Как мы видим, общие положения привлечения к уголовной ответственности значительно варьируется среди зарубежных стран. Это связано с тем, что в настоящее время научное сообщество не определило единый возраст уголовной ответственности. Вызвано это еще различиями в культурном, социальном, историческом, правовом аспекте государств. Одновременно повысить или понизить данный возрастной ценз не представляется возможным.

Даже в рамках конкретного государства вопрос его снижения или повышения вызывает некоторые споры. Так, в рамках нашего государства существуют различные предложения по изменениям в данной сфере:

– некоторые юристы, например, И.Г Кобзарь¹, Л.В. Боровых² выступают за снижение минимального возраста до 11-13 лет, а также за расширения круга уголовно-наказуемых деяний, за совершение которых лицо может быть привлечено к уголовной ответственности в таком возрасте;

– В.Н. Бурлаков и С.Ф. Милюков³, Е.Н. Бурдужук⁴ выдвигали идею о снижении возрастного ценза до 12-13 лет за совершение убийств и особо тяжких преступлений;

– А.А. Байбарин предлагает законодателю введение трехступенчатого уровня привлечения к уголовной ответственности в зависимости от возраста: с 11 лет – за совершение убийств, умышленного причинение тяжкого вреда здоровью, грабеж, разбой

¹ Кобзарь И.А. Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних по новому уголовному законодательству: дис. ...канд. юрид. наук. М., 1998. С. 34.

² Боровых Л.В. Проблемы возраста в механизме уголовно-правового регулирования: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1993. С. 11.

³ Бурлаков В.Н. Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 2 (229). С. 264.

⁴ Бурдужук Е.Н. Социально-психологический аспект уголовной ответственности несовершеннолетних // Новое уголовное законодательство России: проблемы теории и практики: сборник статей. Тюмень, 1999. С. 80.

кражу, за остальные же преступления – с 14 и 16 лет соответственно¹;

– другие же из соображений психологических исследований и девиантного поведения подростков считают, что за особо тяжкие преступления целесообразно привлекать к уголовной ответственности лиц, достигших возраста 11 лет².

Стоит отметить, что единственно верное положение среди представленных и прочих невозможно выделить, поскольку каждое из них опирается на значимые факторы: психологические особенности детей, социальное положение, исторический опыт, исключение репрессивной политики в отношении несовершеннолетних правонарушителей и т.п.

Помимо сказанного, мы должны также обратить внимание на то, что в зависимости от возраста подростка, сама уголовная ответственность и применяемые наказания отличаются.

Так, стоит отметить, что к несовершеннолетним из соображений гуманности, в целях перевоспитания, не применяются наиболее строгие наказания, снижается максимальный срок отбывания таковых, реализуется возможность замены наказания мерой принудительно-воспитательного воздействия.

Это связано с тем, что к несовершеннолетнему лицу не целесообразно наравне со взрослыми применять те же наказания и в том же объеме по следующим причинам:

– снижение уровня социализации в силу отбывания наказания и нахождения в криминально ориентированной среде;

– непонимание роли наказания как меры перевоспитания преступника;

– невозможность получения теоретических и практических навыков в полном объеме, необходимых в повседневной жизни в результате отбывания наказания в местах, исключаяющих или ограничивающих такие процессы;

– низкая возможность получения несовершеннолетним морально-ориентированных устоев, принципов по причине отбывания наказания и т.п.

¹ Байбарин А.А. К вопросу о минимальном возрасте наступления уголовной ответственности // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 2. С. 224.

² Хромова Н.М. Указ. раб. С. 96.

Достаточную распространенность получает условное осуждение несовершеннолетних. На основании практики федеральных судов Воронежской области за 2019-2021 г.г. мы наблюдаем следующие показатели применения условного осуждения к несовершеннолетним: за 2019 год – 80 случаев применения условного осуждения к лишению свободы и 3 случая условного осуждения к иным мерам, за 2020 год – 91 случай применения условного осуждения к лишению свободы и 2 случая условного осуждения к иным мерам, за 2021 год – 98 случаев применения условного осуждения к лишению свободы.

В то же время такой вид наказания, как лишение свободы на определенный срок в отношении несовершеннолетних, был применен в 2019 году 14 раз, в 2020 году 35 раз, в 2021 году 22 раза¹. Как мы видим, условное осуждение к лишению свободы сильно превалирует над реальным.

Помимо этого, мы можем заметить, что в отношении несовершеннолетних условное осуждение не может действовать так же эффективно, как в отношении совершеннолетних осужденных, поскольку лишь за совершение особо тяжкого преступления, по смыслу правовой нормы, условное осуждение может быть отменено, а ранее назначенное наказание исполнено.

Из этого логично следует, что при наличии понимания данной правовой нормы несовершеннолетний может злоупотреблять ее положениями, направленными на гуманизацию наказания в отношении данной категории лиц. Такое понимание может прийти и в связи с наличием у несовершеннолетнего преступных связей с взрослыми криминальными элементами.

Соответственно рассматриваемое положение, на наш взгляд, является неэффективным в сфере назначения наказания несовершеннолетнему, а также перевоспитания этой категории осужден-

¹ См.: Справка по результатам обобщения судебной практики рассмотрения уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними и о преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних, за 2019-2021 гг. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Воронежского областного суда. URL: http://oblsud.vrn.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=482 (дата обращения: 28.10.2022).

ных. Поэтому мы считаем, что необходимо пересмотреть положения указанной правовой нормы и внести в нее определенные изменения.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы.

1. Возраст как критерий дифференциации уголовной ответственности играет огромную роль в целях разграничения характера и степени санкционных мер в отношении лиц, совершивших преступные деяния.

2. Уголовный закон устанавливает общий возраст уголовной ответственности в 16 лет, причем за совершение некоторых наиболее общественно опасных преступных деяний он может быть снижен до 14 лет.

3. В настоящее время не существует единого мнения по поводу разграничения возраста, с которого наступает уголовная ответственность. Так, в странах англо-саксонской правовой семьи он варьируется от 7 до 16 лет, а в государствах романо-германской правовой семьи – 12 до 16 лет.

4. Касаясь вопроса изменения минимального возраста уголовной ответственности в России существует множество мнений. Одни считают целесообразным снизить возраст до 11-13 лет, а также расширить перечень уголовно-наказуемых деяний, за совершение которых лицо может быть привлечено к уголовной ответственности. Другие – обосновывают введение трехуровневого деления по возрастному критерию в зависимости от общественной опасности совершенного преступного деяния несовершеннолетним лицом: 11, 14 и 16 лет соответственно.

5. К несовершеннолетнему также могут быть применены нормы об условном осуждении с учетом особенностей, установленных ст. 88 УК РФ. Практика применения указанного положения свидетельствует о том, что условное осуждение к лишению свободы значительно превалирует над реальным, что, по нашему мнению, может негативно сказываться на процессе перевоспитания несовершеннолетних преступников, а также в некоторой части нарушает принцип справедливости назначения наказания в зависимости от степени общественной опасности преступления.

Кошкина Валентина Викторовна,
преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Владивостокского филиала
Дальневосточного юридического института МВД России

Уголовно-правовые средства противодействия совершению хищений должностным лицом

Уголовно-правовое средства противодействия совершению хищений должностным лицом включает в себя уголовное законодательство и судебную, а также следственную практику.

Уголовно-правовая политика борьбы с преступностью в постоянном движении. Ежедневно преступная среда реагирует на совершенствования в законодательстве и разрабатывает новые возможности продолжать совершать должностные хищения.

Должностные хищения относятся к числу коррупционных. Коррупция – это ни что иное как использование государственной власти в своих личных целях для достижения каких-либо выгод. К числу коррупционных деяний относятся такие преступления как злоупотребление и превышение должностными полномочиями – злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ¹), коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий ст. ст. 285-286 УК РФ, получение и дача взятки (ст. 290-291 УК РФ).

Для борьбы с этими опасными социальными явлениями был создан ФЗ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – ФЗ № 273)².

Основными направлениями деятельности государства по повышению эффективности борьбы с должностными хищениями являются:

- проведение единообразной политики в области противодействия коррупционным преступлениям;
- введение антикоррупционного стандарта;

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 01.06.2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. 24.09.2022) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

- обеспечение независимости средств массовой информации;
- соблюдение принципа независимости судей
- увеличение заработной платы государственных и муниципальных служащих;
- усиление контроля за решение вопросов, содержащихся в обращениях граждан и юридических лиц;
- обеспечение доступа граждан к информации о деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

В соответствии с п. 2 ст. 1 ФЗ № 273 противодействие коррупции представляет собой деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий.

Статья 6 ФЗ № 273 содержит информацию о мерах по профилактике коррупции, а ст. 7 раскрывает основные направления деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции. Однако, на наш взгляд, указанные направления не являются исчерпывающими.

Проведенное анкетирование показало, что по мнению большинства респондентов, из числа сотрудников органов внутренних дел и судей, из разработанных нами и отраженных в опросе возможных путей борьбы с должностными хищениями, наиболее действенными явились:

- периодическое обращение к гражданам через средства массовой информации (радио, печать, телевидение) и систематическое выступление перед различными группами населения по месту жительства, работы, учебы по вопросам, отражающим коррупционную направленность действий должностных лиц различных уровней (319 из 348 опрошенных);
- разработка и реализация комплексных целевых программ борьбы с должностными хищениями (абсолютное большинство 348 из 348 опрошенных);
- транспарентность деятельности должностных лиц (абсолютное большинство 348 из 348 опрошенных).

Далее следуют:

– проведение целевых рейдов и операций, направленных на выявление и пресечение хищений, совершаемых должностными лицами (340 из 348 опрошенных);

– организация и осуществление взаимодействия с сотрудниками различных организаций с целью выявления лиц, представляющих оперативный интерес (291 из 348 опрошенных);

– организация и осуществление постоянного взаимодействия служб безопасности различных организаций с территориальными ОВД (275 из 348 опрошенных);

– осуществление общественного контроля по подобию существовавшего в советское время в виде комитета общественного контроля (216 из 348 опрошенных).

Таким образом, данные направления можно рассмотреть в качестве дополнений в перечень, отраженный в ст. 7 ФЗ № 273 с целью дальнейшего противодействия распространению должностных хищений, а, значит, и коррупции в целом.

Кроме того, помимо развития нетерпимости социума к коррупционным проявлениям, посредством использования средств массовой информации, мы считаем, что необходимо продолжать применять передовые технологии, с целью проведения проверки при устройстве на службу или назначении на какую-либо должность. Так, например, распространить проходные проверки на полиграфе для должностных лиц более широкого спектра. Кроме того, подобные проверки производить с частотой хотя бы один раз в квартал. Подобная мера, как нам кажется, способна помочь выявить лиц, склонных к коррупционным провокациям, если данное обстоятельство не было выявлено на первоначальном этапе.

Помимо этого, следует указать на то, что многие исследователи отмечают достижение больших результатов при применении непрямых методов изучения, не нацеленных на непосредственное взаимодействие с объектом: неинструментальной психодиагностики, психологического анализа биографии и личности конкретных лиц, слабо контролируемых особенностей их поведения, взаимодействия, общения¹.

¹ Богданов Е.Н., Зызыкин В.Г. Психологические аспекты коррупции. М.: Институт консультирования и системных решений; Высшая школа психологии (институт), 2013. С. 9.

Мы согласны с мнением ученых, которые полагают, что эффективность деятельности государственных органов, в том числе уполномоченных противодействовать коррупции, в значительной степени зависит от профессиональной пригодности должностных лиц, которым следует обладать следующими наиболее значимыми качествами: нравственной активностью, эмоциональной устойчивостью, психологической готовностью к службе, устойчивостью к негативному влиянию среды¹. При этом важное значение имеют психолого-правовые аспекты оптимизации управленческой деятельности руководителей². Чтобы успешно вести психологическую борьбу с преступным элементом, руководитель должен обладать стойкостью и не поддаваться влиянию ответных ухищрений и воздействию преступника³.

Курбатова Светлана Михайловна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса,
криминалистики и основ судебной экспертизы
Красноярского государственного аграрного университета

**Формирование правосознания
студентов неюридических специальностей
посредством преподавания им правовых дисциплин**

Последствия нарушения правовых норм разнообразны. Однако несоблюдение норм уголовного законодательства занимает особое место среди них, учитывая те задачи, которые перед ним

¹ Шайкова М.В. Психологический аспект профессиональной пригодности сотрудников правоохранительных органов // Материалы VIII Международной научно-практической конференции, 2012. С. 74-78 // URL: https://rusnauka.com/10_DN_2012/Psihologia/10_105225.doc.htm (дата обращения: 01.11.2022).

² Шайкова М.В. Психолого-правовые аспекты оптимизации профессиональной деятельности руководителя правоохранительных органов // История, теория, практика российского права, 2011. № 8. С. 122.

³ Шайкова М.В. Психологические особенности профессиональной деятельности руководителя правоохранительных органов в экстремальных условиях // Auditorium. 2014. № 2 (2). С. 163.

поставлены и содержание мер, с помощью которых оно призвано их решать.

Назначенное уголовное наказание за совершенное преступление уже само по себе вызывает страх, негативные эмоции, неготовность к его принятию большинством осужденных и пр., но оно же влечет за собой и ряд последствий: судимость, запреты и ограничения для занятия в настоящем и (или) в дальнейшем должностей государственной и муниципальной службы и не только, нежелание работодателей принимать на работу лиц, привлекавшихся к уголовной ответственности – все это далеко не полный перечень.

При этом действующее общее правило, что незнание закона не освобождает от ответственности, в полной мере распространяется и на сферу действия уголовно-правовых норм¹, о чем также известно большинству населения. И хотя это выражение знают многие, тем не менее налицо факт слабого знания положений Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов РФ и практики их применения среди обычного населения. Это делает граждан уязвимыми перед лицом опасности в виде совершения преступления в силу непонимания того, что они совершают, либо неспособности защитить свои законные интересы и реализовать права в ходе их уголовного преследования.

По данным фонда «Общественное мнение», полученным в ходе проведенного опроса в 2018 г., «большинство россиян (70%) заявили, что плохо знают российские законы; 67% полагают, что их окружение также не очень хорошо разбирается в законодательстве; 52% опрошенных заявили, что в повседневной жизни им недостаточно имеющихся знаний законодательства»². Цифры тревожные, учитывая то, что право «окружает» современного человека повсюду, сопровождая его с рождения и до смерти. Поэтому

¹ Однако следует отметить, что лицо может быть освобождено от уголовной ответственности, если не осознавало преступность содеянного, о чем пишет Л.Р. Клебанов (Клебанов Л.Р. Неправильное представление о непреступности деяния // Законность. 2012. № 2).

² <https://ria.ru/20181005/1530045393.html>

политика, направленная на усиление правового просвещения населения¹, приобретает большое значение², а отдельные ее аспекты становятся предметом научных исследований³, тем для круглых столов и конференций⁴.

Однако именно специфика сферы действия норм уголовного законодательства, о чем речь шла выше, обуславливает необходимость формирования отдельного направления уголовной политики Российской Федерации по организации правового просвещения населения в этой области правового знания. И хотя проблема предупреждения преступлений посредством правового просвещения поднималась на протяжении десятилетий советскими и российскими учеными (А.И. Алексеевым, С.Е. Вициным, А.И. Долговой и др.), тем не менее с развитием общества и государства, появлением новых составов преступлений, совершенствованием технологий и пр. внимание к формам, методам и средствам правового просвещения не снижается, а наоборот. Как пишет по этому поводу Е.В. Грибанов, «Актуальность проблематики правового воспитания и просвещения населения в контексте теории предупреждения преступлений обусловлена не только законодательными решениями, но и тенденциями общественного развития. Доминирующая и возрастающая роль информационно-телекоммуникационных технологий, средств коммуникации, PR-технологий, технологий маркетинга и рекламы как средств передачи информации,

¹ Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан" (утв. Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-116 // СПС КонсультантПлюс.

² Лакомова А.А. Значение правового просвещения в современной России / А.А. Лакомова, Т.М. Хусяинов // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2016. № 2. С. 15-21.

³ Миронова Ю.В. О некоторых вопросах государственной политики по правовому просвещению населения // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 10. С. 75-77.

⁴ Актуальные проблемы правового просвещения и воспитания населения: Материалы научно-практической конференции, Владимир, 16 марта 2016 года. Владимир: Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2016. 243 с., Правовое просвещение: традиции и современность: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, посвящ. 85-летию Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (г. Вологда, 27-28 окт. 2016 г.) / Сев.-Зап. ин-т (филиал) ун-та им. О.Е. Кутафина (МГЮА). Вологда: ИП Киселев А.В., 2017. 349 с.

оказания воздействия на сознание, мышление и поведение человека открывает новые возможности совершенствования различных сфер общественной жизни, в том числе правоохранительной практики. Современные информационные и смежные с ними социальные технологии могут существенно повысить эффективность правового воспитания и просвещения населения, обеспечить развитие системы профилактики правонарушений и предупреждения преступности»¹.

Поэтому формирование государственной политики в данной области должно включать в себя разнообразные направления, подчиняющиеся одной цели – содействие получению населением РФ знаний об уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве и понимания особенностей его правоприменения. При этом особая роль в этом процессе должна принадлежать системе образования, учитывая само его понятие, которое в ФЗ «Об образовании в РФ» от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (с изм. и доп.) раскрывается через два образующих его структурных элемента – воспитание и обучение, в контексте совокупности приобретаемых знаний, умений, навыков и ценностных установок (п.1 ст. 1).

Противодействие преступности посредством передачи обучающимся знаний, касающихся уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также воспитания нетерпимого отношения к преступному поведению, осуществляемое целенаправленно в рамках образовательного процесса имеет большое значение, учитывая то, что в случаях, когда речь идет о школьниках и студентах очной формы обучения, психологические особенности подросткового возраста² очень благоприятны для такого воздействия. Поэтому продуманный учебный план образовательной программы, структура и содержание отдельных дисциплин, с учетом роли личности реализующих их педагогов³, представляют собой централизованное системное воздействие на личность обучаю-

¹ Грибанов Е.В. Правовое воспитание и просвещение населения // Общество и право. 2020. № 4. С. 12-18.

² Остапова А.В. Психологические особенности подросткового возраста // Евразийский научный журнал. 2015. № 7. С. 109 – 110.

³ Егорова С.Ю. Роль личности педагога и культура его общения в образовательном процессе // Обучение и воспитание: методики и практика. 2012. № 1. С. 333-337.

щихся, позволяющее положительным образом повлиять на формирование у них антикриминальных мировоззренческих ценностей, способствуя тем самым достижению целей политики по предупреждению преступности и снижения количества совершаемых преступлений.

Одной из таких форм воздействия является преподавание правовых дисциплин студентам неюридических специальностей и направлений подготовки. «Главной задачей правового обучения специалистов неюридического профиля является формирование достаточного кругозора юридических понятий, правовых знаний для понимания проблем повседневной жизни, применения в определенных ситуациях нужных норм права, умение отделить их от социальных норм», пишет Ю.С. Нестерова¹. Перед преподавателем ставится цель не подготовить таких студентов как юристов, но привить им уважение к праву, осознание его значимости, понимания того, что и в дальнейшем, после окончания изучения дисциплины важно продолжать получать правовые знания, делая это уже самостоятельно, из источников, заслуживающих уважение.

На первом, вводном, занятии необходимо обозначить основные аспекты «полезности» права – не только в контексте их будущей профессии, но и как для граждан российского государства, вовлекающихся в различные правоотношения. В том числе, обязательно о рисках, которые несет в себе совершение преступного деяния – как непосредственно для самого лица, так и для его родных и близких. Важно заинтересовать студентов, максимально доступно показать значимость проблемы и возможные последствия лично для них, избегая при этом стандартных шаблонных фраз и клише, а также сложно воспринимаемых юридических формулировок, но используя конкретные примеры из практики.

Важно подготовить правильную подборку сайтов, где студенты смогут получать в дальнейшем информацию, имеющую

¹ Нестерова Ю. С. Значение преподавания дисциплины «правоведение» студентам неюридических специальностей // *Фундаментальные проблемы социально-экономического развития общества: история и современность: материалы международной научно-практической конференции*, Кингисепп, 10 апреля 2015 года / Кингисеппский филиал Ленинградского государственного университета (ЛГУ) им. А.С. Пушкина. Кингисепп: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2015. С. 238.

значение для получения знаний об уголовной политике российского государства, о конкретных составах преступлений, о видах уголовного наказания и практики их применения для лучшего понимания того, что является общественно-опасным, и что не следует совершать. При этом критериями выбора должны стать качество представленной информации, доступность ее изложения для изучения неспециалистами в области юриспруденции, удобство восприятия ресурса.

Для более активных и «продвинутых» студентов следует предусмотреть возможность предоставления сведений о проводимых научно-практических конференциях и круглых столах, особенно из числа проводимых в дистанционном формате, чтобы необходимость очного присутствия не стала отпугивающим фактором для принятия в них участия; рекомендовать сборники статей и журналов по уголовно-правовой тематике¹.

Подобного рода интерес к источникам знаний об уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, практике его применения, уголовной политике государства, привитый в возрасте, когда когнитивные функции головного мозга активны и открыты к восприятию новой информации, будет способствовать формированию привычки к их получению и в дальнейшем, уже во взрослой жизни, способствуя тем самым надлежащей социализации личности нетерпимости криминального поведения, уважению закона и принятию моральных ценностей общества.

¹ Например, «Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 30 сентября 2016 года. Краснодар: Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. 384 с.» и др.

Лифанова Лилия Геннадьевна,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры
уголовного процесса и криминалистики
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

К вопросу о предмете доказывания занятия высшего положения в преступной иерархии

Расследование уголовных дел по ст. 210.1 УК РФ имеет свои особенности: поводом для начала производства по делу в абсолютном большинстве случаев являются материалы оперативно-розыскных мероприятий, в результате которых устанавливается факт занятия лицом высшего положения в преступной иерархии. Гораздо реже поводами к возбуждению дел являются заявления и письма граждан и должностных лиц; рапорта об обнаружении признаков преступления; материалы органов дознания о выявлении преступлений в ходе профилактических мероприятий¹.

Высший неформальный статус уголовного авторитета в преступной иерархии – «вор в законе» («вор»), позволяет его обладателю выполнять организационно-распорядительные, регулирующие, дисциплинарные функции в уголовно-преступной среде: определять преступную идеологию и правила поведения в местах лишения свободы; принимать участие в «воровских сходках» для решения наиболее важных вопросов жизнедеятельности лиц криминальной направленности; обеспечивать преступный образ жизни («воровской ход»); организовывать сбор, хранение и распределение материальных ценностей и наркотиков из общей кассы («общака»), проводить воровские «суды» («разборки»), привлекать новых участников.

Процедура и традиция признания («коронация») «вора в законе» осуществляется на «воровской сходке» другими «ворами в законе» в отношении уголовного авторитета, находящегося «на положении вора в законе» о вступлении в «воровскую семью» и

¹ Кондратюк С.В. Криминологическая характеристика и предупреждение занятия высшего положения в преступной иерархии: дис. ...канд. юрид. наук. Тольятти, 2022.

тщательной проверки информации о возможных претензиях со стороны других «бродяг» и неукоснительного соблюдения ряда запретов (не служить в армии; не трудиться в сфере услуг или не работать в государственных или муниципальных организациях; не иметь социальных привязанностей; не быть сутенером или торговцем наркотиками, либо судимым за изнасилование и педофилию; не иметь невыполненных обязательств и карточных долгов). Лишить «вора в законе» статуса может только «воровская сходка» в результате добровольного отказа лица от этого статуса по трем основаниям (пожилой возраст; тяжелая болезнь; необходимость ухаживать за тяжело больными родителями), либо принудительно, в связи с нарушением лицом «воровского закона» («воровских понятий») из-за растраты «общака» или утери документов об их движении («списка»), взаимодействия с правоохранительными органами или сокрытие своего статуса перед заключенными или преступниками.

Следует отметить, что среди представителей судебных инстанций нет единства мнений относительно того, должна ли наступать уголовная ответственность по ст.210.1 УК РФ за формальное обладание криминальным статусом или состав преступления предусматривает совершение определенных общественно опасных действий лицом, находящимся в данном статусе.

Так, в апелляционном определении Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 09 сентября 2021 года по делу № 55-440/2021, утвердившем оправдательный приговор по ст.210.1 УК РФ в отношении Г., вынесенный судом первой инстанции, указано, что «Г. хотя и имел статус смотрящего в период с 12 апреля 2019 года по 5 мая 2019 года, однако никаким образом данный статус не реализовал своими реальными действиями, поскольку фактически не исполнял предъявленные ему органом предварительного следствия действия по формированию у лиц, соприкасающихся с криминальной средой, мнения о его особо доминирующем положении в преступной иерархии, позволяющем вмешиваться в правоотношения против общественной безопасности и

нормального функционирования государственных, коммерческих, гражданских и иных взаимоотношений»¹.

Аналогичная позиция высказана в апелляционном определении Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 16 сентября 2020 года по делу № 55-1421/2020: «утверждение, что объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, образует уже факт занятия лицом высшего положения в преступной иерархии, то есть сам по себе криминальный статус этого лица без обязательного указания на совершение этим лицом каких-либо неправомерных действий, связанных с использованием этого статуса, ... не основано на законе, поскольку такой подход противоречит понятию преступления, установленному ст. 14 УК РФ»².

В то же время в Апелляционных определениях Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 25.08.2021 по делу № 55-630/2021 и от 16.09.2021 по делу № 55-614/2021 указывается, что состав преступления, предусмотренный ст.210.1 УК РФ образует сам факт занятия лицом высшего положения в преступной иерархии. Выполнение лицом конкретных действий, связанных с занятием данного положения, не является признаком рассматриваемого состава преступления³.

Представляется такое разночтение основано на п.24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)»⁴, согласно которого судам необходимо устанавливать комплекс дей-

¹ Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 09 сентября 2021 года по делу № 55-440/2021 // Справочно-правовая система Консультант Плюс.

² Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 16 сентября 2020 года по делу № 55-1421/2020 // Справочно-правовая система Консультант Плюс.

³ Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 25.08.2021 по делу № 55-630/2021; апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции и от 16.09.2021 по делу № 55-614/2021 // Справочно-правовая система Консультант Плюс

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // Справочно-правовая система Консультант Плюс

ствий лица, обвиняемого в занятии высшего положения в преступной иерархии, направленных на координацию действий преступного сообщества, а также подтверждающих авторитет и лидерство лица в нем. Отметим, что данное постановление принято до вступления в силу ст.210.1 УК РФ. Его текст применим к ст.210 УК РФ «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)». Однако полагаем, что дефиниция «занятие», содержащаяся в диспозиции ст.210.1 УК РФ включает в себя не только «коронацию», но и иные значимые условия, определяющие статус «вора в законе». Имеется ввиду систематическое выполнение лидерских функций в составе преступной организации (сообщества). Причем данные функции распространяются и на участников иных преступных формирований¹. Факты совершения преступлений лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии, требуют самостоятельной квалификации и не могут относиться к необходимым признакам ст.210.1 УК РФ.

В юридической литературе предпринята попытка систематизации функций (полномочий) лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии²:

- идеологически-воспитательные: соблюдение правил и обычаев криминальной субкультуры;
- организационно-распорядительные: общий контроль и координация преступной деятельности;
- административно-хозяйственные: пополнение и распределение «общака», материальная поддержка лиц, отбывающих наказание и содержащихся под стражей в СИЗО.

Полагаем, что в материалах ОРД, являющихся поводом к возбуждению уголовного дела, должны содержаться сведения не только о самом факте занятия лицом высшего положения в преступной иерархии, но и о действиях данного лица, направленных на реализацию своего криминального статуса. Это может быть выполнение одной или нескольких из обозначенных выше функций (зависит от «стажа» пребывания лица в криминальном статусе).

¹ Кондратюк С.В. Доказывание лидерства в преступной иерархии // Вестник Академии права и управления. 2021. 2 (63). С.51-57.

² Стукалова Т.В. Расследование дел в отношении криминальных авторитетов. На что обратить внимание // Уголовный процесс. 2022. № 4 (208). С.62-71.

Указанная информация, как правило, может быть получена в результате оперативно-розыскных мероприятий: опрос, оперативное внедрение, оперативный эксперимент, прослушивание телефонных переговоров.

Такой вывод подтверждается сведениями, полученными в результате изучения конкретных материалов уголовных дел (в большинстве случаев обозначенная информация содержалась в постановлениях о возбуждении уголовного дела, впоследствии отражалась в постановлениях о привлечении лица в качестве обвиняемого и обвинительных заключениях).

Следственно-судебная практика свидетельствует о том, что для принятия решения о возбуждении уголовного дела по ст.210.1 УК РФ необходимы данные о месте и времени наделения лица криминальным статусом. Необоснованными признаются умозаключения адвокатов-защитников, что ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии может наступать только в том случае, если данный статус был получен после введения в действие анализируемой нормы¹. Так как преступление, предусмотренное ст.210.1 УК РФ относится к разряду дящихся, то его инкриминирование является законным и обоснованным лицу, который на момент привлечения к ответственности находился в обозначенном статусе.

Одновременно следует отметить, что в предмет доказывания не входит доскональное установление обстоятельств, при которых лицо заняло высшее положение в преступной иерархии. Так, в апелляционном определении Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 06.07.2022 № 55-969/2022 указано, что «... диспозиция ст. 210.1 УК РФ не требует обязательного установления перечня лиц с анкетными данными, участвовавших в наделении подсудимого статусом «вора в законе» и подписавших письменный «прогон», факта произнесения какой-либо клятвы, а также установления факта личного участия лица в организации и деятельности какой-либо преступной структуры...»².

¹ Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 20.10.2020 по делу № 3/6–503/2020 // <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-stavropolskii-kraevoi-sud-stavropolskii-krai/?ysclid=16meqv9ms7962974154>

² Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 06.07.2022 № 55-969/2022 // Справочно-правовая система Консультант Плюс.

Как ранее указывалось, прекращение криминального статуса возможно только при добровольном отказе от него либо в случае совершения поступка, порочащего преступный авторитет лица. Криминалистами отмечается, что в настоящее время наблюдается определенный развал воровской идеологии¹. Приметой этого является возможность покупки статуса «вора в законе» (цена «короны» варьируется от 100 тысяч долларов до 1 миллиона долларов). Имеются ввиду так называемые «апельсины» – лица, не отбывавшие наказание в местах лишения свободы, пренебрегающие воровскими традициями и т.п. В случае лишения такого лица криминального статуса достаточно сложно признавать причину этого в виде нарушения законов воровского мира, так как он изначально такие законы не соблюдал.

Таким образом, при доказывании виновности по ст.210.1 УК РФ необходимо иметь ввиду, что уголовная ответственность по данной статье возможна, если субъект пребывает в настоящее время в статусе лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии. При этом не имеет значение получил ли он данный статус до или после вступления в силу анализируемой уголовно-правовой нормы. Данный статус не должен быть прекращен.

Майорова Елена Ивановна,
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
Всероссийского научно-исследовательского
института МВД России

Парные категории уголовного права

«Один в поле не воин» – гласит мудрая русская пословица. Человек, как существо социальное, стремится к общению, нравственному и духовному развитию, достижению поставленных целей. Он контактирует с другими людьми, создавая семьи, объеди-

¹ Стукалова Т.В. Занятие высшего положения в преступной иерархии: проблемы квалификации и доказывания // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 1 (103). С.93-97.

няясь в коллективы, дружеские компании, т.е., как правило, действует не один, а минимум, в паре. Парность присутствует не только в жизнедеятельности человека и касается не только выстраивания человеческих отношений, но и относится к различным предметам, например, два сапога – пара; картина лучше смотрится в раме, одинаково восприниматься могут два цвета, остальные же должны гармонировать и усиливать эффект основной пары цветов. Существует мнение, что при игре в преферанс незаурядная ситуация обязательно повторяется. Математики даже вывели закон парных случаев, согласно которому некие события имеют тенденцию к повторению.

Парность присутствует и в праве, объединяя между собой публичное и частное право, различные отрасли (гражданское и гражданско-процессуальное право, уголовное и уголовно-процессуальное право), различные категории – сущность и явление, содержание и форму, необходимость и случайность, причину и следствие и т.д. Следует отметить, что для любой отрасли права характерны свои специфические, только ей присущие категории, т.е. основополагающие понятия, являющиеся фундаментом для развития той или иной отрасли. Они служат базой для законодательства, ими оперирует наука. Некоторые из них имеют всеобщий характер и используются во всех сферах однородных общественных отношений. Это время, пространство, норма права и др. Вместе с тем, для любой отрасли свойственны свои, только ей характерные понятия. Так, уголовное право определяет понятия преступления и наказания, совокупности и рецидива, соучастия и видов соучастников и др.

Они имеют универсальный (от лат. *universalis* – общий, всеобщий), т.е. разносторонний, охватывающий многое) характер, распространяют свое действие как на Общую, так и на Особенную часть уголовного права, например, объект преступления, общественная опасность деяния, время, состав преступления, вина, уголовная ответственность и др. Некоторые из них закреплены в статьях УК РФ, некоторые разработаны наукой уголовного права.

Прежде всего, к таким категориям относятся преступление и наказание. Это универсальные понятия, без которых невозможно существование уголовного права ни в каком качестве – ни как науки, ни как отрасли. В результате долгого глубокого научного осмысления в них аккумулярованы все признаки и свойства уголовного права.

В науке уголовного права данные термины объединены в пару, потому что они не могут существовать отдельно друг от друга, они находятся в неразрывной связи, взаимозависимы и взаимообусловлены, на что неоднократно обращалось внимание ученых¹.

Преступление и наказание представляют собой не просто различные соотносимые понятия, а систему из двух органично связанных между собой парных категорий². Другими словами, наказание невозможно без преступления, а совершенное преступление обязательно должно повлечь наказание. Они имеют первостепенное значение, и поэтому в юридической литературе высказывалось мнение, что к категориям уголовного права относятся только преступление и наказание³. На наш взгляд, такую позицию можно поддержать, но с оговоркой, что рассматриваются данные понятия в широком смысле, приобретая значение главных категорий уголовного права, а остальные являются производными от них, но тем не менее также играющими фундаментальную роль в уголовном праве (уголовная ответственность и основание уголовной ответственности; задачи и принципы уголовного права; совокупность и рецидив преступлений и др.).

Основным материальным признаком преступного деяния является общественная опасность, которая включает размер и степень. Именно степень общественной опасности находит свое отражение в видах наказания и его размерах. В свою очередь, по установленным пределам наказаний в санкции статьи определяется категория совершенного преступления, его опасность для охраняемых уголовным законодательством интересов. Таким образом, категории преступления и наказания являются парными и не могут быть раскрыты безотносительно друг друга. Кроме того, сами эти понятия на протяжении их развития и формирования всегда рассматривались также через парные философские категории - зла и добра. Сформулированы они были в процессе развития уголовного права позднее, чем понятие конкретных преступлений. Их исследованию посвящены многочисленные труды таких великих

¹ Бородинова Т.Г., Демидов И.Ф. Обвинение и защита: проблема равных возможностей // Журнал российского права. 2005. № 2.

² Попов И.А. Реализация принципа неотвратимости уголовной ответственности в судебных стадиях // Мировой судья. 2017. № 10. С. 21.

³ Бабаев В.К. Советское право как логическая система. М., 1978. С. 117.

ученых прошлого, как Таганцев Н.С., Сергеевский Н.Д., Немировский Э.Я., Дурманов Н.Д. и др.¹ Эти понятия не остаются без внимания и в настоящее время².

Наказание возможно только за совершенное преступление - если совершено преступление, то обязательно должно последовать наказание, за совершение преступления должно назначаться справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ, и с учетом положений Общей части настоящего Кодекса, а само наказание обязательно должно быть соразмерно преступлению.

Так, Федеральным законом от 14.07.2022 № 260-ФЗ УК РФ был дополнен целым рядом статей, устанавливающих уголовную ответственность за нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сети связи общего пользования (ст. 274.2 УК РФ); сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной либо иностранной организацией (ст. 275.1 УК РФ); публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства (ст. 280.4 УК РФ)³ и др. Соответственно за каждое из таких преступлений в санкциях статей установлены конкретные виды и размеры наказаний. До принятия и вступления в силу данного закона за совершение вышеназванных деяний невозможно было применить наказание, а сами деяния до их криминализации не считались преступными.

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая: в 2 т. М., 1994; Сергеевский Н.Д. Преступление и наказание как предмет юридической науки (задачи науки уголовного права) // Юридический вестник. 1879. Немировский Э.Я. Основные начала уголовного права. Одесса. 1917; Дурманов Н.Д. Понятие преступления. М., 1948.

² Смирнов А.М. О понятии преступления в Уголовном кодексе Российской Федерации // Российский следователь. 2018. № 8; Нечевин Д.К., Колодкин Л.М. Общественная опасность преступления: генезис понятия и проблема измерения и отграничения от административного правонарушения // Административное право и процесс. 2020. № 1 и др.

³ Федеральный закон от 14.07.2022 № 260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 29 (часть II). Ст. 5227.

В случае утраты силы статьей УК РФ деяние перестает быть уголовно-наказуемым, а такие категории уголовного права, как преступление и наказание, уже не могут на него распространяться. Например, в 2003 г. Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ¹ из УК РФ была исключена ст. 200 «Обман потребителей», поэтому, прекратив относиться к преступлению, к такому действию не применяется наказание. Исключения составляют случаи, когда преступление декриминализуется, а его признаки включаются в другие нормы или отдельные статьи УК РФ, и за них предусматривается наказание. Так, в соответствии с Федеральным законом от 03.07.2016 № 325-ФЗ² ст. 159.4 УК РФ «Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности» утратила силу. Однако ответственность за такое деяние, связанное с намеренным невыполнением условий договора, регулирующие отношения в области предпринимательства, была установлена в ч. 5 ст. 159 УК РФ.

Преступление и наказание нельзя рассматривать как противоположные категории, хотя в юридической литературе высказывается и другое мнение³. Так, Попов И.А. считает, что «категория преступления не может быть понятна вне сопоставления с противоположной ей категорией наказания, и наоборот». На наш взгляд, наказание является логическим завершением преступного деяния, средством восстановления социальной справедливости, поэтому это категории одного ряда, не являющиеся противостоящие друг другу. Как только преступление теряет свойство общественной опасности и статья, его предусматривающая, исключается из УК РФ, автоматически теряет силу и санкция статьи, что еще раз подтверждает неразрывность этих понятий.

К категориям, которые также не являются противоположными, можно отнести:

- оконченное и неоконченное преступления;
- единичное преступление и множественность преступлений;

¹ Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ (ред. от 07.12.2011) «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003, № 50. Ст. 4848.

² Федеральный закон от 03.07.2016 № 325-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (часть II). Ст. 4258.

³ Попов И.А. Указ. соч. С. 22.

уголовная ответственность и основание уголовной ответственности;

совершение преступления одним лицом и соучастие в преступлении.

Вместе с тем, нельзя не признать, что многие категории уголовного права действительно являются противоположными. По содержанию они – антонимы, т.е. слова, принадлежащие к одной части речи, отличающиеся по лексическому значению. Например, к таким парным противоположным категориям можно отнести:

вина и невиновное причинение вреда;

обстоятельства, смягчающие наказание и обстоятельства, отягчающие наказание;

освобождение от уголовной ответственности и привлечение к уголовной ответственности;

освобождение от наказания и назначение наказания;

криминализация и декриминализация;

пенализация и депенализация;

преступление и обстоятельства, исключающие преступность деяния.

Категории, образующие пару, являются равнозначными, их соотношение лежит в основе самого уголовного закона. Парная классификация категорий способствуют раскрытию их содержания, более глубокому пониманию уголовного права, развитию науки уголовного права.

Максимов Павел Викторович,

кандидат юридических наук,

заместитель начальника кафедры

уголовного права и криминологии

Краснодарского университета МВД России

Признаки преступного соучастия в форме шайки в доктринальных толкованиях дореволюционных правоведов

Состав бандитизма, как особого социально-опасного деяния, в уголовно-классическом его понимании в советском государстве впервые нашел системное закрепление в УК РСФСР 1922 г., где

этот состав (ст. 76) свое регулирование получил в главе о государственных преступлениях (в подглаве о преступлениях против порядка управления) и имел следующий вид: «Организация и участие в бандах (вооруженных шайках) и организуемых бандами разбойных нападениях и ограблениях, налетах на советские и частные учреждения и отдельных граждан, остановки поездов и разрушения железнодорожных путей, безразлично, сопровождались ли эти нападения убийствами и ограблениями или не сопровождались ... Пособничество бандам и укрывательство банд и отдельных их участников, а равно сокрытие добытого и следов преступления...»¹.

Однако при этом нужно иметь в виду, что советский законодатель опирался на определенные наработки дореволюционного периода, причем как законодательного, так и теоретического характера, что показывает преемственность ряда правовых институтов в данной сфере общественных отношений (по этому поводу имеются интересные суждения ряда авторов²).

В данном контексте целесообразно дать характеристику наследию уголовного права завершающего периода Российской империи, в той мере, в которой оно было воспринято в послереволюционный период и сохранило актуальность для советской эпохи, причем, поскольку законодательная составляющая Российской империи была нами освещена ранее³, то здесь внимание будет сконцентрировано на доктринальном аспекте, связанном прежде всего с категорией «шайка». Так, Л.И. Петражицкий к существенным признакам шайки относил соглашение нескольких лиц, преступное поведение членов шайки (а значит и преступные цели деятельности), а также организацию преступного поведения на основе признаваемого в среде шайки права власти одних по отношению к другим и обязанности подчинения последних; при

¹ Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

² Малахов О.В., Сидоркин А.И. Институт соучастия в законодательстве России XIX - начала XX вв. (1800-1926 гг.). Казань: КГУ, 2006. 175 с.; Уповов И.В. Развитие уголовного наказания в первые годы советской власти // Уголовное право. 2000. № 4. С. 36.

³ Максимов П.В. «Шайка» как форма преступного соучастия в дореволюционном уголовном законодательстве (в контексте последующей трансформации в «банду» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6. № 3. С. 142-149.

этом первый признак считался родовым, общим для всякого соучастия (скоп, предварительное соглашение и пр.) и должен быть присущ шайке, как виду соучастия, второй признак, определяющий преступный характер данного социального образования, отличал шайку от других социальных групп; третьим признаком, то есть, организацией преступного поведения на основе властного подчинения, шайка отличается от других видов соучастия¹.

Н.Д. Сергеевский, различая три типа «соучастников» («совиновничество», «виновники физические и интеллектуальные», виновники «главные и второстепенные» (виновники и пособники) и три вида «соучастия (без предварительного соглашения, с предварительным и неосторожное), в принципе, относил шайку к наиболее опасному - второму виду. Причем, по его мнению, организованное общество преступников, коим является соучастие по предварительному соглашению, очевидно представляет бóльшую опасность для порядка в государстве². Однако здесь автор различал «заговор» (на одно преступное деяние) и «шайку (Bande)», когда соучастники составляют сообщество для совершения многих преступных деяний однородных или разнородных, которые в отдельности могут быть еще и не определены, соответственно, специфика шайки выделась в том, что она являлась преступной группой, в которой присутствует и «заговор», и соучастие без предварительного соглашения, причем, шайка представляет наибольшую опасность, так как «организация делает из нее как бы враждебную государству армию; во-вторых, в шайке почти всегда преступное деяние является ремеслом»³ (по аналогии с «зачинщиками» в заговоре, в банде также выделялся «атаман»).

В принципе, эта позиция в значительной степени сохраняла актуальность и в начале 1920-х гг., причем для различных частей бывшей Российской империи⁴. К примеру, в рижском издании 1922 г. знаменитой работы Н. С. Таганцева, вышедшей под редак-

¹ Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. I. СПб., 1909. С. 101.

² Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть общая. Пг., 1915. С. 317.

³ Там же. С. 318.

⁴ Турицын И.В., Упоров И.В. Уголовное наказание в уголовных и теоретических конструкциях (историко-правовой аспект) // Право и практика. 2014. № 4. С. 14.

цией П.Н. Якоби, шайка как «вид соучастия», предполагала наличие нескольких лиц для совершения нескольких преступлений, причем: «Существо шайки заключается в постоянном характере сообщества, в обращении членами шайки преступной деятельности в ремесло»¹. Здесь подчеркнем, что такой важный для советского УК признак банды как вооруженность, здесь не имел значения, в частности, этот автор отмечал, что «случайное нахождение оружия у виновного в воровстве» не является отягчающим обстоятельством и не наказуемо»². Тем не менее, в целом, «имперская» шайка, как организованная преступная группа, по своим уголовно-правовым характеристикам (признакам) была довольно близка к «советской» банде. В частности, законодатель, хотя и не категорично, указывал на такой признак, как насилие. В свою очередь, термин «сообщество» обозначал относительно высокую степень сплоченности членов шайки. Отметим и то, что, как и «банда» в советском УК, понятие «шайки» в уголовном законодательстве Российской империи не раскрывалось.

С учетом этого, вопросы квалификации соответствующих деяний в правоприменительной практике Российской империи решались в каждом конкретном случае на основании правопонимания следователей, прокуроров, адвокатов и судей. Существенным подспорьем в такого рода случаях были суждения ведущих российских правоведов в разного рода научных статьях и монографиях. Так, А.С. Жиряев полагал, что наиболее существенными признаками шайки являются: а) многократность совершения преступлений, предположение виновных заниматься подобной деятельностью в виде ремесла; б) неопределенность преступлений, которые они намереваются совершить³. Признак насилия здесь, впрочем, отсутствовал, равно как и вооруженность (эти признаки обрела уже советская «банда»). Но и указанные А.С. Жиряевым признаки, по сути своей, сохранили актуальность, причем не только в советскую эпоху, но и в настоящее время. При этом они показывают повышенную общественную опасность шайки, которую А.С. Жи-

¹ Таганцев Н.С. Уголовное Уложение 22 марта 1903 г./ Под ред. П.Н. Якоби. Рига: Лета, 1922. С. 192.

² Там же. С. 1264.

³ Жиряев А.С. О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении. Дерпт, 1850. С. 105.

ряев обосновывал тем, что в преступлениях, совершаемых шайками, всегда содержится сочетание неопределенного заговора с определенным, следовательно к основаниям наказуемости последнего присоединяются еще особенные основания наказуемости первого. Как сумма двух чисел более каждого из них в отдельности, так и вина лиц, действующих шайками (в составе банды), «является относительно тягчайшей виной» именно в том особенном обстоятельстве, что преступники согласились первоначально на совершение преступлений в неопределенном числе и над неопределенными предметами, и именно в этом «надлежит искать причины высшей их наказуемости в сравнении с обыкновенными заговорщиками»¹. Свои аргументы ученый изложил несколько витиевато, в духе научного языка середины XIX века, но, по существу, он достаточно аргументированно обосновал тезис о повышенной общественной опасности шайки.

Довольно подробно исследовал данный вид соучастия и С.М. Будзинский, который полагал, что шайка представляет вид преступного сообщества, которое отличается общеуголовной целеустремленностью, а также очевидной организационной устойчивостью. Исходя из этого, им были обозначены признаки, которые сегодня охватываются понятием сплоченности преступной группы и целью преступной деятельности. В этом контексте ученый указывал, что шайка есть союз, составленный для совершения «напереднеопределенных одного рода или разных родов преступлений», при этом шайка стремится образовать «отдельный организм, государство в государстве», представляя собой известную аналогию с государством: она имеет организацию власти, общий интерес, иногда даже свой общий язык. Шайка есть тайное учреждение для борьбы с общественным порядком; она – источник непрерывного ряда преступлений. Шайка есть заговор без подробно поставленной цели. Деятельность ее получает характер заговора, когда членный шайки сговариваются для совершения данного преступления. Ввиду указанной общественной опасности такого преступного сообщества, должно быть наказуемо само образование шайки, «хотя бы и не было совершения или даже покушения на преступление», при этом в заговоре и шайке наиболее виновны «основатели и предводители». Как и в других видах участия, так и

¹ Жиряев А.С. Указ. соч. С. 122.

в заговоре и шайке, кроме физических виновников, могут существовать «умственные виновники и пособники»¹. С.М. Будзинский, на наш взгляд, первым в отечественной теории уголовного права дал столь подробное, системное и достаточно четкое толкование института шайки (у этого автора имеются также интересные мысли о шайке как виде соучастия с точки зрения сравнительного правоведения, но мы этот аспект здесь не рассматриваем). При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что этот данный автор также не указывал вооруженность как признак шайки. Равным образом он не акцентировал внимания и на нападении на физических лиц и организации (то есть применение насилия), как на цель создания данного преступного «союза».

Важно еще раз отметить и другие специфические черты «шайки» в имперском праве, в частности связанные с ее численным составом. Так, в одном из своих решений Сенат дал следующее определение: «шайкой в общепринятом значении этого слова называется несколько людей, собравшихся для общего преступного дела или промысла. Для понятия шайки необходима наличность известного числа сообщников, по крайней мере, трех»². Как справедливо отмечается в литературе: «дореволюционная доктрина не смогла должным образом разработать вопрос о формах соучастия. Не было выработано критериев, которые могли бы помочь правильно классифицировать отдельные случаи совместной преступной деятельности»³. Мы полагаем, что такая оценка не должна рассматриваться как недостаток науки уголовного права императорского периода. Данная отрасль правовой науки находилась и находится в процессе непрерывного развития, и на тот момент уровень развития уголовного права был таким, каким он был – в соответствии с общим развитием права в России. В результате законодатель XIX - начала XX в. оперировал понятием шайка, не раскрывая при этом его содержание. Основными признаками шайки того времени являлись: ее постоянный характер; возведение совершения преступлений в ранг профессиональной деятель-

¹ Будзинский С.М. Начала уголовного права. Варшава, 1870. С. 221-222.

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года, составленное Н.С. Таганцевым. СПб., 1880. С. 254.

³ Малахов О.В., Сидоркин А.И. Институт соучастия в законодательстве России XIX - начала XX вв. (1800-1926 гг.). Казань: КГУ, 2006. С. 32.

ности; неопределенность преступлений, которые намеревались совершить члены группы. Организованность, дисциплинированность шаек, построение их на принципе безусловного подчинения руководителям, что давало им наибольшую возможность скрыть следы учиненного и скрыться от преследования, отмечались русскими юристами как отличительные особенности шаек. Поскольку характерным свойством шайки признавалось то, что преступное деяние для членов такого сообщества превращалась в постоянное занятие, нередко шайка называлась «соглашением по ремеслу»¹. В этом смысле советский законодатель, как видно из объективной стороны бандитизма, сформулированной выше в УК РСФСР 1922 г., сделал некоторый шаг вперед, обозначив законодательное толкование некоторых признаков рассматриваемого состава преступления.

Мамий Аслан Хазретович,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России

К вопросу об исчислении процессуальных сроков при производстве предварительного следствия по уголовным делам

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации изобилует множеством правовых институтов, направленных на регулирование системы отправления наказания за совершение противоправных преступных действий. В качестве одного из принципов отечественного уголовно-процессуального законодательства и, соответственно, принципов отправления правосудия является разумный срок уголовного судопроизводства, закрепленный в статье 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации² и гласящий, что уголовное судопроизводство должно

¹ Ерошкин Е.П. Самодержавие накануне краха. М.: Просвещение, 1975. С. 48.

² См. Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок».

осуществляется в сроки, установленные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, но при необходимости существует возможность продлить эти сроки в установленном уголовно-процессуальном законом порядке. Примечательно, что законодатель не дает четкого определения разумного срока как дефиниции в статье 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Его признаки раскрываются операционализационно, если так можно выразиться, исходя из положений статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. То же самое, например, касается сроков расследования, сроков проверки сообщения о преступлении: либо правоприменитель должен интерпретировать закон по своему усмотрению, но исходя из действующих положений уголовно-процессуального закона (например, статей 144, 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), либо пользоваться научно литературой, то есть прибегать к доктринальному толкованию права. В любом случае законодатель ориентирует правоприменителя на особый алгоритм, то есть показывает, как именно должен, например, работать институт продления сроков предварительного следствия, избегая прямых определений такого феномена, не видя в этом острой необходимости.

Указанный принцип, по нашему мнению, имплицитно ориентирован на отправление правосудия в максимально короткий срок. Эксплицитно законодатель говорит о разумности процессуальных сроков, предполагая, что в уголовном процессе могут быть разные казусы (то есть ситуации), которые потребуют дополнительного времени для проведения следственных и процессуальных действий, оперативных и розыскных мероприятий. Ориентированность законодателя на, так сказать, «сжатость» сроков предполагает под собой скорейшее восстановление нарушенных прав потерпевшей стороны будь то физическое или юридическое лицо (или группа лиц, которой причинен ущерб в результате совершения преступных действий) с одной стороны, а с другой стороны законодатель видит (предвидит) в каждом случае необходимость ограждения от общества злоумышленника и назначения ему справедливого наказания соразмерно его деяниям.

Эта же тенденция касается сроков предварительного следствия. В настоящей работе мы не будем касаться сроков проверки

сообщения о преступлении, сроков дознания, сроков вынесения постановления о возбуждении ходатайства о продлении меры пресечения в отношении обвиняемого в виде заключения под стражу и иных мер пресечения, для которых необходимо судебное решение, сроков рассмотрения ходатайств, жалоб, обращений и прочих сроков. Нас интересует вопрос исчисления срока предварительного следствия и вопрос продления предварительного следствия.

Как известно, вопросы, связанные со сроками предварительного следствия, отражены в статье 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. По умолчанию срок предварительного следствия составляет два месяца, а исчисляется он с момента возбуждения уголовного дела. Следователь вправе ходатайствовать перед руководителем следственного органа о продлении срока следствия на 3 месяца, если речь идет о непосредственном руководителе на районном уровне¹. Продление следствия свыше 3 месяцев и до 12 месяцев допустимо с согласия руководителя следственного органа на уровне субъекта Российской Федерации². В качестве таковых могут выступать начальники Главных следственных управлений (следственных управлений) и их заместители. Дальнейшее продление сроков предварительного следствия происходит через Следственный департамент МВД России после детального изучения уголовного дела сотрудниками контрольно-методического управления (контрольно-методического отдела) следственного органа по субъекту.

В этом контексте интересно другое. Интересно, что законодатель говорит о продлении сроков предварительного следствия, как о чем-то, выходящим за пределы нормального уголовного процесса, как об исключении из правил. В части 5 статьи 162 Уго-

¹ Стоит обратить внимание, что сотрудники следственных подразделений, входящих в состав следственного управления по определённому городу, выходят с ходатайством о продлении следствия не перед непосредственным начальником (начальником отдела по расследованию преступлений на обслуживаемой территории следственного управления), а перед начальником следственного управления или его заместителями. Примером является следственное управление Управления МВД России по городу Краснодару.

² В соответствии с частью 7 статьи 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации следователь должен выходить с ходатайством о продлении сроков следствия за 5 суток до истечения срока.

ловно-процессуального кодекса Российской Федерации мы встречаем такую формулировку: «По уголовному делу, расследование которого представляет особую сложность, срок предварительного следствия может быть продлен руководителем следственного органа по субъекту Российской Федерации и иным приравненным к нему руководителем следственного органа, а также их заместителями до 12 месяцев. Дальнейшее продление срока предварительного следствия может быть произведено только в исключительных случаях Председателем Следственного комитета Российской Федерации, руководителем следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) и их заместителями»¹. Анализируя вышесказанное, несложно обратить внимание на такие слова и словосочетания, как «особая сложность», «исключительный случай». Хотя на практике оказывается, что так называемая «особая сложность» встречается практически повсеместно, что может быть связано с внезапной необходимостью назначить судебную психиатрическую или иную экспертизу, требующую длительного времени для дачи заключения эксперту, после получения справки из психоневрологического диспансера в рамках сбора характеризующего материала на злоумышленника. Кроме того, бывают случаи, когда подозреваемый, находящийся под подпиской о невыезде и надлежащем поведении, скрылся от органов предварительного следствия, в том числе за пределы Российской Федерации², адвокат или иной важный участник уголовного процесса не может явиться к следователю для проведения следственных действий, что опять же требует дополнительного времени для окончания предварительного следствия.

Невозможность предугадать поведение участников уголовного процесса и развитие предварительного следствия по мере производства следственных и иных процессуальных действий показывает, что практически всегда существует потенциальная необходимость в продлении сроков предварительного следствия, даже

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // СПС «Гарант образование».

² В этом случае целесообразно направить запрос о правовой помощи в порядке статьи 453 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации компетентным органам иностранных государств.

если речь идет о простом уголовном деле, в котором участвует подозреваемый, признавший вину, активно способствующий расследованию уголовного дела, указавший, помимо всего прочего, на место хранения похищенного имущества (если речь идет об имущественном преступлении), никто не гарантирует, что этот подозреваемый не окажется душевнобольным человеком, плюс ко всему у него может быть большое количество непогашенных судимостей, что потребует дополнительное время для сбора характеризующего материала по всей территории Российской Федерации в виде судебных приговоров.

Однако по сложившейся практике оценки деятельности органов предварительного следствия МВД России по Краснодарскому краю и в соответствии с приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 22 декабря 2017 года № 858 «Об утверждении и о введении в действие форм федерального статистического наблюдения № 1-Е "Сведения о следственной работе и дознании" и №1-ЕМ "Сведения об основных показателях следственной работы и дознания", а также Инструкции по составлению отчетности по формам федерального статистического наблюдения № 1-Е, 1-ЕМ», уголовные дела, оконченные в срок, превышающий 2 месяца, то есть оконченные в срок свыше условно установленной законодателем нормы расследования в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, считаются отрицательным показателем, несмотря на то, что направление уголовного дела в суд выступает положительным маркером работы следственного подразделения.

Так, согласно данным отчета № 1-ЕМ «Сведения об основных показателях следственной работы и дознания» Главного следственного управления Главного управления МВД России по Краснодарскому краю за 9 месяцев 2022 года количество уголовных дел, оконченных свыше срока, предусмотренного Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, и без учета уголовных дел, по которым предварительное расследование возобновлено, составляет 2096 (-63, - 2,9 %). Всего количество уголовных дел, оконченных свыше срока, предусмотренного Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, - 3245 (-42, -1,3 %), а удельный вес по такой категории дел от числа оконченных составляет 35% (-1,7 %). В целом, статистика свидетельствует о положительной динамике оконченных уголовных дел свыше сроков,

предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, в сравнении с аналогичным периодом прошлого года, однако количество уголовных дел, исчисляемое тысячами, вряд ли можно назвать исключением, о котором говорит законодатель в части 5 статьи 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Указанный парадокс возможно преодолеть, если исключить срок следствия вообще, либо установить более широкие ограничения в год или несколько лет. Такой подход имеет и положительные, и отрицательные особенности: с одной стороны, мы снижаем бюрократизацию, систематические поездки следователей и руководителей следственных органов в следственные подразделения на уровне субъекта Российской Федерации для продления срока предварительного следствия на срок свыше 3-х месяцев, с другой стороны, мы тем самым провоцируем прямое нарушение положений статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и, как следствие, части 2 статьи 21, статьи 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Можно пойти и другим путем: продлевать срок следствия на уровне субъекта Российской Федерации (то есть до 12 месяцев) не на один, а на несколько месяцев, как это происходит в Следственном департаменте МВД России при решении вопроса о продлении срока следствия свыше 12 месяцев, если этого требуют обстоятельства, возникшие в ходе расследования уголовного дела, и следователь и руководитель следственного органа в ходе анализа уголовного дела понимают, что в трех-четырёхмесячный срок не представится возможным окончить уголовное дело и направить его прокурору в порядке статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, несмотря на принимаемые исчерпывающие меры.

В любом случае практика продления сроков предварительного следствия не влияет на сам момент окончания предварительного следствия, который согласно части 2 статьи 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации оканчивается направлением уголовного дела прокурору.

Рамки настоящей работы не позволяют в полной мере рассмотреть все особенности исчисления сроков предварительного следствия. Мы лишь коснулись обстоятельно вопросов продления

сроков предварительного следствия, однако перспективным остается направление приостановления предварительного расследования по основаниям, указанным в части 1 статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, дальнейшее возобновление предварительного следствия, особенности возвращения уголовного дела на дополнительное следствия руководителем следственного органа после достижения двенадцатимесячного срока расследования как способа визуализации волокиты уголовного дела.

Меретуков Айдамир Гайсович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Обвинительный уклон при квалификации кражи, которой предшествовала находка

Изучение правоприменительной практики ставит на одно из первостепенных и дискуссионных вопросов разграничение и соотношение кражи и находки, в связи регулированием данных отношений различными отраслями науки и права.

Сотрудники правоохранительных органов, в своих опросах заявляют, что корыстный умысел задерживаемого в подозрении, направленного на хищение чужого имущества в доказывании представляет определенные сложности.

В большинстве случаев лицо нашедшее чужую вещь, возможно в силу юридической неграмотности, воспринимает как «находку», что не влечет за собой никаких последствий. Лица «нашедшие» чужую вещь зачастую пользуются данным предметом, пусть это телефон, планшет или любой другой гаджет. При этом строят субъективную позицию своего поведения по отношению к «найденному», как к выбывшему из владения собственника вещи. Убеждая в том, что вещь была найдена в общественном транспорте, сквере, зале кинотеатра. Если лица в чем то, юридиче-

ски грамотны, они мотивируют свое поведение такими обстоятельствами как, отсутствие времени об объявлении находки, и при этом категорически отрицают какие-либо преступные намерения относительно своего поступка и по отношению к «найденной» вещи. Существующая на данном этапе законодательная база, не содержит указания о какой-либо ответственности при не объявлении о находке. При находке, действия лица, нашедшего чужое и «взявшее» завладевшее не принадлежащим ему имуществом являются правомерными. Из владения собственника такое имущество считается выбывшим если он не может определить местонахождение вещи. Обстановка в которой прибывает лицо нашедшее вещь дает основания добросовестно констатировать факт, что вещь утеряна (бесхозна). Половина из числа тех лиц, которые нашли чужую вещь, не знают юридических тонкостей вследствие тотальной правовой неграмотности.

Судебно-следственная практика выделяет некоторые критерии, позволяющие определить статус имущества, при котором они остаются во владении собственника.

Во-первых, это места общественного пользования: учебные аудитории, рабочее место, гардеробные, багажная полка в самолете и т.д.

Во-вторых, имущество, которое находится и оставлено для постоянного или временного хранения в известном собственнику месте, но в следствии забывчивости или неосмотрительности.

Важнейшим институтом, входящим в систему вещных прав следует признать институт владения.

В гражданском праве можно рассматривать зарождение права собственности и эволюцию правового института владения через различные призмы.

По нашему мнению, владение собственностью немыслимо без права собственности, впрочем, как и все вещные права. Вопрос о добросовестном владении является дискуссионным в отечественной доктрине. Вообще, учение о владении имеет существенные проблемы в гражданском праве, и как показывает практика, данная тема менее исследована авторами. В предлагаемой интерпретации под общественным определением «находки» следует

определять добросовестное (ненамеренное непроизвольное) обнаружение лицом имущества, утерянного кем-либо, вследствие неосмотрительности, забывчивости, неряшливости, халатности или небрежности. В момент обнаружения имущества, собственник либо владелец отсутствует в месте обнаружения утерянной вещи.

Современное российское общество заинтересовано в предотвращении злоупотреблении или предвзятого отношения к гражданам при отправлении правосудия. Производство предварительного расследования и рассмотрение уголовных дел в судебном заседании предусматривают определенные принципы. Принцип состязательности стороны обвинения и стороны защиты, необходимость обеспечения права на защиту подсудимого. Несмотря на необходимость обеспечения этих признаков в отправлении правосудия наличествует обвинительный уклон.

С теоретической точки зрения возможно рассуждать о существовании оправдательного уклона, хотя такого явления в нашем правовом государстве не существует. Существует определенная боязнь у судей по вынесению оправдательных приговоров, и такое отношение необходимо менять. О чем нам говорит статистика?

По итогам работы при подведении итогов за 2021 год в Верховном Суде¹ Российской Федерации затронули тему «гуманизации уголовного законодательства» и ее успехов. Количество заключенных продолжает снижаться. 1 января 2022 года их осталось 456 900, это на 3,5% меньше, чем годом ранее.

В 2021 году суды рассмотрели 770 000 уголовных дел в отношении 783 000 человек и вынесли обвинительные приговоры в отношении 601 000 человек. Оправдали только 2100 из общего числа подсудимых, при этом 372 оправдательных приговора были вынесены с участием присяжных. Около 8000 человек отправили на принудительное лечение. По всем остальным обвиняемым суды прекратили уголовное преследование по различным причинам.

Доля оправданных от общего числа подсудимых - 0,27%. Присяжные заседатели оправдывают 32% обвиняемых².

¹ <https://chtsgh.ru/vyplaty/page/18>

² Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 6 (241). С. 25-35

Основная категория совершенных россиянами преступлений - против собственности, таких 39%. Преступлений против общественной безопасности и общественного порядка 28%, против личности - 22%. Оставшиеся 11% преступлений ВС отнес к категории «иные».

Такие данные указывают именно о необеспечении прав и свобод в рамках отправления правосудия.

Указывая об обязанности, немедленно уведомить о находке, необходимо учитывать о такой возможности, что зачастую никем не принимается во внимание. Привлечение к уголовной ответственности лиц за кражу, которые не предпринимали действий по сокрытию найденного имущества и по первому требованию уполномоченных органов, выдающих найденное имущество, необходимо рассматривать как необоснованным и имеющим обвинительный уклон.

Если раньше суды четко разделяли находку от кражи тем, что последняя в своем составе содержит обязательный признак противоправного завладения, то есть намеренных действий виновного в тайном противоправном изъятии чужого имущества из обладания другого, то сейчас ситуация по мнению Верховного суда РФ почему-то поменялась, хотя сами законы здесь не менялись¹. И соответственно деятельность уполномоченных лиц, связанная с раскрытием, расследованием преступления и рассмотрением дела в суде приобрела обвинительный уклон.

Вот и очередной пример: «Приговором Октябрьского районного суда г. Новосибирска от 27 октября 2022 года Бобруева А.П. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 158 УК РФ, ей назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 2 года 6 месяцев с отбыванием наказания в колонии общего режима»². За найденную сумку, в которой якобы находилось семь миллионов рублей. Следствием не доказано наличие в сумке денег, всё только со слов потерпевшего, который находился в состоянии алкогольного опьянения несколько дней и впоследствии вспомнил, выйдя из запоя с его слов, о своей сумке.

¹ uk-elmash.ru

² <http://nsk.aif.ru/>

Обязанность всестороннего, полного и объективного установления (исследования) обстоятельств дела (принцип материальной истины), предопределяет существование в уголовном процессе специального должностного лица, обязанного к беспристрастному установлению всех обстоятельств дела. При этом под *всесторонностью* исследования обстоятельств дела понимается исчерпывающее познание всех обстоятельств, имеющих значение для дела, выдвижение и проверку всех возможных версий исследуемого события. *Полнота* исследования предполагает, что обстоятельства, имеющие значение для дела, установлены необходимой и достаточной для достоверных выводов совокупностью доказательств. *Объективность* исследования требует непредвзятого, беспристрастного исследования обстоятельств, свидетельствующих как против, так и в пользу обвиняемого (подозреваемого). Наверное, следует вспомнить назначение уголовного судопроизводства.

Требование всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела как антагонистическое по отношению к принципам состязательности сторон и презумпции невиновности¹. Данная позиция основывается на утверждении о том, что ныне состязательным является весь уголовный процесс, все его стадии².

Становится абсолютно бесспорным необходимость состязательности сторон в процессе предварительного расследования и отправлении правосудия в целом. Данное положение занимая определенное системное место на стадии предварительного расследования и рассмотрения дел в суде должно соблюдаться участниками процесса. Стоит отметить что не соблюдение или отрешение от законодательного закрепления такого требования может повлечь последствия с обвинительным уклоном.

¹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. М., 2002. С. 65.

² Там же.

Наумова Наталья Михайловна,
адъюнкт кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России

**Расположение норм об ответственности за посягательства
на ядерную и радиационную безопасность
в системе российского уголовного законодательства**

Как известно, структура Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации выглядит следующим образом: преступления против личности – преступления против общества – преступления против государства. Нормы, регулирующие однородную группу общественных отношений, объединяются в соответствующие главы, с учетом направленности посягательств. Особенностью преступлений, посягающих на ядерную и радиационную безопасность, является их направленность на причинение вреда общественной безопасности в целом. Однако, законодатель две нормы (ст.ст. 246 и 247 УК РФ) отнес к Главе 26 «Экологические преступления» УК РФ, с чем мы вынуждены не согласиться.

Безусловно, нарушения, совершаемые в области использования атомной энергии в определенных ситуациях посягают на экологическую безопасность, например когда речь идет о радиоактивном заражении окружающей среды или гибели животных, однако, когда такие последствия разрастаются в масштабах, оказывают влияние не только на растительный и животный мир, но также на жизнь и здоровье населения, имеет место посягательство на общественную безопасность в целом, а экологическая выступает ее составной частью. Так, в результате печально известной тройной катастрофы на АЭС «Фукусима-1», произошедшей 11 марта 2011 года в Японии, около 150 000 человек были вынуждены покинуть свои дома из-за утечки радиации, ставшей следствием допущенных при проектировании и строительстве станции ошибок. Разрушительными являются и последствия этого заражения для экологии Японии и мира в целом.

Иными словами, когда мы говорим о преступлениях, совершаемых в области использования атомной энергии, мы не можем однозначно утверждать о их негативном влиянии исключительно на экологическую безопасность. Как мы убедились, нарушение

правил на этапе проектирования и строительства атомной электростанции, когда до непосредственной работы с атомной энергией, ядерными и радиоактивными материалами еще далеко, тем не менее может привести к непоправимым последствиям в будущем.

Кроме деяний, предполагающих нарушение установленных правил в рассматриваемой сфере, в Уголовном кодексе РФ также содержатся преступления, связанные с незаконным оборотом ядерных материалов, радиоактивных веществ и отходов. При этом, два из них (ст. 220 и 221 УК РФ) отнесены законодателем к преступлениям против общественной безопасности (Глава 24 УК РФ), и одно (ст. 247 УК РФ) к экологическим преступлениям (Глава 26 УК РФ). Проведя сравнительный анализ, видим, что согласно ст. 220 УК РФ уголовная ответственность за незаконное обращение ядерных материалов и радиоактивных веществ наступает при совершении одного из альтернативно предусмотренных в диспозиции деяний, т.е. состав – формальный, а для наступления уголовной ответственности по ст. 247 УК РФ необходимо создание угрозы причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде, как следствие деяний, указанных в диспозиции, это так называемый состав посягательства в опасность. Подводя итог, «экологическая» ст. 247 УК РФ, предусматривает потенциальную опасность для жизни и здоровья людей, животных, а также иные тяжкие последствия сразу в основном составе, когда преступление против общественной безопасности, предусмотренное ст. 220 УК РФ относит посягательство на жизнь одного или нескольких лиц, а также наступление иных тяжких последствий к квалифицированному и особо квалифицированному составам, на основании чего мы можем отнести ст. 247 УК РФ «Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов» к преступлениям против общественной безопасности. Не пренебрегая важностью одного из современных трендов по защите экологии, мы понимаем приоритет защиты жизни и здоровья человека для государства, который достигается в том числе, через экологическую составляющую. А поскольку государство составляет совокупность людей, являющихся обществом, обеспечение его безопасности согласно задачам УК РФ выходит на первый план.

Говоря о предмете преступного посягательства, преступлений, совершаемых в области использования атомной энергии, его

влияния на экологическую и общественную безопасность, необходимо отметить, что в ст. 220 «Незаконное обращение с ядерными материалами и радиоактивными веществами» и ст. 221 «Хищение либо вымогательство ядерных материалов и радиоактивных веществ» таковым являются ядерные материалы и радиоактивные вещества (Глава 24), а ст. 247 «Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов» УК РФ (Глава 26) относит к предмету преступного посягательства экологически опасные вещества и отходы. Иными словами, указанные предметы объединяет их техногенность, влекущая свои особенности правового регулирования данной отрасли, и, как следствие, их повышенную общественную опасность.

Преступные посягательства на предметы указанных деяний в зависимости от обстоятельств могут привести к сбоям в техногенном процессе, спровоцировав различные аварии, заражения и т.п. последствия. Их незаконный оборот может быть сопряжен и с другими преступлениями, в том числе коррупционного свойства, что в результате негативно отразится на общественной безопасности в целом.

При этом, нельзя сказать, что данное правило универсально для всех преступлений, посягающих на ядерную и радиационную безопасность, поскольку существуют две нормы с которыми оно не работает, это, ст. 215 и 246 УК РФ, являющиеся беспредметными преступлениями и выражающиеся в нарушении установленных правил. Указанные преступления имеют некоторые сходства: криминализация преступного нарушения установленных правил работы в ядерно-энергетической отрасли на различных этапах, конструкция состава поставления в опасность, устанавливающая окончание деяния с момента возникновения реальной угрозы наступления общественно-опасных последствий, указанных в диспозиции, а также аналогичные общественно-опасные последствия в виде причинения вреда жизни и здоровью людей и радиоактивного заражения окружающей среды. Подводя итог, мы можем сделать вывод о том, что, находясь в разных Главах Особенной части УК РФ ст. 215 и 246 негативно влияют на однородную группу общественных отношений, предусматривая при этом схожие общественно-опасные последствия, с наступлением которых, в зависимости от их масшта-

бов усиливается общественная опасность таких деяний, что в результате, безусловно влияет на состояние общественной безопасности в целом.

Для решения вопроса о расположении преступлений, посягающих на ядерную и радиационную безопасность в системе российского уголовного законодательства необходимо определить, что является экологической и общественной безопасностью и как они взаимосвязаны, поскольку, к задачам российского уголовного кодекса относится обеспечение общественной безопасности и безопасности окружающей среды, при этом экологической безопасности внимание не уделяется. Проанализировав «Концепцию национальной безопасности Российской Федерации»¹, утвержденную Указом Президента РФ от 10.01.2000 № 24 и «Концепцию общественной безопасности в Российской Федерации», утвержденную Президентом РФ от 14.11.2013 № Пр-2685² (которые содержат в себе элементы экологической безопасности, однако, на данный момент прекратили свое действие), можем вывести систему безопасности государства, в части, нас интересующей, где основным элементом выступает общественная безопасность, состоящая из нескольких подсистем в том числе национальной (государственной) и экологической безопасности. Говоря о преступных посягательствах на ядерную и радиационную безопасность, можно утверждать об усилении характера и степени общественной опасности таких преступлений с увеличением масштабов и степени тяжести наступающих для экологической безопасности последствий, в результате чего причиняемый вред из чисто экологического перерастает во вред, причиняемый общественной безопасностью в целом.

Говоря об общественно-опасных последствиях рассматриваемой категории преступлений, отметим, что в диспозиции ст.ст. 215 и 220 УК РФ, законодательно расположенных в Главе 24 «Преступления против общественной безопасности» прямо указываются последствия в виде радиоактивного заражения окружающей

¹ Указ Президента РФ от 10.01.2000 № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // «СПС КонсультантПлюс».

² «Концепция общественной безопасности в Российской Федерации» (утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685) // «СПС КонсультантПлюс».

среды, смерти человека и иных тяжких последствий, и они частично совпадают с преступным результатом, указанным в «экологических» ст.ст. 246 и 247 УК РФ, за исключением таких последствий, как массовая гибель животных, причинение существенного вреда здоровью человека или окружающей среде, массовая заболевание людей, что по нашему мнению подпадает под общую формулировку «иные тяжкие последствия».

Обращаясь к традиционно «экологическим» преступлениям, таким как ст. 250 «Загрязнение вод», ст. 251 «Загрязнение атмосферы», видим, что в качестве общественно-опасных последствий они определяют причинение вреда животному и растительному миру, рыбным запасам, лесному и сельскому хозяйству, а также загрязнение или иное изменение природных свойств воздуха. Иными словами, деяние направлено на причинение вреда окружающей среде и ее компонентам, в то время как вред жизни и здоровью человека предусматривается квалифицированными составами с неосторожной формой вины. Чего не скажешь о ст. 246 «Нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ» и ст. 247 «Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов» УК РФ, где вред здоровью человека предусмотрен основным составом. Подводя итог анализу общественно-опасных последствий преступлений, посягающих на ядерную и радиационную безопасность, можно сделать вывод о большем сходстве рассмотренных ст. ст. 246 и 247 УК РФ с преступлениями против общественной безопасности, чем с другими экологическими преступлениями 26 Главы УК РФ, в связи с чем, не считаем правильным отнесение указанных составов к группе экологических преступлений только ввиду наличия в диспозиции такого общественно-опасного последствия как причинение вреда окружающей среде и ее компонентам.

Таким образом, решая вопрос о расположении норм об ответственности за посягательства на ядерную и радиационную безопасность в системе российского уголовного законодательства следует заключить, что преступления, предусмотренные ст. 246 «Нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ» и ст. 247 «Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов» УК РФ необходимо разместить в

Главе 24 «Преступления против общественной безопасности», исходя из схожести норм, общего объекта правового регулирования, а также формирования уголовно-правового института об ответственности посягательства на ядерную и радиационную безопасность в рамках одной главы, что по нашему мнению станет более удобным для правоприменителя и повысит эффективность правоохранительной деятельности.

Неупокоева Ирина Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры криминалистики
Омской академии МВД России

Формирование типичных следственных ситуаций при расследовании террористического акта

Терроризм является опасной формой преступного посягательства, при которой террорист стремится вызвать панику в обществе, парализовать нормальную и социальную деятельность населения, функционирование органов власти и управления. Террористический акт, как уголовное преступление, предусмотренное ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации, является жесткой реальностью не только всего мирового сообщества, но и Российской Федерации. Благодаря деятельности правоохранительных органов Российской Федерации ситуация с предупреждением преступлений террористического характера полностью находится под контролем правоохранительных органов. Так, 10 марта 2021 года директор Федеральной службы безопасности России Александр Бортников отметил, что в России за последние 10 лет предотвращено около 200 терактов, количество совершенных преступлений террористической направленности уменьшилось в 260 раз¹. Также, согласно Указу Президента Российской Федерации,

¹ Национальный антитеррористический комитет [Электронный ресурс] // URL: <https://www.nac.gov.ru/> (дата обращения: 28.01.2022.)

основным субъектом, осуществляющим противодействие экстремизму и терроризму в России, является Министерство внутренних дел Российской Федерации¹.

Террористический акт как преступление имеет отличительные признаки, выделяющие его из ряда преступлений террористической направленности, что делает задачу расследования очень сложной и проявляется в специфике методологии расследования. Огромный массив научных работ и публикаций, посвященных расследованию террористического акта, а также не системная и не последовательная законодательная, судебная и правоприменительная практики обуславливают возникновение проблемных вопросов, связанных с формированием и толкованием содержания типичных следственных ситуаций террористического акта и формирование на их основе алгоритмов расследования. Сложность и специфика расследования проявляется в ситуации совершения теракта и в применении террористами взрывных устройств как орудий преступления. Применение взрывных устройств в целях совершения террористического акта террористами объясняется доступностью приобретения, простотой их изготовления и достижения цели. Перед совершением террористических актов террористы самостоятельно изготавливают взрывные устройства из подручных средств, приобретая необходимые элементы взрывного устройства в сети «Интернет». Так, осужденный за подготовку к совершению террористического акта гр. С., в июне 2011 года, в домовладении по месту своего жительства, используя перекись ацетона, электровоспламенитель и контейнер из-под витаминов «Ревит», изготовил самодельное взрывное устройство, мощностью 40 гр.; при тех же обстоятельствах, в вышеуказанное время и месте, используя аммиачную селитру, алюминиевую пудру, самодельный детонатор и канистру, изготовил самодельное взрывное устройство мощностью 3 кг. 180 гр., взрывчатое вещество общей

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.02.2022.)

массой 760 гр., которые изготовил с целью совершить террористический акт¹. Для увеличения мощности взрыва и поражающего действия конструкция дополняется оболочкой, которая может включать в себя элементы с поражающей силой (шарики, стрелки, гвозди, куски металла и др.). Взрывные устройства, имеющие дистанционное управление, используются террористами в целях приведения взрывного устройства в действие на безопасном расстоянии при максимальном скоплении людей и влекут тяжкие последствия, обладают огромной территорией поражения. Практика расследования показывает, что террористы активно используют различные самодельные взрывные устройства: мины-ловушки; мины сюрпризы, имитирующие предметы домашнего обихода или вещи, привлекающие внимание, размещая их на груди, на бедре, на талии, в т. ч. имитируя беременность («пояс шахида»), а также в камуфлированном изделии (дамская сумка, видеокамера, рюкзак и т. д). В действие «пояс шахида» приводит электродетонатор или радиоуправляемый взрыватель. Террористами при совершении террористического акта используются и взрывные устройства хозяйственного (гражданского) назначения. Это конструктивно оформленные заряды взрывчатого вещества, выпускаемые промышленностью в определенном объеме и определенной массы.

На формирование типичных следственных ситуаций и построение алгоритмов расследования влияет тот факт, что на протяжении всего периода расследования происходит сочетание комплекса следственных, оперативно-розыскных и организационных мероприятий, в которых важную роль приобретает постоянный взаимный обмен информацией между субъектами расследования оперативных подразделений и органов расследования на законодательно-правовой основе. В криминалистике также указывается на влияние также и обстановки совершения преступления с учетом

¹ Кассационное определение Верховного суда Российской Федерации Дело №23-012-7 от 12.12.2012 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://sudrf.kodeks.ru/rospravo/document/902005125/> (дата обращения: 11.10.2022).

ее территориальной характеристики, условий совершения преступления и других особенностей¹. Первоначальный этап расследования ориентирован на проведение неотложных мероприятий, которые касаются установления обстоятельств преступления, виновных лиц и характера причиненных последствий.

Первая типичная ситуация характеризуется тем, что террористический акт совершен, сработало взрывное устройство, имеются жертвы; лица, причастные к совершению террористического акта известны, или задержаны в ходе контртеррористической операции.

Первоначальный комплекс действий должен быть направлен на скорейшее закрепление доказательственной информации, изобличающей террористов. Тактически верно в данной ситуации неотлагательно провести следующий комплекс мероприятий: осмотр места происшествия (осмотр частей взрывного устройства, участков местности (зона поражения), осмотр воронки от сработавшего взрывного устройства, осмотр отдельных предметов и т.д.; осмотр трупов и (или) их частей; допрос свидетеля (родственники потерпевшего, очевидцы, сотрудники ведомств и служб, прибывшие на место совершенного террористического акта, родственники террориста); допрос потерпевшего; допрос подозреваемого (в случае его задержания в ходе контртеррористической операции); освидетельствование (подозреваемого, потерпевшего); получение образцов для сравнительного исследования (подозреваемого и потерпевшего); назначение судебных экспертиз (судебно-медицинская экспертиза живого лица, судебно-медицинская экспертиза трупа, судебно-психиатрическая, судебно-взрывотехническая, ЭМВИ и др.); обыск по месту проживания подозреваемого; выемка предметов, документов; предъявление для опознания лица, трупов, предметов.; контроль и запись переговоров; получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами; осмотр записей с видеокамер наружного наблюдения. Комплекс организационных мероприятий может быть пред-

¹ Неупокоева И.А., Расщупкина О.Н. Уголовно-правовая характеристика и особенности расследования террористического акта и преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: учебное пособие. Омск: Образование Информ, 2017. 104 с.

ставлен в таких действиях как: направление запросов на получение необходимых биллинговых данных; проведение оперативно-розыскных мероприятий, направленных на розыск соучастников террористов, взрывных устройств; получение дополнительной оперативной информации; ориентирование сотрудников отдельных служб и ведомств, которые оказывают помощь в расследовании террористического акта; изучение и сбор информации о террористической организации, которая совершила теракт, изучение «Интернет – ресурсов», материалов средств массовой информации; использование информационных массивов оперативно-справочных и криминалистических учетов; составление субъективных портретов разыскиваемых террористов.

Вторая следственная ситуация формируется в таких условиях, что террористический акт совершен, информация о террористах отсутствует, либо известны приметы или имеется видеозапись или фотопортрет с изображением преступника; есть жертвы среди террористов и посторонних лиц. Первоначальный комплекс мероприятий будет неотложным и должен включать в себя проведение следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий; проведение спасательных работ и оказание медицинской и психологической помощи пострадавшим. Неотложный характер носит проведение осмотра места происшествия (осмотр частей взрывного устройства, участков местности (зона поражения), осмотр воронки от сработавшего взрывного устройства, осмотр отдельных предметов и т.д.; осмотр трупов и (или) частей трупов. С учетом закрепления следов преступления проводят: освидетельствование потерпевшего; допрос потерпевшего; назначение судебных экспертиз (судебно-медицинская экспертиза трупа, судебная молекулярно-генетическая экспертиза, судебно-взрывотехническая, ЭМВИ и др.); получение образцов для сравнительного исследования у подозреваемого, родственников погибших и др.; предъявление для опознания трупов и (или) частей трупов. Так, одна из террористок, совершивших теракт в аэропорту «Домодедово» – Мархи Устарханова была опознана по шраму на подбородке, благодаря тому, что при использовании «пояса шахида» разрывает тело террориста, а лицо практически не страдает. Шрам

на подбородке специалисты-криминалисты и судебные медики обнаружили при проведении осмотра трупа и частей трупа М. Устархановой. Последовательно проводят допрос свидетелей (это могут быть родственники, очевидцы, сотрудники ведомств и служб, прибывшие на место совершенного террористического акта); обыск по месту жительства подозреваемого и его родственников; выемку предметов, документов; осмотр записей с видеокамер наружного наблюдения; осуществляют направление запросов на получение необходимых биллинговых данных; контроль и запись переговоров; получение информации о соединениях между абонентами и (или абонентскими устройствами. Осуществляют проведение оперативно-розыскных мероприятий, направленных на обнаружение соучастников террористов, обнаружение взрывных устройств и взрывчатых веществ и др.; используют информационные массивы оперативно-справочных и криминалистических учетов; проводят ориентирование сотрудников отдельных служб и ведомств, которые оказывают помощь в расследовании террористического акта; с помощью свидетелей и потерпевших составляют субъективные портреты террористов в целях организации их розыска.

Третья следственная ситуация обусловлена тем, что террористический акт не совершен, но имеется оперативная информация о его подготовке; либо поступило анонимное сообщение о подготовке или угрозе совершения террористического акта; обнаружено и изъято взрывное устройство.

Данная ситуация требует незамедлительного принятия решения, связанного с предотвращением тяжких последствий от обнаруженного взрывного устройства и проверки поступившей информации. В данном случае необходимо комплексное, целевое и незамедлительное взаимодействие соответствующих силовых подразделений, направленных на обезвреживание взрывного устройства и эвакуацию мирного населения, оцепление взрывоопасного района, охрану места происшествия. Все работы со взрывоопасными объектами в работе специализированной следственно-оперативной группы проводят только специалисты-взрывотехники, саперы или иные специалисты в области взрывоведения. Программа действий заключается в проведении комплекса организационных, поисковых, оперативно-розыскных мероприятий и неотложных следственных действий: осмотр места происшествия; (осмотр

взрывного устройства, его частей; осмотр отдельных предметов и т.д.); допрос свидетелей (родственники подозреваемого, очевидцы, сотрудники ведомств и служб, прибывшие на место совершенного террористического акта); допрос подозреваемого (в случае его задержания); получение образцов для сравнительного исследования (подозреваемого); назначение судебных экспертиз (судебно-медицинская экспертиза живого лица, судебная фоноскопическая, судебная лингвистическая, судебно-психиатрическая, судебная взрывотехническая, ЭМВИ и др.); обыск по месту проживания подозреваемого, выемка предметов и документов; предъявление для опознания лиц, предметов; контроль и запись переговоров; получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами; направление запросов на получение необходимых биллинговых данных; проведение оперативно-розыскных мероприятий, направленных на обнаружение соучастников террористов, обнаружение взрывных устройств и взрывчатых веществ и др.; ориентирование сотрудников отдельных служб и ведомств, которые оказывают помощь в расследовании террористического акта; изучение и сбор информации о террористической организации, которая готовилась к совершению террористического акта; изучение Интернет-ресурсов, материалов средств массовой информации и др.; использование информационных массивов оперативно-справочных и криминалистических учетов; составление субъективных портретов разыскиваемых террористов.

Таким образом, качество и результат расследования террористического акта будут зависеть от возникших типичных следственных ситуаций, складывающихся на первоначальном этапе расследования с учетом способа совершения, вида террористического акта и примененного террористами взрывного устройства.

Обухова Софья Александровна,
адъюнкт кафедры
уголовного права и криминологии
Воронежского института МВД России

**К вопросу о детерминантах насильственных
половых преступлений, совершаемых в отношении
несовершеннолетних**

В современных условиях защита несовершеннолетних от противоправных насильственных посягательств на их половую неприкосновенность и половую свободу является одним из приоритетных направлений уголовно-правовой политики государства, что подтверждается недавними изменениями, внесенными Федеральным Законом №3-ФЗ¹ от 28.01.2022 г. в Уголовный Кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ).

Несовершеннолетние в силу особенностей физического и психического развития, обусловленных возрастными характеристиками, являются наиболее уязвимой категорией населения, требующей индивидуального подхода к изучению преступных деяний, совершаемых в их отношении. Считаем необходимым уделить особое внимание детерминантам насильственных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних.

Под детерминантами принято понимать совокупность факторов криминогенного характера, создающих благоприятные условия для совершения преступных посягательств на охраняемые уголовным законом интересы личности, общества и государства.

Говорить о влиянии одного из жизненных обстоятельств на уровень преступности возможно лишь с определенной степенью условности, так как положительное либо отрицательное воздействие на нее социальных явлений и процессов зависит от сложившейся комбинации факторов, которые учеными-криминологами принято разделять на криминогенные и антикриминогенные. Первые определяют рост преступности, ухудшают ее структуру, а

¹ О внесении изменений в Уголовный Кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 28.01.2022 №3// Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. №5. Ст. 677.

также препятствуют улучшению ее характеристик; вторые – способствуют стабилизации либо снижению уровня преступности.

Прежде чем перейти к рассмотрению причин и условий насильственных половых преступлений против несовершеннолетних, считаем целесообразным для наглядной иллюстрации актуальности затронутой проблематики привести официальные статистические сведения, согласно которым за 2020-2021 годы было совершено 3604 насильственных преступных посягательств на половую неприкосновенность и половую свободу несовершеннолетних¹, а именно деяний, ответственность за которые предусмотрена статьями 131-132 УК РФ.

Данные официальной статистики напрямую свидетельствуют о повышенной степени общественной опасности насильственных половых преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних, и обуславливают актуальность выбранной темы.

Причины преступности представляют собой факторы социально-психологического характера, порождающие либо воспроизводящие преступность, в то время, когда условия преступности – это такие явления внешнего мира, которые напрямую не порождают преступность, но способствуют формированию причин. Таким образом, причины и условия в совокупности создают наиболее благоприятную для совершения противоправного посягательства обстановку.

Условия складываются в зависимости от определенных обстоятельств внешнего мира и носят случайный характер. Так, например, безлюдное место в темное время и относительно недалеко территориально расположенное образовательное учреждение в совокупности образуют благоприятные условия для совершения насильственного посягательства на половую неприкосновенность и половую свободу лица, не достигшего совершеннолетнего возраста.

В рамках изучаемой темы целесообразно будет уделить особое внимание причинам насильственных половых преступлений в отношении несовершеннолетних.

¹ Официальный сайт МВД России. Состояние преступности за 2020 – 2022 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/> (дата обращения: 20.10.2022).

Так, В.А. Ковтун предлагает представляющую интерес для научного исследования классификацию детерминант насильственных половых преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних, по типам источников, в которой разделяет их на две основные группы – внутренние и внешние¹.

К внутренним автор относит такие детерминанты, которые характеризуют непосредственно личность преступника, а именно: неустойчивая психика, вспыльчивый характер, агрессивное поведение, проявляемая по отношению к другим лицам жестокость, примитивизм во взглядах, отсутствие полового воспитания, наличие каких-либо расстройств сексуального предпочтения, в частности, вызывающих влечение к детям, и ряд других.

Внешние же детерминанты насильственных половых преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних, представляют особый интерес. К ним относятся:

1. обстановка в семье, неблагоприятно влияющая на формирование личности потенциального правонарушителя (алкоголизм, наркомания, наглядный пример половой распущенности кого-либо из родственников, в том числе и посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних, иное аморальное поведение);

2. неправильное воспитание, характеризующееся подменой нравственных ценностей и формирующее извращенное представление о сексуальных отношениях;

3. негативное влияние средств массовой информации, посредством которых происходит пропаганда ложных ценностей, насилия, педофилии и ряда других негативных явлений;

4. подростковая и детская беспризорность и безнадзорность;

5. экономический кризис;

6. недостаточно эффективная работа правоохранительных органов в части, касающейся предупреждения насильственных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних;

7. несвоевременность и недостаточность принимаемых мер по выявлению лиц с психосексуальными патологиями, которая

¹ Ковтун В.А. Причины и условия половых преступлений в отношении несовершеннолетних // Проблемы правоохранительной деятельности. 2014. № 2. С. 67-70.

приводит к совершению половых преступлений в отношении несовершеннолетних;

8. распространение среди подрастающего поколения негативных социальных явлений, порождающих девиантное поведение негативного формата, таких как употребление спиртных напитков, наркотических средств и психотропных веществ, хамство и др.

Необходимо отметить, что в группу внешних детерминант В.А. Ковтун включил в подавляющем большинстве те негативные явления и процессы, которые направлены на возвращение потенциального преступника и формирование у него различных отклонений в период взросления и становления личности. На наш взгляд целесообразно будет добавить такие причины, как:

1. высокий уровень латентности насильственных половых преступлений, который закономерно позволяет правонарушителям почувствовать безнаказанность как на примере своих знакомых, так и на собственном;

2. неполная неотвратимость наказания не только из-за высокого уровня латентности, но и численной нехватки кадров в правоохранительном аппарате, которая не позволяет в полной мере противостоять противоправным посягательствам;

3. повышенный порог терпимости российского общества к преступным проявлениям;

4. деформация духовно-нравственной сферы жизни общества, сопровождающаяся изоциренным восприятием межличностных взаимоотношений, обесцениванием общепринятого восприятия семьи как важнейшего социального института, а также активной пропагандой западных ценностей;

5. правовой нигилизм и пренебрежение правовыми нормами лицами, которые имеют склонность к половому влечению к несовершеннолетним;

6. виктимное поведение потенциальной жертвы противоправного посягательства, которое напрямую не провоцирует преступника к активным действиям, но, тем не менее, ставит лицо в уязвимое положение.

Необходимо понимать, что личность преступника, посягающего на половую неприкосновенность и половую свободу несовершеннолетних может сформироваться под влиянием как одной, так и нескольких причин.

Таким образом, рассмотренные причины требуют принятия профилактических мер по их устранению, а также по минимизации их влияния на социум. Причем, необходимо отметить, что требуется всесторонняя комплексная деятельность, направленная как на работу с потенциальным правонарушителем, так и с жертвой. Также целесообразно принять меры, направленные на совершенствование системы правоохранительных органов и иных организаций, способных оказать воздействие на уменьшение числа причин насильственной сексуальной преступности в отношении несовершеннолетних.

Паршина Ирина Алексеевна,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры
уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Алкоголизация населения в системе детерминант преступности

Детерминация в переводе с латинского языка – ограничение, определение. Детерминантами преступности называют комплекс явлений, которые порождают преступность. Негативные социальные явления не относятся к преступным, однако они сильно на нее влияют: поддерживают существование и способствуют росту.

В последнее десятилетие в нашем обществе интенсивно происходят различные преобразования, которые приводят к многочисленным проблемам. В социуме протекают противоречия, являющиеся источником преступности.

Все более опасными негативными фоновыми явлениями в России становятся алкоголизм, наркомания, токсикомания, про-

ституция, которые представляют угрозу национальной безопасности России, сокращая жизнь населения, подрывая его здоровье, влияя на экономику государства, культуру и духовное состояние общества.

Систематическое употребление алкоголя приводит к различным заболеваниям: циррозу печени, гепатиту и наконец, к психическим расстройствам. Алкоголизм является заболеванием, при котором идет уже деградация личности, неврологические расстройства, способствующие формированию преступного поведения.

Злоупотребление алкоголем прямо или косвенно связано с 62% суицидов; 72% убийств; почти 68% смертей от цирроза печени; 60% летальных случаев панкреатита; свыше 40% случаев гибели от сердечно-сосудистых заболеваний; 70% смертей граждан в трудоспособном возрасте¹.

В состоянии опьянения у некоторых людей проявляются качества личности, которые в трезвом состоянии они могут контролировать: злость, агрессия, эгоизм и т.д.

Показательным являются данные за 2021 год, каждое четвертое преступление (28,1%) совершилось в состоянии алкогольного опьянения².

На распространение употребления алкоголя в России оказали свое влияние исторические предпосылки. Еще в 17 веке начали привозить из-за границы в Россию водку и вино в больших объемах. Население страны пило много, отмечало различные праздники, а иногда пили и с горя. В начале 20 века в государстве с 1914 по 1925 годы был объявлен сухой закон, однако население не хотело мириться с этим и пило все, что можно было употреблять. Это приводило к отравлениям, а иногда и к смертельным исходам. В середине 20 века И. Сталин отменил этот закон. Более активно население начало употреблять в Великую Отечественную войну, люди испытывали огромный стресс, переживания.

¹ См. Национальный рейтинг трезвости субъектов Российской Федерации – 2020 // [rejting_trezvosti_2020.pdf](#) (alkogolunet.ru) (дата обращения 18.07.2022 г.)

² Краткая характеристика состояния преступности в РФ за январь – декабрь 2021 года // мвд.рф <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/> (дата обращения 18.07.2022 г.)

Проанализировав статистические данные в начале 80 годов 20 века, мы можем сказать, что за 4 года с 1980 по 1984 годы преступность увеличилась более чем на 30 % (с 1 527 557 в 1980 г. до 2 029 144 в 1984 г.), может, в том числе и поэтому в 1985 году в Советском союзе была объявлена масштабная антиалкогольная кампания, которая дала свои результаты.

Преступность в СССР на почве пьянства в 1985 году сократилась на 11,5%, а в 1986 году более чем на 20%. В РСФСР преступность по причине пьянства за годы антиалкогольной кампании сократилась на 26%, уровень убийств снизился на 45,9%, уровень убийств в состоянии алкогольного опьянения снизился на 40,6%¹.

Всплеск употребления алкоголя в нашей стране начался после развала СССР с 1991 года. В государстве все начало разваливаться, закрывались фабрики, заводы, промышленные предприятия, люди теряли работу, нечем было кормить семью, страх перед неизвестностью пугал и угнетал. Все эти предпосылки привели к массовой алкоголизации населения. Россия вышла на первое место по алкоголизму на постсоветском пространстве.

С 1995 года на рынки России стали массово приходить иностранные компании с продукцией пива. С этого времени в нашей стране стал развиваться подростковый пивной алкоголизм.

В 2012 году Россия занимала 5 место (по данным Всемирной организации здравоохранения) по потреблению алкоголя на душу населения, что составило 15,56 литров.

В 2016 – 2018 году по данным ВОЗ в России оба пола употребляли 11,3 литра, мужчины – 19,1 литра, женщины – 4,6 литров².

В 2020 году по данным Всемирной организации здравоохранения, Россия заняла 16 место с потреблением этилового спирта на душу населения 11,7 литров.

Проанализировав статистические данные с 2016 года, мы можем сказать, что в России идет убыль населения «демографический

¹ См. Черемисина Н.В., Ивлев М.И., Талалаев Д.Д. Алкоголизм: глобальная проблема современной России // Социально-экономические явления и процессы. Т.9. № 10, 2014. С. 165.

² Список стран по потреблению алкоголя на человека. Total per capita (15+) consumption (in litres of pure alcohol) with 95% CI, three-year average by country (англ.). WHO.

крест» когда число умирающих превышает число рождающихся. Так, например, по данным Росстата в 2018 году убыль населения составила более 224 тысяч человек, в 2019 году – более 350 тысяч человек, в 2021 году убыль – 304 500, в 2022 (по состоянию на сентябрь 2022 г.) убыль составила – 311 200¹. Среди основных причин убыли 75% – это потребление населением алкоголя, наркотиков и табака.

Согласно данным за 2021 год в России увеличивается подростковый алкоголизм, среди девушек доля алкоголиков составляет 20%, а среди юношей 33%. Возраст алкоголиков молодеет и сегодня составляет 14-15 лет².

Систематическое пьянство приводит к алкогольным психозам. Проанализировав данные федеральной службы государственной статистики о заболевании населения алкоголизмом и алкогольными психозами, мы можем сказать, что наблюдается позитивная тенденция в отношении алкогольной зависимости в России, так, например, по сравнению с 2014 годом, коэффициент численности больных, состоящих на учете в лечебно-профилактических организациях на 100000 человек, снизился, и показатели составили в 2014 году 1155,4, а в 2020 году уже 754,4. Однако здесь необходимо учитывать латентность указанных явлений (мигранты, жители сельской местности и т.д.).

В современном обществе проблемой является женский алкоголизм. Согласно данным за 2021 год среди пьющих в России доля женщин составляет 38%³.

Изучив статистические данные, мы приходим к выводу, что совершение преступлений в состоянии алкогольного опьянения из года в год уменьшаются, однако остаются весьма стабильными. К регионам с наибольшей преступной активностью, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения можно отнести: Свердловская область – 9619 человек, Челябинская область –

¹ См. Национальный рейтинг трезвости субъектов Российской Федерации – 2020 // rejting_trezvosti_2020.pdf (alkogolunet.ru) (дата обращения 22.08. 2022 г.)

² См.: Статистика алкоголизма в России в 2021 году // Статистика женского, мужского, подросткового алкоголизма, смертность от алкоголя (narkolog-24.ru) (дата обращения 18.08.2022 г.)

³ Статистика алкоголизма в России в 2021 году // Статистика женского, мужского, подросткового алкоголизма, смертность от алкоголя (narkolog-24.ru) (дата обращения 18.08.2022 г.)

9494, Республика Башкортостан – 9491. Краснодарский край занимает 15 место – 5152¹.

Настоящей бедой в России является вождение транспортного средства в состоянии алкогольного опьянения. По данным МВД России в 2021 году сотрудниками Госавтоинспекции было пресечено 547, 9 тыс. фактов управления транспортными средствами в состоянии опьянения. Из этих фактов 66,3 тысяч отнесено к уголовной юрисдикции (ст. 264 УК РФ)².

На заседании коллегии МВД России 17 марта 2022 года Президент России В.В. Путин, заявил о высокой смертности в стране в авариях, совершенных по вине нетрезвых водителей, а также в результате наездов на пешеходов. По его словам, важно продолжить работу по повышению культуры поведения на дорогах³.

Огромное влияние алкоголь оказывает на насильственные преступления в быту. По мнению экспертов 84% бытовых преступлений совершается в состоянии алкогольного опьянения. Доминирующая часть преступлений, связана с нанесением побоев, причинением вреда здоровью, угрозами убийством. Систематическое употребление алкоголя приводит к семейным скандалам, выплеску агрессии, ревности и т.д. Жертвами становятся родные и близкие люди (жены, дети, родители). Так же в состоянии алкогольного опьянения преступник принуждает и к сексуальным действиям с помощью силы, шантажа или угроз. По оценкам Всемирной организации здравоохранения, примерно 55% виновных в домашнем насилии употребляли алкоголь до нападения.

Из приведенных данных мы видим, что алкоголь оказывает огромное влияние на преступность, является детерминирующим ее фактором. Профилактические меры, применяемые в государстве пока, не дают должного результата. Для эффективной работы следует систематически, комплексно изучать влияние негативных фоновых явлений на преступность в современных условиях и разрабатывать наиболее эффективные меры.

¹ Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики // http://crimestat.ru/offenses_rate (дата обращения 15.08.2022 г.)

² <https://tass.ru/obschestvo/14196001> (дата обращения 20.08.2022 г.)

³ <https://tass.ru/obschestvo/14196001> (дата обращения 20.08.2022 г.)

Пляс Дарья Геннадьевна,
преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Владивостокского филиала
Дальневосточного юридического института МВД России

Объективные признаки состава преступления, предусмотренного статьей 240.1 УК РФ

Сегодня одним из приоритетных направлений уголовно-правовой политики России считается борьба с такими отрицательными социальными явлениями, как сексуальная эксплуатация женщин, а в частности с таким ее проявлением, как детская проституция. С целью предотвращения деформации нравственных ценностей в сознании несовершеннолетних, сексуальной эксплуатацией и борьбой с детской проституцией и Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 380-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен ст. 240.1, предусматривающей ответственность за получение сексуальных услуг несовершеннолетних, в возрасте от 16 до 18 лет, лицами, достигшими восемнадцатилетнего возраста¹.

Учитывая цели принятия, указанная норма была помещена в гл. 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», что определило видовой объект рассматриваемого преступления, как отношения, возникающие в области общественной морали и нравственности.

Непосредственным объектом, в ст. 240.1 УК РФ, выступают общественные отношения в области половой морали, как одной из составляющих морали в широком ее смысле. Мораль является одним из способов нормативного регулирования поведения человека, особой формой общественного сознания и видом общественных отношений.² Определенная часть нравственных отношений, а

¹ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 28 декабря 2013 г. № 380-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 20 декабря 2013 г.: Одобр. Советом Федер. Собр. Рос. Федерации 25 декабря 2013 г. // Рос. газ. 2013. 30 дек. № 295.

² Кобликов А.С. Юридическая этика: Учебник для вузов. М., 2002. С. 4

именно интимные, сексуальные отношения, выступают в качестве обязательного элемента сложившегося уклада половых отношений. Уклад каких-либо социальных явлений, а особенно половых, не устанавливается государством, а длительно складывается и трансформируется, независимо от воли людей. Уклад половых отношений, носит исторически изменчивый характер, зависит от многих общественных явлений, но обусловлен, в конечном счете, стандартами общества в области половой морали и этики, общепринятыми стандартами человеческих взаимоотношений в рассматриваемой сфере жизни общества¹.

Государство, исходя из потребностей общества, следуя социальным интересом, закрепляет сложившийся уклад, осуждая одни и одобряя другие формы полового взаимодействия людей в обществе. Сексуальные отношения, являясь составной частью общественных отношений, должны быть основаны на господствующей общественной морали, соответствовать общепринятому образу жизни, чувствам уважения и равенства, не нарушая прав и свобод граждан. Свобода выбора в сфере сексуальных отношений предполагает реальную возможность, по собственной инициативе, вступать в добровольные сексуальные отношения с партнером, в любой приемлемой форме, однако в рамках существующих требований законов, охраняющих личность, общественный порядок, общественную нравственность и половую мораль.

Объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 240.1 УК РФ образует выполнение деяния, выражающегося в форме действия, связанного с получением сексуальных услуг несовершеннолетнего. Также объективную сторону характеризует такой факультативный признак, но в данном случае переходящий в разряд обязательных, как способ совершения преступления: «денежное или любое другое вознаграждение несовершеннолетнего или третьего лица, либо обещание вознаграждения сексуальных услуг».

Понятие «услуги сексуального характера» в российском уголовном законодательстве чересчур размыто, что вызывает проблемы при квалификации.

¹ Дьяченко А.П. Уголовно-правовая охрана граждан от преступлений в сфере сексуальных отношений. Дис.... докт. юрид. наук. М.: 1993. С. 44.

Исходя из буквального толкования диспозиции статьи и примечания к ней, к ответственности следует привлекать лиц, достигших 18-тилетнего возраста, вступающих, в сексуальные отношения, в том числе и однократно, за вознаграждение с несовершеннолетними, в возрасте от 16-ти до 18-ти лет, систематически такие услуги не оказывающие. Другими словами, к уголовной ответственности возможно привлечение каждого совершеннолетнего, имеющего половые контакты с несовершеннолетним, и любым способом вознаградившего его за сексуальный контакт и на установление объективной стороны не влияет занимается проституцией или нет, несовершеннолетний, оказывающий сексуальные услуги, необходимо лишь установление факта обещания вознаграждения несовершеннолетнему, либо третьему лицу, или непосредственное вознаграждение таких лиц, до либо после полового контакта.

Поскольку в примечании не указывается на получение сексуальных услуг от несовершеннолетнего, занимающегося проституцией, в теории уголовного права сформулировалось предложение, толковать диспозицию статьи шире и считать преступным деяние, даже в случае однократного получения сексуальных услуг несовершеннолетнего в возрасте от 16-ти до 18-ти лет. Считаем, что такая расширительная трактовка, не совсем верна, поскольку вышеуказанные действия не обладают должной степенью общественной опасности, позволяющей отнести их к преступным, они хоть и нарушают нормы общественной нравственности и считаются аморальными, но по своим качественным характеристикам размер вреда, причиненного в результате одноразового получения сексуальных услуг от несовершеннолетнего, не соответствует преступному, также однократная сексуальная услуга, даже при ее возмездности не может считаться проституцией, ввиду чего, не может причинить вред объекту уголовно-правовой охраны преступлений, закрепленных в гл. 25 УК РФ, поэтому такие посягательства, больше подпадает под категорию малозначительного деяния.

Из анализа имеющихся примеров судебно-следственной практики видно, что объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 240.1 УК РФ, характеризуется выполнением дей-

ствий, связанных с получением сексуальных услуг от несовершеннолетних, не занимающихся проституцией, и даже разовое оказание несовершеннолетним сексуальной услуги за вознаграждение подпадает под сферу действия указанной статьи что, по мнению автора, полностью противоречит целям принятия рассматриваемой уголовно-правовой нормы. С целью исключения абсурдных и спровоцированных, аморальным поведением несовершеннолетних, случаев привлечения к уголовной ответственности лиц, вступающих с ними в половые контакты на возмездной основе, таким примером может служить Приговор суда Ленинского района Краснодарского края, Приговор Ленинского районного суда г. Новороссийска¹, а также единообразному применению рассматриваемой уголовно-правовой нормы, в судебно-следственной практике, необходимо на законодательном уровне закрепить тот факт, что в рамках данной уголовно-правовой нормы, к ответственности следует привлекать лишь лиц, пользующихся сексуальными услугами несовершеннолетних, занимающихся проституцией. Поскольку именно такие действия являются общественно опасными и причиняют существенный вред нормам общественной нравственности и половой морали, а также способствуют совершению преступлений, связанных с проституцией и порнографией.

В этой связи отметим, что законодателю необходимо конструировать точные уголовно-правовые формулировки, исключающие двоякое толкование смысла уголовно-правовых норм, это будет способствовать более эффективному применению уголовно-правовых новелл в практической деятельности и исключению судебно-следственных ошибок, выражающихся в привлечении к уголовной ответственности лиц, совершающих малозначительные деяния, по своей сути не обладающие определенной степенью общественной опасности, и не позволяющих расценивать их как преступные.

Для устранения коллизий между национальным и международным законодательством, оправдания цели принятия ст. 240.1

¹ Приговор № 1–45/20161–841/2015 от 31 марта 2016 г. по делу № 1–45/2016 URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 18.01.2021 г.); Приговор № 1–82/2014 от 15.07.2014 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс] URL: sudact.ru (дата обращения: 18.09.2022 г.).

УК РФ, необходимо конкретизировать понятие сексуальных услуг, получение которых характеризует объективную сторону данного состава преступления и изложить примечание к ст. 240.1 УК РФ в следующей редакции: «Под сексуальными услугами в настоящей статье понимаются половое сношение, мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера, между лицом, выступающим в качестве клиента несовершеннолетнего, занимающегося проституцией, если условием оказания таких услуг является денежное или любое другое вознаграждение несовершеннолетнего, или третьего лица либо обещание вознаграждения несовершеннолетнему или третьему лицу»¹. Аналогичной позиции придерживается Е.А. Миллерова, считая, что неопределенность в формулировке понятия «сексуальная услуга» применяемой в данной уголовно-правовой норме, приведет к существенным сложностям квалификации в правоприменительной деятельности и более удачным было бы применение в статье 240.1 УК РФ не термина «сексуальные услуги», а более узкого по своему смыслу термина «проституция»².

В заключении стоит отметить, что, устанавливая уголовно-правовой запрет на вступление в сексуальные контакты за вознаграждение, законодатель создает препятствие для аморального поведения, причиняющего вред общественной нравственности в целом и нарушения норм половой морали, в частности. Особо следует отметить, что указанный вред причиняется как лицом пользующимся сексуальными услугами несовершеннолетнего, так и несовершеннолетним, их предоставляющим. В развитом обществе, считается аморальным удовлетворение своих сексуальных потребностей за вознаграждение (или обещание вознаграждения), так как в первую очередь, такое поведение субъекта преступления и лица, предоставляющего сексуальные услуги, причиняет вред духовным ценностям, подрывает авторитет институтов семьи и

¹ Кашапов Р.М., Пляс Д.Г. Проблемы применения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за получение сексуальных услуг несовершеннолетнего // Современное право. 2018. № 2.

² Миллерова Е.А. К вопросу об эффективности редакции статьи 240.1 Уголовного кодекса РФ «Получение сексуальных услуг несовершеннолетнего» // Проблемы права. 2014. № 3 (46). С. 149.

брака. Сексуальный контакт в данном случае выступает примитивной формой удовлетворения своих сексуальных потребностей виновным и удовлетворения низменных материальных потребностей, несовершеннолетним, оказывающим такие услуги. Отсутствие духовно-эмоциональной вовлеченности между партнерами, сведение полового акта к чисто телесному процессу, вот в какой форме, по мнению автора, проявляется посягательство на объект, при совершении преступления, предусмотренного ст. 240.1 УК РФ. В рассматриваемой уголовно-правовой норме, акцент законодателем сделан именно на защиту видового объекта, на недопустимость нарушения норм общественной нравственности в целом, путем причинения вреда непосредственному объекту, нравственности в сфере половых отношений.

Ракова Яна Владимировна,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Воронежского института МВД России

Виды противоправных деяний, совершаемых с использованием сети Интернет

Проблема совершения противоправных деяний с использованием сети Интернет актуальна для всех стран, в том числе и для России. В современном обществе через социальные сети, мессенджеры и массмедиа, незаметно для большинства граждан, кто-то другой занимается «воспитанием» подрастающего поколения.

Многие специалисты в различных областях считают, что негативная информация, распространяющаяся в сети Интернет, подталкивает несовершеннолетних на совершение правонарушений и преступлений в реальной жизни.

«Высокие темпы развития информационно-телекоммуникационных и иных цифровых технологий в современной России привели в тому, что в настоящее время повседневная жизнь человека уже не мыслится без сети Интернет и сетевого общения, а компьютеры и гаджеты стали неотъемлемым атрибутом. Интернет вошел в нашу жизнь так стремительно и прочно, что на сегодняшний

день мы имеем дело уже с последствиями его массового внедрения, которые неоднозначны и разнообразны»¹.

Если еще в 2017-2019 гг. можно было утверждать, что 50% жизни российские дети различного возраста проводят в сети Интернет («виртуальном мире»), а 50% – в «живой реальности», то уже с 2020 г. ситуация изменилась: роль виртуальной составляющей в повседневной жизни современных подростков, именуемых поколением «Z» или «центриалами», существенно возросла, в том числе в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции COVID-19².

SimilarWeb – отраслевой стандарт в области исследований цифрового рынка, который имеет самую большую базу данных о поведении посетителей в сети Интернет. Проанализировав вышеуказанный ресурс по состоянию на октябрь 2022 года самыми популярными интернет-площадками в России стали социальные сети «ВКонтакте», почтовые сервисы «Mail.ru» и «Google.com», видеохостинг «YouTube» и мессенджеры «Whatsapp.com» и «t.me»³. Именно приведенные выше ресурсы позволяют пользователям удовлетворить свои разнообразные запросы и желания. Социальные сети, мессенджеры, видеохостинги и почтовые сервисы дополняют друг друга, через них пользователи получают информацию, используют ее по своему усмотрению, а в дальнейшем распространяют. Информация, которая распространяющаяся в сети Интернет различного содержания от незатейливых картинок до разрушающих сознание материалов, которые могут привести к различным последствиям. Большую часть пользователей вирту-

¹См.: Эндерс Е.С. Ресурсы и риски использования интернет-коммуникации / Е.С. Эндерс, Г.Л. Парфенова // Поведение молодежи в современном Интернет-пространстве: стратегии, риски, защита: сб. ст. всерос. науч.-практ. конф. (Орехово-Зуево, 15 мая 2018 г.). Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2018. С. 44.

²См.: Методическая памятка для переживающих взрослых «Дети в сети» разработана экспертным Киберсоветом Ресурсного центра профилактики деструктивного влияния информации на несовершеннолетних в Пермском крае (Кибердружина Пермского края) в 2019 году [Электронный ресурс]. URL: <http://uralskoeopodvorie.ru/dokument/kiberkniga.pdf> (дата обращения: 10.10.2022).

³См.: Similarweb рейтинг топ веб-сайтов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.similarweb.com/ru/top-websites/> (дата обращения: 10.10.2022).

ального пространства составляют несовершеннолетние и молодежь, а именно эта категория больше всего склонна к подавлению со стороны.

В соответствии со ст. 5 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» можно дать следующую классификацию некоторых видов деяний в сети Интернет:

– распространение информации побуждающей детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью в том числе к причинению вреда своему здоровью, самоубийству либо жизни и (или) здоровью иных лиц, либо направленная на склонение или иное вовлечение детей в совершение таких действий, к данному виду действий можно отнести такие как: суицидальный контент «группы смерти». Данные сообщества предоставляют большому количеству пользователей сети Интернет, в том числе и несовершеннолетним детям, практически неограниченный по объему и содержанию информации доступ к публикациям, в которых пропагандируется суицид¹. Кроме того, сюда же можно отнести сообщества с пропагандой анорексии и селфхарм;

– контент, способный вызвать у детей желание употребить наркотические средства, психотропные и (или) одурманивающие вещества, табачные изделия, никотинсодержащую продукцию, алкогольную и спиртосодержащую продукцию, принять участие в азартных играх, заниматься проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством. К такому контенту можно отнести пропаганду среди селебрити наркотических средств, пропаганда наркотиков, алкоголя в песнях известных попсовых исполнителей, ставки на спорт с постоянной рекламой перед просмотром онлайн фильмов;

– информация обосновывающая или оправдывающая допустимость насилия и (или) жестокости либо побуждающая осуществлять насильственные действия по отношению к людям или животным, за исключением случаев. К такому контенту можно отнести группы и каналы, в которых идет ведется пропаганда

¹ См.: Иванченко Р.Б. Деятельность подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел по профилактике криминальных суицидов среди несовершеннолетних / Р.Б. Иванченко, М.Ю. Пучнина // Проблемы правоохранительной деятельности. 2019. № 3. С. 59.

скулшутинга и колумбайнинга, сообщества сатанинстов, оффников, видео убийств и казни;

– контент, содержащий изображения или описание сексуального насилия, группы 18+, в которых большое количество несовершеннолетних, видео и изображения, на которых демонстрируются насильственные действия сексуального характера;

– информация, отрицающая семейные ценности и формирующая неуважение к родителям и (или) другим членам семьи, например ЛГБТ-сообщества, группы в социальных сетях ЯЖЕМАТЬ, сайт <https://ficbook.net>, который содержит различные истории развратных действий сексуального характера, в том числе для несовершеннолетних, сообщества за радикальный феминизм и т. д.

– информация, оправдывающая противоправное поведение, такая как группы и сообщества забивов, околофутбольные паблики, группы, в которых описывается романтизация маньяков, шок-контент (пытки, казнь), группы и каналы, в которых ведется пропаганда криминальной субкультуры;

– информация, содержащая нецензурную брань;

– информация порнографического характера, например аниме жанры, материалы пропагандирующие зоофилию, смену пола, ЛГБТ, порнографический контент и т. д;

– информация о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий (бездействия), включая фамилии, имена, отчества, фото- и видеоизображения такого несовершеннолетнего, его родителей и иных законных представителей, дату рождения такого несовершеннолетнего, аудиозапись его голоса, место его жительства или место временного пребывания, место его учебы или работы, иная информация, позволяющая прямо или косвенно установить личность такого несовершеннолетнего, интернет-травля детей, кибербулинг, которые происходят через различные интернет-мессенджеры и сообщества.

Кроме того, не стоит забывать о таких видах противоправных деяний, как мошеннические действия. Анализ материалов правоприменительной деятельности правоохранительных органов разных субъектов РФ показывает, что несовершеннолетние с помощью социальных сетей и мессенджеров, как правило старшей возрастной группы (15-17 лет), совершают наиболее «простой» для

них и одновременно «прибыльный» вид противоправной деятельности – хищение с использованием обмана или злоупотребления доверием своих сверстников или детей более младшего возраста (взрослые крайне редко становятся жертвами таких посягательств). Подобные деяния связаны:

1) с рассылкой личных сообщений (не публикация в открытом для всех доступе) в различных социальных сетях или через мессенджеры, как правило, от своего имени, с убедительной просьбой срочно оказать помощь в «трудной жизненной ситуации», а именно дать в долг деньги и перевести их на банковскую карту (причем несовершеннолетние, в отличие от взрослых преступников, не занимаются непосредственным взломом аккаунтов других пользователей, поскольку у них нет таких навыков и профессиональных умений, специальных технических средств и программного обеспечения);

2) с фактами присвоения несовершеннолетним предоплаты за товар или услугу (например, выкопать яму или траншею, покрасить что-либо, выполнить роль курьера с доставкой и т. п.), которые публикуются в социальных сетях. Ответственность за мошеннические действия, которые совершаются с использованием социальных сетей и мессенджеров (на примере наиболее распространенного среди несовершеннолетних преступления – обмана со сбором денежных средств якобы для лечения), предусмотрена нормой ст. 159 УК РФ.

Кроме того, необходимо сказать, что противоправная информация, распространяющаяся в сети Интернет негативно воздействует не только на несовершеннолетних и молодежь, но также на взрослое население. В настоящее время общество проходит очень сложный этап полного поглощения цифровым пространством, да многие новые технологии безусловно необходимы в обществе, но в первую очередь необходимо соблюдать грань между полным поглощением, действующим на умы и создание молодежи и необходимыми современными ресурсами в науке, образовании, медицине и т. д.

Далеко не все виды противоправных деяний, совершаемые в сети Интернет, подлежат административной или уголовной ответственности. Вопрос с видами противоправных деяний требует глу-

бокого изучения, выделение отдельных видов противоправных деяний, их категоризации, разработки новых мер профилактики борьбы с противоправными деяниями, совершенными в сети Интернет.

Родин Станислав Геннадьевич,
преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Воронежского института МВД России

Преступления, совершаемые с двумя формами вины: некоторые проблемы дифференциации ответственности

Наличие определённого психического отношения лица к совершенному общественно опасному деянию и наступившим общественно опасным последствиям является обязательным условием наступления уголовной ответственности. Данное положение законодатель формулирует в ст. 5 Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года (далее – УК РФ), устанавливая в качестве обязательного требования привлечения к ответственности наличие вины лица в совершенном преступлении. Этой же нормой (принципом) запрещается объективное вменение исключая уголовную ответственность за невиновное причинение вреда. Без установления виновности лица не возможна и реализация идеи справедливости согласно которой, наказание и иные уголовно-правовые меры зависят от характера и степени общественной опасности деяния, обстоятельств совершения преступления и личности виновного (ст. 6 УК РФ).

Многообразие возможных вариаций психического отношения лица к совершенному преступному деянию и его последствиям обобщается и формализуется в уголовном законе. Таким образом, в действующем УК РФ предусматривается наличие двух форм вины – умысел (ст. 25 УК РФ) и неосторожность (ст. 26 УК РФ). Различия в характере опасности форм вины учитываются законодателем и обуславливают дифференциацию уголовной ответственности и наказания.

Как правило, подавляющее большинство преступлений, предусмотренных УК РФ, совершаются с какой-либо одной формой вины. Тем не менее, в Особенной части УК РФ существует ряд специфических конструкций составов, относящихся к категории сложных единичных преступлений, в которых основной состав предусматривает наличие умысла, а квалифицированный – неосторожность. Однако в таких составах формы вины не смешиваются, каждая из них остаётся самостоятельной и «полностью сохраняет свое качественное своеобразие»¹. Такие преступления согласно ст. 27 УК РФ признаются, совершаемыми с двумя формами вины, т.е. когда наступают более тяжкие последствия при совершении умышленного преступления, в случае если отношение к ним выражено в виде легкомыслия или небрежности и они не охватывались умыслом лица. При этом законодатель позиционирует такие преступления в целом как умышленные.

Стремление законодателя разрешить не типичные ситуации психического отношения лица к совершенному общественно опасному деянию и наступившим общественно опасным последствиям вполне понятно и обоснованно, однако наличие такой законодательной конструкции как преступления с двумя формами вины вызывает ряд сложностей, как с позиции квалификации, так и применительно к дифференциации уголовной ответственности.

Конструкция преступлений с двумя формами вины наличествует в умышленных общественно опасных деяниях, в которых предусматривается квалифицированный состав с более тяжкими последствиями, отношение к которым выражено в форме неосторожности. Законодатель не указывает на какие-то конкретные варианты сочетания умысла и неосторожности, ограничиваясь лишь общей формулой в ч. 1 ст. 27 УК РФ, согласно которой вид умысла в основном составе не конкретизируется, а к квалифицированным последствиям возможно отношение как в виде легкомыслия, так и в виде небрежности. Данная ситуация скорее всего продиктована юридико-техническими требованиями не исключая возможности сочетания таких вариантов как: прямой умысел и легкомыслие;

¹ Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: практ. пособие М.: ТК Велби, Из-во Проспект, 2008. С. 101.

прямой умысел и небрежность; косвенный умысел и легкомыслие; косвенный умысел и небрежность.

Сочетание двух форм вины возможно, как в преступлениях с материальным, так и формальным составом. В преступлениях, основной состав которых сконструирован по типу материального, психическое отношение к последствиям выражено в форме умысла, а к более тяжкому последствию, являющемуся признаком квалифицированного состава, в форме неосторожности, причем характерно, что более тяжкое последствие связано с другим объектом, классическим примером выступает ч. 4 ст. 111 УК РФ. Другим вариантом выступают преступления с основным составом в виде формального, где речь идет об умышленном отношении к деянию, являющемуся преступным вне зависимости от последствий и неосторожным отношением к наступившим более тяжким последствиям в квалифицированном составе, в котором, как правило, причиняется вред дополнительному объекту (например, ч. 3 ст. 123 УК РФ).

Как уже отмечалось, законодатель определяет преступления, совершенные с двумя формами вины в целом умышленными. Вместе с тем вина имеет такую характеристику как степень, которая отражает уровень деформации социальных ориентаций субъекта преступления. Как совершенно справедливо отмечается, степень вины должна подлежать обязательному учету в вопросе дифференциации уголовной ответственности¹. Совершенно очевидна разница в степени опасности умышленных и неосторожных преступлений и эти различия достаточно отчетливо обозначаются в рамках дифференциации ответственности в уголовном законе. С уверенностью можно говорить, что степень искажения ценностных ориентаций лиц, которые осуществляют мотивированную, целенаправленную осознанную преступную деятельность относительно охраняемых уголовным законом объектов, значительно выше чем у лиц, причиняющих преступный вред при неосторожном отношении. При совершении умышленного преступления виновный сознательно направляет свои действия (или воздерживается от их совершения) на достижение преступного результата,

¹ Векленко С.В. Вина и ответственность в уголовном праве: монография / С.В. Векленко, М.В. Бавсун, М.Б. Фактулина. Омск: Омская академия МВД России, 2009. С. 92.

что обуславливает большую вероятность его фактического наступления и причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам. Совершение умышленного преступления говорит о том, что виновный проявляет явно отрицательное отношение к установленным в обществе моральным и правовым нормам. Совершение неосторожных преступлений, как правило, связано с безответственностью, недисциплинированностью, беспечностью, завышенной самооценкой, невнимательностью и т. д.¹. Именно поэтому только с умышленной формой вины законодатель связывает построение таких институтов как неоконченное преступление, соучастие в преступлении, рецидив преступлений, а так же решает многие другие вопросы реализации уголовной ответственности. Как раз данные обстоятельства в определенной степени обуславливают юридико-техническую необходимость признания преступлений, совершаемых с двумя формами вины в целом умышленными. Тем не менее, такое признание, неизбежно влечет определенную размытость в решении вопроса о дифференциации уголовной ответственности в зависимости от степени вины применительно к ее видам.

Если исходить из того, что в целом уголовно-правовой наукой не отрицается различие в степени опасности видов умысла и неосторожности, возникает вопрос, как правильно учесть это различие в преступлениях с двумя формами вины при возможности сочетания различных видов вины и условия признания их умышленными.

Согласно опросу 215 специалистов из числа следователей и дознавателей территориальных органов внутренних дел Воронежской области и иных субъектов Российской Федерации – 40% респондентов заявили о том, что признание преступлений, совершаемых с двумя формами вины в целом умышленными, отрицательно сказывается на дифференциации уголовной ответственности, в свою очередь 27 % респондентов заявили о необходимости разработки отдельных правил уголовной ответственности (назначения наказания) за совершение преступлений с двумя формами вины.

¹ Тяжкова И.М. Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности / Под ред. д.ю.н., проф. В.С. Комиссарова. СПб.: Изд.-во «Юридический центр Пресс», 2002. С. 18.

Таким образом становится очевидным, что признание преступлений, совершаемых с двумя формами вины – умышленными, вызывает вопросы применительно к дифференциации уголовной ответственности не только в теории уголовного права, но в практической деятельности правоохранительных органов. Поэтому заслуживает внимания точка зрения согласно которой, следует вести речь о том, что преступления с двумя формами вины влекут последствия, предусмотренные для умышленных преступлений, а не являются таковыми¹.

Проводя анализ составов преступлений, предусматривающих наличие двух форм вины, выявляется то обстоятельство, что в них наличествует производная совокупность общественной опасности умышленного и неосторожного преступления, которая выше чем при их отдельном рассмотрении. В науке уголовного права уже неоднократно обращалось внимание на то, что наказуемость рассматриваемых преступлений предусматривает более строгую санкцию чем при возможной идеальной совокупности². Так, можно привести уже ставший традиционным пример сравнения верхнего предела санкции в виде лишения свободы на определенный срок, предусмотренной ч. 4 ст. 111 УК РФ и образуемого размера того же вида наказания при возможной совокупности ч. 1 ст. 109 и ч. 1 ст. 111 УК РФ. Если при полном сложении наказаний в виде лишения свободы за неквалифицированные виды причинения смерти по неосторожности и причинения тяжкого вреда здоровью в максимальном пределе санкция достигает 10 лет, при этом санкция ч. 4 ст. 111 УК РФ предусматривает до 15 лет лишения свободы.

Позиция законодателя, согласно которой предусматривается повышенная уголовная ответственность за совершение преступлений с двумя формами вины выглядит достаточно неоднозначно. Представляется, что убедительных предпосылок обуславливающих такую дифференциацию ответственности в сторону усиления уголовно-правовой репрессии по сути не имеется. При разработке

¹ См.: например, Нерсесян В.А. Ответственность за неосторожные преступления : автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 / Моск. гос. юрид. акад. М., 2006. С.8.

² См.: например, Нерсесян В.А. Ответственность за неосторожные преступления: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08. М., 2006 334 с.; Ткаченко В.И. Преступления с двойной формой вины // Законодательство. М., 1998, № 5. С. 61-62 и д.р.

УК РФ не отказываясь от конструкции преступлений, совершаемых с двумя формами вины, законодателю следовало бы как минимум провести анализ возможных идеальных совокупностей с целью избежать превышения верхних пределов санкций. В этом срезе достаточно интересным выглядит подход, согласно которому не исключая конструкцию, предусмотренную ст. 27 УК РФ, при назначении наказания следует рассматривать отдельно каждое из преступлений, образующих сложное преступление с двумя формами вины¹. Если вести речь о сохранении в уголовном законе конструкций преступлений, совершаемых с двумя формами вины, то представленный подход позволит более обстоятельно реализовать принцип справедливости исключив неопределенность в вопросе наказуемости таких преступлений.

Таким образом, обобщая изложенное, следует сделать несколько выводов о том, что: во-первых, несмотря на сложности, обусловленные сочетанием двух форм вины в одном составе, отказ от конструкции, предусмотренной ст. 27 УК РФ является не совсем целесообразным; во-вторых, признание преступлений с двумя формами вины в целом умышленными может служить только для целей построения некоторых институтов уголовного права и реализации уголовной ответственности; в-третьих, наличие в преступлениях с двумя формами вины более строгих санкций, чем при возможной совокупности, не в полной мере соответствует принципу справедливости; в-четвертых, требуется дальнейшее совершенствование правил наказуемости таких преступлений.

¹ Никитина Н.А. Преступления с двумя формами вины: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. СПб., 2011. С. 6-7.

Рудик Михаил Викторович,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России;
Зиятдинов Эдем Сейранович,
слушатель 5 курса Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

Особенности виктимологической профилактики понуждения к действиям сексуального характера

Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности – одни из наиболее латентных видов противоправных посягательств, при их достаточно высоком уровне общественной опасности. Оказывая деструктивное воздействие на физическое и психическое здоровье женщины, ставя под угрозу традиционные семейные блага, нравы общества, негативные изменения претерпевает не только объект насилия, но и все общество. Количественная статистика зарегистрированных преступлений за последние десять лет наглядно демонстрирует отсутствие положительной динамики, а равно указывает на потребность в изменении принципов противодействия половым преступлениям.

В структуре половых преступлений, по мнению Е.А. Куманяева, наиболее латентными является понуждение к действиям сексуального характера, ввиду отсутствия физического насилия и принуждения лица к вступлению в половую связь способами, исключая воздействие на объекты материального мира¹.

Сама норма права достаточно неоднозначна и порождает множество споров в научных кругах, в особенности в части содержания «понуждения».

С.И. Ожегов толкует термин «понуждение» как «заставление сделать что-либо». В словаре синонимов указаны такие варианты

¹ Куманяева Е.А. Понуждение к действиям сексуального характера // Актуальные проблемы российского права. 2012. №1 С. 242-244

трактования означенного понятия, как приневоливание, нажим, насилие, вынуждение¹.

Т.Ф. Ефремова определяет сущность понуждения как процесса соответствующего действия².

По мнению Н.Н. Коновалова, понуждение заключается и в обещаниях улучшить положение зависимого лица³.

С этимологической и уголовно-правовой точки зрения представляется целесообразным рассматривать понуждение как процесс осуществления определенных действий. Такой подход соответствует и лексическому значению термина, и обеспечению надлежащей правовой защиты означенной группы интересов. Соответственно, преступление, предусмотренное ст. 133 УК РФ, следует считать оконченным с начального момента осуществления процесса, направленного на принуждение потерпевшего совершить определенные действия сексуального характера. Такой подход обозначен и в действующей позиции высшей судебной инстанции.

Правоприменительная практика исходит из того, что каждый случай должен оцениваться индивидуально, при всестороннем анализе обстоятельств произошедшего. Однако, наиболее результативными мерами противодействия любому преступлению является его профилактика. Итальянский философ Чезаре Беккария еще в XVIII веке указал, что «лучше предупредить преступления, чем карать за них». Одной из современных наук по праву считается виктимология – наука о жертвах, теоретические и практические аспекты которой позволяют снизить виктимность человека, предупредить возможность наступления общественно опасных последствий, что крайне актуально для латентных преступлений.

Понуждение к действиям сексуального характера, как одно из наиболее сложно доказываемых преступлений, подлежит общей, а также индивидуальной виктимологической профилактике.

Первая группа целенаправленных мер ставит собой поднятие уровня правосознания населения, информирования о возможных

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2007. 944 с.

² Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. М., 2000. 1084 с.

³ Коновалов Н.Н. Понимание зависимости как способа совершения понуждения к действиям сексуального характера // Российский следователь. 2018. № 6. С. 19-22.

угрозах и опасностях, изменении криминогенного уровня, пропаганда традиционных общепринятых социальных и семейных ценностей, борьба с ложными социальными конструктами и деформированными устоями, маргинальными и асоциальными настроениями. Рассматривая детерминанты понуждения к действиям сексуального характера А.М. Калгужинова отмечает их социальную обусловленность, которая «характеризуется, факторами общественного и экономического содержания. Согласно первой концепции в стране с момента получения народом независимости и суверенитета происходит процесс глубинной переоценки всей системы социальных и нравственных ценностей, который не может осуществляться без конфликтов и противоречий на различных уровнях взаимоотношений между людьми. С экономической точки зрения усугублению насилия послужили формирующиеся в стране новые рыночные отношения, обусловившие широкомасштабное расслоение всего общества»¹.

Из вышесказанного следует, что в условиях деформации общественного сознания, насилие, во всех его проявлениях, оценивается, как допустимая мера к получения желаемого результата, что само по себе губительно и становится объектом криминологической и виктимологического воздействия. Яловая О.С. отмечает, что наиболее результативной мерой общей виктимологической профилактики является не только разъяснение населению их законных прав и обязанностей, но и принятию всесторонних мер к укреплению института семьи и брака. Разумеется, подобная позиция достаточно оправдана, однако, в части противодействия столь латентном преступлению против половой свободы и неприкосновенности указанных мер достаточно мало. Произошедшие глубинные переоценки ценностей потенциально опасны для устоев современного общества и столь обобщенными мерами противодействовать им не представляется результативным. Психическое насилие оценивается как оправданный метод достижения желаемого, вне зависимости от искомого результата. Таким образом, обстоятельным представляется реформирование системы образования, в части создания специализированных курсов, направленных

¹ Калгужинова А.М. Детерминантные особенности понуждения к действиям сексуального характера // Бюллетень науки и практики. 2016. №6. С. 362-366.

на повышение уровня доверия правоохранительным органам, чтобы полноценно противодействовать латентности данного сегмента преступности, особенно в части сообщения обо всех попытках склонения к не желаемому сексуальному контакту. Как мера общей виктимологической профилактики является ограничение на оборот порнографических и эротических материалов, которых в телекоммуникационной сети «Интернет» более чем достаточно, в различной их форме и выражении, для чего допустимо принимать меры по их блокированию и аресту сервером, предоставляющих к ним доступ на территории Российской Федерации. Для достижения данной задачи обоснованным является метод контент-анализа с помощью специализированного программного софта и технических средств.

Необходимым объектом воздействия является усиление экономической модели Российской Федерации, нивелирование безработицы и повышение общего уровня жизни населения, что по своей направленности способствует повышению среднемесячного дохода на душу населения и будет способствовать минимизации «зависимости» от материальных ресурсов третьих лиц, а равно сделает потенциальных жертв независимыми, а в случае покушения на половую свободу будет способствовать созданию устойчивой жизненной позиции и позволит противодействовать преступнику.

Индивидуальные меры виктимологической профилактики состоят в целенаправленном воздействии на обособленный сегмент преступности, а также на наиболее виктимные категории граждан. А.М. Калгужинова отмечает, что «отличительной особенностью индивидуальной виктимологической профилактики является то, что она имеет определенную локализацию во времени и пространстве, конкретизации в применении в отношении отдельного лица или определенной группы лиц»¹. Приоритетным объектом «целевого» виктимологического воздействия являются детерминанты понуждения к действия сексуального характера, которые охватываются волей потерпевшего. Прежде всего, индивидуаль-

¹ Калгужинова А.М. Детерминантные особенности понуждения к действиям сексуального характера // Бюллетень науки и практики. 2016. №6. С. 362- 366.

ные меры виктимологической профилактики должны быть направлены на создание моральных ценностей, одобряющих вступление в сексуальных контакт исключительно по обоюдному согласию, без насилия, вне зависимости от его формы. Для чего каждому человеку необходимо усваивать консервативные ценности полового воспитания, имеющей своей целью формирование правильных взглядов на отношение между полами, привитие правил и навыков поведения с лицами противоположного пола, основанных на уважении к достоинству их личности, а также подготовку к выполнению в будущем семейных обязанностей. Наряду с созданием чувства собственной полноценности и независимости, востребованной мерой представляется формирование «механизма защиты» – специализированного подразделения или органа, направленного на освещение проблематики половых преступлений, а также разъяснения возможных способов защиты от таковых, толкованием мер ответственности в отношении преступников, которые желают манипулировать потерпевшим для удовлетворения половых потребностей.

На сегодняшний день разработаны горячие линии поддержки, однако, они не имеют полноценного взаимодействия с правоохранительными органами, ввиду чего их эффективность достаточно посредственная, ввиду чего рассмотреть вопрос о закреплении их взаимодействия с органами государственной власти на законодательном уровне представляется необходимым и приоритетным.

Таким образом, преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности представляют собой совокупность одних из наиболее опасных общественных посягательств, наносящих вред не только интересам потерпевшего, но и всего общества в целом, деструктивно воздействуя на социальные устои и нравственные ценности. В современном мире наблюдается деформация моральных устоев, что влечет применение насилия, как одного из оправданных способов достижения цели, одновременно повышая виктимность различных категорий граждан. Следовательно, меры общей и индивидуальной профилактики являются соразмерным противодействием подобным угрозам.

Рыбалко Анастасия Анатольевна,
адъюнкт кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России

**Особенности личности субъектов,
совершающих действия, направленные на побуждение
несовершеннолетнего к совершению самоубийства**

Сведения о личности преступника всегда являлись одним из центральных элементов криминалистической характеристики преступления. В первую очередь это обусловлено ценностью таких сведений для целей планирования расследования, выдвижения следственных версий на первоначальном этапе расследования любого преступления.

Личность преступника находится в неразрывной связи с избираемым им способом реализации преступных намерений. Так, в зависимости от темперамента, имеющихся умений и навыков, ценностных ориентаций, а также некоторых иных личностных характеристик, преступник избирает наиболее приемлемый для него способ достижения преступного результата. Некоторые свойства субъекта совершения преступления находят свое отражение и в следах совершенного преступления. Отсюда следует наличие определенной корреляционной связи между личностью преступника и способом совершения преступления, механизмом следообразования. Учет такой связи имеет вспомогательное значение в условиях информационного дефицита, когда следователю приходится действовать при отсутствии фактически имеющейся доказательственной информации относительно личности субъекта, причастного к совершению преступления. Подобная ситуация расследования может быть охарактеризована как сложная, относящаяся к проблемной.

Согласно официальным статистическим данным Следственного комитета Российской Федерации по факту побуждения несовершеннолетнего к совершению самоубийства в 2018 году возбуждено 592 уголовных дела, в 2019 году – 573 дела, в 2020 году

– 611 дел, а за первое полугодие 2021 года – 439 дел¹. При этом Статистические данные, представленные Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, констатируют крайне низкий уровень раскрываемости таких преступлений. Так в 2018 году по ч.2 ст.110 УК РФ осуждено 2 лица, по ч.3 и ч.5 ст.110.1 УК РФ – 4 лица, по ст. 110.2 УК РФ – 1 лицо; в 2019 году по ч.2 ст.110 УК РФ осуждено 10 лиц, по ч.3 и ч.5 ст.110.1 УК РФ – 4 лица, по ст. 110.2 УК РФ – 1 лицо; в 2020 году по ч.2 ст.110 УК РФ осуждено 1 лицо, по ч.3 и ч.5 ст.110.1 УК РФ – 1 лицо, по ст. 110.2 УК РФ – осужденных нет; в первом полугодии 2021 года по ч.2 ст.110 УК РФ осуждено 4 лица, по ч.3 и ч.5 ст.110.1 УК РФ – осужденных нет, по ст. 110.2 УК РФ – 2 лица². Как сообщает в своем интервью старший помощник Председателя Следственного комитета Российской Федерации И.Ф. Комиссаров, количество направленных в суд уголовных дел, возбужденных по ст. 110 УК РФ («Доведение до самоубийства»), оказывается не больше 2,5% от количества возбужденных дел³. Такая ситуация возникает по причине отсутствия в распоряжении следователя на первоначальном этапе расследования сведений о лицах, причастных к совершению подобных преступлений, а также сложностью установления таких лиц, что является существенной проблемой при расследовании фактов побуждения несовершеннолетнего к совершению самоубийства.

Выход из проблемной ситуации возможен через принятие следователем информационных решений⁴, подразумевающих следующий алгоритм мыслительной деятельности и реализуемых мероприятий:

¹ См.: Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sledcom.ru/> (дата обращения 23.07.2021).

² См.: Данные судебной статистики по полугодиям и годам. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата доступа 17.03.2022 г.).

³ См.: Интервью старшего помощника Председателя Следственного комитета Российской Федерации Игоря Комиссарова газете «Известия». [Электронный ресурс]. URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1276735/?pdf=1> (дата обращения 08.11.2022).

⁴ См., напр.: Драпкин Л.Я., Долинин В.Н., Шуклин А.Е. Ситуационные аспекты процесса раскрытия преступлений // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2018. №4. С. 62-75; Шуклин А.Е. Особенности принятия информационных и тактических решений в сложных следственных ситуациях: дис. канд. юрид. наук ... Екатеринбург. 2012. С. 99-100.

- исследование и упорядочивание имеющейся в распоряжении следователя к конкретному моменту расследования информации;
- формирование фактической базы будущей версии;
- формирование теоретической базы будущей версии;
- логико-эвристическое сопоставление теоретической и фактической баз;
- формирование эвристического вывода (версионного умозаключения);
- выведение логического следствия из версионного умозаключения;
- проверка логических следствий путем их сопоставления с устанавливаемыми процессуальным путем фактами.

Фактическая база версий представляет собой полученную и задокументированную следователем, дознавателем или сотрудником органа дознания информацию по делу, которая раскрывает обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию в соответствии со статьей 73 УПК РФ.

Теоретическая же база версии представляет собой обобщенные сведения, полученные в результате расследования аналогичных преступлений, которые могут иметь форму аналитических обзоров, конкретных результатов судебно-следственной практики, личного и коллективного опыта, криминалистической характеристики расследуемой категории преступлений и т.п. Обращение к подобным сведениям позволяет выстроить мысленную модель предполагаемого преступного события, дополнив неизвестные сведения за счет вероятностных суждений.

Одним из направлений версионных суждений является выдвижение предположений относительно личности субъекта, совершившего преступление. Для того, чтобы выдвигать конкретные версии относительно личности преступника, необходимо обладать знаниями криминалистической характеристики расследуемого вида преступления, а именно сведениями о типичных особенностях личности преступника. Не является исключением и ситуация расследования деяний, направленных на побуждение несовершеннолетнего к совершению самоубийства.

В уголовном праве личность субъекта преступления исследуется исходя из необходимости установления тех признаков, которые позволят утверждать о возможности применения к нему уголовно-правовых институтов. В свою очередь уголовно-процессуальная точка зрения сводится к анализу личности преступника, направленному на обеспечение реализации норм материального уголовного права. Не осталась в стороне и юридическая психология, которая изучает данный предмет, отыскивая наиболее оптимальные пути воздействия на субъект преступления, а также взаимодействия с ним. В криминологии же личность преступника выступает одним из основных направлений исследования данной науки в широком спектре решения стоящих перед ней задач¹.

Также свое отражение данный предмет исследования получил и в криминалистике. Она изучает личность преступника исходя из анализа тех ее признаков, свойств и качеств, которые получают свое отражение в следовой картине преступления, либо тем или иным образом влияют на ее формирование, а также могут быть использованы при подготовке и производстве отдельных следственных действий. Так И.Ф. Герасимов высказывал суждение о том, что знание о личностных особенностях субъекта преступления, интересующее нас в процессе выявления, раскрытия и расследования преступлений, представляет совокупность изучения субъекта преступления с точки зрения криминалистики, криминологии и психологии².

Между тем, как отмечает Р.Л. Ахмедшин, в ходе раскрытия криминалистической характеристики личности преступника, следует исключать те сведения, которые не несут в себе никакой ценности для расследования, так как излишнее загромождение информацией приведет только лишь к снижению криминалистической ценности такого элемента характеристики преступления³. Для криминалистики значимыми сведениями о личности преступника

¹ См.: Ведерников Н.Т. Личность преступника в криминалистике и криминологии // Вестник Томского государственного университета. 2014. №384. С. 148-152.

² См.: Герасимов И.Ф. Криминалистические характеристики преступлений в структуре частных методик // Криминалистические характеристики в методике расследования преступлений. Свердловск, 1987. С. 5.

³ См.: Ахмедшин Р.Л. Криминалистическая характеристика личности преступника. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 101.

являются те, которые позволяют решать задачи, связанные с поиском преступника и оказанием последующего воздействия на него¹.

Исходя из обозначенных суждений, полагаем, что криминалистическое значение для расследования преступлений, направленных на побуждение несовершеннолетнего к совершению суицида, будут иметь следующие особенности личности преступника:

1. Пол;
2. Взаимосвязь с жертвой преступления;
3. Мотив преступных действий;
4. Возраст;
5. Образовательный уровень;
6. Семейное положение;
7. Социальное положение и род занятий;
8. Сведения о судимости;
9. Место проживания относительно жертвы преступления;
10. Нравственно-психологические свойства.

Анализ обозначенных особенностей надлежит проводить не с учетом общего массива данных, получаемых в ходе анализа преступлений, направленных на побуждение несовершеннолетнего к совершению самоубийства, среди которых преступления, ответственность за которые предусмотрена п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ, п. «а» ч.3, ч.5 ст. 110.1 УК РФ и ст. 110.2 УК РФ, а с разделением по способам реализации преступного умысла и в зависимости от возрастной группы. В качестве возрастных групп, для каждой из которых надлежит выявить типичные личностные особенности, предполагается определить две основные:

– лица, близкие по возрасту к потерпевшему (одноклассники, друзья, сверстники и пр.);

– лица, по возрасту значительно старше потерпевшего (воспитатели, близкие родственники, иные лица).

Предполагается, что категоризация субъектов совершения преступлений позволит произвести более детальное исследование личности преступника, выделить две невзаимосвязанные группы вероятностных подозреваемых с конкретизацией присущих каждой из них особенностей, индивидуализирующих вероятного преступника.

¹ См.: Ахмедшин Р.Л. Указ. соч. С. 104.

Таким образом, мы полагаем, что знание указанных личностных особенностей с выделением категорий преступников по обозначенным основаниям позволит выдвигать конкретные версии с высокой степенью вероятности, отработка которых существенно повысит эффективность расследования преступлений, направленных на побуждение несовершеннолетнего к совершению суицида.

Рясов Дмитрий Алексеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Особенности уголовно-правовой оценки использования биологических средств в целях диверсии

Нестабильность в межгосударственных отношениях в период отсутствия официально объявленных войн ставит перед недружественными государствами на первый план методы воздействия на оппонента, причиняющие максимальный ущерб в мирное время. Одним из таких методов является диверсия.

Такой способ всегда потенциально возможен, как старое, но «надежное средство» разрешения конфликта между странами и народами. Подобное использование можно условно назвать «антропологической константой» в международных отношениях, предшествующей открытым столкновениям. Судебно-следственная практика и уголовная статистика свидетельствуют, что диверсия как самостоятельное уголовно наказуемое деяние совершается весьма редко.

За четверть века действия Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) данное преступление находило отражение в материалах официальной статистики не более чем в двадцати единичных случаях. Небольшое количество обусловлено, на наш взгляд, как минимум двумя, обстоятельствами.

Во-первых, данное посягательство иногда квалифицируют как террористический акт (ст. 205 УК РФ). Это означает, что разграничение между этими двумя преступлениями не проводится или вызывает существенные трудности у правоприменителя.

И, во-вторых, содеянное порой оценивается как совершенное при идеальной совокупности с террористическим актом, что, вряд ли, по нашему мнению, правильно. Социальный парадокс диверсии состоит в том, что это «мирное» преступление. Диверсионные действия совершаются в то время, когда никакой войны или легитимного военного конфликта нет. Однако последствия от преступления по степени тяжести и вреда не уступают результатам боевых действий.

Совершение противоправного деяния может повлечь крушение поездов, авиационные катастрофы, аварии на объектах транспортной инфраструктуры, обрушение, либо обвалы на строительных объектах или любой другой материальный ущерб, причиняемый национальной безопасности страны, ее экономике и способности к обороне.

Соответственно диверсия – это своеобразная «война в миниатюре», т.е. тайные боевые операции в невоенное время. В русском языке слово «диверсия» (от лат. *diversion* – отклонение) толкуется как военные действия в тылу врага с целью выведения из строя объектов военного, государственного или народнохозяйственного значения¹.

В этой связи необходимо разобраться с понятийным аппаратом, т.е. провести разграничение между уголовно-правовым термином и достаточно распространенным его употреблением, связанным с определением «военная диверсия». В соответствии с доктриной уголовного права и действующим законодательством состав диверсии (ст. 281 УК РФ) представляет собой систему объективных и субъективных признаков.

С внешней стороны это альтернативное совершение взрыва либо поджога или иных общеопасных действий, посягающих на основы конституционного строя и безопасность государства. При любом из указанных вариантов усилия виновного должны быть направлены на разрушение или повреждение тех или иных имущественных комплексов. Это могут быть, например, различные производственные предприятия (заводы, фабрики); плотины, дамбы;

¹ Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 2-изд. М., 1995. С. 161.

транспортные развязки; средства связи; электростанции и другие объекты жизнеобеспечения населения.

С субъективной стороны, помимо умышленного характера действий, диверсия в обязательном порядке должна содержать специальную цель, которая заключается в намерении подорвать экономическую безопасность и обороноспособность России. Мотивы преступления, выступающие в виде: корыстных побуждений, мести, политической, идеологической, национальной или расовой ненависти, а также выполнение приказа (распоряжения) или решения организации, либо любые другие, утилитарного (узко индивидуального) характера, на установление оснований уголовной ответственности и квалификации содеянного влияния не оказывают.

Военное значение рассматриваемого термина (военная диверсия) состоит в том, что это самостоятельная, но второстепенная операция, предпринимаемая на каком-либо отдаленном от центра военных действий пункте для отвлечения внимания неприятеля, вынуждая его к разделению. Отличительным признаком таких действий является то, что они совершаются в военное время.

В соответствии с ч. 3 ст. 331 УК РФ уголовная ответственность за преступления, совершенные в такой период, определяется законодательством Российской Федерации военного времени, которого на сегодняшний день нет. Таким образом, между собой рассматриваемые категории (диверсия как преступление и военная диверсия) никак не связаны. У рассматриваемых понятий разная правовая природа.

Военная диверсия является категорий военного, а не уголовного права. Ответственность за неё по УК РФ не предусмотрена. В открытых вооруженных конфликтах диверсия, в том числе с использованием животных, представляет собой форму военной необходимости, т.е. это боевая операция, направленная на нанесение материального урона противнику.

Яркой иллюстрацией этого тезиса, на наш взгляд, являются исторические примеры использования диверсионных собак во время партизанского сопротивления в период Великой Отечественной войны. Животных задействовали в качестве передвижных взрывных устройств, т.е. как боевую биотехническую систему

для подрыва железнодорожных эшелонов. С.К. Гаврилов утверждал, что за всю войну было подготовлено всего четыре диверсанта для помощи партизанским отрядам. Причин подготовки столь небольшого числа животных было несколько. Однако в своей совокупности они, видимо, свидетельствовали о незначительной эффективности этого приема вооруженной борьбы. Во-первых, диверсантов надо было готовить свыше 4-х месяцев, что в условиях войны было долго. Во-вторых, у немцев была разработана достаточно оптимальная система против подобных действий. Так, например, для предупреждения подрыва поездов оккупанты, как правило, на 100 м вправо и влево от железнодорожного полотна старались вырубать деревья. Железнодорожные пути постоянно патрулировались мотодрезинами. Следовательно, осуществлять такой способ диверсионных действий было весьма затруднительно.

В-третьих, партизаны в знаменитой «рельсовой войне» вполне успешно обходились своими силами и не испытывали особой нужды в животных-диверсантах. Так, что вся слава диверсионных собак досталась только одной из них. Собака участвовала в двух боевых операциях. Остальные животные в военных действиях участия не принимали. Дина успешно подорвала эшелон с техникой и солдатами на железнодорожном перегоне Полоцк-Дрисса. Через некоторое время в этом же районе была проведена еще одна подобная операция и пущен под откос эшелон с боеприпасами¹. Овчарка осталась жива, но больше заданий не выполняла. Собака несла на себе взрывчатое вещество (около 4 кг тринитротолуола) в боевом разъемном вьюке (БРВ), который крепился четырьмя ремнями по бокам туловища. Вьюк был оснащен металлическим штырем длиной 8–10 см., закрепленным перпендикулярно корпусу животного. Конструкция завершалась небольшой рукояткой перед мордой животного. Овчарка должна была бежать наперерез эшелону таким образом, чтобы оказаться впереди поезда. Добежав до железнодорожного полотна, собака дергала зубами рукоятку и сбрасывала БРВ на рельсы. По инерции состав наезжал

¹ Плешаков А.М. Зоологические преступления (общественно опасные деяния с использованием животных). Общая часть. М.: Проспект, 2020. С. 66–67.

на боевое устройство, штырь (детонатор) при любом варианте соприкоснулся с металлом и вызывал взрыв. При диверсиях животные могут использоваться как орудие преступления¹.

В период «холодной войны» в СССР и в США для совершения диверсионных действий начали обучать морских млекопитающих из отряда ластоногих: морских львов, сивучей, морских леопардов и др. Однако в основном готовили животных из отряда китообразных, т.е. различного вида дельфинов: черноморские афалины, атлантические белобокие, беломордые и др. Задействовали, как правило, молодых самцов 4–5 лет. Эти сильные животные, длиной до 3 метров, развивают скорость до 50 км/час, ныряют до 70 м и могут находиться под водой до 15 мин.

Дельфины обладают способностью к эхолокации, имеют высокий уровень интеллекта, быстро обучаются, легко переносят неволю и дружелюбны к человеку. В военных океанариумах СССР и США проводились многочисленные и разнообразные эксперименты по использованию морских зверей в качестве боевых биотехнических систем. Данные по этому поводу известны лишь в ограниченном объеме и до сих пор остаются в основном закрытыми. По имеющимся сведениям, дельфинов, во-первых, обучали для применения на один раз, в качестве «живой торпеды» для уничтожения подводных лодок. Судя по всему, подобные усилия оказались не очень удачными².

Во-вторых, животных готовили как орудия для уничтожения гидротехнических сооружений, находящихся, в том числе и в пресной воде: гидроэлектростанций, плотин, судоходных шлюзов, дамб и т.п. Животных обучали для приведения в негодное для эксплуатации состояние транспортной инфраструктуры и водных путей: плотины, причалы, пирсы, паромные переправы, магистральные морские трубопроводы и т.д.

В-третьих, дельфинов использовали для контрдиверсионной деятельности. Животных обучали приближаться к боевым пловцам противника и отстреливать (сбрасывать) заряд с замедлением взрыва, либо выталкивать морского диверсанта на поверхность, срывать с него ласты, перекусывать кислородный шланг и т.п.

¹ Гаврилов С. Братья наши меньшие на фронтах Великой Отечественной войны // Наука и жизнь. 1989. № 6. С. 119.

² Долин А.А., Попов Г.В. Кэмп-традиция воинских искусств. М., 1991. С. 271.

Умышленное причинение смерти человеку при диверсии (ч. 3 ст. 281 УК РФ) не требует квалификации содеянного по совокупности со ст. 105 УК РФ. Данный вывод следует из правила, предусмотренного ч. 1 ст. 17 УК РФ, в соответствии с которым совокупность преступлений отсутствует, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьей Особенной части УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание. Диверсия, повлекшая умышленное причинение смерти человеку, как раз подходит под это юридическое установление об исключении совокупности преступлений (ст. 17 УК РФ).

Диверсия с использованием животных может совершаться путем взрыва и реже с помощью поджога и последующего пожара. Теоретически преступление может осуществляться «иными» действиями, т.е. схожими по интенсивности, общественной опасности и последствиям, например, обвалы, затопления, лавины и т.п. Однако правовым парадоксом диверсии является то, что в эти «иные действия» не входят те, которые вызывают распространение эпидемий (пандемий), эпизоотий и эпифитотий. Иными словами, применение биологического (бактериологического) оружия, т.е. болезнетворных (патогенных) живых организмов рассматриваемым составом преступления не охватываются.

Это обусловлено тем, что в диспозиции уголовно-правовой нормы говорится только о «разрушении или повреждении» материальных объектов или имущественных комплексов. Данное обстоятельство отличает действующее российское уголовное законодательство от УК РСФСР, в редакции от 27 августа 1993 г., где направленность иных действий при диверсии распространялась также и на «массовое уничтожение людей, причинение телесных повреждений либо другого вреда их здоровью...».

С позиций современного отечественного уголовного законодательства не являются анализируемым преступлением такие действия как заражение многих людей смертельными болезнями – чумой, тифом, сибирской язвой, бешенством и т.п. Подобное может происходить как при использовании биологических особей, которые переносят на себе вшей, блох и других насекомых – разносчиков заболеваний, так и с помощью погибших зараженных животных. Этот способ известен очень давно, он практиковался, напри-

мер, в средневековой Японии, где и получил обобщенное название – «шпионский манок». Для захвата крепостей и фортификационных сооружений ниндзя (профессиональные убийцы) использовали зараженных собак, кошек, обезьян, крыс и других животных, нередко дрессированных¹.

В настоящее время, такие действия могут оцениваться как террористический акт или умышленное убийство общеопасным способом двух или более лиц. В юридической литературе отмечалось, что отсутствие в составе диверсии указания на возникновение, эпидемий или эпизоотий, как результатов деяния, является недопустимым пробелом законодателя. На наш взгляд – это вряд ли правильно. Дело в том, что если и заполнять данный «пробел» (возможная криминализация деяния), то необходимо указывать на действия, создающие опасность гибели человека или наступления иных тяжких последствий. Примером может служить УК Республики Беларусь, где ст. 360 содержит указание на то, что диверсия, в том числе в форме иных действий, помимо прочего может создавать опасность гибели людей².

В доктрине уголовного права союзного государства эта форма преступного поведения даже получила обобщенное название «биотерроризм» и «биодиверсия». Однако при таком решении вопроса в российском уголовном законодательстве возникает другая проблема. В таком случае объективная сторона диверсии (ч. 1 ст. 281 УК РФ) фактически ничем не будет отличаться от террористического акта (ч. 1 ст. 205 УК РФ).

В юридической литературе достаточно давно обсуждается проблема допустимости квалификации деяния по совокупности указанных преступлений³

Высказывалось мнение, что возможны ситуации, когда виновный преследует две цели – разрушение материальных объектов

¹ Шумилов А.Ю. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. Комментарий к главе 29 УК РФ. С постатейным приложением нормативных актов и документов. М.: Изд-ль Шумилова И.И., 2001. 204 с.

² Уголовный кодекс Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения 15.09.2022).

³ Пухов А.А. К вопросу о понятиях «биотерроризм» и «биодиверсия» // Социология уголовного права и реформирование уголовного законодательства: Сборник статей (материалы IV международной научно-практической конференции) / под общ. ред. Е.Н. Салыгина, С.А. Маркунцова, Э.Л. Раднаевой. М., 2018. С. 207-214.

и воздействие на принятие решения органами власти или международными организациями.

Однако, различные цели террористического акта и диверсии определяют их разный уголовно-правовой статус. Терроризм, посягает на безопасность общества, а диверсия на безопасность государства. В силу субъективной несовместимости этих целей идеальная совокупность, на наш взгляд, вряд ли возможна. При диверсии и террористическом акте внешне похожими могут быть только способы их осуществления, т.е. взрывы и поджоги, в том числе совершенные с использованием животных.

В заключение следует отметить, что возможность совершения «мирной» диверсии с использованием животных базируется на ряде социально-психологических обстоятельств. Подобная вероятность обусловлена предыдущим военным опытом стран и народов, а также отдельными случаями применения биологических особей для совершения террористического акта. Такие прецеденты антиобщественного поведения, направленные на причинение вреда материальным объектам и людям, вполне могут повторяться и в дальнейшем.

Сальников Николай Вячеславович,
старший преподаватель кафедры
уголовно-правовых дисциплин
Университета прокуратуры Российской Федерации

**Логика нормативного построения составов преступлений
с альтернативными признаками
в Уголовном кодексе Российской Федерации**

«Законодательство – самое главное воплощение, контрапункт уголовно-политической мысли и вместе с тем самый верный и наглядный критерий ее качества»¹. Безусловно, качество работы по приданию содержанию воли законодателя нормативной

¹ Проблемы российской уголовной политики / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин. М.: Проспект, 2014. С. 66.

формы, предопределяет эффективность использования создаваемых правовых предписаний. Напротив, за проблемами применения той или иной нормы зачастую стоят именно дефекты ее изложения.

Становление уголовно-правового запрета закономерно определяется объективными социальными условиями, указывающими на потребность в особой охране наиболее значимых общественных отношений. Как отмечается, обеспечение процесса криминализации во многом происходит именно на основании информации, «адекватно отражающей социальную и криминологическую реальность...»¹, при этом законодатель, «образуя состав, должен отобразить в уголовном законе признаки множества разновидностей одного вида общественно опасного деяния, которые существуют объективно... учесть все многообразие жизненных ситуаций и всевозможные криминальные проявления запрещаемого поведения»².

Необходимость обеспечения оптимального закрепления в уголовном законе запрета различных по своей сути, но близких в уголовно-правовом значении разновидностями криминального поведения, обуславливает вопросы создания и соблюдения определенных правотворческих механизмов, направленных в том числе на определение форм фиксации отдельных комбинаций признаков преступного деяния в диспозиции уголовно-правовой нормы.

Решается эта задача зачастую благодаря использованию юридико-технических средств описания признаков преступления в диспозиции уголовно-правовой нормы посредством сложных разделительных суждений. Указанное подтверждается объемом в уголовном законе конструкций уголовно-правовых запретов, в которых описание криминальных проявлений запрещаемого поведения произведено посредством альтернативного изложения криминообразующих признаков. Анализ Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) свидетельствует

¹ Проблемы российской уголовной политики / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин. М.: Проспект, 2014. С. 32.

² Иванчин А.В. О некоторых правилах образования уголовно-правовых запретов // Юридическая наука. 2017. №3. С. 118.

о том, что более 70 % диспозиций уголовно-правовых норм, описывающих существенные признаки, присущие преступлениям конкретных видов, сконструированы с использованием сложных разделительных суждений.

Нельзя не согласиться с утверждением о том, что нормативное предписание (в том числе уголовно-правовое) «как некое веление правотворческого органа с необходимостью должно быть облечено в некую логически завершённую форму, которая позволяла бы адекватно воспринимать смысл этого веления»¹. В этой связи следует подчеркнуть, что состав преступления исследователями рассматривается как логическая конструкция, выражающая суждение законодателя о преступлении определенного вида². Указанное абсолютно обоснованно, так как суждение по своей сути является универсальной формой раскрытия существующих в действительности связей и отношений, а любая законодательная норма с точки зрения логики может быть рассмотрена как особого рода суждение, т.е. утверждение или отрицание какого-либо факта, права или обязанности³. Как замечает М.Б. Кострова, «очевидное присутствие в тексте логического компонента, наряду с языковым, объясняется онтологическим статусом языка и мышления в общей картине мира и их соотношением... Соответственно, и текст УК, как и любой текст, имеет логическую и языковую составляющие»⁴.

Исходя из этого одним из важнейших требований, предъявляемых к тексту уголовного закона, должно выступать соблюдение логических правил его грамматического построения⁵. Иными

¹ Асланян Р.Г. Логическая форма выражения нормативного предписания особенной части уголовного права // Российский следователь. 2021. № 11. С. 52.

² См.: Князьков А.А. Теория и практика квалификации преступлений: учебное пособие. Ярослав. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. Ярославль: ЯрГУ, 2018. С. 15; Абубакиров Ф.М. Актуальные проблемы применения Общей части уголовного права: учебное пособие. Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2005. С. 68.

³ Логика: учеб. для студентов юрид. вузов и фак. / Е.А. Иванов. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 98-99.

⁴ Кострова М.Б. Теоретическая модель языковой формы нового уголовного кодекса России // Lex russica. 2015. Т. 109. № 12. С. 99-100.

⁵ Фролов Е.А. Стабильность закона и соотношение формально определенных и оценочных понятий в уголовном праве // Проблемы советского уголовного права и криминологии. Свердловск, 1973. Вып. 28. С. 35; Логика: учеб. для студентов юрид. вузов и фак. / Е.А. Иванов. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 131-132.

словами, «природа» грамматических конструкций должна соответствовать сущности конструкций логических. В свою очередь, использование разделительных суждений при конструировании составов преступлений с альтернативными признаками безусловно должно основываться на логическом базисе, как выражающем содержание подобного рода стиля изложения.

В формальной логике сложные суждения классифицируются в зависимости от того, каким у них является главный логический союз¹. Исходя из этого рассматриваются два типа разделительных логических суждений: исключаяюще-разделительные (чисто-разделительные) и неисключаяюще-разделительные (соединительно-разделительные).

Исключаяюще-разделительными (зачастую именуемыми альтернативными) обозначаются суждения, полученные из двух других с использованием союза «либо». Сущность данного союза заключается в том, что он соединяет несовместимые друг с другом суждения, чем определяются его семантические свойства². Таким образом, одновременная истинность, как и одновременная ложность суждений при их связи логическим союзом «либо» не допускается (истинным является лишь один вариант из приведенных)³.

В качестве неисключаяюще-разделительных как правило рассматриваются суждения, полученные из любых двух суждений при помощи логического союза «или», которому, как принято считать, не придается исключаяющего смысла. Суждения, соединяемые союзом «или», совместимы и, соответственно, признаются истинными при истинности как одного из них, так и всех одновременно (допускается как один, так и одновременно несколько обозначенных вариантов)⁴.

Заметим, что исследователями не исключается возможность различного грамматического содержания семантики логических знаков. В частности, отмечается, что в русском языке союз «или» может употребляться как в исключаяюще-разделительном, так и в

¹ См.: Формальная логика. Учебник для филос. фак. ун-тов / Отв. ред. И.Я. Чупахин, И.Н. Бродский. Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1977. С. 70.

² Там же. С. 71.

³ Там же. С. 72.

⁴ Там же; Новиков П.С. Элементы математической логики. 2-е изд., испр. Москва: Наука, 1973. С. 37.

соединительно-разделительном значениях¹. К примеру, О.Ф. Серебрянников полагает, что «союз «или» употребляется в неисключающе-разделительном смысле, если выражение «X или Y» рассматривается как логически равнозначное выражению «X или Y, или то и другое»..., если выражение «X или Y» логически равнозначно выражению «X или Y и неверно, что X и Y»..., то в данном случае мы имеем дело с исключаящим «или»². В связи с тем, что союз «или» может выступать как чисто-разделительным, так и соединительно-разделительным, для правильности построения разделительного суждения в каждом конкретном случае предлагается учитывать его точное значение³.

Подчеркнем, что обозначенная позиция не лишена изъянов и подвергается критике как несоответствующая «языковой интуиции» в силу того, что ей одновременно признаются два различных логических значения самостоятельного союза «или», тогда как данный союз «во всех случаях его употребления воспринимается носителями русского языка как одно и то же слово»⁴, кроме того, «значения разделительной и неразделительной дизъюнкции у союза или не всегда различаются достаточно четко»⁵.

Анализ диспозиций статей Особенной части УК РФ показывает, что законодатель при описании в едином составе преступления самостоятельных вариантов нарушения уголовно-правового запрета использует различные грамматико-логические конструкции.

Помимо «стандартных» разделительных союзов «или», «либо» в указанных целях применяются отдельные вариации союзов «и» (например, в ч. 1 ст. 215³ УК РФ, ч. 1 ст. 222² УК РФ, ст. 218

¹ См.: Формальная логика. Учебник для филос. фак. ун-тов / Отв. ред. И.Я. Чупахин, И.Н. Бродский. Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1977. С. 118; Серебрянников О.Ф. Эвристические принципы и логические исчисления. Москва: Наука, 1970. С. 140; Корнакова С.В. Логика для юристов: учебник. Иркутск: БГУЭП, 2015. С. 38.

² Серебрянников О.Ф. Эвристические принципы и логические исчисления. Москва: Наука, 1970. С. 140.

³ Формальная логика. Учебник для филос. фак. ун-тов / Отв. ред. И.Я. Чупахин, И.Н. Бродский. Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1977. С. 118.

⁴ См.: Падучева Е.В. Опыт логического анализа значения союза или // Науч. докл. высш. шк. филол. науки. 1964. № 6. С. 145-146; Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 47.

⁵ Падучева Е.В. Опыт логического анализа значения союза или // Науч. докл. высш. шк. филол. науки. 1964. № 6. С. 148.

УК РФ), «а также» (в ч. 1 ст. 141 УК РФ, ч. 1 ст. 173¹ УК РФ), «а равно» (в ст. 156, ч. 1 ст. 208 УК РФ, ч. 1 ст. 223 УК РФ), конструкция «и (или)» (в ст. 138¹ УК РФ, ч. 1 ст. 242 УК РФ, ч. 1 ст. 258¹ УК РФ). Наряду с этим используются средства пунктуации, в частности, перечисление вариантов преступного поведения через запятую (ч. 1 ст. 142 УК РФ, ч. 1 ст. 222 УК РФ, ч. 1 ст. 228 УК РФ), заключение их в скобки (ч. 1 ст. 184 УК РФ, ч. 1 ст. 185⁵ УК РФ, ст. 284² УК РФ), а также структурирование диспозиции статьи с обозначением самостоятельных пунктов (ч. 1 ст. 213 УК РФ, ч. 1 ст. 256 УК РФ, ч. 1 ст. 258 УК РФ).

Вместе с тем в отдельных случаях разделительные суждения применяются законодателем без достаточной степени системности и последовательности, в том числе и без учета логических оснований. В качестве характерных дефектов нормативного конструирования составов преступлений с альтернативными признаками, связанных с несоответствием создаваемых законодателем грамматических конструкций логическому содержанию разделительных силлогизмов, следует выделить следующие.

1. При построении сложных разделительных суждений используются соединительные (конъюнктивные) союзы, что предопределяет невозможность альтернативности суждения с логической точки зрения.

Так, союз «и», а также равнозначные ему союзы (к примеру, союз «а также») являются соединительными и их логическая функция (конъюнкция, от лат. *conjunction* – союз, связь) обуславливает истинность суждения исключительно при условии одновременной истинности всех его составляющих¹.

В случаях использования соединительных союзов суждение не предполагает выбора вариантов и обуславливает необходимость одновременной связи его составляющих. К примеру, при характеристике проблем восприятия и интерпретации сочинительных конструкций с союзом «и» О.В. Зуга отмечает, что данный

¹ Логика: учеб. для студентов юрид. вузов и фак. / Е.А. Иванов. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 131; Формальная логика. Учебник для филос. фак. ун-тов / Отв. ред. И.Я. Чупахин, И.Н. Бродский. Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1977. С. 71; Серебрянников О.Ф. Эвристические принципы и логические исчисления. Москва: Наука, 1970. С. 139; Логика: учебник для юридических вузов / под ред. В.И. Кириллова, А.А. Старченко. Изд. 6-е, перераб. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. С. 78-79.

союз «...указывает на перечисление условий, каждое из которых должно быть выполнено»¹. Р.В. Черепенников подчеркивает, что «в уголовном праве союзы «и» и «или» необходимо рассматривать по аналогии с лексическим значением терминов, наделяя их признаками однозначности и ограниченности. Итогом такого толкования союзов исследователь обозначает необходимость наличия двух каких-либо условий при использовании соединительного союза «и» и одного условия при разъединительном союзе «или»². В этой связи отмечается, что при перечислении условий, из которых достаточно выполнение лишь одного, не допускается использование союза «и», а в случае перечисления условий, каждое из которых должно быть выполнено, не допускается использование союза «или»³.

Однако анализ диспозиций статей действующего уголовного закона позволяет сделать вывод о нарушении обозначенного требования. В качестве примера приведем текст диспозиции ч. 1 ст. 222² УК РФ – «незаконные приобретение, передача, хранение, перевозка, пересылка или ношение крупнокалиберного огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему». Исходя из грамматико-логического описания преступного деяния можно прийти к выводу, что уголовная ответственность в данном случае предусмотрена за незаконные действия, осуществляемые одновременно в отношении основных частей и боеприпасов к крупнокалиберному огнестрельному оружию. Об этом свидетельствует то, что изложение предметов в составе преступления произведено посредством соединительного союза «и». При грамматическом толковании диспозиции ч. 1 ст. 215³ УК РФ – «Самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам...» также напрашивается вывод о том, что ответственность в соответствии с указанной нормой предусмотрена в том числе за самовольное подключение к нефтепродуктопроводам и

¹ Зуга О.В. Проблемы восприятия и интерпретации сочинительных конструкций с союзами и, или в законодательных актах Российской Федерации // Политическая лингвистика. 2020. №3 (81). С. 193.

² Черепенников Р.В. Некоторые вопросы грамматического толкования уголовно-правовых норм // Юрист. 2005. № 9. С. 63.

³ Судебная лингвистика: монография / О.Н. Матвеева и др. Барнаул: Концепт, 2015. С. 88.

газопроводам безальтернативно. Аналогичные дефекты содержатся в тексте диспозиции ст. 218 УК РФ – «нарушение правил учета, хранения, перевозки и использования взрывчатых, легко воспламеняющихся веществ и пиротехнических изделий...».

Союз «а также» определяется как сложный союз с присоединительным значением. Как и союз «и», по содержанию он соотносится с «чистой конъюнкцией»¹. Союз «а также» употребляется как правило для объединения множества семантических объектов в одну группу и добавления самостоятельной части суждения.

Однако в диспозициях статей Особенной части уголовного закона указанный союз в большей степени используется в качестве разделительного, например, как в диспозиции ч. 1 ст. 287 УК РФ – «неправомерный отказ в предоставлении или уклонение от предоставления информации (документов, материалов), а также предоставление заведомо неполной либо ложной информации...».

На наш взгляд, в подобных конструкциях более уместно было бы использовать активно применяемый в тексте уголовного закона союз «а равно». Признание альтернативного характера указанного союза проиллюстрировано в официальном отзыве Верховного Суда Российской Федерации на проект федерального закона «О внесении изменения в статью 205 Уголовного кодекса Российской Федерации». В частности, в документе отмечено, что дополнение ч. 1 ст. 205 УК РФ предлагаемыми в соответствии с проектом мотивами «целесообразно начать с разделительного союза «а равно», что укажет на альтернативный характер нового признака...»².

2. Размытость границ между логическим содержанием используемых разделительных конструкций и отсутствие средств конструирования, позволяющих однозначно указывать на характер разделения признаков состава преступления.

Ранее были отмечены содержательные особенности союза «или», заключающиеся в возможности его различного логического значения в сложных текстовых суждениях. В этом смысле

¹ Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 290.

² Официальный отзыв Верховного Суда Российской Федерации от 25.07.2019 № 4-ВС-4969/19 «На проект федерального закона «О внесении изменения в статью 205 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

текст уголовного закона не является исключением. Так, в диспозициях статей Особенной части уголовного закона союз «или» может использоваться как в соединительно-разделительном значении (к примеру, в ст. 324 УК РФ), так и выступать средством строгого разделения (например, в ст. 308 УК РФ). В этой связи однозначно определить характер разделительного суждения при использовании указанного союза возможно лишь с помощью системно-функционального толкования уголовно-правовой нормы.

Более отчетливо несоответствия логического содержания используемых в диспозициях уголовно-правовых норм разделительных конструкций проявляются при описании вариантов преступного поведения с помощью союза «либо». Указанный союз логически выражает строгую дизъюнкцию, текстуально используется как правило в качестве разделяющего при построении сложных суждений и подчеркивает их исключающе-разделительный характер.

Тем не менее, анализ диспозиций статей Особенной части уголовного закона демонстрирует, что строго разделительный союз «либо» используется законодателем прежде всего в качестве синонима союза «или», имеющего по сути два несовпадающих логических значения. Иными словами, применение союза, призванного грамматически выражать строгую дизъюнкцию, допускается при создании соединительно-разделительных суждений. В качестве примера приведем фрагменты диспозиций: ч. 1 ст. 199² УК РФ – «Соккрытие денежных средств либо имущества...»; ч. 1 ст. 232 УК РФ – «Организация либо содержание притонов...»; ст. 279 УК РФ – «Организация вооруженного мятежа либо активное участие в нем...»; ч. 1 ст. 272 УК РФ – «...повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации». Подобный стиль нормативного изложения идет вразрез с логическими принципами построения грамматического строя описания сложных разделительных суждений.

Обозначенная ситуация в целом позволяет обратить внимание на отсутствие в арсенале законодателя средств конструирования, обеспечивающих однозначное указание на характер разделения при описании вариантов криминальных проявлений запрещаемого поведения.

В данном случае следует оговориться, что учеными-лингвистами отмечаются определенные отличия естественно-языковых

высказываний от высказываний логических, выражающиеся, в том числе, в стирании границ между конъюнктивными, дизъюнктивными и имплицативными конструкциями¹. Вместе с тем принцип правовой определенности уголовного закона диктует необходимость обеспечения условий однозначного определения характера содержащихся в нем суждений.

3. Отсутствие системности в использовании разделительных связок.

Учитывая обозначенные различия в грамматическом и логическом содержании применяемых разделительных союзов, следует обратить внимание на использование законодателем при описании альтернативных преступных вариантов конструкции «и (или)».

Для начала стоит отметить, что скобки в соответствии с правилами пунктуации являются знаком препинания, к логическим средствам разделения не относятся и выполняют функции пояснения, дополнения или уточнения высказываемой мысли, в связи с чем «подменять скобками разделительный союз «или» ошибочно»². Так, к примеру, в диспозиции ч. 1 ст. 173¹ УК РФ применение скобок обусловлено необходимостью уточнения описания преступного деяния – «Образование (создание, реорганизация) юридического лица через подставных лиц...», в диспозиции ч. 1 ст. 243 УК РФ – конкретизации предметов посягательства – «Уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры)...».

По всей видимости союз «и» в анализируемых конструкциях призван указать на соединение составляющих частей приводимого суждения, союз или – напротив, показать их строгое разделение. Таким образом, объединяя в себе соединительный и разделительный союзы, конструкция «и (или)», по всей видимости, должна обеспечить нестрогое разделение суждения, указать на допустимость истинности как одного, так и нескольких связанных ею составляющих. Подтверждение обозначенный тезис находит в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации,

¹ Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 43.

² Методические рекомендации по лингвистической экспертизе законопроектов. М.: Издание Государственной Думы, 2013. С. 16.

которым установлена конституционность положений статьи 199 УК РФ. В нем, в частности, отмечено, что «...для обозначения публичных платежей – предметов предусмотренного статьей 199 УК Российской Федерации преступления продолжает использоваться конструкция «и (или)», указывающая на альтернативную возможность как одновременного их наличия, так и присутствия лишь одного из них»¹.

Учитывая изложенное, возникает вопрос в обоснованности одновременного использования в диспозициях уголовно-правовых норм союза «или» и конструкции «и (или)», которым, по сути, присваивается одинаковая функция – указание на возможность нестрогого разделения признаков состава преступления.

В свою очередь, применение в указанных целях союза «и» лишь усложняет положение правоприменителя. К примеру, в диспозиции ч. 1 ст. 258¹ УК РФ в качестве «указателей» нестрогого разделения одновременно используются союз «и» и конструкция «и (или)» – «Незаконные добыча, содержание, приобретение, хранение, перевозка, пересылка и продажа особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, их частей и дериватов (производных)».

Отсутствие системности в использовании разделительных связок способствует возникновению смысловых противоречий и текстуальных дефектов уголовного закона, не обеспечивает формирования законодательного стиля его изложения и корректного применения.

При этом очевидно, что конструирование составов преступлений с альтернативными признаками не должно осуществляться произвольно. Прежде всего, в процессе конструирования обозначенных составов законодателю следует более тщательно относиться к выбору разделительных средств, учитывая логические основания их применения.

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 09.07.2019 № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.Н. Алганова» // СПС «КонсультантПлюс».

Сачков Андрей Николаевич,
арбитражный управляющий Ассоциации
«Евросибирская саморегулируемая организация
арбитражных управляющих “Евросиб”»

Совершенствование российского уголовного законодательства в сфере ответственности за организацию деятельности финансовых пирамид

Новеллы уголовного законодательства зачастую с момента их появления становятся предметом критики специалистов. При этом с течением времени происходит апробация соответствующих уголовно-правовых предписаний, которая позволяет сформировать более объективное мнение относительно качества конкретного уголовно-правового запрета. По результатам правоприменительной практики уже можно с уверенностью проводить ревизию новых норм уголовного закона, которая позволяет намечать пути их совершенствования.

В юридической литературе состав преступления, предусмотренный ст. 172² УК РФ, подвергался уже неоднократному критическому осмыслению. Так, А.Я. Аснис, анализируя существующую конструкцию уголовно-правового предписания об ответственности за организацию деятельности финансовых пирамид, обращает внимание на следующие недостатки ст. 172² УК РФ:

1) в существующем виде объективная сторона исследуемого состава преступления характеризуется деянием в виде организации деятельности финансовой пирамиды. Сопоставляя данные признаки с соответствующим административным правонарушением, можно сделать вывод о том, что ст. 172² УК РФ запрещается только организация деятельности, но не само функционирование (осуществление деятельности) финансовой пирамиды;

2) диспозиция ч. 1 ст. 172² УК РФ оперирует признаком сопоставимости объёма привлечённых денежных средств и произведённых вложений в инвестиционную деятельность. Признак «сопоставимость» в данном случае является избыточно оценочным, поскольку не предусматривает даже приблизительных рамок соотношения;

3) рассматриваемый уголовно-правовой запрет содержит ссылку на иную деятельность, наряду с инвестиционной и иной законной предпринимательской деятельностью, связанной с использованием привлеченных денежных средств и (или) иного имущества;

4) ответственность установлена за привлечение денежных средств физических или юридических лиц, но из этого круга выпадают государственные и муниципальные органы¹.

Относительно первого замечания следует отметить, что оно является вполне обоснованным. В существующем виде диспозиция ч. 1 ст. 172² УК РФ может быть истолкована неоднозначно. Закон не содержит прямых указаний о широте понимания признаков организации деятельности. В действующем российском уголовном законодательстве подобные признаки используются неоднократно.

Например, в ст. 205⁵ УК РФ, предусматривающей ответственность за организацию деятельности террористической организации, в качестве наказуемых действий названы организация деятельности и участие в деятельности. При этом, в силу п. 22.7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», уголовная ответственность по ч. 1 ст. 205⁵ УК РФ наступает за организацию деятельности террористической организации, состоящую в действиях организационного характера, направленных на продолжение или возобновление противоправной деятельности запрещённой организации (например, созыв собраний, организация шествий, использование банковских счетов, если это не связано с процедурой ликвидации).

Под участием в деятельности террористической организации понимается совершение лицом умышленных действий, относящихся к продолжению или возобновлению деятельности данной организации (проведение бесед в целях пропаганды деятельности

¹ Аснис А.Я. Некоторые проблемы уголовной ответственности за организацию финансовых пирамид // Адвокат. 2016. № 11. С. 21-29.

запрещённой организации, непосредственное участие в проводимых организационных мероприятиях и т.п.)¹.

В свою очередь состав организации деятельности экстремистской организации (ст. 282² УК РФ) включает такие криминальные действия как непосредственно организация деятельности, участие в ней, так и склонение, вербовку или иное вовлечение лица в деятельность экстремистской организации. Разъяснения по пониманию данных признаков предлагаются в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» и они по своему смыслу совпадают с таковыми применительно к организации деятельности террористической организации².

Опираясь на изложенное толкование признаков организации деятельности, можно сделать вывод о том, что таковая, всё же, не ограничивается только созданием финансовой пирамиды. Ещё одним косвенным подтверждением может служить конструкция ст. 239 УК РФ (Создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан), где действия в виде создания запрещённой организации отделены от руководства ею. Иными словами, если бы наказуемым признавалось только создание финансовой пирамиды, то для этого использовался соответствующий термин.

Вместе с тем данные рассуждения необходимо воспринимать как подтверждение наличия проблемы толкования признаков организации деятельности финансовой пирамиды. Очевидно, что существующее нормативное описание изучаемого преступления, особенно при его сопоставлении с административным правонарушением, предусмотренным ст. 14.62 КоАП РФ, создаёт предпосылки для противоречивого толкования.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (ред. от 03.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (ред. от 28.10.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.

По вопросу о признаке сопоставимости – здесь также стоит поддержать А.Я. Аснис. Признак сопоставимости объёмов привлечённых денежных средств или иного имущества объёмам их использования в коммерческой деятельности, в силу буквального толкования, в принципе, может означать как равенство, так и расхождение. Главный вопрос состоит в допустимом размере такого расхождения. Вероятно, это может быть 10 %, 20 %, 30 %. Думается, что даже большие цифры могут быть признаны сопоставимым размером. Особенно, если трактовать термин «сопоставимый» в значении «сравнимый», то есть используемый для сравнения.

Важное замечание сделано А.Я. Аснис в связи с указанием в тексте диспозиции ч. 1 ст. 172² УК РФ на возможность использования привлечённых ресурсов не только в инвестиционной и (или) иной законной предпринимательской деятельности, но и в иной деятельности. Теоретически иной деятельностью можно признать распределение привлечённых денежных средств или иного имущества среди организаторов финансовой пирамиды и первоначальных (предшествующих) вкладчиков. То есть использование привлечённых средств в финансовой пирамиде, в силу буквального толкования уголовного закона, это иная деятельность, не являющаяся инвестиционной или иной законной предпринимательской деятельностью. Совершенно очевидно, что законодатель не вкладывал такой смысл в исследуемое уголовно-правовое предписание.

И, наконец, указание о том, что составом преступления, предусмотренным ст. 172² УК РФ, охватывается лишь привлечение денежных средств или иного имущества физических и юридических лиц, не включая органы государственной и муниципальной власти. Анализ данного положения позволяет с ним не согласиться. Во-первых, довольно сомнительно, чтобы в современных условиях органы государственной или муниципальной власти имели возможность осуществлять инвестиции в коммерческие проекты такого рода. Во-вторых, такие органы действуют, как правило, в качестве юридических лиц, что уже исключает обоснованность такого замечания.

Анализ высказанных в уголовно-правовой науке предложений, ориентированных на повышение эффективности российского уголовного законодательства об ответственности за организацию

деятельности финансовых пирамид, позволяет в дополнение к полученным результатам перейти к разработке ещё ряда инициатив, учитывающих соответствующие передовые достижения.

Прежде всего стоит остановиться на вопросе о наименовании рассматриваемой статьи. Известно, что «пользователем», «адресатом» уголовного закона является не только, а, может быть, не столько правоприменитель, сколько население, обычные граждане, стремящиеся соблюдать уголовно-правовые предписания. И поэтому текст уголовного закона должен быть доступен для восприятия и, по возможности, максимально прост в изложении запрета. В существующем виде наименование «Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества» не даёт представления о сущности уголовно-правового запрета.

Это наименование, безусловно, вызывает справедливую критику. Очевидно, что ситуации подлежит исправлению. И сделать это можно путём, который, на наш взгляд, находится на поверхности. Суть и смысл изучаемого преступления сводится к организации деятельности финансовой пирамиды. И хотя название такого механизма является условным, его уже можно признать прочно и устойчиво вошедшим в повседневный обиход. Достаточно упомянуть, что на официальном сайте Банка России регулярно публикуется информация о финансовых пирамидах.

В этой связи мы считаем, что наименование ст. 172² УК РФ должно быть изменено на всем понятную формулировку «Организация деятельности финансовой пирамиды». При этом в тексте диспозиции ч. 1 ст. 172² УК РФ считаем необходимым в целом сохранить существующий принцип описания данного состава преступления, что будет корректно сопряжено с предложенным наименованием статьи.

Вместе с тем редактирования требуют отдельные аспекты в описании объективной стороны состава организации деятельности финансовой пирамиды. В частности, во избежание потенциального противоречивого толкования исследуемого преступления имеется целесообразность в дополнении признака «организация» указанием на руководство и управление этой деятельностью. Это позволит устранить такой вариант трактовки объективных призна-

ков данного общественно опасного деяния, при котором организация может быть расценена в качестве лишь создания финансовой пирамиды. Ведь, последующее руководство и управление такой деятельностью не менее значимо для функционирования финансовой пирамиды и, соответственно, не менее общественно опасно.

Затрагивая проблему соотношения организации деятельности финансовой пирамиды с хищениями и, в частности, с мошенничеством, следует обратить внимание на то, что существующая редакция ст. 172² УК РФ не содержит основательных предпосылок для возникновения правоприменительных проблем в данном ракурсе. Мошенничество может совершаться в процессе организации деятельности и дальнейшего функционирования финансовой пирамиды. Сопоставительный анализ ст. 159 УК РФ и ст. 172² УК РФ очевидных проблем и противоречий обнаружить не позволяет.

Однако имеющиеся сложности правоприменительного плана, по нашему мнению, во многом предопределяются разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, данными в п. 12 постановления от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», где указано, что если умысел лица направлен на хищение чужого имущества путём обмана или злоупотребления доверием под видом привлечения денежных средств или иного имущества граждан или юридических лиц для целей инвестиционной, предпринимательской или иной законной деятельности, которую фактически не осуществляло, то содеянное в зависимости от обстоятельств дела образует состав мошенничества (чч. 1, 2, 3 или 4 ст. 159 УК РФ) или мошенничества, сопряжённого с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности (чч. 5, 6 или 7 ст. 159 УК РФ), и дополнительной квалификации по ст. 172² либо 200³ УК РФ не требует.

Дело в том, что изложенная редакция разъяснений высшей судебной инстанции зачастую неверно истолковывается. Правоприменитель нередко воспринимает эти разъяснения как исключительные признаки организации деятельности финансовой пирамиды при наличии в деянии признаков мошенничества. Однако при внимательном анализе рассматриваемых разъяснений, становится понятно, что они содержат несколько иной смысл.

В п. 12 названного постановления речь ведётся исключительно о ситуациях, совершения мошенничества под видом организации привлечения денежных средств ..., то мошенничества под видом финансовой пирамиды. В таком случае, конечно же, содеянное должно быть квалифицировано только как мошенничество.

В то же время, изложенное совсем не означает, что изъятие из оборота финансовой пирамиды части денежных средств в пользу организатора или руководителя не может образовывать признаки их хищения. Результаты проведённого нами исследования позволяют утверждать, что существующие законодательные положения об ответственности за мошенничество и организацию деятельности финансовой пирамиды не являются взаимоисключающими. Не даёт противоположных разъяснений и Пленум Верховного Суда РФ.

Таким образом, в целях исключения возможного неоднозначного толкования рекомендаций, данных в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ, данными в п. 12 постановления от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», считаем необходимым произвести их текстуальное редактирование.

Свиридов Дмитрий Александрович,
начальник кафедры
уголовного процесса и криминалистики
Могилевского института МВД Республики Беларусь

Уголовная политика Республики Беларусь: современные тенденции

На современном этапе развития государства вопросы совершенствования государственной уголовной политики весьма неоднозначны и представляет собой совокупность разнообразных элементов. Реализация же уголовной политики возможна в процессе применения на практике не только специальных мер, но и социального порядка. Сам термин «уголовная политика» в юридической и научной литературе применяется довольно часто и в разных контекстах, что влечет за собой различного рода разночтения в его

понимании. Говоря об уголовной политике в широком ее понимании, как правило, имеется в виду государственная политика, направленная на выработку тактики и стратегии противодействия преступности с целью обеспечения законности и правопорядка. В узком же смысле под уголовной политикой понимается норма права, которая является ее базисом. Несмотря на то, что уголовная политика многогранна, ее структура в полной мере отвечает действующему белорусскому законодательству и делению на отрасли права.

Действующий Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее УК) нередко подвергается критике не только со стороны ученых, но и со стороны правоприменителей. Несмотря на отдельные предложения по формированию нового уголовного закона следует понимать, что это повлечет за собой переработку и иных законов, которые тесно связаны с уголовным. Видится, что в настоящее время следует ограничиваться лишь теми изменениями, которые являются наиболее существенными для общества и государства: обеспечить обоснованность криминализации или декриминализации тех или иных деяний, осуществить пересмотр справедливости наказаний за отдельные виды общественно опасных деяний, избавлением от норм, осуществить анализ «мертвых» уголовно-правовых норм и принять в отношении них решения об исключении.

В настоящее время уголовная политика Республики Беларусь имеет ряд четко выраженных тенденций. Прежде всего, это тенденция декриминализации и смягчения уголовной ответственности отдельных преступлений. Так, в частности, только в 2021 году из УК законодателем было исключено семь составов преступлений, которые предусматривали ответственность за повторное правонарушение в течение одного года после наложения административного взыскания за такое же деяние (незаконное распоряжение денежными средствами, находящимися на банковских счетах субъекта хозяйствования (ст. 234¹); обман потребителей (ст. 257); нарушение правил охраны недр (ч. 1 ст. 271); нарушение правил радиационного контроля (ст. 326); незаконное пользование эмблемой Красного Креста, Красного Полумесяца, Красного Кристалла (ст. 385); самовольное занятие земельного участка (ст. 386); передача предметов или веществ лицу, содержащемуся в следственном изоляторе, исправительном учреждении, исполняющем наказание

в виде лишения свободы, или арестном доме, либо получение от него предметов и веществ (ст. 412)¹. Такое решение было обоснованно тем, что защита интересов общества и государства от такого рода правонарушений может быть обеспечена административными мерами. Также была исключена уголовная ответственность, предусматривающая наказание за оскорбление (ст. 189 УК), так как для эффективности защиты личности, посчитал законодатель, достаточно механизмов гражданского и административного права, меры же уголовной ответственности за совершение данного преступления несоизмеримы содеянному.

Ряд составов были трансформированы в материальные: ложное банкротство (ст. 238 УК) влечет уголовную ответственность при причинении ущерба в крупном размере; незаконный выпуск ценных бумаг (ст. 226 УК) – в случае особо крупного размера ущерба. Некоторые составы были переведены в разряд дел, относящихся к частно-публичному обвинению, благодаря чему будут возбуждаться уголовные дела исключительно по требованию потерпевшего (уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 242 УК), принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения (ст. 246 УК) и нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта (ч. 1 ст. 321 УК).

Также следует отметить изменения, которые касаются освобождения от уголовной ответственности. Согласно изменениям, внесенным в ч. 2 ст. 86 УК, теперь в отношении лиц, освобождаемых от уголовной ответственности, будут применяться такие меры административного взыскания, как – административный арест, штраф либо лишение специального права.

Изложена в новой редакции статья 88¹ УК. Освобождение от уголовной ответственности в связи с добровольным возмещением причиненного ущерба (вреда), уплатой дохода, полученного преступным путем. Теперь четко определен размер уголовно-правовой компенсации: при совершении преступлений против порядка осуществления экономической деятельности она составит 100%

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: Одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

суммы причиненного ущерба (вреда), дохода, полученного преступным путем, а в случае совершения иных преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 88¹ УК, – 200 % суммы причиненного ущерба (вреда), дохода, полученного преступным путем. В этом случае компенсация будет являться одним из условий для освобождения от уголовной ответственности вместе с добровольным возмещением причиненного ущерба (вреда) и уплатой дохода, полученного преступным путем. Данная компенсация вносится на депозитный счет органа, ведущего уголовный процесс.

Несмотря на явно выраженное смягчение наказания за совершение преступлений по ряду составов, имеются изменения и дополнениями, ужесточающего характера. Так, ст. 90 УК предусматривает, что осужденные за совершение коррупционных преступлений должностные лица, занимающие государственные должности, не будут подлежать условно-досрочному освобождению от наказания. Также, если раньше замена неотбытой части наказания более мягким наказанием не применялась ко всем лицам, осужденным за совершение коррупционных преступлений (ч. 7 ст. 91 УК), то теперь такая замена не сможет применяться только к должностным лицам, занимающим государственные должности, осужденным за совершение преступлений названной категории.

Еще одной существенной тенденцией является криминализация деяний, связанных с экстремизмом. Так, новая редакция закона «О противодействии экстремизму» позволила правоохранительным и иным государственным органам осуществлять деятельность, направленную на борьбу с экстремизмом более системно и целенаправленно. Органы внутренних дел и государственной безопасности наделены полномочиями по признанию групп граждан экстремистскими формированиями и запрещению их деятельности.

В соответствии с национальным законодательством прокурор, органы госбезопасности и внутренних дел получают право при выявлении признаков экстремистских действий обязаны выносить предписания учредителям и руководителям организаций, индивидуальным предпринимателям при отсутствии оснований для привлечения их к уголовной ответственности. Невыполнение таких требований, а также повторное в течение года вынесение предпи-

сания является основанием для ликвидации организации, прекращения деятельности индивидуального предпринимателя. При этом дела о признании организации экстремистской и ее ликвидации рассматриваются судом первой инстанции в сокращенные сроки – до одного месяца со дня принятия заявления. Одновременно для учредителей и участников экстремистских организаций предусмотрен запрет в течение 5 лет учреждать новые организации и средства массовой информации. Ведет перечни организаций, формирований, индивидуальных предпринимателей и граждан, причастных к экстремистской деятельности МВД.

Граждане, осужденные за преступления, связанные с экстремизмом, включаются в этот перечень и лишаются права на занятие отдельными видами деятельности, например, сопряженной с оборотом наркотических средств, оружия и боеприпасов, педагогической, издательской. Их финансовые операции подлежат особому контролю.

Расширено понятие «экстремистские материалы»: к ним отнесены не только информационная продукция, но и символика, атрибутика, предназначенные для экстремистской деятельности и ее пропаганды. Расширены основания для привлечения к уголовной ответственности за экстремистские проявления. Особенно за те из них, которые сопровождаются насилием или угрозой его применения к сотрудникам органам внутренних дел, должностным лицам при выполнении ими служебных обязанностей, иным лицам, выполняющим общественный долг.

Криминализировано неоднократное нарушение порядка организации и проведения массовых мероприятий. Впервые введена ответственность за такие проявления экстремизма, как участие в экстремистском формировании, финансирование экстремистской деятельности, вербовка, обучение и подготовка лица для участия в такой деятельности.

Таким образом, несмотря на то, что есть мнение, что плох тот закон, который подвержен неоднократным изменениям, уголовный закон нуждается в совершенствовании. Нами были выделены лишь некоторые, но наиболее значимые тенденции совершенствования уголовной политики Республики Беларусь. Представляется верным, что закон должен соответствовать запросам общества и

государства на конкретном временном промежутке. В свете последних событий в мире, стремление защитить свою историческую идентичность, обеспечить общественную безопасность и правопорядок, внесение соответствующих изменений в уголовное законодательство является залогом обеспечения поставленных целей.

Сизо Заур Махмудович,
аспирант кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета

**Публичное распространение заведомо ложной
общественно значимой информации, повлекшее
тяжкие последствия (статья 207² УК РФ):
проблемы уголовно-правовой интерпретации**

Пандемия новой коронавирусной инфекции (Covid-19) – это вне всяких сомнений один из печальнейших и сложнейших периодов мировой истории. Ее негативные последствия отразились на всех уровнях общества. Помимо чудовищных гуманитарных последствий, пандемия вызвала экономическую стагнацию, спад производства и безработицу, обострила «тлеющие» политические конфликты. На микроуровне самоизоляция породила множество проблем индивидуального свойства: депрессию, отчужденность человека, увеличение недоверия и агрессии.

Уголовное право сыграло весомую роль в преодолении пандемии в России. С момента принятия первых решений по объявлению самоизоляции в стране, явным образом высветилась проблема их надлежащего правового обеспечения, в том числе средствами принуждения. Поддержание массовой дисциплины по соблюдению карантинных ограничений стало фактором спасения миллионов граждан и поддержания внутренней стабильности. Уголовно-правовой механизм потребовалось задействовать для борьбы с массовым распространением дезинформации о пандемии и мерах по ее преодолению. Следуя рекомендациям международных организаций, понимая, что борьба с вирусом идет и в головах граждан, отечественный законодатель дополнил Особенную часть УК РФ

ст. 207¹ и ст. 207². Надо признать, что указанные нормы еще обстоятельно не разработаны в отечественной науке.

В несколько обобщенном представлении можно сказать, что объектом преступления, предусмотренного ст. 207² УК РФ, является информационная безопасность, то есть состояние защищенности информационной среды общества от каких-либо угроз, в том числе от противоправного искажения. Дополнительным объектом выступают отношения, складывающиеся в связи и по поводу безопасности здоровья человека.

Принимая во внимание конструкцию исследуемого состава и характер обязательных последствий, следует заключить, что обязательным признаком объекта публичного распространения заведомо ложной общественно значимой информации, является потерпевший – человек, здоровью которого был причинен вред здоровью. Вместе с тем здесь важно прояснить одно обстоятельство – в механизме совершения анализируемого преступления нет прямого и непосредственного посягательства на здоровье конкретного лица. Потерпевший предстает в сознании виновного как абстракция и никогда не является прямым адресатом действия виновного. Эта обезличенность лица, здоровью которого причиняется вред по смыслу ст. 207² УК РФ, не должна ставить под сомнение правильность тезиса о потерпевшем как обязательном признаке объекта публичного распространения заведомо ложной общественно значимой информации.

В современной литературе довольно распространенной является позиция, что заведомо ложная общественно значимая информация является предметом исследуемого преступления¹. Такая трактовка представляется по меньшей мере дискуссионной, учитывая классическое понимание предмета преступления как материального субстрата, внешнего выражения охраняемого уголовным законом общественного отношения. Понятно, что ложные материалы об общественно значимых событиях и процессах не

¹ См., например: Левандовская М.Г. Общественно-значимая информация как предмет преступлений против общественной безопасности / Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVIII Международной научно-практической конференции. М.: РГ-Пресс, 2021. С. 179.

имеют такой связи. Предметом здесь может быть только правдивая (достоверная) информация. В связи с этим полагаем, что применительно к ст. 207² УК РФ заведомо ложная общественно значимая информация является средством совершения преступления, а, следовательно, характеризует его объективную сторону.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 207² УК РФ, характеризуется следующими обязательными признаками:

- публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации;
- распространение должно осуществляться определенным способом, а именно – под видом достоверных сообщений;
- общественно опасные последствия в виде вреда здоровью человеку;
- причинно-следственная связь между публичной дезинформацией и соответствующими последствиями;
- специфическим средством совершения преступления является заведомо ложная общественно значимая информация.

Особенностью объективной стороны данного преступления является указание на то обстоятельство, что преступление образует не просто передача информации, а ее распространение под видом достоверной. Это может быть обеспечено наличием соответствующего комментария к ложному материалу либо следовать из самого его содержания. Таким образом, если лицо передает ложный контент с желанием проявить иронию либо предупредить о его недостоверности, содеянное не может быть квалифицировано по ст. 207² УК РФ.

Состав преступления сконструирован как материальный – момент окончания определяется наступлением общественно опасных последствий в виде вреда здоровью человека. Последствия в ст. 207² УК РФ сформулированы крайне неопределенно, без уточнения степени тяжести вреда здоровью. Полагаем, что говорить о возможности легкого вреда здоровью здесь нельзя по той причине, что неосторожное его причинение по УК РФ не наказуемо в принципе. Причинение вреда средней тяжести вреда здоровью по неосторожности по общему правилу также не является преступным. Исключения единичны – в частности в ст. 124 УК РФ, где имеется

специальная оговорка. Указанное позволяет сделать вывод о том, что с учетом системного толкования отечественного уголовного законодательства по смыслу ч. 1 ст. 207² УК РФ вред здоровью может быть только тяжким. Надо сказать, что в отечественной теории уголовного права такое толкование анализируемого признака уже нашло свою поддержку¹.

Указание на вред здоровью, причиненный потерпевшему, как последствие анализируемого преступления, существенно сужает сферу действия уголовно-правовой нормы. В этом аспекте законодатель как бы предусмотрел некоторую гарантию от ее необоснованно широкого применения. Понятно, что само распространение информации напрямую причинить вред здоровью человека не может. Если не принимать во внимание обсуждаемые среди теоретиков, говоря откровенно, весьма умозрительные казусы с инфарктом потерпевшего, все это представляется крайне нереалистичным. Таким образом информационное воздействие по смыслу ст. 207² УК РФ должно породить череду событий, включая поведение самого потерпевшего, завершившуюся причинением вреда здоровью. Смею утверждать, что без известного лукавства обосновывать здесь возможность прямой и непосредственной причинно-следственной связи нельзя. Равным образом следует согласиться и с тем, что причинно-следственная связь здесь имеет выраженный вероятностный характер, если не сказать, откровенно случайный. Вред здоровью как последствие по смыслу ст. 207² УК РФ возникает не столько в результате, например, отказа от вакцинации, но во многом из-за особенностей организма конкретного человека, возникших осложнений и других вероятностных факторов. Верность данных предположений подкрепляется и положениями отдельных нормативных актов. Так, согласно п. 9 постановления Правительства РФ от 17.08.2007 г. № 522 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека»: «...при проведении судебно-медицинской экспертизы в отношении живого лица, имеющего какое-либо предшествующее травме заболевание либо повреждение части тела с полностью

¹ Ефремова М.А., Шутова А.А., Никифорова А.А. Уголовная ответственность за распространение заведомо ложных сведений в период пандемии: вопросы теории и практики // Вестник Удмуртского университета. 2021. Т. 31. Вып. 1. С. 87.

или частично ранее утраченной функцией, учитывается только вред, причиненный здоровью человека, вызванный травмой и причинно с ней связанный». Иными словами, естественные последствия заболевания (например, Covid-19) исключают причинную связь при установлении факта причинения вреда здоровью.

В правоприменительной практике анализируемая норма не получила своей реализации. В целом, это было предсказуемо. С уверенностью можно заявить о том, что причина заключается в конструкции состава, создающей гносеологический тупик в установлении причинно-следственной связи между информационным воздействием и материальными последствиями для здоровья конкретного человека. Для применения ст. 207² УК РФ органам предварительного следствия необходимо прибегнуть к такому ее толкованию, при которой требуемая связь будет сохранять себя даже при условии сохраняющейся автономии воли адресата информации, при игнорировании качества оказанной медицинской помощи, индивидуальных особенностей здоровья гражданина, возможных осложнений протекания болезни и т.д.

Специфическим средством совершения преступления является заведомо ложная общественно значимая информация. Сразу следует указать, что форма ее хранения и способы передачи не имеют значения для квалификации. Виновный может распространять сведения в виде листовок, карманных календарей, смс-сообщений, push-уведомлений, телефонных звонков, электронных писем, а равно путем закрепления соответствующего материала в открытом доступе в социальной сети.

Легальную дефиницию общественно значимой информации законодатель не предложил. Отсутствуют по этому поводу и какие-либо рекомендации в Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (Covid-19). Таким образом, этот вопрос преимущественно остается в сфере усилий теории уголовного права и правоприменительной практики. Такое весьма отвлеченное формулирование предмета криминальной дезинформации населения, пожалуй, является уязвимым прежде

всего в свете требований принципа законности (ст. 3 УК РФ). Реализованная инициатива де-факто не позволяет провести разграничение между правомерным и преступным поведением. Дезинформация общественности, как способ повышения спроса на продукт, инструмент политической борьбы либо средство привлечения внимания к конкретной персоне «per se», является в современных условиях чем-то обыденным, привычным. Требуется ли это уголовно-правового ответа? Довольно сомнительно. При этом общество в известном смысле научилось существовать в этом «информационном мыльном пузыре», самостоятельно определяя источники данных, заслуживающие доверия. В связи с этим возникает представление, что законодателю следовало сузить предмет преступления, предусмотренного ст. 207² УК РФ, как это, в частности, реализовано в ст. 207¹ УК РФ.

В отечественной теории уголовного права справедливо отмечается, что «...норма, сформулированная в ст. 207² УК РФ, отличается высокой степенью обобщенности и чрезмерной лаконичностью...при ее применении будут возникать сложности, поскольку используемый в ее тексте категориальный аппарат не обладает достаточной юридико-лингвистической определенностью для единообразной правоприменительной деятельности»¹.

А.Г. Кибальник отмечает, что «понятие «общественно значимая информация» по своему содержанию шире: в принципе в нее можно включить все сведения, вызывающие либо способные вызвать общественный резонанс. Например, информация о получении вакцины или эффективного лекарства от тяжелого инфекционного заболевания каким-нибудь талантливym ученым-одиночкой будет иметь самый серьезный публичный отклик. Можно только представить количество желающих приобрести эту вакцину и/или лекарство – однако самыми непредсказуемыми станут последствия, если эта информация окажется ложной (без призна-

¹ Трахов А. И., Бешукова З. М. Распространение заведомо ложной информации (ст. 207¹ и 207² УК РФ): новые составы преступлений с признаком публичности // Теория и практика общественного развития. 2020. № 6 (148). С. 80.

ков мошенничества или иного преступления). Таким образом, общественная значимость информации в итоге является оценочным понятием, устанавливаемым судом в каждом конкретном случае»¹.

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в пп. «з» п. 5 ч. 1 ст. 10⁶ определяет, что владелец сайта и (или) страницы сайта в сети «Интернет» обязан осуществлять мониторинг социальной сети в целях выявления «недостоверной общественно значимой информации, распространяемой под видом достоверных сообщений, которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи». Здесь законодатель определяет дополнительное свойство такой информации – ее способность повлиять на состояние общественной безопасности в целом, вызвать значительное нарушение функционирования критической инфраструктуры государства. Дополнение верное. Далеко не любая информация может по своей «разрушительной силе» оказать значимое воздействие на состояние общественной безопасности.

Важно отметить, что в отличие от ст. 207¹ УК РФ информация по смыслу ст. 207² УК РФ не обязательно затрагивает события, ставшие следствием какой-либо чрезвычайной ситуации. Такая дезинформация может относиться к политическим решениям, разрабатываемым экономическим мерам и т.п. Так, например, лицо может целенаправленно распространять информацию о якобы подготавливаемой денежной реформе по образцу «павловской реформы» 1991 г., что вполне предсказуемо вызовет панику среди населения, массовое закрытие вкладов и дезорганизацию функционирования кредитно-финансового сектора. Следует согласиться также и с тем, что общественно значимая информация содержа-

¹ Кибальник А.Г. Уголовно-правовая реакция на коронавирусную пандемию // Законность. 2020. № 5. С. 41 - 44.

тельно охватывает данные относительно здоровья первых лиц государства, их имущественного положения и т.д. Ставшие настоящим информационным оружием «разоблачительные» расследования о дворцах, яхтах и т.п., дискредитируют политическое руководство России и по большому счету должно иметь адекватный правовой ответ. Проблема здесь остается одна – конструкция ст. 207² УК РФ.

Как и в ст. 207¹ УК РФ публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации предполагает утверждения субъекта о фактах. Следовательно, субъективные оценки, личное мнение, прямое выражение недоверия и т.п. не подпадают под действие ст. 207² УК РФ. В этом заключается ее принципиальное отличие от ст. 280³ УК РФ, равно как и от ст. 282 УК РФ.

Субъект публичного распространения заведомо ложной общественно значимой информации характеризуется общими признаками. Популярное представление о том, что ст. 207² УК РФ имеет своей целью противодействие профессиональным агитаторам и паникерам, является довольно условным. В действительности, виновным может стать обыватель, желающий по каким-то причинам поддержать дезинформацию населения.

В соответствии с диспозицией ст. 207² УК РФ субъективная сторона характеризуется неосторожной формой вины. При этом лицо должно быть абсолютно точно осведомлено о ложном характере распространяемых сведений. К последствиям в виде вреда здоровью виновный проявляет, как представляется, преступное легкомыслие – лицо осознает, что соответствующее информационное воздействие может сформировать решимость у отдельных граждан поступить определенным образом (уклониться от лечения, вакцинации, соблюдения карантинных ограничений и т.д.), осознает объективную возможность наступления негативных последствий для здоровья граждан и рассчитывает, что такие последствия не наступят.

В связи с этим возникает вопрос: как квалифицировать поведение лица, которое желает или сознательно допускает наступление таких последствий – например, массового всплеска заболеваемости Covid-19, соответствующего роста смертельных случаев и наступления иных тяжких последствий для здоровья граждан?

С.А. Гордейчик пишет по этому поводу: «...Статья 207¹ УК РФ применена быть не может, поскольку наступили преступные последствия. Не подлежат квалификации данные действия и по ст. 207² УК РФ, так как лицо действовало с косвенным умыслом. Статья 13.15 КоАП РФ неприменима, так как не были задействованы средства массовой информации. Следовательно, можно прийти к выводу об отсутствии в действиях указанного лица как состава преступления, так и состава административного правонарушения. Приведенный пример свидетельствует о пробеле в праве, подлежащем устранению»¹.

В свою очередь А.Г. Кибальник по данному поводу рекомендует следующее решение: «...в случаях установления умысла по отношению к последствиям (прямого или косвенного) содеянное необходимо квалифицировать в зависимости от направленности умысла и степени завершенности, например, как умышленное причинение вреда здоровью соответствующей степени тяжести, убийство, организацию массовых беспорядков (либо приготовление или покушение на эти преступления)»².

Мысль автора в целом представляется понятной – если имело место стремление виновного к гибели людей, содеянное образует убийство с неконкретизированным умыслом. Вместе с тем можно ли с уверенностью заявить о том, что деятельность профессионального антиваксерера, убедившего ряд граждан отказаться от вакцинации и пренебречь карантинными ограничениями, что (допустим, было установлено) повлекло их заболевание в тяжелой форме и смерть, следует квалифицировать как убийство двух или более лиц, совершенное общеопасным способом, то есть по п. «а», «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ? Если ответить на этот вопрос утвердительно, то, пожалуй, это будет совершенно новый этап в развитии отечественной доктрины о причинно-следственной связи и вине. Такое толкование позволит признать убийством навязчивое склонение лица к плаванию в открытом море, когда злоумышленник

¹ Гордейчик С.А. Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации // Российская юстиция. 2020. № 6. С. 72.

² Кибальник А.Г. Уголовно-правовая реакция на коронавирусную пандемию // Законность. 2020. № 5. С. 41 – 44.

осведомлен о плохих навыках потерпевшего и желает таким образом причинить ему смерть.

В целом следует констатировать, что определение исследуемого преступления как неосторожного, на наш взгляд, представляется искусственным. Деяние, которое связано с вредоносной пропагандой, и по природе своей (механизму развития объективной стороны) является умышленным, вопреки всякой логике и правилам законодательной техники причисляется к неосторожным.

Полагаем, что в ст. 207² УК РФ законодатель не обеспечил необходимую зависимость (корреляцию) между общественно опасным деянием и его последствиями. Вред здоровью, равно как и смерть человека могут быть последствием информационной пропаганды, но не в уголовно-правовом смысле. Все попытки приспособить, а по большому счету расширить и упростить имеющиеся доктринальные конструкции в целях «оживления» ст. 207² УК РФ, на наш взгляд, относятся к разряду народной мудрости «не в коня овес».

Сныткин Руслан Иванович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Уголовно-правовые основания применения оружия при обстоятельстве, предусмотренном статьей 38 Уголовного кодекса Российской Федерации

Жизнь и здоровье человека и гражданина являются объектами правовой охраны всех основных отраслей отечественной правовой системы, в том числе и действующего уголовного законодательства. Так, статья 2 Уголовного кодекса Российской Федерации в своем содержании определяет, что жизнь и здоровье человека являются объектами охраны уголовного закона. Из чего следует, что действие уголовного закона в равной мере распространяется и на правоотношения, связанные с применением оружия в отношении человека, поскольку применение оружия по назначению априори подразумевает возможность наступления самых крайних

последствий в виде, например, причинения вреда здоровью различной степени тяжести или даже смерти человеку. Вместе с тем, предметно общественные отношения, связанные с оборотом оружия и его применением гражданами Российской Федерации, напрямую регулирует Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» (в ред. от 14.07.2022). В частности, в диспозиции статьи 24 закона определено, что граждане могут применять имеющееся у них на законных основаниях оружие *«для защиты жизни, здоровья и собственности в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости»*. В данном случае бланкетный характер текста нормы предусмотрел отсылку к отдельным уголовно-правовым категориям правомерной защиты (или предупреждения) от общественно опасного посягательства или правомерного устранения опасности охраняемым законом интересам личности, интересам других лиц, общества или государства¹. Совокупность этих категорий регламентирована главой 8 УК РФ («Обстоятельства, исключающие преступность деяния»).

По смыслу нормы статьи 24 ФЗ «Об оружии» применение оружия гражданами при защите от общественно опасного посягательства или для устранения опасности может квалифицироваться как правомерное только в двух юридически значимых состояниях: необходимой обороны или крайней необходимости. Несоблюдение диспозиции статьи может повлечь признание действий лица, связанных с применением оружия, неправомерными.

Уголовно-правовая концепция условий правомерности причинения вреда при наличии исключительных обстоятельств (обстоятельств главы 8 УК РФ) исходит из присущего действиям при обстоятельствах подобного рода характерного признака вынужденности причинения вреда охраняемым законом общественным отношениям. Напрямую данный признак проявляется в условиях как необходимой обороны, так и крайней необходимости. Этот же признак характеризует условие правомерности и такого обстоятельства, предусмотренного главой 8 УК РФ, как причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38). Вынужденность является единым родовым признаком для всех

¹ См. подробнее: ст. 37 УК РФ – необходимая оборона; ст. 39 УК РФ – крайняя необходимость.

трёх указанных обстоятельств (состояний правомерного причинения вреда).

Статья 38 УК РФ определяет исключяющее преступность обстоятельство причинения вреда преступнику при его задержании для доставления органам власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений. Положения статьи в равной мере распространяются на всех без исключения граждан по правилам действия уголовного закона во времени, в пространстве и по кругу лиц.

В этой связи возникает вопрос, почему до настоящего времени уголовно-правовое состояние задержания преступника не находит должного отражения в регламенте ст. 24 ФЗ «Об оружии» как правомерное основание вынужденного применения оружия в случае необходимости достижения социально полезной и значимой цели доставления преступника органам власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений.

По всей видимости, решение на момент принятия федерального закона было обусловлено разумной целью минимизации возможных злоупотреблений правом и снижения риска недобросовестного обращения с огнестрельным оружием, вызванной сложностью определения условий правомерности обстоятельства причинения вреда при задержании, которое, в отличие от традиционных обстоятельств обороны и крайней необходимости, впервые было представлено самостоятельной нормой в перечне исключительных обстоятельств (гл. 8 УК РФ) Уголовного кодекса 1996 года. В результате законодатель определил границы правовых возможностей гражданина в рамках ст. 24 ФЗ «Об оружии» лишь двумя обстоятельствами – необходимой обороной и крайней необходимостью, последствием чего на сегодняшний день является коллизия норм ст. 24 ФЗ «Об оружии» и главы 8 Уголовного кодекса РФ.

Вместе с тем, в предмете своего анализа мы основывались на предложенном учёными-правоведами доктринальном правиле иерархии источников права российской правовой системы¹. По-

¹ См., например: Толстик В.А. Иерархия источников российского права: автореф... дис. докт. юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. 54 с.

сколькx основным материальным критерием разграничения отраслей права и построения структуры отечественной правовой системы принято считать предмет правового регулирования¹, полагаем, что ФЗ «Об оружии» как правовой акт федерального уровня не должен противоречить не только конституционным нормам, но и нормам федеральных кодифицированных законов, к категории которых относится и действующий Уголовный кодекс Российской Федерации. Во-первых, конституционные нормы имеют верховенство над законами и подзаконными актами². В частности, в статье 45 Конституции РФ закреплено право граждан защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещёнными законом. Во-вторых, нормы главы 8 УК РФ (непосредственно статьи 37, 38, 39) развивают гарантии ст. 45 Конституции в аспекте правомерного причинения вреда охраняемым уголовным законом объектам, определяя критерии правомерности действий или бездействий в исключительных уголовно-правовых обстоятельствах.

Гипотеза же статьи 24 ФЗ «Об оружии», в предмете нашего исследования, основываясь на положениях главы 2 Конституции РФ и главы 8 Уголовного кодекса, по общеизвестным правилам законодательной техники, в целях стабильности правового регулирования призвана развить и адаптировать нормы вышестоящего уровня для правоотношений, связанных с использованием и распоряжением оружия, с учётом правил обстоятельств необходимой обороны, крайней необходимости и причинения вреда при задержании преступника.

При этом важно заметить, что, определяя условия правомерности причинения вреда уголовно значимым объектам в предписаниях Федерального закона «Об оружии», законодатель использовал понятийный аппарат уголовного права. В подобных ситуациях, как справедливо отмечает профессор А. В. Наумов, «нормы других отраслей права, помещённые в оболочку уголовно-правового закона, превращаются в «клеточку» уголовно-правовой нормы, в уголовно-правовую материю (за пределами уголовного

¹ См., например: Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию: монография. 2-е изд., доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. С. 400-402.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 8 от 31.10.1995 г. // Государство и право. 1996. №4. С.8.

закона они, разумеется, остаются самостоятельными источниками других отраслей права)»¹.

Таким образом, мы полагаем, что правовой основой допустимости применения гражданами оружия в рамках обстоятельств, исключающих преступность деяния, надлежит считать статью 45 Конституции РФ², исходные от неё статьи 37, 38, 39 УК РФ и статью 24 ФЗ «Об оружии».

Действующая редакция ст. 38 УК РФ позволяет гражданам реализовать своё субъективное право, общественный долг и моральную обязанность по охране общественного порядка и борьбе с преступностью. В этом аспекте положение статьи 24 ФЗ «Об оружии», на наш взгляд, в определенной мере ограничивает прямое действие (*гарантированное ч. 1 ст. 15 Конституции РФ*) норм ст. 45 Конституции РФ и ст. 38 УК РФ, запрещая (не разрешая) гражданам применять оружие в состоянии причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление.

В рамках рассматриваемой проблематики важно понимать тесную взаимосвязь уголовно-правовых институтов необходимой обороны (ст. 37 УК РФ) и причинения вреда при задержании преступника (ст. 38 УК РФ), которая имеет не только формально-юридическую, но и социально-правовую обусловленность. Критерии правомерности (особенно временные критерии) двух этих обстоятельств, исключающих преступность деяния, тесно переплетены и в практической плоскости могут образовывать корреляционную зависимость. С юридическими критериями обстоятельства крайней необходимости (ст. 39 УК РФ) подобной проблематики не возникает, поскольку, в отличие обстоятельств статей 37 и 38 УК РФ, при крайней необходимости вред по общему правилу (есть, конечно же, и исключения) причиняется не источнику опасности, а третьим лицам, их имуществу или правоохраняемым интересам³.

Как подчёркивается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, уголовно-правовые институты необходимой обороны и

¹ Наумов А.В. Источники уголовного права // Уголовное право: новые идеи. М., 1994. С. 18.

² Государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется. Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

³ См., например: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А.И. Чучаева. М.: Проспект, 2019. С. 202-203.

причинения вреда при задержании преступника призваны обеспечить баланс интересов, связанных с реализацией предусмотренных ст. 2 УК РФ задач уголовного закона¹. В этом же постановлении суд разъясняет, что временной критерий правомерности обстоятельства необходимой обороны исчерпывает себя в момент, когда посягательство было предотвращено, пресечено или окончено и в применении мер защиты явно отпала необходимость. Случаи последовавшего за этим причинения вреда тому же лицу в зависимости от конкретных обстоятельств дела могут оцениваться по положениям ст. 38 УК РФ, при установлении в действиях задерживающего субъекта цели доставления задерживаемого лица органам власти. В теории уголовного права юридический критерий разграничения состояния необходимой обороны от состояния причинения вреда при задержании преступника также строго определяется моментом фактического прекращения (пресечения, предотвращения) посягательства на объекты уголовно-правовой охраны².

Однако сообразно действующей редакции ст. 24 ФЗ «Об оружии», гражданин, применивший оружие для защиты от посягательства преступника, например, на жизнь, с момента окончания посягательства уже не вправе применять оружие в отношении этого же преступника для его задержания и доставления органам власти.

Подобное положение, как представляется, не служит целям обеспечения неотвратимости уголовной ответственности и пресечения новых преступлений, не гарантирует восстановление социальной справедливости, и в целом может негативно влиять на социальную активность граждан в деле противодействия преступности. Более того, даёт возможность преступнику рассчитывать на то, что в отношении него потерпевший или оборонявшийся гражданин не осмелится применить оружие.

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 (ред. от 31.05.2022) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // СПС Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 12.10.2022).

² См., например: Ветров Н.И. Уголовное право. Общая часть: Учебник для вузов. М., 1999. С. 249-252; Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 1. Общая часть. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 500-501.

Как мы отметили выше, в этом аспекте положение статьи 24 ФЗ «Об оружии» в определенной мере ограничивает прямое действие (*гарантированное ч. 1 ст. 15 Конституции РФ*) норм ст. 45 Конституции РФ и ст. 38 УК РФ, запрещая (не разрешая) гражданам применять оружие в состоянии причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление.

Исходя из представленного нами анализа юридических норм и регламентированных Уголовным кодексом условий (пределов) правомерности обстоятельств, исключających преступность деяния (гл. 8), полагаем, что гражданин России, владеющий оружием на законных основаниях, и оказавшийся в обстановке задержания преступника, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление против личности, собственности, общественной безопасности или государственной власти, должен, при соблюдении условий правомерности причинения вреда, иметь гарантированную правовую возможность применять в отношении посягнувшего лица оружие с целью его задержания, пресечения совершения им новых преступлений и доставления органам власти. Формально-юридическое закрепление подобной материальной нормы права в тексте ст. 24 ФЗ «Об оружии» позволит исключить противоречие между нормативными правовыми актами и гарантирует законопослушным гражданам защищенность со стороны государства при обстоятельствах противодействия преступности. Как справедливо отмечается в юридической литературе, в современных условиях становится важным «в рамках предотвращения преступности дать возможность участвовать всем лицам или организациям, способным оказывать влияние на причины преступности и на возможность совершения преступления. В настоящее время задачи предотвращения преступности не должны сводиться к ответственности одной лишь только полиции или других служб уголовной системы... Каждый активный участник общества должен в меру своих средств участвовать в предотвращении преступности»¹.

¹ Патрис Виллета (научный сотрудник юридического факультета университета Лозанны, Швейцария). Особенности предотвращения преступности в современных условиях и роль альтернативных участников в этом процессе // Предупреждение преступности и обеспечение безопасности в городах. Материалы межд. науч.-прак. конфер. (4-5 июля 2000 г.) М.: Московская академия МВД России, изд.-во «Щит-М», 2001. С. 19.

Ведь не иначе как положение о неотвратимости ответственности и является краеугольным камнем уголовной политики¹. Как писал ещё Чезаре Беккариа, «одно из самых действительных средств, сдерживающих преступления, заключается не в жестокости наказаний, а в их неизбежности...»². Этот вывод, сформулированный в криминологии более 200 лет назад, обуславливает значение института уголовно-правового задержания и характеризует его целевую самостоятельность, проявлением которой является не только доставление органам власти, но также и пресечение совершения задерживаемым новых преступлений. Обеспечение принципа неотвратимости наказания, неотвратимости уголовной ответственности заложено в самую суть вынужденности причинения вреда при задержании преступника с целью как можно скорого привлечения его к ответственности за содеянное. «Цель наказания заключается только в том, чтобы воспрепятствовать виновному вновь нанести вред обществу и удержать других от совершения того же»³.

Конструктивное предназначение уголовно-правового института задержания преступника заключается именно в обеспечении принципа неотвратимости наказания, неотвратимости уголовной ответственности⁴.

На основании изложенного полагаем необходимым внесение соответствующих поправок в статью 24 ФЗ «Об оружии», включить в перечень оснований возможного применения оружия гражданами России нахождение в состоянии причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, с обязательным указанием на соблюдение условий (пределов) правомерности, регламентированных главой 8 Уголовного кодекса. Бремя определения

¹ См.: Курс российского уголовного права. Общая часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М.: Спарк, 2001. С. 41

² Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. С. 308.

³ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Сост. и предисл. В.С. Овчинского. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 103.

⁴ Несмотря на содержательное присутствие в доктрине уголовного права, в уголовном законодательстве РФ своего отражения данный принцип так и не нашёл, видимо по причине своего собирательного образа. Однако своеобразным прецедентом явилось самостоятельное выделение принципа неотвратимости наказания в числе основных принципов противодействия терроризму – в статье 2 Федерального закона РФ «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 26.05.2021).

правомерности принятых для задержания мер является областью регулирования части второй ст. 38 УК РФ. Критерии правомерности при этом должны предполагать наличие признаков тяжкого или особо тяжкого преступления в предшествовавшем задержанию деянии задерживаемого лица. Предложенное предписание с указанием на преступления иной категории тяжести не будет служить общественно полезным целям причинения вреда при задержании, а также не соответствовало бы принципу справедливости¹, регламентированному статьёй 6 УК РФ. Кроме того, действующая редакция части второй ст. 38 УК РФ регламентирует строго определенные условия правомерности действий по задержанию преступника. Акцентированное законодателем внимание на соответствии интенсивности задержания материальным признакам преступления, совершенного задерживаемым, отвечает требованиям принципа справедливости.

Юридическая гарантия на уровне федерального закона обеспечивает надёжную правовую защиту российских граждан при сопряжённых с применением оружия обстоятельствах задержания ими лиц, совершивших преступления. Криминологическая цель регламентации права граждан на применение оружия по назначению при уголовно-правовом обстоятельстве задержания – это создание ситуации повышенного риска для потенциального преступника и актуальная юридическая мера общесоциального предупреждения преступлений.

¹ Подобного мнения придерживается и В.С. Новиков в своей работе, отмечая, что инкриминируемое задерживаемому лицу деяние должно быть только тяжким или особо тяжким посягательством (подробнее см.: Новиков В.С. Применение огнестрельного оружия на упреждение. Научно-практический комментарий к статье 24 Федерального закона «Об оружии». М., 1997. С. 74).

Соловьев Владислав Сергеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России;
Осипенко Анатолий Леонидович,
доктор юридических наук, профессор,
заместитель начальника
Краснодарского университета МВД России
по научной работе

**Проблемы статистического учета преступлений,
совершаемых с использованием
информационно-телекоммуникационных технологий**

В условиях глобальной цифровизации и информатизации происходит беспрецедентная трансформация общественных отношений практически во всех сферах жизни страны. В статистическом сборнике «Цифровая экономика 2022», подготовленном Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций совместно с Федеральной службой государственной статистики и Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» отмечается, что в России хотя бы раз пользовались Интернетом почти 90% взрослого населения, доступ к всемирной сети имеют 80% домашних хозяйств. Ежедневная аудитория Интернета в России достигла почти 77% взрослого населения и более 80% детей от 3 до 14 лет¹. По данным Росстата, за последние пять лет доля продаж через Интернет в общем объеме розничной торговли выросла почти в четыре раза и сейчас составляет около 5,1%. Все это не могло не оказать влияние и на криминальные процессы. Буквально 10 лет назад в 2011 году число преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, составляло 7 974, а их доля в структуре преступности – 0,3%. По итогам 2021 года было совершено 517 722 таких преступления, а

¹ Цифровая экономика 2022. Краткий статистический сборник [Электронный ресурс] URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/552091260.pdf?ysclid=laxrciwrv7300673167> (дата обращения: 17.10.2022).

их удельный вес достиг 25,8%. В некоторых регионах России показатель удельного веса еще выше и доходит до 35-40% (г. Санкт-Петербург, Ямало-Ненецкий автономный округ, Чувашская Республика, г. Москва, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра).

Столь значительные показатели зарегистрированных преступлений актуализируют вопросы их качественного статистического учета, причем учета не только самих совершенных деяний, но и способов, и средств их совершения.

Важным и ожидаемым этапом совершенствования системы статистического учета преступлений, совершаемых в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, стало принятие нового Указания Генпрокуратуры России и МВД России № 361/11/1 от 30.06.2022 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности», дополненного Перечнем № 25 преступлений, совершенных с использованием (применением) информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации.

Кроме того, на уровне ГИАЦ МВД России ведутся два отчета о рассматриваемых противоправных деяниях: отчет о преступлениях, совершенных в области телекоммуникаций и компьютерной информации (форма 1-ВТ) и отчет о результатах деятельности ОВД РФ по противодействию преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а также о результатах деятельности структурных подразделений ОВД РФ, специализирующихся на противодействии преступлениям данного вида (форма 280).

В сборнике «Состояние преступности в России», публикуемом на официальном сайте МВД России¹ появился самостоятельный раздел, название которого соответствует названию перечня № 25, содержащегося в Указании Генпрокуратуры России и МВД России № 361/11/1 от 30.06.2022 г.

Сравнение содержания формы 1-ВТ и соответствующего раздела сборника «Состояние преступности в России» демонстрирует, что ни в одном из этих статистических массивов полностью

¹ Официальный Интернет-сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <https://мвд.пф/folder/101762> (дата обращения: 18.10.2019 г.)

не отражено состояние и структура преступности в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. Проиллюстрируем это используя статистическую информацию 2021 года.

В форме 1-ВТ указано общее количество зарегистрированных преступлений – 517 722, однако сумма данных по всем приведенным в структуре преступности составам составляет 416 621 (80,5% от преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий). В сборнике «Состояние преступности в России» количество зарегистрированных преступлений не отличается, но сумма структурных элементов равна 467 877 (90,4% от преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий). Таким образом, ни один из статистических массивов невозможно в полной мере использовать для оценки состояния и структуры преступности, связанной с противоправным использованием (применением) информационно-телекоммуникационных технологий.

Отсутствуют расхождения в значениях двух наиболее крупных структурных элементов – мошенничестве (ст. 159 УК РФ), представленном 238 560 деяниями (46,1%) и кражах (ст. 158 УК РФ), число которых составило 156 792 (30,3%).

Третьим структурным элементом, согласно сборнику «Состояние преступности в России», являются преступления, связанные с незаконным производством, сбытом или пересылкой наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконным сбытом или пересылкой растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества. С использованием информационно-телекоммуникационных технологий было совершено 51 444 таких деяния, что составляет 9,9%. В форме 1-ВТ этот вид преступности не представлен вообще.

Мошенничества с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ) являются четвертым по удельному весу видом преступных действий, совершаемых с применением информационно-телекоммуникационных технологий. Их количество в 2021 году составило 10 258, а доля – 2%.

Далее следуют деяния, связанные с неправомерным доступом к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ). Их в 2021 году было совершено 6 392 (1,2%).

Удельный вес остальных преступлений составляет менее 1% деяний, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В сборнике «Состояние преступности в России» перечислены следующие их виды:

– мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ) – 431;

– незаконная организация и проведение азартных игр (ст. 171.2 УК РФ) – 614;

– публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма (ст. 205.2 УК РФ) – 315;

– преступления, связанные с изготовлением и оборотом порнографических материалов (ст. 242, 242.1, 242.2 УК РФ) – 2 299;

– публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) – 455;

– создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ) – 317.

Форма 1-ВТ не содержит сведений о количестве преступлений, связанных с публичными призывами к осуществлению террористической деятельности, публичным оправданием терроризма, пропагандой терроризма, а также публичными призывами к осуществлению экстремистской деятельности. В то же самое время там имеются сведения об иных общественно опасных деяниях, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, не отраженных в сборнике «Состояние преступности в России». К таковым относятся сведения о количестве следующих преступлений:

– нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений граждан (ч.1 ст.138 УК РФ) – 150;

– незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (ст. 138.1 УК РФ) – 107;

– нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст.274 УК РФ) – 1;

– нарушение авторских и смежных прав (ст. 146 УК РФ) – 249;

– причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ) – 8;

– незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ) – 443.

Таким образом, суммирование данных о преступлениях, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, отраженных в форме 1-ВТ и сборнике «Состояние преступности в России», позволяет получить число 468 835, составляющее 90,6% от исследуемого вида преступности, что явно недостаточно для полного всестороннего криминологического анализа.

Также вопросы вызывают формулировки, используемые для описания средств и способов совершения преступлений с использованием (применением) информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации.

В сборнике «Состояние преступности в России» отражены статистические сведения о преступлениях, совершенных с использованием или применением: расчетных (пластиковых) карт, компьютерной техники, программных средств, фиктивных электронных платежей, сети «Интернет», средств мобильной связи. Каждая из этих формулировок заставляет задуматься о том, каким образом эти средства и технологии использовались для совершения преступлений, что повлекло их включение в соответствующий раздел статистической формы. Частично попытки конкретизации этого были предприняты в Указании Генпрокуратуры России и МВД России № 361/11/1 от 30.06.2022 г., где имеется описание способов и средств совершения преступлений, наличие которых служит основанием для их отнесения к перечню при наличии в статистической карточке соответствующих отметок. Однако нельзя сказать, что имеющиеся разъяснения способны решить проблему. Проанализируем некоторые формулировки более подробно:

1. «С использованием или применением расчетных (пластиковых) карт». Применение расчетных карт при совершении преступлений может преследовать как минимум две цели: использование карты для хищения с нее денежных средств путем снятия наличных денег, оплаты товаров или услуг, а также обналичивание доходов, полученных преступным путем. Согласно данным официальной статистики, в 2021 году с применением расчетных (пластиковых) карт было совершено 165 658 преступлений, то есть

32% от всех общественно опасных деяний в сфере информационно-телекоммуникационных технологий или 40,8% от хищений в форме кражи и мошенничества (ст. 158, 159, 159.3, 159.6 УК РФ) в указанной сфере. В научных исследованиях указывается, что «хищения, совершенные с использованием кредитных и расчетных банковских карт, занимают в банковской преступности особое место и являются наиболее распространенными»¹. Разумеется, преступления, в том числе хищения в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, возможно совершать и без использования расчетных (пластиковых) карт, однако очевидно, что таких деяний будет меньшинство. Кроме того, преступление (особенно хищение), совершенное без применения расчетной карты, а, например, с использованием криптокошелька, значительно повышает вероятность того, что оно останется в латентной сфере, и данные о нем не будут отражены в официальной статистической отчетности.

В разъяснениях, даваемых Указанием Генпрокуратуры России и МВД России № 361/11/1 от 30.06.2022 г., указано, что отметка в статистической карточке об использовании (применении) расчетных (пластиковых) карт как способе совершения преступления проставляется при непосредственном использовании карт (в т. ч. кредитных) при совершении преступления (код 058), что очевидно не способствует пониманию содержания такого способа.

Таким образом, максимальная неясность того, каким образом в официальной статистике о преступности учитываются преступления, совершаемые с применением расчетных (пластиковых) карт, фактически делает этот статистический показатель неприменимым ни для криминологического или криминалистического исследования преступности, ни для организации противодействия совершению преступлений.

2. «С использованием или применением компьютерной техники». Как бы странно это ни выглядело, но с применением компьютерной техники в 2021 году было совершено 27 519 преступлений или 5,3% от общего количества общественно опасных деяний в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. Указание Генпрокуратуры России и МВД России № 361/11/1 от 30.06.2022 г. предлагает относить к таким преступлениям деяния,

¹ Имаева Ю.Б. Особенности расследования хищений, совершенных с использованием кредитных и расчетных карт: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2015. С. 3.

совершенные с использованием (применением) компьютерной техники, под которой понимается компьютер, а также отдельное оборудование, которое работает совместно с ним и обеспечивает его дополнительную функциональность. В данном случае также остается открытой масса вопросов: что вообще необходимо понимать под компьютером и оборудованием, работающим совместно с ним (относится ли, например, смартфон, планшет или ноутбук к компьютерам); каким именно образом должен использоваться компьютер для совершения преступления (достаточно ли, например, в процессе совершения преступления отправлять с компьютера сообщения посредством электронной почты или мессенджеров); при помощи чего совершаются оставшиеся 94,7% «высокотехнологичных» преступлений?

3. «С использованием или применением программных средств». Не менее непонятным выглядит статистическая информация о том, что с применением программных средств в 2021 году преступники совершили 7 216 противоправных деяний, что составило 1,4% от числа преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. В Указании Генпрокуратуры России и МВД России № 361/11/1 от 30.06.2022 г. под программными средствами понимается любое программное обеспечение, установленное на персональном компьютере, смартфоне или другой технике. Без программного обеспечения в принципе невозможно работать ни с персональным компьютером, ни со смартфоном, ни с любой другой компьютерной техникой, не говоря уже о том, чтобы совершать преступления. Не ясным остается то, какое именно программное обеспечение считается используемым для совершения преступлений (достаточно ли, например, использования браузера или мессенджера, или же необходимо специально написанное вредоносное программное обеспечение), каков объем действий, производимых с этим программным обеспечением, и в чем смысл статистического учета преступлений с имеющимся описанием способа совершения.

4. «С использованием или применением сети Интернет». Указание Генпрокуратуры России и МВД России № 361/11/1 от 30.06.2022 г. дает максимально широкое описание этого способа совершения преступления – «с использованием сети “Интернет” (ресурсов глобальной сети)». По официальным статистическим

данным, указанным способом было совершено 351 463 преступления или 67,9% противоправных деяний в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. Широта и неконкретность формулировки фактически делает бесполезным статистический учет подобных преступлений, в первую очередь, в силу разнообразия способов совершения преступлений с использованием сети Интернет.

Вместе с тем, есть и ряд положительных моментов, связанных со статистическим учетом преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. Так, отчет о результатах деятельности ОВД РФ по противодействию преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а также о результатах деятельности структурных подразделений ОВД РФ, специализирующихся на противодействии преступлениям данного вида (форма 280) выделяет такие способы совершения преступлений, как использование сети «Даркнет», методов социальной инженерии, DDos-атак, фишингового поддельного сайта или ссылки.

Указание Генпрокуратуры России и МВД России № 361/11/1 от 30.06.2022 г. позволяет относить к преступлениям, совершенным с использованием (применением) информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, деяния при наличии в статистической карточке отметки об их совершении:

- с использованием сети Даркнет («Теневая сеть»), под которой понимается скрытая сеть, соединения которой устанавливаются по типу р-2-р (peer-to-peer, децентрализованная сеть) (код 126);
- с использованием фишингового (поддельного) сайта или ссылки (код 127);
- с использованием вредоносных компьютерных программ (код 055);
- с использованием бот-сетей (ботнет), под которыми подразумевается компьютерная сеть, состоящая из узлов, зараженных вредоносным программным обеспечением с возможностью централизованного управления без ведома владельцев узлов (код 130);
- с использованием технологий «Дипфэйк», под которыми подразумеваются методика синтеза аудио или визуальной информации, основанная на искусственном интеллекте, целью которой является создание сравнимой с оригиналом копии аудио или видеоизображения (код 132);

– с использованием информационной инфраструктуры иностранного государства (или придание такого вида), под которой в т. ч. понимаются зарубежные серверы (услуги хостинг-провайдеров, интернет-провайдеров, почтовых серверов), доменные зоны, телефонные сети и т.д. (код 134).

Мониторинг преступности в сфере информационно-телекоммуникационных технологий должен служить основанием для внесения коррективов в систему статистического учета преступлений в силу крайне динамичного характера исследуемой разновидности противоправных деяний. Из статистических карточек, а следовательно и из форм статистической отчетности, должны своевременно исключаться те реквизиты, которые в принципе не способны отразить специфику совершенного преступления (например, с использованием или применением компьютерной техники, программных средств, сети Интернет, средств мобильной связи), но в то же время должны вноситься и корректироваться реквизиты, опираясь на которые возможно качественно оценивать специфику способов совершения преступлений, организовывать предупреждение и иные формы противодействия им.

Солодкая Виктория Игоревна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России

К вопросу о возможности обжалования заявителем решения об отказе в возбуждении уголовного дела

Статья 52 Конституции Российской Федерации провозглашает: «Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба»¹. Отказ уполномоченных лиц органа предварительного

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, № 31.

расследования в возбуждении уголовного дела напрямую затрагивает право граждан на доступ к правосудию, а значит должен быть в равной мере как законным, так и обоснованным.

Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела выносится, когда в ходе проверки сообщения о преступлении не установлены достаточные данные, указывающие на признаки преступления. Как известно, выносится оно надлежащими субъектами, уполномоченными на принятие таких решений.

В статье мы более подробно рассмотрим некоторые проблемные аспекты обжалования заявителем постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в случае несогласия с принятым решением.

Право обжалования решения должностных лиц закреплено в ч.5 ст. 148 УПК РФ, и позволяет лицу, обратившемуся с заявлением о совершенном преступлении, получив решение об отказе в возбуждении уголовного дела, обратиться к уполномоченному должностному лицу или в суд за защитой нарушенных, по его мнению, прав (ст.ст. 124,125 УПК РФ).

Так, рассмотрим порядок обжалования постановления об отказе в возбуждении уголовного дела прокурору в порядке ст. 124 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

В досудебном производстве прокурор, осуществляя надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, обеспечивает законность уголовного судопроизводства. Ему может быть подана жалоба на действия/ бездействие и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, тогда как руководителю следственного органа – только на действия/ бездействие и решение следователя¹.

Для рассмотрения жалобы в порядке ст. 124 УПК РФ в ней обязательно должно быть указано, какие именно действия/ бездействие и решения органов предварительного расследования нарушают права заявителя и в чем это выражается. Срок для рассмотрения таких жалоб законодатель установил сокращенный – 3 суток

¹ Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) /под ред. д.ю.н., профессора О.С. Капинус. М.: Проспект, 2020. 317 с.

со дня их получения, допуская в исключительных случаях продление до 10 суток.

Положения ч.2 ст. 124 УПК обязывают руководителя следственного органа и прокурора по результатам рассмотрения жалобы выносить постановление, в котором в обязательном порядке должны быть указаны мотивы принятого решения как при полном или частичном удовлетворении жалобы, так и при отказе в ее удовлетворении.

Если обратиться к статистике Генеральной Прокуратуры, обобщенной в результате надзора за исполнением законов на стадии возбуждения уголовного дела, по состоянию на август 2022 года надзирающим прокурором отменено постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела – 972 094, тогда как возбуждено уголовных дел по результатам отмены – 95 844¹. Что позволяет сделать вывод о формальном подходе должностных лиц органа внутренних дел, уполномоченных на принятие таких решений. Анализируя статистические данные, а именно расхождение количественных показателей отмененных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела и в последующем возбужденных по результатам таких отмен уголовных дел, возникает вопрос: почему прокурор признает эти решения незаконными и необоснованными, а решение о возбуждении уголовного дела практически в 9 случаях из 10 так и не принимается. Таким образом, налицо ошибочное решение либо прокурора, либо органа, принимавшего решение об отказе в возбуждении уголовного дела, так как оба верных решения указанных должностных лиц взаимоисключают друг друга.

В рассматриваемой ситуации позволим себе занять сторону прокурора, так как прокурор, по отношению к органам, проводящим проверку доводов заявления, является надзирающим звеном, следящим за законностью принимаемых решений на этапе досудебного производства, и в первую очередь призван обеспечивать неукоснительное соблюдение норм, закрепленных в Конституции, направленных на защиту конституционных прав и свобод граждан

¹ Результаты деятельности органов прокуратуры Российской Федерации // <https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=76881224> (дата обрац. 20.10.2022).

от незаконных и необоснованных решений, принимаемых должностными лицами.

Как показывает практика, по одному и тому же заявлению о совершенном преступлении, поступившем от одного лица и отменным в установленном законом порядке, дополнительная проверка проводится также формально, доводы заявителя не проверяются в полном объеме, что влечет за собой бесконечную череду вынесения постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела и их отмену.

При этом нередко решение об отказе принимается на основании тех же фактических обстоятельств, с опорой на те же материалы проверки сообщения о преступлении, что недопустимо с учетом позиции Конституционного суда, высказанной в Определении Конституционного Суда РФ от 12 марта 2019 г. № 578-О «По жалобе гражданина Сулова Олега Борисовича на нарушение его конституционных прав частями первой, шестой и седьмой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

На наш взгляд, такая практика бесконечного круговорота многократной дополнительной проверки по одному и тому же заявлению возникла в результате некачественной проверки доводов, или нежелания их проверки, возможно, в силу большой загруженности органов дознания, по большей части и проводящих такие проверки, а также несоблюдения указаний прокурора.

Как следствие, лицо, считающее себя потерпевшим от преступления, вынуждено на протяжении долго времени добиваться защиты нарушенных прав, вращаясь по замкнутому кругу от органа, в который он обратился с заявлением, до прокурора, суда и обратно.

Сложившаяся практика, по нашему мнению, существенно нарушает право заявителя на доступ к правосудию, и подрывает доверие граждан к защите прав и свобод, провозглашенных Конституцией РФ, органами государственной власти, призванными стоять на защите этих прав.

На сегодняшний день в нормах действующего законодательства, регулирующего вопрос проверки сообщения о преступлении, принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела, отсутствуют ограничительные сроки по вопросу дополнительной проверки доводов, указанных в заявлении, порядок рассмотрения доводов заявителя, а также указание на необходимость обязательного

информирования в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела о результатах проведения проверки по каждому доводу.

Считаем, что существует необходимость законодательного регулирования порядка рассмотрения сообщения о преступлении, проверки ее результатов уполномоченными должностными лицами, уведомления заявителя и строгом ограничении количества дополнительных проверок в рамках одного заявления о преступлении и следует предусмотреть в полномочиях прокурора дачи прямого указания на необходимость возбуждения уголовного дела, в случае признания им незаконным и необоснованным постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, и при наличии признаков конкретного преступления.

Данные изменения, на наш взгляд, исключают искусственное затягивание, и как следствие, многократное рассмотрение одного и того же сообщения о преступлении, приведут к сокращению количества дополнительных проверок при отмене прокурором решения об отказе в возбуждении уголовного дела. Указанные проблемные вопросы подлежат тщательной разработке с приведением в соответствие Уголовно-процессуального кодекса РФ, ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» и Приказов Генерального Прокурора об организации прокурорского надзора за деятельностью органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, органов дознания и органов предварительного следствия.

Старостенко Олег Александрович,
преподаватель кафедры
оперативно-разыскной деятельности
в органах внутренних дел
Краснодарского университета МВД России

Виктимологическая профилактика дистанционных хищений

В современный период преступления, совершаемые дистанционно, получили распространение во всех странах мира. С переходом на электронные технологии время заключения сделок сократилось до доли секунды; быстрота их заключения, в свою оче-

редь, привела к увеличению рисков виктимизации добропорядочных граждан¹. В связи с этим мировое сообщество встало перед проблемами предупреждения киберпреступности, поиска средств кибервиктимологической профилактики.

На сегодняшний день основная масса преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, аккумулируется в сфере отношений собственности и образует традиционные формы хищений в виде краж и мошенничеств. Так, на мошенничества в сфере информационно-телекоммуникационных технологий или компьютерной информации за период январь-декабрь 2021 года приходится около 73 % всех хищений (249,2 тыс.), совершенных путем обмана или злоупотребления доверием, а в целом на деяния, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, по-прежнему приходится одно из четырех регистрируемых в указанном году преступлений (+73,4 %, 510,4 тыс.). За последние пять лет число таких преступлений увеличилось более чем в 11 раз².

Составной частью механизма совершения дистанционных хищений является поведение жертвы. Ввиду этого, одним из необходимых условий повышения эффективности предупреждения данных преступлений являются меры виктимологической профилактики.

Меры виктимологической профилактики дистанционных хищений должны осуществляться по основным трем направлениям: меры воздействия на население; меры индивидуального воздействия на преступника; меры, направленные на индивидуальную работу с жертвой. Однако в рамках данной статьи остановимся подробнее на мерах воздействия на население.

Сущность мер заключается в обеспечении позитивного воздействия на происходящие социальные процессы и ликвидации криминогенных факторов. Они могут быть направлены на обще-

¹ Лютов В.А. К вопросу о социально-правовой обусловленности уголовно-правового противодействия преступлениям, совершаемым с использованием электронных технологий, в России и Китае // Юридическое образование и наука. 2021. № 2. С. 30-35.

² Портал правовой статистики Генеральной Прокуратуры РФ. URL <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения 13.11. 2022).

ство в целом, отдельные регионы, социальные группы. Цель – мобилизация лиц на борьбу с такими явлениями социальной действительности, которые способны создать благоприятные условия для перехода индивидов на антиобщественные позиции.

1. Профилактика дистанционных хищений посредством средств массовой информации.

Полагаем, что в рамках реализации профилактических мероприятий, направленных на предупреждение дистанционных хищений, субъектам профилактики необходимо использовать всевозможный потенциал массовых коммуникаций, главная задача которых заключается в доведении информации, выражающейся в знаниях, духовных ценностях, моральных и правовых нормах с использованием технических средств (Интернет, пресса, радио, телевидение и т.д.). Информация профилактического характера должна иметь приоритетную направленность:

1) прежде всего, такая информация должна содействовать улучшению правовой просвещенности граждан о наиболее распространенных сетевых мошеннических схемах и возможных способах противостояния им;

2) помимо правовой просвещенности граждан, информация СМИ должна призывать общественность к взаимодействию с правоохранительными органами;

3) адекватное информирование общественности о состоянии киберпреступности;

4) распространение неизбежности ответственности за совершаемые дистанционные хищения;

5) формировать позитивное мнение о правоохранительных органах, в особенности органах внутренних дел.

2. Профилактика дистанционных хищений в социальных сетях.

Ввиду того, что глобальная сеть Интернет является самой популярной и быстроразвивающейся масс-медиа, то и комплекс профилактических мероприятий, проводимый правоохранительными органами, должен осуществляться преимущественно в цифровой среде.

Одним из эффективных методов воздействия на население в сети Интернет будет использование органами внутренних дел социальных сетей (на сегодняшний день зафиксированы лишь еди-

ничные случаи использования социальных сетей с целью продвижения виктимологического контента), которые на сегодняшний день обладают наибольшим имиджевым потенциалом (более 70% населения имеют профиль в социальных сетях, при этом почти половина имеют больше одного профиля в разных социальных сетях¹).

3. Профилактика дистанционных хищений в телевидении.

Вторым по популярности источником информации выступает телевидение². Из положительных моментов профилактической деятельности посредством использования телевидения можно отметить следующие: большое количество телезрителей, оперативность, доступность, наглядность. Из негативных: временные ограничения программ; отсутствие возможности задать уточняющий вопрос; высокая стоимость специальных выпусков; общая направленность информационной политики занимает в большей мере сторону преступников, когда должна быть направлена исключительно на потерпевших; развлекательно-коммерческая направленность телевизионных каналов; пропаганда криминала.

Для профилактики дистанционных хищений на телевидении можно использовать несколько вариантов подачи информации:

- интервью должностного лица подразделения уголовного розыска или Управления «К», осуществляющего трудовую деятельность по линии дистанционных хищений;
- репортаж в качестве составной части программы;
- бегущая строка в передаче новостей.

4. Профилактика дистанционных хищений в печатных изданиях.

Рассматривая вариант профилактики дистанционных хищений в печатных изданиях, необходимо учитывать пожилой возраст аудитории. Ни для кого не секрет, что молодежь газет не читает, за исключением случаев индивидуальных изданий и их потребителей. На страницах газет и журналов необходимо развернуто излагать случаи дистанционных хищений, приводить примеры, производить анализ преступности, указывать номера телефонов правоохранительных органов.

¹ Смирнов А.А. Сеть «Интернет» в механизме криминологической детерминации // Библиотека криминалиста. 2013. №5(10). С.170.

² Официальный сайт РИА Новости URL <https://ria.ru/20181022/1531152782.html> (дата обращения 10.11.2022).

5. Профилактика дистанционных хищений в радиовещании.

При осуществлении профилактики дистанционных хищений по радиовещанию необходимо в рекламные блоки радиостанций делать короткие вставки. Текст сообщения должен быть кратким и понятным. В прямом эфире радиопередачи имеется возможность уже более подробно осветить проблему с привлечением уполномоченных к ее решению лиц. В данном случае возраст целевой аудитории будет разносторонним, так как радиовещание слушает, как правило, 90% водителей автомобилей по пути на работу или домой и 95% пожилых лиц, используя радиоприемники.

Помимо рассмотренных мер, в рамках реализации профилактических мероприятий, основанных на воздействии на население, могут быть использованы такие профилактические меры, как социальная реклама, выпуск и раздача листовок, агитация, поквартирный обход граждан сотрудниками правоохранительных органов и др.

Табакова Наталья Александровна,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

К вопросу определения характера и степени общественной опасности преступлений в сфере выпуска и обращения ценных бумаг

Общеизвестно, что в соответствии со ст. 14 УК РФ преступление характеризуется материальным и формальным признаками, сущность материального раскрывается через призму общественной опасности.

Определяя сущность общественной опасности как признака преступления, следует согласиться с мнением Ю.Е. Пудовочкина, который отмечает, что общественная опасность причиняет или создаёт реальную угрозу причинения вреда находящимся под охра-

ной закона об уголовной ответственности общественным отношениям¹ схожую точку зрения выражают и иные авторы, так в учебнике по уголовному праву под редакцией Л.В. Иногамовой-Хегай указывается «Общественная опасность характеризует способность поступка человека, признаваемого преступлением, причинять существенный вред социальным ценностям, охраняемым уголовным законом, или создавать реальную угрозу причинения такого вреда²». Развивая дискуссию относительно общественной опасности Ю.Е. Пудовочкин отмечает «будучи внутренним свойством деяния, общественная опасность вместе с тем является оценочным признаком. Оценка деяния как опасного происходит на двух уровнях: на уровне законодателя при принятии решения о криминализации того или иного деяния и на уровне правоприменителя при решении вопроса о выборе оптимальной формы реализации ответственности субъекта»³. В продолжении высказанной идеи можно привести высказывание В.Д. Филимонова, который указывает, что прямое назначение уголовно-правовой нормы заключается в том чтобы сформулировать состав преступления, то есть совокупность признаков, которая характеризует деяние как общественно опасное⁴. Данная публикация будет посвящена рассмотрению именно вопроса, связанного с криминализацией общественно опасных деяний в сфере выпуска и обращения ценных бумаг.

Определяя общественную опасность преступления и исходя из содержания ст. 6 УК РФ и ст. 15 УК РФ следует устанавливать её характер и степень. Характер общественной опасности устанавливается через объект посягательства, форму вины и соответствующую категорию преступления, которая закреплена в ст. 15 УК РФ. Степень общественной опасности устанавливается через призму содеянного лицом, ролью лица при совершении преступ-

¹ Пудовочкин Ю.Е. Учение о преступлении: избранные лекции. М.: Юрлитинформ, 2008. С.24.

² Уголовное право Российской Федерации: В 2-х т. / Под общей ред. проф. Л.В. Иногамовой-Хегай. М.: ИНФРА-М, 2002. Т. 1: Общая часть. С. 52.

³ Пудовочкин Ю.Е. Учение о преступлении: избранные лекции. М.: Юрлитинформ, 2008. С.25.

⁴ Филимонов В.Д. Криминологические основания содержания норм уголовного права, устанавливающих ответственность за совершение преступлений // Правовые вопросы борьбы с преступностью: Сб. статей / Отв. ред. А.Л. Ременсоню. Томск, 1984. С. 4.

ления в соучастии, общественно опасными последствиями, способом совершения преступления, размером вреда, отметим, что степень общественной опасности может быть учтена судом при назначении наказания с учётом положений предусмотренных ст. 64 УК РФ. Общественная опасность присуща не только преступлениям, но и правонарушениям, предусмотренным КоАП РФ, представляется, что именно степень общественной опасности, а именно размер вреда и общественно опасные последствия положены в основу отграничения преступлений в сфере выпуска и обращения ценных бумаг от административных деликтов в анализируемой сфере.

Отдельно отметим, что законодатель вместе с общественной опасностью деяния для наполнения правового содержания общественной опасности в последнее время начал использовать дополнительные признаки, которые отражают в определённую степень повышенной общественной опасностью, но не деяния, а личности лица совершившего преступления, тут речь идёт об административной преюдиции, когда последующее противоправное поведение, после привлечения лица к административной ответственности свидетельствует о повышении его общественной опасности, указанный законодательный приём ещё раз подтверждает правоту Н.Ф. Кузнецовой, которая в 1968 году отмечала, что «общественная опасность определяется в действительности всеми признаками преступления – и объективной, и субъективной сторонами, и субъектом»¹, указанная идея была подтверждена и современными авторами так например К.В. Чемеринский отмечает «общественная опасность деяния, в первую очередь, определяется объектом посягательства, но помимо этого, всеми как объективными, так и субъективными признаками деяния»². Нам представляется, что такого рода законодательная техника уточнения общественной опасности, посредством указания на повышенную общественную опас-

¹ Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969 // Кузнецова Н.Ф. Избранные труды. СПб., 2003. С. 428.

² Чемеринский К.В. Общественная опасность как категория уголовного права // Вестник ВУиТ. 2014. №1 (80). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennaya-opasnost-kak-kategoriya-ugolovnogo-prava> (дата обращения: 21.04.2019).

ность лица в полной мере применима для конструирования уголовно-правовых норм, устанавливающих уголовную ответственность в сфере выпуска и обращения ценных бумаг.

Порядок выпуска и обращения ценных бумаг являются общественными отношениями, которые требуют чёткой государственной регуляции, потому что данные они являются одним из инструментов привлечения средств юридических и физических лиц, обеспечивают формирование позитивного инвестиционного климата в государстве, именно по этой причине такие важные общественные отношения, которые возникают в сфере выпуска и обращения ценных бумаг, требуют должной административно-правовой и особенно уголовно-правовой охраны от преступных и иных противоправных посягательств. Для достижения эффективной уголовно-правовой охраны необходимо исходить из чётко сформулированных и научно обоснованных оснований признания того или иного деяния общественно опасным.

По нашему мнению, преступления совершаемые в сфере выпуска и обращения ценных бумаг, представляют существенную общественную опасность, так как от таких действий может пострадать большое количество хозяйствующих субъектов и физических лиц, размер вреда причиняемый такого рода преступлениями может быть значителен, помимо вреда физическим и юридическим лицам, которые выступают инвесторами, вред может быть причинён всему рынку ценных бумаг, подорвав доверие инвесторов к финансовым инструментам, а также спровоцировать кризисные процессы в сфере выпуска и обращения ценных бумаг, что отразится на всеобщей кредитно-финансовой системе государства и финансовой политики в целом, продолжая описывать общественную опасность колебаний на рынке ценных бумаг, отметим, что рыночные и легальные механизмы влияния на процессы в сфере выпуска и обращения ценных бумаг оказывают существенное влияние на него, не говоря о противозаконных методах ведения финансовой деятельности на рынке финансовых ресурсов. Проиллюстрируем наше умозаключение такими примерами, как, деятельность ООО «МММ», ООО «Русский дом Селенга» и иных финансовых организаций, связанных с неконтролируемым выпуском в обращение ценных бумаг, от деятельности таких организаций пострадали миллионы физических и юридических лиц, кроме того

именно с кризиса на фондовом рынке ввиду необоснованного повышения манипуляторами стоимости финансовых инструментов (в данном случае акций) и последующего падения их стоимости начался мировой экономический кризис 1929–1933 гг., известный под названием «Великая депрессия», иным примером может служить мировой экономический кризис, начавшийся в 2008 г. с обрушения рынка деривативов (производных финансовых инструментов) в США. Кризису предшествовало раздувание так называемого спекулятивного пузыря на рынке деривативов, крах которого и стал событием, непосредственно запустившим кризис¹.

Кроме того, следует понимать, что слабый контроль со стороны государства, отсутствие правовых механизмов позволяющих своевременно влиять на процессы в сфере выпуска и обращения ценных бумаг, в том числе и уголовно-правовых механизмов может отразиться на авторитете органов государственной власти, послужить катализатором протестных движений среди широких слоёв населения. Также несвоевременный контроль за процессами в сфере выпуска и обращения ценных бумаг может налагать дополнительные затраты на федеральный бюджет Российской Федерации и иные целевые федеральные фонды, которые обеспечивают возмещение средств инвесторам и иным участникам рынка ценных бумаг.

Приведённое выше свидетельствует, что противоправные деяния, которые совершаются в сфере выпуска и обращения ценных бумаг обладают общественной опасностью в силу повышенного характера и степени, что существенным образом отличает их от административных деликтов, которые также присущи рынку ценных бумаг.

¹ Бобков О.В. Манипулирование рынком: проблемы эффективности уголовно-правового запрета // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 2 (40). С. 209-210.

Титов Сергей Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры права Ульяновского государственного
педагогического университета имени И.Н. Ульянова

Штраф в системе наказаний за преступления против интеллектуальной собственности

Не секрет, что системность и соразмерность санкций в статьях Особенной части УК РФ как в части видов, так и в части размеров наказаний подвергается широкой критике. Эта проблема требует отдельного масштабного исследования, основанного на изучении эффективности того или иного наказания, в первую очередь эффективность наказаний, которые могут выступать альтернативой лишению свободы.

В то же время нельзя не обращать внимания на пусть и локальные, но очевидные нарушения системности в нормах, посвященных той или иной группе опасных деяний. В данном материале, в частности, пойдет речь о штрафе в системе санкций за преступления против интеллектуальной собственности.

В соответствии со ст. 44 УК РФ штраф является видом уголовного наказания и представляет собой денежное взыскание в размерах, установленных судом.

Как отмечает А.В. Бриллиантов, уровень назначения штрафа, как показывает практика, в определенной мере находится в зависимости от социально-экономических условий жизни людей и их платежеспособности, а в ряде случаев и от характера совершенного преступления¹.

Неоднозначное отношение к штрафу демонстрирует научная литература советского времени. Высказывались порой довольно бескомпромиссные суждения относительно штрафа: «Социальные процессы, вознесшие штраф на вершину буржуазной системы наказаний, глубоко чужды социалистическому строю»². Имелись

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 2. Т. 1 / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2015. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

² Осипов П.П., Исмаилов И.А. О системе санкций и назначении наказания за преступления против личных интересов граждан // Вестник ЛГУ. Экономика, философия, право. Вып. 4. 1973. С. 98

противоположные суждения, основанные на связи применения штрафа и уровня благосостояния населения: «Неуклонный рост материального благосостояния граждан в социалистическом обществе, требование использования на социалистической основе экономических категорий выступают в настоящее время в качестве необходимых социальных предпосылок расширения использования штрафа как меры наказания»¹.

Интересен прогноз, сделанный в одном из изданий 1997 года, непосредственно после принятия УК РФ, в котором резко возросло число санкций, содержащих штраф, в сравнении с УК РСФСР 1960 года: «Есть основания полагать, что существенное увеличение числа санкций со штрафом в новом УК, а также рост доходов населения при стабилизации экономического положения страны приведут к возрастанию удельного веса этого наказания»².

На зависимость применения штрафа от платежеспособности населения указывал еще С.В. Познышев, который отмечал, что в случаях некоторых маловажных проступков пеня (штраф) является целесообразной карательной мерой. Но на широкую область применения это наказание претендовать не может; назначаемое в слишком больших размерах, оно *de facto* не могло быть применимо – в виду плохого имущественного положения большинства преступников³.

Таким образом, карательное воздействие штрафа заключается в финансовых лишениях, возлагаемых на преступника. Назначение этого наказания осуществляется с учетом финансового положения виновного и условий жизни его семьи.

В настоящее время штраф является одним из самых «востребованных» наказаний. В 2020 году штраф в виде основного наказания был назначен 61 706 осужденным, что составляет почти 12% от их общего числа. По этому показателю штраф находится на втором месте после лишения свободы.

¹ Гальперин И.М., Мельникова Ю.Б. Дополнительные наказания. М.: Юр. лит. 1981. С. 23

² Словарь по уголовному праву / Отв. ред. А.В. Наумов. М.: Издательство БЕК, 1997. С. 675

³ Познышев С.В. Учение о карательных мерах и мере наказания. М., 1908. С. 154

Штраф в качестве основного наказания установлен в 453 санкциях УК РФ (49,29%) и является вторым по распространенности наказанием после лишения свободы¹.

Из тринадцати составов преступлений против интеллектуальной собственности в действующем УК РФ штраф в качестве основного наказания приставлен в одиннадцати. Исключения составили ч. 3 ст. 146 и ч. 4 ст. 183 УК РФ. Здесь следует отметить, что из тринадцати этих составов десять соответствуют преступлениям небольшой или средней тяжести и только три – тяжким преступлениям: ч. 3 ст. 146, ч. 4 ст. 180 и ч. 4 ст. 183 УК РФ. Таким образом, из трех тяжких преступлений только за одно предусмотрен штраф как основное наказание, то есть как альтернатива лишению свободы и другим наказаниям. В добавок к этому в этой же санкции штраф предусмотрен и как дополнительное наказание. В ч. 3 ст. 146 и ч. 4 ст. 183 УК РФ штраф предусмотрен только как дополнительное наказание.

Следует отметить, что штраф как основное наказание за тяжкое преступление в санкциях Особенной части УК РФ встречается редко, по подсчетам М.А. Простесердова, 76 раз². Что касается практики, то анализ статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации показывает, что за 2015-2020 гг. штраф как основное наказание по ч. 4 ст. 180 УК РФ был назначен 9 осужденным из 120 осужденных, что можно признать довольно низким показателем³.

Включение штрафа в качестве основного наказания в ч. 4 ст. 180 УК РФ демонстрирует недостаток системности в формировании санкций статей о преступлениях против интеллектуальной собственности.

Одним из вариантов такой системности могло бы стать исключение из ч. 4 ст. 180 УК РФ штрафа как основного наказания. Между тем, это привело бы к усилению уголовно-правовой репрессии. Не стоит забывать, что 9 человек за рассмотренный период все же были осуждены к штрафу за это преступление.

¹ Простесердов М.А. Система санкций Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: анализ, проблемы, пути решений. Москва: РГУП, 2020. С. 85

² Простесердов М.А. Указ. соч. С. 86

³ <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>

Представляется, что в нынешних условиях гуманизации уголовного законодательства является нежелательной ситуация, когда в санкциях статей Уголовного кодекса Российской Федерации о преступлениях, не влекущих вреда жизни, здоровью, основополагающим конституционным правам человека, безопасности государства, единственной альтернативой лишению свободы являются принудительные работы. В случае с ч. 3 ст. 146 и ч. 4 ст. 183 УК РФ дело пока обстоит именно так.

К указанному соображению нужно прибавить еще одно. Ч. 2 ст. 147 УК РФ предусматривает ответственность за групповой способ незаконного использования интеллектуальной собственности и содержит штраф как основной вид наказания. Ч. 3 ст. 146 УК РФ также предусматривает ответственность за групповой способ незаконного использования интеллектуальной собственности, но такого наказания не содержит.

В связи с этим, вероятно, по соображениям системности санкций и гуманизма уголовного права более обоснованным является включение штрафа как основного наказания в санкции ч. 3 ст. 146 УК РФ и ч. 4 ст. 183 УК РФ.

О том, что такое решение назрело, говорит судебная статистика. Она показывает, что суды назначают штраф как основное наказание по ч. 3 ст. 146 УК РФ, несмотря на то, что такого наказания в санкции нет. Очевидно, суды применяют ст. 64 УК РФ и, усмотрев исключительные обстоятельства, назначают наказание более мягкое, чем предусмотрено санкцией. Число таких приговоров значительно. За период с 2015 по 2020 гг. число осужденных к штрафу как основному наказанию по ч. 3 ст. 146 УК РФ составило 33 человека, что сопоставимо с числом осужденных к лишению свободы (48 человек).

Анализ приговоров по конкретным уголовным делам показывает, что суды, принимая такое решение, принимают в качестве «исключительных обстоятельств» в своей массе заурядные обстоятельства, такие, как признание вины и содействие расследованию.

Штраф как основное наказание за преступления против интеллектуальной собственности в рассматриваемом периоде был назначен 1 252 лицам. В основном штраф назначался за квалифицированное незаконное использование авторских и смежных прав

(ч. 2 ст. 146 УК РФ, 468 человек, или 37%) и простое незаконное использование товарного знака (ч. 1 ст. 180 УК РФ, 471 человек, или 38%).

Медиана санкции в ч. 2 ст. 146 УК РФ – 102 500 р., в ч. 1 ст. 180 УК РФ – 200 000 р., в ч. 3 ст. 180 УК РФ – 300 000 р.

Анализ практики показывает, что, за исключением ч. 3 ст. 180 УК РФ, размеры наказания в виде штрафа как основного наказания существенно ниже медианы санкции.

Таким образом, суды сравнительно часто применяют это наиболее мягкое наказание, причем в размере ниже медианы санкции. Это, несомненно, свидетельствует о том, что назначение штрафа, как и коррекция его представленности в санкциях статей о преступлениях против интеллектуальной собственности, является одним из приоритетных направлений наказательной политики в этой сфере.

На основании сказанного можно сформулировать следующие предложения:

1. Исключить ситуацию, при которой в санкциях статей Уголовного кодекса Российской Федерации о преступлениях, не влекущих вреда жизни, здоровью, основополагающим конституционным правам человека, безопасности государства, единственной альтернативой лишению свободы являются принудительные работы.

2. С этой целью, по соображениям системности санкций и гуманизма уголовного права включить штраф как основное наказание в санкции ч. 3 ст. 146 УК РФ и ч. 4 ст. 183 УК РФ.

Токарчук Роман Евгеньевич,
кандидат юридических наук,
начальник кафедры
тактико-специальной и огневой подготовки
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

**Уголовно-правовые аспекты предупреждения
противодействия со стороны правонарушителей,
не выполняющих законные требования сотрудника полиции**

В последнее время в среде правонарушителей, экстремистов различных мастей стало «модно» открыто не выполнять требования сотрудников полиции при выполнении ими своих служебных задач. Эти правонарушения часто сопровождаются провокациями со стороны нарушителей, видеофиксацией действий сотрудников полиции, в надежде повлиять на их действия или дискредитировать их, путем выборочной демонстрации процесса пресечения правонарушения или задержания. В таких случаях сотрудники полиции должны быть особо последовательными и грамотными при выборе мер и средств по пресечению правонарушения или задержанию правонарушителей. Для этого они должны знать, как в таких провокационных ситуациях себя вести, в какой последовательности и как действовать для того, чтобы выполнить свою служебную задачу, не перейти при этом границы дозволенного и обеспечить свою безопасность. Для этого необходим специальный алгоритм предупреждения противодействия со стороны правонарушителей, которому необходимо обучать всех сотрудников полиции, выполняющих задачи по пресечению правонарушений и задержанию правонарушителей. Не последнюю роль в предупреждении противодействия нарушителей играют уголовно-правовые запреты, которые не только определяют ответственность за некоторые виды физического противодействия сотрудникам полиции, но и предупреждают о недопустимости подобного поведения. Последняя их функция общей превенции должна активно использоваться сотрудниками полиции при предупреждении противодействия нарушителей.

В многочисленных учебниках, учебных пособиях и методичках часто воспроизводится общий порядок пресечения правонарушения, который чаще всего исходит из ожидаемого выполнения требований сотрудника полиции и сводится к следующим действиям: потребовать прекращения правонарушения при его наличии, объявить о своем статусе сотрудника полиции, объяснив противоправность действий нарушителя конкретными нормами права, в соответствии с п. «1» ч. 4 ст. 5 Федерального закона «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ¹ (далее ФЗ «О полиции»); потребовать документы, удостоверяющие личность, зафиксировать содержащиеся в них сведения о правонарушителе; установить свидетелей и иные обстоятельства, имеющие значение для дела; составить протокол об административном правонарушении или доставить нарушителя для соответствующих действий в служебное помещение². Отдельно, при описании порядка применения государственных мер физического принуждения в учебной литературе указывается на необходимость перед их применением предупреждения о применении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия (ч. 1 ст. 19 ФЗ «О полиции»). Еще реже в учебной литературе встречается упоминание о том, что, при неподчинении правонарушителя требованиям сотрудника полиции его следует предупредить об ответственности за невыполнение законных требований сотрудника полиции, предусмотренной ст. 19.3 КоАП РФ³, не допуская угроз наказанием, которое не предусмотрено законом⁴.

¹ Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ (последняя редакция) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 29.05.2022).

² Профессиональное обучение сотрудников органов внутренних дел (профессиональная подготовка полицейских): учебник в 2 ч. / под общ. ред. В.Л. Кубышко. Часть 2. М.: ДГСК МВД России, 2015. С. 263-265; Профессиональная подготовка полицейских. Альбом структурно-логических схем: учебное наглядное пособие: в 2 ч. / под общ. ред. В.Л. Кубышко. М.: ДГСК МВД России, 2016. Часть 2: Профессиональный цикл. С. 275.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 16.04.2022, с изм. от 17.05.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 27.04.2022) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 29.05.2022).

⁴ Кузминова Е.Ю. Действия сотрудников полиции при несении службы: методические рекомендации / Е.Ю. Кузминова, Е.Г. Капустина. Орёл: Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2014. С. 23.

В предлагаемых рекомендациях по пресечению преступлений или правонарушений, задержанию правонарушителей совершенно не предусмотрены предупреждения указанных лиц о вероятности привлечения их к уголовной ответственности в случае применения к сотруднику поддержания правопорядка насилия той или иной степени. Вместе с тем, совершенно очевидно, что с учетом того обстоятельства, что простые побои относятся к административным правонарушениям (ст. 6.1.1 КоАП РФ), как и невыполнение законных требований сотрудника полиции (ст. 19.3 КоАП РФ), нарушители могут искренне предполагать, что их силовое сопротивление не представляет состава преступления.

Сотрудники полиции остро нуждаются в обучении такому алгоритму действий по пресечению правонарушений и преступлений, который был бы эффективен для: предупреждения вероятного противодействия тех нарушителей, которые еще не готовы к серьезному конфликту с законом; обеспечивал бы готовность сотрудников полиции к применению мер физического принуждения и готовил почву для законности их применения; исходил бы из требований необходимости выполнения служебной задачи и соблюдения личной безопасности сотрудников полиции при задержании правонарушителей; был бы последователен и понятен для лиц, его применяющих¹.

В соответствии с требованиями ФЗ «О полиции», положениями УК РФ, в целях эффективного предупреждения противодействия со стороны правонарушителя, противоправные действия которого пресекаются сотрудниками полиции, считаем необходимым правонарушителю до применения мер физического принуждения особенности уголовной ответственности за применение насилия к сотруднику полиции при силовом противодействии или сопротивлении задержанию.

В частности, предлагаем, предупреждать правонарушителя об уголовной ответственности за применение насилия в отноше-

¹ Токарчук Р.Е. Тактика предупреждения противодействия со стороны правонарушителей // Совершенствование огневой и тактико-специальной подготовки сотрудников правоохранительных органов: сборник материалов Всероссийской конференции, 19 мая 2022 г. / редколлегия: А.О. Губенков [и др.]. Орел: Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2022. С. 192-197..

нии сотрудника полиции. Делать это следует после предупреждения: об ответственности по ст. 19.3 КоАП РФ; о вероятности, при продолжении невыполнения законных требований, применения физической силы в соответствии со ст. 20 ФЗ «О полиции»; о возможности применения специальных средств, при силовом противодействии применению физической силы сотрудником полиции.

Например, для этого по мере возрастания угрозы можно использовать следующие вербальные формулы:

– «Предупреждаю, если при применении к Вам физической силы или специального средства Вы окажете сотруднику полиции физическое сопротивление в виде насилия, Вы совершите преступление, предусмотренное частью 1 ст. 318 УК РФ, предусматривающее наказание в виде лишения свободы до 5 лет!», либо «Если Вы будете сопротивляться и примените к сотруднику полиции насилие, то можете быть лишены свободы на 5 лет за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 318 УК РФ»;

– «Предупреждаю, если в процессе задержания Вы окажете мне физическое насилие, опасное для жизни или здоровья, то Вы совершите преступление, предусмотренное частью 2 ст. 318 УК РФ, предусматривающее наказание в виде лишения свободы до 10 лет!», либо «За применение насилия, опасного для жизни или здоровья, к сотруднику полиции, Вы можете быть лишены свободы (сесть в колонию) на 10 лет в соответствии с частью 2 ст. 318 УК РФ».

Многие нарушители, выслушав указанные предупреждения, будучи аудиально и визуально предупрежденными о вероятных последствиях возможного противодействия, могут отказаться от дальнейшего невыполнения законных требований сотрудника полиции и сопротивления задержанию. Включение в порядок предупреждения противодействия нарушителя предупреждений о неизбежной уголовной ответственности за насилие в отношении представителя власти отражает бесконтактный способ задержания, основанный на прямых требованиях закона. Он, несомненно, может остановить многих правонарушителей от дальнейшего необдуманного противодействия.

Заучивание приведенных вербальных формул предупреждения противодействия со стороны правонарушителя существенно обогатит знания сотрудников полиции о статье 318 УК РФ.

Обычно изучение данной нормы в образовательных организациях системы МВД России осуществляется при изучении дисциплины «Уголовное право» в рамках изучения главы «Преступления против собственности», на которую выделено не более 10 академических часов (1-2 лекции, 1-2 семинара или 1-2 практических занятия). Такого частичного изучения столь важной в предупреждении противодействия правонарушителя нормы, обеспечивающей своим существованием личную безопасность сотрудников полиции, явно недостаточно. Изучение предлагаемых нами предупреждений правонарушителя существенно повысит готовность сотрудников полиции к пресечению правонарушений и преступлений, способность их отстаивать свои права и привлекать к уголовной ответственности правонарушителей, применяющих к ним насилие.

Если на каком-либо этапе выполнения приведенного нами алгоритма правонарушитель начнет противодействовать или пытаться избежать ответственности, скрываясь от сотрудников полиции, сотрудники переходят к активной фазе пресечения правонарушения. При этом они применяют то или иное средство физического принуждения в зависимости от наличия обстоятельств, предусмотренных главой 5 ФЗ «О полиции».

Таким образом, предлагаем всех сотрудников полиции, выполняющих служебные задачи по пресечению правонарушений и задержанию правонарушителей, обязывать при предупреждении противодействия со стороны правонарушителей, предупреждать их об уголовной ответственности по ст. 318 УК РФ. Указанные предупреждения могут способствовать:

- предупреждению противодействия со стороны правонарушителей и насильственных посягательств в отношении сотрудников полиции;
- подчинению правонарушителей законным требованиям сотрудников полиции;
- закреплению знаний сотрудников полиции в части оценки и квалификации действий сопротивляющегося правонарушителя по ст. 318 УК РФ;
- в конечном итоге эффективному выполнению служебных задач по пресечению правонарушений и задержанию правонарушителей, без эскалации конфликтной ситуации.

Федченко Владимир Владимирович,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

**Уголовная ответственность за развратные действия:
проблемы квалификации и пути совершенствования
уголовно-правовой нормы**

Преступления против личности – это одна из самых серьезных и злободневных проблем, существующих на протяжении всего социально-исторического развития человечества. В разные времена, в различных государствах к ним относились разнообразными антигуманными деяниями, наносящими существенный вред человеку, а также иным охраняемым законом объектам. Нельзя не отметить, что не все преступления против личности по конструкции относятся к материальным преступлениям – то есть не каждое из них чревато обязательным наступлением общественно опасных последствий, согласно положениям норм действующего отечественного уголовного закона. Однако мы считаем, что каждое преступление против личности оставляет негативный след в жизни лиц, причастных к нему, причем это отражается как на психологической, так и на интеллектуальной подструктуре человеческого сознания. Еще более страшным явлением представляются преступления против несовершеннолетних, то есть лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, в связи с особенностями объекта посягательства. В данном случае жертвами преступлений являются дети – самая незащищенная часть общества, которая в силу своего возраста и неопытности не обладает достаточным самосознанием, миропониманием, рациональным восприятием, чувством самосохранения, критическим мышлением. Все перечисленные факторы влияют на повышение степени виктимности среди рассматриваемой категории, что обостряет криминогенную ситуацию по отношению к ней. Напомним, что под виктимностью понимается присущая человеку предрасположенность стать при определенных обстоятельствах жертвой преступления, или неспособ-

ность человека оказать противодействие преступнику, которая сопровождается совокупностью факторов, делающих эту неспособность объективной (то есть не зависящей от жертвы) или оставляющих ее на уровне субъективного «нежелания или неумения»¹. Приведенная характеристика во многом обуславливает возможность ребенка стать жертвой в том числе преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы. Следует указать, что разница этих понятий заключается в том, что половой свободой обладает лицо, достигшее брачного возраста, а точнее возраста сексуального согласия. Согласно действующему законодательству, в Российской Федерации возраст сексуального согласия наступает в 16 лет (ч. 1 ст. 13 Семейного Кодекса Российской Федерации)². Таким образом, из положений данной статьи можно заключить, что лица, не достигшие шестнадцатилетнего возраста, обладают половой неприкосновенностью.

Национальное уголовное законодательство, а именно Уголовный Кодекс Российской Федерации, закрепляет карательные меры за совершение ряда преступлений, нарушающих права человека на половую свободу и неприкосновенность. Посягательства на половую свободу и половую неприкосновенность несовершеннолетних являются одной из актуальных проблем современного российского общества, а особое внимание привлекает статья 135 УК РФ «Развратные действия», предусматривающая ответственность за совершение сексуальных действий без применения насилия. Данный тезис подкрепляется статистическими данными, свидетельствующими об изменении динамики преступлений в данной сфере. Так, по данным Генеральной Прокуратуры Российской Федерации, в 2016 году было зарегистрировано 1194 преступления по статье 135 УК РФ, в 2017 эта цифра составила 1498 деликтов, в 2018 – 1810, а в 2019 – 6946 случаев³. Из анализа приведенных данных исходит, что число преступлений из года в год неуклонно

¹ Ривман Д. В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений. Л., 1975.

² Семейный Кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 04.02.2021, с изм. от 02.03.2021) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 26.04.2021)

³ Генеральная Прокуратура Российской Федерации Портал правовой статистики (<http://crimestat.ru>)

увеличивается, следовательно увеличивается и число лиц, осужденных за противоправные деяния, охватываемые статьей 135 УК РФ. Так, по официальным статистическим данным Судебного Департамента Российской Федерации, в 2017 г. было осуждено 258 человек, а в 2018 г. – 465 человек, а только за 1-е полугодие 2019 г. осуждено уже 265 человек.

Таким образом, приведенный анализ подчеркивает частоту столкновения российского общества и государства в целом с таким опасным явлением, как развратные действия. В связи с этим представляется необходимым исключить коллизии и пробелы в законодательстве, регулирующем данную сферу правоотношений.

По нашему мнению, одним из наиболее ярких недостатков действующей редакции статьи 135 УК РФ является отсутствие положения, предусматривающего наказание за совершение объективной стороны преступления в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста. Так, в части первой рассматриваемой статье закреплено наказание за совершение совершеннолетним субъектом развратных действий в отношении лица младше шестнадцати лет, а вторая часть нормы защищает половую неприкосновенность лиц в возрасте от двенадцати до четырнадцати лет. Далее в статье указаны квалифицированные и особо квалифицированные составы, сопряженные с множественностью объектов (часть 3 статьи 135 УК РФ) и субъектов (часть 4 статьи 135 УК РФ) посягательства, а также особо опасный рецидив (часть 5 статьи 135 УК РФ). При этом в статье Уголовного Кодекса РФ ничего не сказано о совершении развратных действий в отношении лиц, не достигших двенадцати лет. Некоторые правила квалификации подобных деяний изложены в обобщении судебной практики, а именно в п. 21 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. №16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности». Так, данный нормативно-правовой акт предлагает рассматривать подобные деяния как изнасилование и насильственными действиями сексуального характера (п. «б» ч. 4 ст. 131 и п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ), и, соответственно, применять такие же санкции к преступникам. Но, следует отметить, что и пер-

вый, и второй вариант квалификации не соответствует степени общественной опасности развратных действий, которые, в отличие от предложенных составов, совершаются без применения насилия.

Таким образом, предложенные Верховным Судом Российской Федерации вариации лишь усложняют дачу грамотной юридической оценки деяния, и, в результате, могут повлиять на правильность и точность квалификации. Поэтому мы предлагаем изменить структуру статьи 135 УК РФ, дополнив ее квалифицированным составом, предусматривающим ответственность за совершение развратных действий в отношении лица младше 12 лет.

Еще одним спорным моментом в исследуемой статье 135 УК РФ является то, что ее составом не предусмотрен специальный субъект. Согласно данным судебной статистики по данному уголовно-наказуемому деянию, примерно пятая часть преступлений совершается родителями, опекунами, отчимами и иными лицами, в обязанность которых входит воспитание и обучение ребенка. Преступление, совершенное таким субъектом, пользующимся относительно повышенным уровнем доверия со стороны ребенка, что уменьшает сопротивление с его стороны, на наш взгляд, характеризуется особой степенью общественной опасности, ведь в данном случае лицо, социальная роль которого заключается в защите прав и свобод несовершеннолетнего, само грубейшим образом нарушает их. Также подобное преступление обладает высоким психотравмирующим фактором, что влечет за собой существенные нарушения в психоэмоциональном развитии ребенка. По нашему мнению, развратные действия, совершенные лицами, в обязанности которых входит воспитание и обучение несовершеннолетнего (например, родитель, опекун, попечитель, педагог, воспитатель и др.), должны составлять отдельный квалифицированный состав, а указанные лица обязаны нести более жесткое наказание, чем на общих основаниях, то есть по сравнению с общим субъектом.

Еще один пробел в положениях статьи 135 УК РФ, заслуживающий повышенного внимания, – это непринятие в учет развития современных технологий. Таким образом, непрерывно усложняясь и совершенствуясь, современные технические устройства, помимо облегчения повседневной жизни человека, обеспечивают возможность создания новых способов совершения преступлений.

Что касается рассматриваемой нами статьи, то действующие системы видеоконференц-связи делают возможным совершать развратные действия на расстоянии, с помощью информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Однако действующая редакция статьи 135 УК РФ «Развратные действия» не предусматривает уголовную ответственность за подобное деяние, которое обладает такой же степенью общественной опасности, как и действия, охватываемые составом данной статьи. Поэтому предлагаем законодателю изменить состав статьи 135 УК РФ, расширить объективную сторону деяния с учетом развития информационных технологий, а также возможностей сети Интернет.

Федюнин Владимир Владимирович,
старший преподаватель кафедры огневой подготовки
Краснодарского университета МВД России;
Зубов Виктор Анатольевич,
преподаватель кафедры огневой подготовки
Краснодарского университета МВД России;
Цыганова Юлия Сергеевна,
слушатель факультета профессиональной подготовки
Краснодарского университета МВД России

Коррупция как явление, деформирующее правовое сознание

Проблематика коррупции состоит в том, что при правоприменении и правотворчестве в меньшей мере уделяется роль философии (социальной, антропологической) и культурологи. Правовая интерпретация коррупции сужена и не затрагивает существенные стороны коррупционных явлений. Другими словами – юридическая наука без метафизики, социальной философии, философской антропологии и культурологи не способна полностью раскрыть все сущности коррупции, ее критические стороны.

Актуальность обостряется и тем, что Российская Федерация находится в мировых лидирующих позициях по глобальному индексу восприятия коррупции, несмотря на то, что одним из основных мер по профилактики коррупции, по смыслу антикоррупци-

онного законодательства в Российской Федерации является формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению¹. Вместе с тем, нужно признать, что нетерпимость к коррупционному поведению может формироваться лишь только тогда, когда правовое сознание социальных субъектов достигнет или хотя бы приблизится к уровню автономии.

Коррупция – уникальное явление, она как бы абстрактна, т.е. его форма исключает любую конкретику и одновременно позволяет индивидам в соответствии с накопленным опытом, ассоциациями производить самостоятельную интерпретацию по следующим типам абстракции: 1) примитивная чувственная, 2) обобщающая, 3) идеализация, 4) изолирующая, абстракция актуальной бесконечности, 5) конструктивизация. В тоже время, коррупция с легкостью из абстракции проявляется в конкретности, то есть в объект с ясно определёнными признаками. Коррупция – это инструмент перевоплощения. Она абстрактна до тех пор, пока не проявится в конкретике, т.е. тогда, когда будет выявлен сам факт коррупционного явления. Феноменологический опыт, имеющий тысячелетнюю историю, позволил коррупции сформироваться в дисциплинированное, организационное и, самое главное, новационное явление, способное идти в ногу со временем.

Рефлексия коррупции в правовом аспекте находится в числе приоритетных задач философии, юриспруденции, политологии, социологии, психологии, педагогики. Но эта рефлексия проявляется лишь тогда, когда общество правопросвещено, когда правовое сознание не повержено сплошной гетерономией, когда правовая культура воспринимается обществом как действительная важная ценность, когда духовность и традиционализм гармонирует с новациями и прогрессом. Отсутствие факторов, исключающих автономность правового сознания, приводит к тому, что коррупция ослабляет уровень политических и гражданских прав в обществе, искореняет стандарты, ценности и идеалы, возрастает риск утраты подлинного демократического и социального права как ценности, подрываются духовные основы права.

¹ Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 30.10.2018) «О противодействии коррупции»

Результат, или даже цель коррупции – декаданс (упадок, разложение). Хотя понятие «декаданс» больше относится к художественной и литературной эстетике модернизма, оно актуально в применении нашего исследования, говоря о том, что в процессе коррупции благоприятно формируется декаданс, приводящий «к болезненной чувствительности, душевной усталости и апатии, крайнему индивидуализму и пессимизму, стремлению убежать от действительности»¹. В нашем исследовании это явление можем назвать «коррупционным декадансом», целью которого является порабощение социума. Важно оговориться и указать, что порабощение происходит не только в социально-экономическом формате, но и в духовно-нравственном, что по своей природе более стихийно, поскольку как индивид, так и социальные субъекты вынужденно смиряются с несправедливостью и готовы, даже фанатично, «служить» этой несправедливости. По сути, глобальная коррупция вытесняет духовность из личности, и человек прекращает принадлежать самому себе. На ментальном уровне формируется «духовное рабство», слабость и неспособность сопротивляться этому злу, даже при очевидном попрании, в том числе, и естественных прав человека.

Отечественная юстиция за каждым ведомством закрепила определенные этические нормы: «Кодекс судейской этики», Приказ Генпрокуратуры России «Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации», «Кодекс профессиональной этики адвоката», «Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих» и т.д. Все эти этические кодексы, концепции, по сути, направлены на повышения уровня правового сознания социальных субъектов, имеющих прямое или косвенное отношение к власти или властным полномочиям. Но, увы, сегодняшние реалии нам свидетельствуют о том, что коррупция на чаше весов перевешивает этику и мораль. Разумеется, сегодня нам стоит обсуждать нецелесообразность массы различных этических антикоррупционных

¹ Трыков В. П. Декаданс. Электронная энциклопедия «Современная французская литература»

норм, тем более, если от них нет практической пользы, поскольку уровень правового сознания у социальных субъектов находится в крайне низком состоянии. Это относится и как к институциональным субъектам правового сознания (подкупные) и как субъектам обыденного правового сознания (подкупающие, ищущие связи, чтобы можно было «решить»). Целесообразность борьбы с коррупцией заключается в ужесточении уголовной ответственности за коррупционные преступления, а главное, приведение правосудия в стандарт справедливости, по принципу «Закон для всех един».

В антикоррупционной литературе все чаще встречается такое понятие, как «этические сигналы коррумпированности». По своей сути, это понятие определяет некие сигналы о проявлении признаков коррупции. Этот термин в научно-практический оборот ввела Австралийская независимая комиссия по борьбе с коррупцией, которая в 1994 г. провела исследование среди государственных и муниципальных служащих, целью которого было выяснение признаков поведения, указывающих на возможное наличие коррупционных отношений. Так вот, к возможным признакам коррумпированности (этическим сигналам) среди чиновников были отнесены:

- систематический прием мелких подарков от просителей;
- частные зарубежные командировки, прямо не связанные со служебной деятельностью;
- систематические ходатайства о приеме на государственную или муниципальную службу других лиц;
- частое приобретение предметов роскоши;
- пользование очень дорогим автомобилем, стоимость которого несопоставима с обычными размерами доходов и имущества для определенной категории чиновника;
- отдых на наиболее дорогих и престижных курортах;
- проживание в отдельном доме или апартаментах, приобретенных за наличные деньги;
- систематическое присутствие на банкетах или пользование не запрещенными законом услугами организаций и отдельных лиц, контроль за деятельностью которых входит в компетенцию данного лица;

– опубликование книг, работа над которыми не является служебной обязанностью;

– утаивание от коллег и общественности названных обстоятельств или введение в заблуждение относительно таких обстоятельств¹.

Осмелимся предположить, что основное диалектическое взаимодействие гетерономии и автономии происходит посредством языка. Е.А. Кормочи небезосновательно утверждает, что язык – это своего рода посредник между различными формами культурного пространства человечества, и вместе с тем он и сам является естественным материалом данных форм². Язык органическим образом входит в составляющие человеческой культуры, но не растворяется в них, а сохраняет свою обособленность, что позволяет отграничивать формы языковые от экстралингвистических. Кроме того, очень важно отметить, что именно сквозь призму языка человек смотрит на мир. Именно посредством языка ряд коррупционных явлений интерпретируется как закон, с помощью языка одобряются коррупционные явления, именно язык возводит коррупцию на вершину всех зол на планете. Не зря в коррупционном государстве важную роль играют средства массовой информации, активно разрабатывается и финансируется институт пропаганды. Пособием языка коррупция внушает людям надежду на то, что в скором времени все будет хорошо. Языком (словом) соблюдается баланс всяких политических явлений, в том числе, и внеправовых, язык направляет ход действий.

А.Ю. Чаплыгина, проведя исследование в области политической коррупции в условиях модернизации общества, пришла к обоснованному выводу, что борьба с коррупцией обречена на провал, если с ней борются лишь государственные структуры, которые зачастую сами же ею и поражены, без широкого участия населения, неправительственных организаций, т.е. без участия гражданского общества. При этом даже активность СМИ может рассматриваться как фактор вспомогательный. Самый важный вывод

¹ Конституционно-правовые основы антикоррупционных реформ в России и за рубежом: учебно-методический комплекс (учебное пособие) / С.А. Авакьян, О.И. Баженова, О.А. Ежукова и др.; отв. ред. С.А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2016.

² Кормочи Е.А. Язык как предмет философской рефлексии // Вестник Краунц. Серия «Гуманитарные науки». 2010. № 2 (16).

в её исследовании – это то, что вопрос борьбы с коррупцией становится неотделимым от вопроса строительства гражданского общества¹.

Важно остановиться и на том, как коррупция тормозит развитие гражданского общества.

Разумеется, строительство гражданского общества – необходимое явление, но не для активистов, рьяно удерживающих коррупционную политику, внушающих социуму, что искоренение коррупции, скорее всего, утопия, нежели реальность.

Строительство гражданского общества, прежде всего, должно формироваться в формате зрелого и справедливого социально-политического курса, формирования здорового и, главное, автономного правового сознания, когда субъекты правового сознания сами будут активно участвовать в борьбе с коррупцией. Нужно понимать, что с точки зрения общества своеобразным маркером правосознания выступает правовая идеология, которая отмечает политическую активность граждан и характеризует качества этой активности. Касается правовая идеология не только общества в целом или отдельных социальных групп, она имеет отношение и к отдельным индивидам, показывая, насколько они укоренены в действующем политическом процессе, насколько органичной является для них та правовая система, внутри которой они находятся.

С точки зрения индивида основанием правосознания выступают психологические ожидания и запросы в правовой сфере, которые могут быть выражены в любой форме, начиная от обсуждения проблем справедливости, заканчивая формулированием философских, политических, социально-экономических принципов, согласно которым должны быть упорядочены общественные отношения. Это своего рода строительный материал для развития правовой сферы, который складывается и из рациональных суждений о сущности и наиболее приемлемых формах права и из иррациональных ожиданий, чувств, образов, представлений, которые возникают у физических акторов законотворческого процесса.

¹ Чаплыгина А.Ю. Политическая коррупция как социально-политическое явление в условиях модернизации общества // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. №10.

Любая политико-правовая идеология, исходящая от высшей политической элиты, должна подкрепляться собственным примером исполнения. Верхушка власти должна отождествлять себя с собственным народом. Обращаясь к западному опыту борьбы с коррупцией, хотелось бы акцентировать внимание на нидерландскую систему правотворчества и культурного, этико-эстетического склада общественного строя. В.А. Кислухин в своих работах приводит такой факт, что монархи Нидерландов отличались особой скромностью, отзывчивостью и преданностью своему народу. Ученый приводит пример о том, что когда перед въездом на паром, переправлявший автотранспорт и людей из Амстердама на другой конец залива, выстраивалась длинная очередь, королева Юлиана на своем авто обычно вставала в самый конец этой бесчисленной вереницы транспортных средств. Водители, стоявшие впереди, охотно предлагали королеве пропустить ее вперед, но Юлиана всегда терпеливо дожидалась своей очереди. И хотя такое поведение главы государства является в Нидерландах само собой разумеющимся, голландцы гордятся своими монархами, которые не на словах, а на деле демонстрируют своему народу приверженность принципу равенства всех людей... Младший сын королевы - принц Константин - в юности сам зарабатывал себе на жизнь в качестве официанта пивного бара в г. Гронингене»¹.

Действительно, для российской реальности такое положение, на первый взгляд, является утопическим. По крайней мере, требуется грандиозный проект политико-правового реформирования. Разумеется, лица, заинтересованные в коррупционной стабильности, всячески будут препятствовать реформированию, и их ставка на то, что гражданское общество в формате политического и правового сознания является слабым, вполне оправдана. Без формирования автономного правового сознания невозможно строительство здорового гражданского общества. По сути, правосознание можно считать механизмом, который может запустить необходимое для строительства демократического общества взаимное согласование интересов различных социальных групп, консолидировать граждан и укрепить российские национальные ценности.

¹ Кислухин В.А. История борьбы с коррупцией в Нидерландах и роль полиции в этой деятельности // История государства и права. 2010. №2. С. 9-13.

Коррупция как антисоциальное явление, стремящееся нивелировать или отождествлять себя с правом, формирует стихийность правового сознания социальных субъектов. Этому способствует много факторов, и в том числе то, что государство и персонифицированная власть в его лице не может служить интересам всех слоев общества в одинаковой мере, а поскольку общество – это всегда гетерогенное образование, состоящее из неоднородных, зачастую конфликтующих социальных сил, то при любой, даже самой легитимной форме правления, власть более будет ориентирована на интересы одних социальных групп, нежели других. Общество не способно само по себе что-либо решить и не в силах само управлять собой. Так как власть имеет иерархическую природу и задается интересами доминирующих социальных слоев, то и процесс формирования правосознания как коррелят и своего рода рефлексия властной деятельности в обществе возникает не сам по себе, а инспирируется и организуется специальной группой лиц – экспертов, конституирующих в своих коррупционных интересах определенный общественный псевдоправовой порядок. Тут необходимо оговориться, что в коррупционном государстве доминирующими, как правило, являются олигархические или аристократические слои общества. Для преодоления стихийности правового сознания, вызванного коррупционным гетерономным фактором, важно формирование уровня правовой грамотности. В контексте правовой грамотности субъект правового сознания сможет взвешенно выразить готовность принять предложенный порядок и следовать ему либо ему воспротивиться.

Резюмируя изложенное, подчеркнем, что коррупция – это фактор, тормозящий общественное развитие. Ограничивая в развитии и финансировании науку и образование, коррупционная система лишает социальных субъектов, в том числе и индивидов, возможности доподлинного понимания своих прав, и тем самым, внушая в сознание малограмотного общества утопические иллюзии о том, что «все будет хорошо», заставляет одобрять существующий квазиправопорядок. Общественное развитие и развитие гражданского общества требует формирования правового сознания, поскольку оно (правовое сознание) оказывает своего рода «амортизирующий» эффект, смягчая неизбежное напряжение между властью и народом, возникающее в периоды социальных

перемен. Отсутствие этого «амортизирующего» эффекта, как правило, приводит к нежелательному, но в то же время, неизбежному радикализму. Правосознание служит своего рода обратной связью, определяющей качество воздействия власти на общество. Оно неизбежно содержит в себе аксиологический аспект, то есть положительные и отрицательные оценки гражданами существующих правовых норм, ценностные суждения о деятельности по их формальной реализации, социальных ориентирах, потенциале, нравственности их поведения. Все это невозможно вне процесса социализации посредством систематического формирования у личности положительных правовых ориентаций, формирования престижа права в системе ее социальных ценностей. Надо понимать, что правовое сознание также можно рассматривать в качестве маркера доверия общества к власти.

Принятие гражданами своих прав предполагает принятие ими своих обязанностей перед обществом. Своеобразная амортизационная подушка легитимности позволяет поддерживаемой власти проводить в жизнь самые непопулярные решения, тогда как режимы с деформированным правосознанием в подобных условиях, скорее всего, ожидает более глубокий кризис. Правосознание как основа легитимности предполагает, что на рациональном и эмоциональном уровне граждане оповещают друг друга о том, что существующий правовой порядок их устраивает, они склонны к сотрудничеству с данной властью и не собираются ей противодействовать. Развитое правосознание помогает не только решать собственные частные проблемы индивидов, но и снижает общую тревожность больших социальных групп за собственную безопасность. А обществу это гарантирует стабильность развития.

Хагур Юрий Аскерович,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Социально-правовая обусловленность криминализации самоуправства

Длительная история существования определённого уголовно-правового запрета формирует соответствующие юридические традиции, складываются определённые тенденции в правоприменительной практике, что в конечном счёте влияет на качество уголовно-правового противодействия общественно опасным деяниям.

Вместе с тем сам по себе факт продолжительного наличия конкретного уголовно-правового предписания ещё не означает его безоговорочную социально-правовую обусловленность. Стремительно развивающиеся общественные отношения, прогресс в различных сферах взаимодействия непременно накладывают свои отпечатки на вопросы регулирования происходящего уголовно-правовыми средствами. Очевидно, что имеется потребность регулярной ревизии конкретных норм уголовного закона на предмет их социально-правовой обусловленности в конкретный период развития общества.

В числе традиционных для российского уголовного права запретов состоит и уголовно-правовая норма об ответственности за самоуправство. При этом в официальной статистике находит отражение довольно объёмный массив случаев совершения данного преступления. Так, по сведениям ГИАЦ МВД России в 2021 г. было зарегистрировано 1 513 фактов самоуправства. Не вызывает сомнений, что подобные количественные показатели должны привлекать внимание, в том числе в разрезе научно-исследовательской проработки соответствующих проблем на предмет их адекватности веяниям современности.

Социально-правовая природа уголовной ответственности за самоуправство определяется действующими юридическими механизмами реализации гражданских прав и свобод. Как указано в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015

№ 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», «лицо, право которого нарушено, может прибегнуть к его самозащите, соответствующей способу и характеру нарушения (ст. 14 ГК РФ). Возможность самозащиты не исключает права такого лица воспользоваться иными способами защиты, предусмотренными ст. 12 ГК РФ, в том числе в судебном порядке.

По смыслу ст.ст. 1 и 14 ГК РФ самозащита гражданских прав может выражаться, в том числе, в воздействии лица на свое собственное или находящееся в его законном владении имущество. Самозащита может заключаться также в воздействии на имущество правонарушителя, в том случае если она обладает признаками необходимой обороны (ст. 1066 ГК РФ) или совершена в состоянии крайней необходимости (ст. 1067 ГК РФ)»¹.

Социально-правовым предназначением нормы об уголовной ответственности за совершение самоуправства выступает обеспечение баланса интересов участников конкретных правоотношений. Уголовно-правовой запрет самоуправства является «красной линией», очерчивающей границы некриминального поведения. А во взаимосвязи с предписаниями об административной ответственности – они образуют границу правомерного поведения.

И здесь чрезвычайно важно производить максимальный учёт интересов разных сторон, как правило, имеющих место в каких-либо спорных гражданско-правовых отношениях.

В уголовно-правовой теории общественную опасность самоуправства связывают с тем, что данное преступление «нарушает установленный порядок осуществления гражданами своих прав и причиняет существенный вред законным правам и интересам граждан или организаций»².

Случаи совершения самоуправства имеют место на почве возникшего юридического конфликта между участниками граж-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть. Разделы X - XII: в 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 4. С. 120.

данских правоотношений. Гражданским законодательством регламентирован порядок урегулирования спорных ситуаций – это процедура восстановления прав по согласованию сторон, а в отсутствие такого согласования – в судебном порядке. Только суд наделён полномочиями разрешения гражданско-правовых конфликтов и в его компетенции находятся государственно-властные полномочия, в том числе позволяющие принудительно исполнять судебные акты.

В юридической литературе отмечается, что «управомоченная сторона в гражданском правоотношении не может непосредственно своими действиями физически заставить обязанную сторону подчиниться обязательным указаниям, так как это неизбежно приведет к выходу за пределы самозащиты гражданских прав и будет рассматриваться как самоуправство, при определенных условиях – как уголовно наказуемое (ст. 330 УК РФ)»¹.

Именно в этом и проявляется общественная опасность самоуправства. При совершении данного преступления виновный, как правило, полагает, что осуществляет самозащиту своих прав, то есть руководствуется своими действительными или предполагаемыми правами или интересами. Но избранный лицом способ реализации или защиты своих прав и интересов не соответствует требованиям закона и нарушает баланс интересов сторон, главным образом, избранными средствами достижения своих целей.

О.С. Гузеева приходит к выводу, что самоуправство представляет собой «типичную форму злоупотребления правом как преступления в сфере межличностных отношений»². Самоуправство представляет собой такой способ разрешения правового конфликта, при котором виновный ставит свои юридические интересы превыше интересов других лиц и полагает возможным пренебрегать правами другой стороны спора ради достижения нужного ему результата.

¹ Авхадеев В.Р., Асташова В.С., Андриченко Л.В. и др. Договор как общеправовая ценность: Монография. М.: изд-во «СТАТУТ», 2018. С. 132.

² Гузеева О.С. Конституционные основы уголовной ответственности за злоупотребление правами и свободами // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 1. С. 133-152.

Однако общественная опасность самоуправства, как уголовно наказуемого деяния предопределяется не только сущностными характеристиками самого деяния. Линией разграничения между самоуправством – административным правонарушением и самоуправством – преступлением являются общественно опасные последствия, наступившие в результате самоуправства. И такими последствиями законодатель признаёт существенный вред.

Как отмечается Н.Ю. Акининой, В.Ф. Анисимовым и И.В. Анисимовым, свидетельством повышенной общественной опасности уголовно наказуемого самоуправства выступает причиняемый в результате совершения такого преступления существенный вред¹.

Следовательно, уровень общественной опасности криминального самоуправства зависит от причинённого в результате такого деяния вреда. Самого по себе формального нарушения чьих-либо прав, будь то организации или отдельного гражданина, ещё недостаточно для уровня общественной опасности преступления. Существенный вред будет иметь место, когда в результате самоуправства причинён, например, имущественный ущерб, в том числе и в виде упущенной выгоды. Такой уровень общественной опасности возможен при лишении права владения имуществом, при нарушении конституционных прав и свобод человека и гражданина. Безусловно, нарушение права на неприкосновенность жилища, неприкосновенность частной жизни представляют собой существенный вред.

Необходимо обратить внимание на такой фактор, свидетельствующий об оценке законодателем уровня общественной опасности конкретного деяния, как категория тяжести преступления. Самоуправство без отягчающих ответственность обстоятельств отнесено законодателем, согласно ст. 15 УК РФ, в категорию преступлений небольшой тяжести. Соответственно, для признания вреда, причинённого вследствие самоуправства, существенным, совершено не требуется наступление тяжких последствий. А при

¹ Акинина Н.Ю., Анисимов В.Ф., Анисимов И.В. Критерии степени общественной опасности деяния как способ разграничения преступного и непроступного // Российский следователь. 2018. №12. С. 37-43.

наступлении таковых их общественная опасность будет оцениваться уже в рамках других преступлений при квалификации по совокупности.

В свою очередь квалифицированный вид самоуправства сопряжён с применением насилия или угрозой его применения (ч. 2 ст. 330 УК РФ). И законодатель оценивает такое преступление уже как преступление средней тяжести. Общественная опасность такого деяния обуславливается, в том числе фактом посягательства на одно из наиболее важных конституционных благ в виде здоровья человека.

Следует подчеркнуть, что уровень общественной опасности квалифицированного самоуправства на порядок выше аналогичного деяния без применения насилия. Объясняется это тем, что природа конфликтов, предшествующих совершению самоуправства, имеет гражданско-правовой характер. Отсюда очевидно, что при применении насилия констатируются нецивилизованные способы разрешения гражданско-правового конфликта. Законодательно предусмотрены меры защиты гражданских прав и свобод, не допускающие возможность их реализации насильственными методами. Насилие противоречит самой сущности гражданско-правовых отношений, что отражается на уровне общественной опасности такого типа самоуправства.

Таким образом, необходимо заключить, что уголовно противоправное самоуправство в условиях прогрессивно развивающегося цивилизованного мира представляет собой деяние, отличающееся повышенным уровнем общественной опасности. Вредоносность самоуправства объясняется тем, что такое поведение человека попирает существующие механизмы реализации или защиты гражданских прав и свобод. Посредством совершения самоуправства гражданско-правовой конфликт трансформируется в преступление.

Основными факторами, предопределяющими достаточный для криминализации самоуправства уровень общественной опасности, выступают как формальное нарушение порядка защиты гражданских прав и интересов субъекта, так и причинение в результате такого противоправного поведения существенного вреда. Квалифицированный вид самоуправства характеризуется более высокой степенью общественной опасности, поскольку представляет собой вариант решения гражданско-правового конфликта насильственным путём.

Подводя итог, отметим, что в этих условиях налицо совокупность социально-правовых предпосылок для уголовно-правового противодействия самоуправству. Надлежащий уровень охраны общественных отношений, обеспечивающих баланс интересов участников гражданских правоотношений, не может быть достигнут иными правовыми средствами. При этом действующие административно-правовые меры ответственности за самоуправство согласованы с корреспондирующими нормами уголовного закона.

Хасанов Рахимджон Давлатович,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Перспективы развития системы противодействия террористической угрозе в условиях становления информационного общества

Трансформация современного терроризма в сложное социально-политическое явление транснационального характера требует адекватной реакции со стороны всего международного сообщества, заключающейся, в первую очередь, в выработке эффективных мер противодействия разнообразным проявлениям радикализма практически во всех сферах жизни современного социума. Характер и содержание террористической деятельности во многом определяются явлениями и процессами, отражающими тенденции развития общества, глобальная информатизация которого существенно изменила и современную преступность в целом, и отдельные ее виды. В частности, субъектами противодействия криминальной деятельности выделены в отдельную категорию преступления в сфере информационно-коммуникационных технологий. Появившийся в середине 80-х годов прошлого столетия термин «кибертерроризм», изначально означавший террористические проявления в виртуальном пространстве, прочно вошел в научный оборот при обсуждении проблем борьбы с преступлениями террористического характера и экстремистской направленности.

Рассматриваемый вид преступной деятельности с момента своего появления в объективной реальности сразу же стал исключительно привлекательным для криминального мира в силу целого ряда характеристик, обусловленных, в частности, доступностью виртуальных ресурсов; неограниченным кругом лиц, пользующихся услугами «всемирной паутины»; высоким уровнем конфиденциальности пользователей с одной стороны и относительно легким доступом к личной информации граждан с другой. В условиях стремительного развития информационных технологий возникают новые способы совершения преступлений в киберпространстве, включая и кибертерроризм. На сегодняшний день для него характерны такие признаки, как международный характер преступной деятельности; использование информационно-телекоммуникационной сети как места совершения преступления; применение программного обеспечения и высоких информационных технологий, как орудий совершения преступления; минимальные финансовые затраты на организацию и осуществление уголовно-наказуемого деяния, но огромный материальный ущерб, причиняемый этим деянием. Со временем появились и новые признаки, ранее не характерные для террористической деятельности, в частности – высокий уровень латентности совершаемых преступлений, обусловленный, опять же, особенностями изучаемой сферы социальной жизни.

Еще одним немаловажным фактором, обуславливающим актуальность затрагиваемых проблем для современного общества, мы считаем следующую отмечаемую многими авторами тенденцию: в связи с происходящими в мировом пространстве политическими событиями, с быстрым развитием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, высокотехнологичные террористические акции способны спровоцировать системный кризис всего мирового сообщества и поставить под угрозу существование отдельных регионов мира, что не было характерно для традиционных террористических актов¹.

¹ Тарасова Л.Я. Эволюция понятия информационного терроризма (кибертерроризма) и его значение на современном этапе // Научный вестник Омской академии МВД России 2022. № 3 (86). С.209-213.

В полной мере указанная ситуация касается Республики Узбекистан, которая уже имеет собственную историю борьбы с радикализмом. Распространение среди населения экстремистских идей после обретения независимости было связано со сложной социально-экономической обстановкой, появлением в регионе дополнительных очагов нестабильности, попытками легитимации и консолидации власти посредством религии¹. Специалисты в сфере информационно-коммуникационных технологий, занимающиеся защитой информации на территории Узбекистана отмечают усиливающееся воздействие на сетевые ресурсы со стороны представителей радикальных движений и организаций экстремистского толка. Экспертами особо отмечается, что на данный момент это наименее финансово затратный способ совершения террористических акций: для того, чтобы совершить кибератаку, которая приведет к серьезнейшим последствиям, достаточно иметь персональный компьютер и доступ в сеть Internet. Не составляет также особого труда организовать действующую радикальную группировку на территории конкретной страны и руководить ее действиями удаленно, находясь в другом государстве, зачастую удаленном за тысячи километров. При этом пресечение преступной деятельности отдельных участников экстремистской или террористической группы не приведет к ее ликвидации, тем более – к выявлению и задержанию организаторов, идейных вдохновителей и лиц, финансирующих развитие радикалистских настроений.

Сложившаяся в рассматриваемой сфере криминогенная ситуация вызывает глубокую озабоченность правоохранительных структур Республики Узбекистан фактами повышения интенсивности криминального воздействия на информационную сферу общества. Государство активно включилось в борьбу с киберпреступлениями. В первую очередь это проявилось в активном совершенствовании правовой базы защиты информации. Высшими органами законодательной власти был принят ряд законов и постановлений, призванных восполнить пробелы в действующем законодательстве и привести его в соответствие с текущими реалиями

¹ Ахмедов Т. Опыт Республики Узбекистан по борьбе с терроризмом и международное сотрудничество//<https://uzdaily.uz/ru/post/61090> (Дата обращения: 14.09.2022 г.).

обеспечения национальной безопасности. Вместе с тем следует отметить, что законодательные новации в большинстве своем регулируют вопросы общей информационной безопасности, а не специфические проблемы террористических проявлений в сфере информационно-коммуникационных технологий. Прежде всего, была усилена ответственность за совершение незаконных действий в области информатизации и передачи данных¹. Особое внимание было уделено уголовному законодательству, где появилась глава 20.1 «Преступления в сфере информационных технологий»². Как было уже отмечено, в ней сосредоточены составы преступлений, непосредственно относящиеся к посягательствам на безопасность компьютерной информации. К ним, например, отнесены нарушение правил информатизации; незаконный (несанкционированный) доступ к компьютерной информации; компьютерный саботаж; создание, использование или распространение вредоносных программ и т.п. Как видим, практически никакой связи с терроризмом (ст.155 УК Республики Узбекистан, глава 8. «Преступления против мира и безопасности человечества») в этой части уголовного закона не прослеживается. По нашему мнению, данное обстоятельство несколько затрудняет использование уголовно-правовых норм в борьбе с кибертерроризмом.

В качестве положительного опыта совершенствования взаимодействия субъектов борьбы с посягательствами на информационную среду следует отметить действующий с 2016 года в Республике Узбекистан Регламент по части анализа, идентификации нарушителей, методов и средств, используемых при проведении несанкционированных либо деструктивных действий в информационном пространстве. Научными работниками и специалистами-практиками правоохранительной сферы данный шаг в развитии информационной безопасности оценивается достаточно высоко.

¹ Федеральный закон Республики Узбекистан № ЗРУ-137 от 25 декабря 2007 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с усилением ответственности за совершение незаконных действий в области информатизации и передачи данных» // <https://lex.uz/docs/1295264>. (Дата обращения: 15.09.2022 г.)

² Уголовный кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2012-ХII) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.10.2022 г.) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110 (Дата обращения: 02.11.2022 г.)

Но эффективное противодействие кибератакам на информационные ресурсы требует конкретизации общих нормоустановлений, четко определяющих составы рассматриваемых нами видов преступной деятельности.

Наиболее содержательно, как нам кажется, рассматриваемая проблема сформулирована Е.А. Кошечкиной, по мнению которой введение в действие Регламента позволило создать достаточно эффективный путь взаимодействия между ведомствами, отвечающими за безопасность страны в различных сферах. В данном случае речь идет о совместной работе по выявлению фактов различных правонарушений в области информатизации, неправомερных действий, совершаемых с использованием Интернет-ресурсов, в частности, через социальные сети и сервисы обмена сообщениями. Теоретически, под все сказанное, попадают и действия террористических групп, активно действующих, как уже говорилось, в социальных сетях. По мнению указанного выше автора, правоприменитель имеет дело, практически, лишь с регламентацией предотвращения мошеннических действий в сети Internet¹.

Транснациональный характер преступной деятельности, связанной с террористическими проявлениями, осуществляемыми с использованием информационно-коммуникационных технологий, предполагает наличие двух аспектов противодействия таким преступлениям: национальное направление борьбы с киберпреступлениями и международное сотрудничество в данной сфере. Они должны быть органически взаимосвязаны между собой и дополнять друг друга, обеспечивая результативную борьбу с изучаемым негативным социально-правовым явлением. Анализ правоприменительной практики борьбы с кибертерроризмом на примере опыта Российской Федерации и Республики Узбекистан позволяет в качестве наиболее важных элементов такой деятельности выделить следующие:

– совершенствование нормативной базы противодействия террористической угрозе, заключающееся в принятии новых законодательных актов, соответствующих требованиям времени и

¹ Кошечкина Е.А. К вопросу опротиводействию кибертерроризму в Российской Федерации и республике Узбекистан // The Newman in Foreign policy. 2017. №39(83). С.40-46.

складывающейся криминогенной ситуации, или во внесении поправок в уже существующие законы. При этом не следует забывать, что указанный процесс должен охватывать и международное законодательство, и национальные нормативные правовые акты, которые, в идеале, должны, по крайней мере, не противоречить друг другу. Учитывая существенные различия во многих положениях аналогичных законов широкого круга государств – участников контртеррористической деятельности, задачи координации правотворческой деятельности исключительно важны;

– актуальным вопросом является координация и взаимодействие заинтересованных ведомств и структур различных государств, выполняющих конкретные задачи и осуществляющих функции по выявлению, предупреждению, пресечению и минимизации последствий террористических посягательств в сфере информационно-коммуникационных технологий. В качестве примера отметим работу Антитеррористического центра государств-участников СНГ, членами которого являются, в том числе, Российская Федерация и Республика Узбекистан. Данная структура выполняет задачи по координации наиболее важных направлений деятельности заинтересованных субъектов по вопросам законотворческой инициативы и правоприменительной практики;

– особенности правоохранительной деятельности в рассматриваемой сфере требуют подготовки квалифицированных кадров, специализация которых позволила бы осуществлять оперативные, процессуальные и профилактические мероприятия, направленные на противодействие кибертерроризму. По нашему мнению, требуемый профессиональный уровень сотрудников правоохранительных органов может обеспечить только сочетание технических и юридических элементов в их образовании;

– важным условием успешного противодействия развитию террористической угрозы в сфере информационно-коммуникационных технологий выступает также должное материально-техническое обеспечение противодействия киберпреступности, подразумевающее предоставление специализированным подразделениям передовых результатов развития компьютерных технологий – программно-аппаратных комплексов, позволяющих не только своевременно выявлять кибератаки на защищаемые информаци-

онные ресурсы, но и препятствовать их осуществлению. Безусловно, данное направление противодействия киберпреступности требует существенных материальных затрат, что подразумевает необходимость оказания помощи государствам, не имеющим возможности такого обеспечения в требуемом объеме со стороны более развитых государств, располагающих указанными активами;

– нельзя недооценивать роль научно-образовательного сотрудничества стран – участников антитеррористических соглашений, которое позволяет в необходимом объеме делиться передовым опытом противодействия террористическим проявлениям в сфере информационно-коммуникационных технологий. Данный вид взаимодействия реализуется путем проведения международных научно-представительских мероприятий, участники которых обсуждают наиболее важные проблемы информационной безопасности своих государств и международного сообщества в целом, а также в процессе профессиональной подготовки и повышения квалификации иностранных специалистов на базе ведущих учебных заведений высшего профессионального образования.

Подводя итог рассмотрению перспектив развития системы противодействия террористической угрозе в условиях развития информационного общества отметим, что международное сотрудничество должно являться стержнем в стратегии борьбы с рассматриваемым социально-правовым явлением. В частности, Республика Узбекистан приняла данное положение за основополагающий принцип правоохранительной деятельности, она является участником практически всех действующих конвенций и протоколов ООН по борьбе с терроризмом и в числе первых поддержала Глобальную Контртеррористическую Стратегию ООН.

Хомутов Максим Владимирович,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

**Антикриминальный потенциал
социально ориентированных некоммерческих организаций
при реализации государственной антинаркотической
политики**

Особое положение среди институтов гражданского общества занимают некоммерческие организации, которые ведут свою деятельность в социальной сфере. В рамках правового поля России некоммерческие организации, осуществляющие деятельность, направленную на решение социальных проблем и развитие гражданского общества, именуются социально ориентированными некоммерческими организациями (далее – СО НКО).

Несомненно, одной из наиболее важных социальных проблем, в решении которой принимают участие СО НКО является наркомания и сопутствующие ей негативные социальные явления. С 2010 года наблюдается рост более чем в 2,5 раза числа лиц с зависимостью от новых потенциально опасных психоактивных веществ и с полинаркоманией (в 2010 году – 26,4 тыс. человек, в 2019 году – 66,7 тыс. человек) и более чем в три раза – с зависимостью от лекарственных препаратов с психоактивным действием (в 2010 году – 7,8 тыс. человек, в 2019 году – 26,4 тыс. человек), а число умерших от потребления наркотиков ежегодно растет (в 2011 году – 3,7 тыс. человек, в 2018 году – 4,4 тыс. человек, в 2019 году – 4,6 тыс. человек, в 2020 году – 7,3 тыс. человек, в 2021 году – более 10 тыс. человек)¹.

23 ноября 2020 года указом Президента РФ №733 утверждена Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, являющаяся документом стратегического планирования в сфере обеспечения национальной

¹ В России смертность от наркотиков выросла на 37% в 2021 году - Новости – Общество – Коммерсантъ <https://www.kommersant.ru/doc/5457589> (дата обращения: 18.11.2022).

безопасности нашей страны. В данной Стратегии дается понятие антинаркотической деятельности, под которой понимается «деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и негосударственных организаций в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также в области противодействия их незаконному обороту, направленная на установление строгого контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, раннее выявление незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ, на постепенное уменьшение числа больных наркоманией, сокращение количества преступлений и правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров». Таким образом, общественные формирования признаются полноправными субъектами реализации государственной антинаркотической политики наряду с органами государственной власти и органами местного самоуправления.

Вместе с этим недостаточная эффективность организации профилактической деятельности, социальной реабилитации больных наркоманией и ресоциализации наркопотребителей, ограниченное использование потенциала негосударственных организаций при реализации антинаркотической политики признается рассматриваемой Стратегией угрозой национальной безопасности в сфере оборота наркотиков, а также в области противодействия их незаконному обороту.

Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ в ст. 31.1 закрепляет за СО НКО возможность, пользуясь государственной поддержкой, осуществлять мероприятия по медицинской реабилитации и социальной реабилитации, социальной и трудовой реинтеграции лиц, осуществляющих незаконное потребление наркотических средств или психотропных веществ. В данном направлении осуществляют работу более 800 СО НКО, в которых ежегодно проходят реабилитацию более 20000 лиц с алкогольной, наркотической или иной зависимостью.¹ Например,

¹ В Государственной Думе обсудили роль НКО в борьбе с наркоугрозой [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/25817/> (дата обращения: 18.11.2022).

указанную деятельность осуществляют межрегиональная общественная организацию «Семья против наркотиков» (г. Ставрополь)¹, АНО «Центр “Любовь”» (г. Брянск)², благотворительный фонд «Родители против наркотиков» (г. Ростов-на-Дону)³.

Еще одним направлением деятельности в указанном направлении СО НКО является профилактика асоциального образа жизни наркозависимых через пропаганду здорового образа жизни среди населения. Например, такой пропагандой наряду с другими формами антинаркотической деятельности реализуют некоммерческая организация Благотворительный Фонд «Город Без Наркотиков»⁴, общественная организация «Нарколиквидатор»⁵ и др.

Религиозные организации также играют существенную роль как в осуществлении антинаркотической пропаганды, так и в реабилитации и ресоциализации лиц, страдающих наркоманией. Так, Воронежский Благотворительный фонд святителя Антония Смирницкого⁶ оказывает на безвозмездной основе помощь лицам, страдающим наркотической или алкогольной зависимостью.

Следующим направлением антинаркотической деятельности СО НКО является участие организаций в охране общественного порядка. В процессе этой деятельности члены СО НКО совместно с представителями полиции выявляют и пресекают преступления и административные правонарушения в сфере незаконного оборота наркотиков. Так, по данным ГУ МВД России по Краснодарскому краю, за первое полугодие 2019 г. казаками Екатеринодарского казачьего общества совместно с сотрудниками полиции в г. Краснодаре было проведено 48 рейдов, изъято из незаконного оборота 16 кг марихуаны, за распространение и хранение наркоти-

¹ Межрегиональная общественная организация «Семья против наркотиков». URL: <http://semya-protiv-narkotikov.ru/kontakty> (дата обращения: 12.11.2022).

² Региональный фонд реабилитации и восстановления личности «Любовь». URL: <http://vizov32.narod.ru/> (дата обращения: 12.11.2022).

³ Родители против наркотиков. URL: <https://protivnarco.vsite.biz/> (дата обращения: 12.11.2022).

⁴ НО БФ «Город без наркотиков» // Официальный сайт фонда «Город без наркотиков» <https://nobf.ru/> (дата обращения: 18.11.2022).

⁵ НАРКОЛИКВИДАТОР - Против Наркотиков! // <http://narcolikvidator.ru/> (дата обращения: 18.11.2022).

⁶ Благотворительный фонд помощи осужденным и их семьям. URL: <https://zekov-net.ru/about/> (дата обращения: 18.11.2022).

ков задержано 35 человек, по подозрению в незаконном употреблении наркотических и психотропных веществ задержано 42 человека, прекращена деятельность 6 наркопритонов.¹ Кроме того, Екатеринодарское РКО является участником государственной программы Краснодарского края «Противодействие незаконному обороту наркотиков»².

Участие СО НКО в деятельности по выявлению и пресечению незаконного оборота наркотических средств является весьма сложным направлением деятельности, поскольку требует от общественников как соответствующих навыков (знание мест возможного сокрытия наркотиков и т.д.), так и правовых знаний. Поэтому для предотвращения нарушения прав граждан со стороны представителей СО НКО и исключения возможности уйти от ответственности лицам, участвующим в незаконном обороте наркотиков, видится целесообразным осуществление обучения членов СО НКО представителями правоохранительных органов. Помимо повышения эффективности СО НКО в осуществлении антинаркотической деятельности и снижения рисков нарушения закона со стороны представителей СО НКО, данное обучение будет иметь эффект обратной связи – представители общественности будут осведомлены о проводимой сотрудниками правоохранительных органов работе по противодействию незаконному обороту наркотиков.

Наиболее безопасной и широко распространенной формой противодействия незаконному распространению наркотиков является уничтожение участниками СО НКО рекламных надписей на фасадах зданий³. Однако такая деятельность также должна осуществляться в строгом соответствии с законом и во взаимодействии с органами местного самоуправления.

¹ За порядком на улицах Краснодара следят 300 казаков-дружинников [Электронный ресурс]. URL: https://krd.ru/novosti/glavnye-novosti/news_1106201_1226.html (дата обращения: 18.11.2022)

² Об утверждении государственной программы Краснодарского края «Противодействие незаконному обороту наркотиков»: постановление губернатора Краснодарского края от 5 окт. 2015 г. № 941 (с изм. на 26 февр. 2021 г.). Доступ из справ. правовой системы «Кодекс». (дата обращения: 18.11.2022)

³ В Ростове общественники в очередной раз закрасили рекламу наркотиков // <https://www.nvgazeta.ru/news/14488/555118/> (дата обращения: 18.11.2022); Волонтеры закрасили 100 надписей, рекламирующих наркотики <https://www.admkirov.ru/news/volontery-zakrasili-100-nadpisey-reklamiruyushchikh-narkotiki.html> (дата обращения: 18.11.2022)

Актуальной проблемой на сегодняшний день является пропаганда наркотиков и их распространение при помощи сети Интернет. СО НКО достаточно успешно участвуют в противодействии и этой проблеме. Так, помощью 30 волонтеров из Кемеровской области, входящих в общественное объединение «Пика», за три года закрыто 18 000 Интернет-ресурсов, распространяющих запрещенные наркотические средства¹.

И наконец, одно из важнейших направлений в антинаркотической деятельности СО НКО заключается в развитии эффективного взаимодействия общественных институтов, государственных структур и частных лиц с целью решения проблем, связанных с противодействием наркотизации общества. Это направление реализуется путем участия представителей СО НКО, участвующих в реализации государственной антинаркотической политики в общественных советах при органах государственной власти и местного самоуправления. Такие общественные советы являются одной из немногих площадок, на которых представители СО НКО способны представить свой опыт в противодействии наркотизации общества, обозначить существующие в данной сфере проблемы и внести предложения по их решению.

Таким образом, на сегодняшний день СО НКО являются полноправным субъектом, участвующим в реализации государственной антинаркотической политики. Они осуществляют свою деятельность практически во всех направлениях как противодействия незаконному обороту наркотиков, так и антинаркотической пропаганды и преодоления последствий немедицинского потребления наркотических средств и психотропных веществ.

Эффективность СО НКО в осуществлении антинаркотической деятельности обусловлена более широким спектром форм и методов проводимой работы, чем те, что используются органами государственной власти и местного самоуправления. Кроме этого СО НКО способны более оперативно реагировать на возникающие угрозы и проблемы в сфере незаконного оборота и потребления наркотических средств и психотропных веществ, что позволяет

¹ В Кузбассе действует кибердружина борцов с наркотиками - МК Кузбасс <https://www.mk-kuzbass.ru/social/2022/10/27/v-kuzbasse-deystvuet-kiberdruzhina-borcov-s-narkotikami.html> (дата обращения: 18.11.2022)

начать борьбу с проблемой на начальной стадии и минимизировать возможные негативные социальные последствия.

Однако антикриминальный потенциал СО НКО в антинаркотической деятельности не в полной мере используется «традиционными» субъектами противодействия незаконному обороту наркотиков – правоохранительными органами. В основном, такое взаимодействие ограничивается участием объединений граждан в охране общественного порядка. В то время как в отдельных направлениях, например, выявления рекламы наркотиков и сайтов по их продаже в сети Интернет, СО НКО показывают достаточно высокие результаты, их опыт и возможности правоохранительными органами практически не используются.

Хохлова Елена Васильевна,
аспирантка Юго-Западного
государственного университета (г. Курск)

О признаках персональных данных как предмете и средстве совершения преступлений¹

В информационном мире с его стремительным развитием технологий и инноваций, информатизацией социальной сферы, новыми социально-коммуникативными навыками особую актуальность получила проблема нарушения неприкосновенности частной жизни. Она проявляется в росте числа преступлений в сфере цифровой информации, связанных с компрометацией персональных данных как сведений о частной жизни человека.

В первом полугодии 2022 г. объем «утекшей» информации с персональными данными в нашей стране составил 187,6 млн. записей, что превышает численность всего российского населения².

¹ Работа подготовлена под научным руководством к.ю.н., доцента М.Н. Урда в рамках выполнения государственного задания «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих общества и государства» (№ 0851-2020-0033).

² В России резко участились кражи персональных данных – число похищенных записей превысило население страны. Отчёт об утечках данных за I полугодие 2022 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.infowatch.ru/analytics/analitika/otchyot-ob-utechkakh-dannyykh-za-1-polugodie-2022-goda> (дата обращения: 09.11.2022).

Среди допустивших попадание клиентской базы в открытые источники: Сбербанк (65 млн. россиян), «Почта России» (10 млн. данных отправителей и получателей), «ВымпелКом» («Билайн») (2 млн. абонентов); Служба доставки «Экспресс-курьер» (25 млн. пользователей) и др. В открытый доступ попали ФИО, дата рождения, гражданство, номера СНИЛС, ИНН, адреса места жительства, телефоны, фото, серии и номера паспорта, суммы дохода, электронная почта, пароли от аккаунтов, данные кредитных карт, банковские счета, авиа- и железнодорожные перелеты, сведения о недвижимости, о членах семьи и др.¹. В октябре 2022 г. компания Group-IB сообщила о двукратном росте количества выложенных в открытый доступ баз данных российских компаний по сравнению с весной 2022 года. В сеть попало 140 баз, а общее количество строк всех летних сливов составило 304 млн.².

Персональные данные человека следует рассматривать и как самостоятельный предмет преступных посягательств, и как средство совершения общественно опасных деяний. Для того, чтобы понять, какая именно информация, относимая к персональным данным, может составлять частную жизнь человека, определения границ надлежащей уголовно-правовой охраны персональных данных и не нарушения пределов невмешательства в его частную жизнь следует установить, какие признаки определяют понятие персональных данных.

Актуализирует потребность в определении этого понятия, во-первых, его различное толкование по объему – применяется узкий или чрезвычайно широкий подход, что позволяет относить к личным сведениям о человеке ограниченную либо, напротив, практически любую информацию о нем. Такой разброс в позициях объясняется отсутствием в уголовном законе дефиниции персональных данных, а, следовательно, неясностью, какие именно данные о человеке подлежат охране средствами уголовного права. Выделение критериев отнесения той или иной информации к личным

¹ Хохлова Е.В. Социальная обусловленность уголовной ответственности за преступления, связанные с персональными данными // Вестник Тверского государственного университета. 2022. № 3(71). С. 145.

² Утечки данных в России. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения: 12.11.2022).

данным человека важно для теоретического исследования персональных данных и как самостоятельного предмета преступных посягательств, и как средства совершения общественно опасных деяний. Другая сложность в установлении наличия признаков уголовно наказуемого деяния в отношении персональных данных состоит в их смешанной противоправности, когда квалификация деяния обусловлена разными правовыми режимами их безопасности (личная и семейная, коммерческая, банковская, врачебная, адвокатская, налоговая тайны, тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных или иных сообщений), включая вид и содержание персональных данных, и установленные по ним запреты и ограничения. Для оценки наличия признаков уголовно наказуемого деяния правоприменитель вынужденно прибегает к толкованию норм позитивного права¹, подзаконным актам², позволяющим предметно детализировать, что же считается персональными данными при регулировании того или иного правоотношения.

Во-вторых, отсутствие единообразного толкования этого термина порождает противоречивую правоприменительную практику и, как следствие, не служит эффективной защите тех фундаментальных благ личности, которые поставлены под охрану самим законодателем.

Чтобы сформулировать и понятие персональных данных, и какая информация о физическом лице относится к приватной, следует выделить признаки персональных данных на основе разработок отечественной уголовно-правовой доктрины и правоприменительной практики:

1. Персональные данные – это информация независимо от ее восприятия и использования. Отечественный правотворец в статье 3

¹ Ст. 6 «Сведения о населении и порядок их сбора» Федерального закона от 25.01.2002 № 8-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «О Всероссийской переписи населения» // Российская газета. 2002. 29 янв., № 17; Российская газета. 2020. 29 апр., № 93; п. 2 ст. 6 Федерального закона «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования» от 01.04.1996 № 27-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Российская газета. 1996. 10 апр., № 68; Российская газета. 2022. 11 окт., № 229.

² Об утверждении Положения о защите персональных данных работников Федерального фонда обязательного медицинского страхования: приказ Федерального фонда ОМС от 19.08.2008 № 180 // Российская газета. 2008. 17 сент., № 195; Российская газета. 2009. 28 апр., № 74.

Федерального закона № 152-ФЗ от 27.07.2006 «О персональных данных» (далее – Закон о персональных данных) пошел по пути определения персональных данных через «любую информацию», относящуюся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)¹.

Ориентируясь на него, в многочисленных дефинициях, во многом схожих между собой, правоведы выводят персональные данные через категорию «информация»: «информация, относящаяся к определенному или определяемому на основании такой информации физическому лицу»², «информация, неразрывно связанная с личностью ее обладателя»³, «информация (зафиксированная на любом носителе) о конкретном человеке, которая отождествляется или может быть отождествлена с ним»⁴ и др. Синонимами «любой информации», используемыми теоретиками при построении определения «персональные данные», являются также «сведения» и «данные»: «сведения конфиденциального характера»⁵, «сведения о фактах, событиях, и обстоятельствах жизни физического лица, его семьи, а также позволяющие отождествить их с конкретным индивидом и отражающие особенности последнего по отношению к другим людям (обществу)»⁶, «данные в автоматизированной форме, содержащие информацию о частной (личной, семейной) жизни индивида, который может быть идентифицирован на основании этой информации (или с помощью этой и иной информации), если, с точки зрения любого нормального человека, наделенного обычной чувствительностью, субъект данных вправе

¹ О персональных данных: федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собр. законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I), ст. 3451; Российская газета. 2022. 20 июля, № 156-157.

² Кротов А.В. Опыт обработки персональных данных работника в компании // Информационное право. 2007. № 2. С. 18.

³ Петров М.И. Комментарий к Федеральному закону «О персональных данных» (постатейный): от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ. М.: Юстицинформ, 2007. С. 34.

⁴ Бачило И.Л. Информационное право / И.Л. Бачило, В.Н. Лопатин, М.А. Федотов. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. С. 244.

⁵ Никитин Е.Л., Тимошенко А.А. К вопросу о правовой природе персональных данных работника // Журнал российского права. 2006. № 7. С. 21.

⁶ Просветова О.Б. Защита персональных данных: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 27–28.

считать такую информацию конфиденциальной и контролировать ее распространение»¹ и др.

В этой части дискуссия обычно сводится к тому, допустима ли замена термина «информация» иными, похожими по смыслу понятиями, среди которых «персональная информация», «сведения», «данные», «информация о личной жизни лица», «информация личного характера» и др.². Теоретико-прикладного значения в контексте настоящего исследования она не имеет, во-первых, потому, что согласно легальному определению видами информации являются сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления (ст. 2 Федерального закона от 29.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»³), и, во-вторых, ввиду их использования для разгрузки текста от многократных повторов одного и того же понятия (персональные данные)⁴. Иными словами, персональные данные как разновидность конфиденциальной информации о человеке представляют собой совокупность сведений, позволяющих увеличить степень осведомлённости о нем⁵.

2. Персональные данные – это информация, относящаяся к физическому лицу (субъекту персональных данных), ее связь с индивидом. Она становится персональной как раз тогда, когда есть связь между субъектом и данными о нем. Основная полемика теоретиков развернулась вокруг юридического содержания персональных данных. И в законодательстве, и в научном дискурсе исчерпывающего перечня персональных данных как сведений о частной жизни человека не сформулировано, в связи с чем у правоприменителя возникает проблема их установления. В теории

¹ Иванский В.П. Теоретические проблемы правовой защиты частной жизни в связи с использованием информационных технологий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 21.

² Бачило И.Л. Информация и информационные отношения в праве // НТИ. Сер. 1. 1999. № 8. С. 27.

³ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 29.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Российская газета. 2006. 29 июля, № 165; Российская газета. 2022. 22 июля, № 160.

⁴ Бундин М.В. Персональные данные в системе информации ограниченного доступа: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 53.

⁵ Гутник С.И. Уголовно-правовая характеристика преступных посягательств в отношении персональных данных: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2017. С. 45.

права, в том числе конституционного, административного и информационного, диапазон суждений толкователей, пытающихся разработать универсальное содержание категории «персональные данные», широк. Так, М.Н. Малеина считает, что помимо фамилии, имени и отчества, даты рождения, адреса места жительства под персональными данными следует понимать «сведения о выби-раемых читателем книгах, которые собираются в базе библиотеки, использующей электронную форму заказа и читательские билеты со штрих-кодом. Биометрические персональные данные (сведе-ния, которые характеризуют физиологические особенности чело-века и на основе которых можно установить его личность) вклю-чают отпечатки пальцев, результаты анализа ДНК, сетчатку глаза, атавизмы, различные отклонения в развитии и др.»¹. И.Л. Бачило полагает, что к персональным должны относиться «сведения и до-кументы, удостоверяющие личность гражданина, его место рож-дения, жительства, свидетельства о его профессиональной ориен-тации и аттестации, о семейном положении и других характери-стиках, установленных законом и необходимых для активного включения лица в процессы реализации его прав в соответствии с российским и международным законодательством о правах и сво-бодах человека и гражданина»².

А.А. Сиротский разъясняет, что персональными данными яв-ляются имя, адрес места регистрации и жительства, контактный телефон, адрес электронной почты, идентификационные данные своего удостоверения личности (серия и номер паспорта), фото-графические изображения, личные идентификационные признаки, сведения о различных персональных документах (водительское удостоверение, свидетельство о праве собственности на матери-альный объект, документы об образовании и др.) и др.³. По мне-нию А.В. Кучеренко, такими данными является и изображение, позволяющее идентифицировать личность, по которому можно,

¹ Малеина М.Н. Право на тайну и неприкосновенность персональных данных // Журнал российского права. 2010. № 11. С. 18.

² Бачило И.Л., Сергиенко Л.А., Кристальный Б.В., Арешев А.Г. Персональные данные в структуре информационных ресурсов. Основы правового регулирования. Минск: «Беллітфонд», 2006. С. 15.

³ Сиротский А.А. Информационная безопасность личности и защита персональ-ных данных в современной коммуникативной среде // Технологии техносферной без-опасности. 2013. № 4(50). С. 4.

например, получить информацию о его биометрических данных, национальности, религиозной принадлежности и пр.¹. Оригинальной является позиция Ю.В. Травкина о том, что к персональным данным относятся также мнения о данном человеке, объективные или субъективные, если они зафиксированы и соотнесены с данным человеком»².

Разный подход толкователей, пытающихся разработать универсальное содержание этого понятия, объясняется отличием их легального определения в ст. 3 ФЗ № 152 от прежних, закрепленных в разных правовых актах³. Информация о физическом лице, относящаяся к персональным данным, может быть абсолютно любой личной, позволяющей даже косвенно определить ее принадлежность к тому или иному человеку⁴. Комментаторы, критикуя такую широкую трактовку за ее формальную неопределенность⁵, указывают на необходимость ограничить подобное толкование персональных данных. Они предлагают считать их личной информацией, способной повлечь нарушение прав субъектов персональных данных⁶ или идентифицировать конкретное физическое лицо⁷. Напротив, его сторонники в качестве аргумента ссылаются на невозможность «узким» понятием персональных данных охватить все виды личной информации из-за многообразия отношений, требующих обработки персональных данных⁸, появления новых

¹ Кучеренко А.В. Этапы и тенденции нормативно-правового регулирования оборота персональных данных в Российской Федерации // Информационное право. 2009. № 4. С. 32–37.

² Травкин Ю.В. Персональные данные. М.: Амалданик, 2007. С. 33.

³ О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных»: федер. закон от 25.07.2011 № 261-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 31, ст. 4701.

⁴ Наумов В.Б., Архипов В.В. Понятие персональных данных: интерпретация в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий // Российский юридический журнал. 2016. № 2. С. 189.

⁵ Приезжева А.А. Федеральный закон «О персональных данных»: научно-практический комментарий (постатейный) / А.Х. Гафурова, Е.В. Доротенко, Ю.Е. Контемиров и др.; под ред. А.А. Приезжевой. М.: Российская газета. 2015. Вып. 11. С. 89.

⁶ Наумов В.Б., Архипов В.В. Понятие персональных данных: интерпретация в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий // Российский юридический журнал. 2016. № 2. С. 186–196.

⁷ Буркова А.Ю. Определение понятия «персональные данные» // Право и экономика. 2015. № 4. С. 23.

⁸ Бачило И.Л. и др. Персональные данные в структуре информационных ресурсов. Основы правового регулирования. Минск, 2006. С. 230–232.

их видов¹, а также ограничением прав субъекта². Нельзя, по мнению ученых, ограничивать понятие персональных данных и ввиду возникновения коллизии с их дефиницией в международных актах, ратифицированных Россией³. Думается, этими соображениями и руководствовался законодатель, когда в первой редакции он предпринял попытку дать исчерпывающий перечень персональных данных (фамилия, имя, отчество, год, месяц, дата и место рождения, адрес, семейное, социальное, имущественное положение, образование, профессия, доходы, другая информация), а после поправок ограничился контекстно-ориентированной формулировкой об их относимости к конкретному индивиду.

3. Информация относится прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу. Особенностью персональных данных как вида информации ограниченного доступа является соотносимость с конкретным лицом. После внесения Федеральным законом от 25.07.2011 № 261-ФЗ⁴ поправок в понятие персональных данных ими стала являться и информация, которая должна позволять определять прямо или косвенно конкретное физическое лицо. Иначе говоря, персональными данными признаются и те личные данные, которые даже косвенно могут определить того или иного человека или создают возможность идентифицировать его, что само по себе требует уголовно-правовых средств защиты особого вида информации.

Большинство предлагаемых в научных трудах по изучаемой теме понятий персональных данных, как правило, строятся на признаке «идентифицируемости» их субъекта. Противоположной же является позиция о том, что распознавание человека или его идентификация, а также иные синонимы – отождествление, определение личности – не могут использоваться как критерий разграничения персональных от иных, не конфиденциальных данных ввиду

¹ Савельев А.И. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». М.: Статут, 2017. С. 220.

² Минбалеев А.В. Проблемные вопросы понятия и сущности персональных данных // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2012. № 2 (4). С. 4–9.

³ Савельев А.И. Направления регулирования Больших данных и защита неприкосновенности частной жизни в новых экономических реалиях // Закон. 2018. № 5. С. 130.

⁴ О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных»: федер. закон от 25.07.2011 № 261-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 31, ст. 4701.

возникновения дискуссии о возможности или невозможности установить лицо на основании той или иной совокупности сведений о нем¹. О.Б. Просветова, в частности, пишет, что сужение значения персональных данных лишь до сведений, позволяющих идентификацию личности, не соответствует ст. 24 Конституции РФ, которая охватывает все сведения о частной жизни лица². Полагаем, что постановка проблемы о неприемлемости признака идентификации надумана, во-первых, потому что не вся возможная совокупность сведений о частной жизни лица, охраняемых конституционными нормами, может считаться персональными данными, а только относящаяся к «чувствительным данным» и только та, которая идентифицирует субъекта. Здесь должно быть достаточно объёма персональных данных, чтобы их субъект мог быть идентифицирован достоверно³; во-вторых, международное законодательство активно использует термин «идентификация». Так, в п. 1 ст. 4 Общего регламента по защите персональных данных (General Data Protection Regulation, далее GDPR) Европейским союзом (General Data Protection Regulation, далее GDPR) (по содержанию это Регламент (EU) 2016/679 и Директива (EU) 2016/680) персональные данные – любая информация, относящаяся к идентифицированному или идентифицируемому физическому лицу; «субъект данных» может быть идентифицирован прямо или косвенно⁴; в-третьих, без признака идентификации исключается соотношение персональных данных с конкретным лицом, а значит утрачивается какой-либо смысл в их охране, в том числе уголовно-правовыми средствами.

¹ Алексашина М.Н. Защита персональных данных как условие обеспечения безопасности личности // Право и безопасность. 2014. № 1. С. 69.

² Просветова О.Б. Защита персональных данных: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 26.

³ Гутник С.И. Указ. соч.

⁴ О защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и о свободном перемещении таких данных: регламент (EU) 2016/679 от 27.04.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://ogdpr.eu/ru/gdpr-2016-679>; О защите физических лиц в отношении обработки персональных данных компетентными органами в целях предотвращения, расследования уголовных преступлений, ведения розыскных или судебных действий или исполнения уголовных наказаний, а также за свободное перемещение таких данных: директива (EU) 2016/680 от 27.04.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://ogdpr.eu/ru/gdpr-2016-680> (дата обращения: 21.05.2022).

4. Персональные данные являются разновидностью конфиденциальной информации. В науке уголовного права понятие конфиденциальной информации применительно к неприкосновенности частной жизни отождествляется с понятием тайны¹. Право на защиту персональных данных составляет один из элементов комплексного права на неприкосновенность частной жизни, а значит обладает признаком конфиденциальности (от лат. *confidence* – доверие). В определении от 28.06.2012 № 1253-О Конституционный Суд РФ сформулировал правовую позицию: «... лишь само лицо вправе определить, какие именно сведения, имеющие отношение к его частной жизни, должны оставаться в тайне, а потому и сбор, хранение, использование и распространение такой информации, не доверенной никому, не допускается без согласия данного лица, как того требует Конституция Российской Федерации»². При этом конфиденциальность не является абсолютной, и может подвергаться изъятию – быть уменьшена или устранена полностью самим носителем персональных данных или федеральным законом.

Таким образом, на основе анализа законодательства и теории права автор пришел к следующим выводам: персональные данные – это а) информация; б) которая относится к физическому лицу; в) относится прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу; г) является разновидностью конфиденциальной информации.

¹ Шевченко И.А. Уголовно-правовая охрана неприкосновенности частной жизни: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. С. 80.

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 № 1253-О. СПС «Гарант».

Чуб Инна Сергеевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Социальная обусловленность реформирования системы противодействия коррупционным преступлениям

В настоящее время в современной России реализуются правовые, организационные и иные меры противодействия коррупции, начиная с 2008 года в нашей стране 7 раз был утвержден Национальный план противодействия коррупции, но, несмотря на проводимую работу в этом направлении, нельзя назвать результаты этой деятельности высокоэффективными и действенными.

Искоренение коррупции относится к национальным интересам РФ и стратегическим национальным приоритетам, данное положение закреплено Указом Президента № 400 «О стратегии национальной безопасности РФ» от 02.07.2021 г. На фоне сохраняющихся в Российской Федерации социально-экономических проблем растет потребность общества в повышении эффективности государственного управления, обеспечении социальной справедливости и усилении борьбы с коррупцией¹. Борьба с коррупцией в нашей стране должна проводиться фундаментально и качественно, а это направление деятельности должно быть аксиомой для всех субъектов и участников, вовлеченных в антикоррупционную деятельность.

В соответствии с данными статистики Верховного Суда РФ, осужденных за коррупционные преступления в 2021 году, составило 9,6 тыс. человек, что на 35 % больше, чем в предыдущем году². Если анализировать количество зарегистрированных пре-

¹ Указ Президента № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 02.07.2021 г. // www.consultant.ru (дата обращения 14.09.2022 г.)

² Председатель ВС РФ: более чем на треть возросло число осужденных за коррупцию в 2021 году. Официальный сайт Российского государственного федерального информационного агентства // https://tass.ru/obschestvo/13660861?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения 30.09.2022 г.)

ступлений коррупционной направленности, то здесь ситуация почти неизменная, за последние 5 лет их число увеличилось всего на 1,5 % (в 2021 году было зарегистрировано 30050 коррупционных преступлений), для масштабов нашей большой страны, эта цифра мизерная, учитывая латентность данного вида преступлений, которая превышает 90 %. Однако изменение уровня латентности этих преступлений указывает на то, что тенденция развития коррупционных преступлений нарастает все более ускоряющимися темпами, увеличение ее размеров неразрывно связано с все большим вовлечением населения страны в коррупционные взаимоотношения, что является наиболее опасным в настоящее время.

Для современной России характерна и наиболее распространена низовая коррупция, самая распространенная ее форма – взятничество. На низших и средних уровнях власти, граждане наиболее чаще встречаются и контактируют с чиновниками и государственными служащими по различным повседневным вопросам. Тем самым интересы обеих сторон переплетаются, и чиновничий бюрократизм подталкивает одну сторону к использованию своих властных полномочий с целью извлечения выгоды для себя, а другую к решению своих насущных проблем и удовлетворению потребностей вопреки нравственным принципам.

Привлекательность низовой коррупции состоит в том, что при минимальном риске для обеих сторон она обладает специфической ценностью не только для получателя (вымогателя) взятки, но и для взяткодателя. С другой стороны, это часть платы за возможность мелких нарушений законов и принятых положений. В то же время, масштабная низовая коррупция предельно опасна, поскольку, во-первых, создает благоприятный психологический фон для существования остальных форм коррупции и, во-вторых, возвращает вертикальную коррупцию¹. При данном виде коррупции, субъекты коррупционной сделки принадлежат к одному органу государственной власти. В этом случае, вышестоящий чиновник покрывает коррупционные деяния нижестоящего чиновника, либо получает от него «откаты» за предоставление финансовых или

¹ Пименов Н.А. Проблемы коррупции в России // Вестник Финансового университета. 2011. № 4 (64). С. 22.

других ресурсов. Таким образом, вертикальная коррупция способствует взаимодействию между участниками низовой и верхушечной коррупции, т.е. выступает в качестве моста. В большинстве случаев эта деятельность носит групповой характер, наблюдается четкое распределение полномочий и обязанностей с целью дальнейшей совместной преступной деятельности, направленной на извлечение выгоды, в том числе и материальной, используя свое служебное и должностное положение.

При верхушечной (элитарной) коррупции охватывается верхний уровень власти и политики, соответственно обычные рядовые граждане редко сталкиваются с руководителями. На данном уровне наиболее распространенными формами коррупции являются протекционизм, лоббизм, фаворитизм, вымогательство и т.д. Здесь уровень «решаемых вопросов» значительно выше и степень возможных последствий значительно больше, в связи с тем, что могут быть затронуты интересы и ресурсы государства, а именно распределение бюджетных средств, различных форм государственной собственности, использование разных контактов для получения доступа к определенным ресурсам – услугам, товарам, привилегиям, источникам дохода, оказание услуг друзьям, родственникам, продвижение различных предпринимателей в ущерб интересам простых граждан и государства и т.д.

Все вышеперечисленное может свидетельствовать о наличии ряда причин, способствующих распространению коррупции: неэффективность и безответственность государственной власти; несовершенство законодательства; правовой нигилизм; поляризация населения; низкий уровень правосознания и правовой культуры как граждан, так и чиновников; низкий морально-нравственный уровень граждан; бездействие граждан на нарушения законодательства чиновниками; неразвитость институтов гражданского общества и т.д.

Приоритетным направлением в борьбе с коррупцией должно быть выявление коррупционных схем и лиц, причастных к преступлениям коррупционной направленности. В апреле 2022 г. был подписан Указ Президента РФ № 232 «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента

РФ»¹. Координатором государственной информационной системы «Посейдон» выступит Администрация Президента РФ, а Федеральная служба охраны РФ будет выполнять функции оператора данной системы; на оказание методической и консультационной поддержки по вопросам использования системы уполномочено Министерство труда России.

ГИС «Посейдон» обеспечивает использование информационно-коммуникационных технологий для ввода и анализа сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также для проведения проверочных и иных мероприятий в области противодействия коррупции. Система объединяет в единую сеть участников антикоррупционной деятельности и позволяет автоматизировать большинство выполняемых ими функций. В настоящее время на законодательном уровне не закреплены особенности использования данной системы. То есть фактически проверку достоверности сведений о доходах и расходах будет осуществлять Администрация Президента РФ, а не ведомственные кадровые службы, тем самым информация, находящаяся там, не сможет изменяться или подвергаться каким-либо корректировкам, таким образом она будет более достоверна.

Фактически на борьбу с коррупцией будет направлен «искусственный интеллект», в результате чего появится возможность отслеживания и наблюдения за госслужащими во всех возможных источниках, включая социальные сети на предмет взаимоотношений между чиновниками и иными лицами с целью выявления устойчивых контактов между ними, и причастности их к нарушениям, например, случаи конфликта интересов. Можно будет отслеживать получение чиновниками подарков и незадекларированное имущество должностных лиц. Таким образом, на каждого государственного служащего будет создан «цифровой портрет», который позволит отследить все потенциальные коррупционные связи.

Основная особенность работы «искусственного интеллекта», то, что эта система полностью государственно ориентирована и

¹ Указ Президента № 232 «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента РФ» от 25.04.2022 г. // Официальный сайт Президента России. <http://www.kremlin.ru/events/administration/68280> (дата обращения 21.09.2022 г.)

подчиняется напрямую Президенту РФ. Если ранее госслужащие или чиновники различного уровня, могли подключить свои «связи» и «знакомства» с целью урегулирования какой-либо ситуации, в том числе и решению вопросов о непривлечении их к уголовной ответственности за коррупционные преступления, то сейчас у них такой возможности просто не будет, т.к. оператором системы является Федеральная служба охраны РФ. Надеемся, что именно эта система позволит выявить и нейтрализовать коррупционные схемы высших должностных лиц, учитывая специфику ее работы и субъектов ее реализации, так как именно от их преступной деятельности наносится колоссальный ущерб государству и обществу.

Одной из предпосылок к формированию коррупции в нашем обществе, является низкий уровень доверия граждан к государственным структурам. Тем самым затрудняется реализация одного из принципа противодействия коррупции, а именно принципа неотвратимости наказания. В нашей страны он малоэффективен и недейственен, так как российское общество, в целом осознавая масштабы проявления коррупции, до конца не представляет и не может оценить ту общественную опасность и те возможные последствия, которые могут быть причинены.

В результате этого, население не имеет возможности собственными силами противостоять негативным коррупционным проявлениям. В случае же, если человек добился реализации своего права законными, а не теневыми способами, это, во-первых, зачастую расценивается как исключение из правил, а во-вторых, по распространенному мнению, такому борцу за свои права впоследствии приходится прилагать гораздо больше усилий при взаимодействии с той организацией, правды при общении с которой он пытался добиться. В силу своей правовой неграмотности, многие граждане нашего государства, тратят собственные сбережения для того, чтобы получить помощь в получении по закону причитающегося им блага¹. Ключевой задачей остается формирование в обществе антикоррупционного правосознания. Необходимо повы-

¹ Паршина И.А., Чуб И.С. К вопросу противодействия коррупции в современной России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 11. С. 129-130.

сильно повысить эффективность информационно-пропагандистских и просветительских мер, направленных на создание в обществе атмосферы нетерпимости к коррупционным проявлениям, а также активизировать деятельность подразделений федеральных государственных органов и органов субъектов Российской Федерации, направленную на проведение антикоррупционной профилактической работы.

Коррупция является неизбежным следствием избыточного администрирования со стороны государства. Несмотря на проводимую работу в области противодействия коррупции, в настоящее время все равно существуют преграды, в частности имеются препятствия в совершенствовании экономической сферы, проведению социальных преобразований и т.д. Реальные масштабы коррупции в российском обществе порождают полное недоверие к власти и закону, тем самым вызывают тревогу в обществе, в результате чего создается негатив при формировании имиджа России на международной арене. Разработка профилактических мер с целью выявления и нейтрализации причин и условий, и их реализация в контексте обеспечения нормального развития страны в целом становится настоящей необходимостью для обеспечения ее национальной безопасности.

Эшонов Далер Амруллохужаевич,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

**Сравнительно-правовой анализ законодательства
Российской Федерации и Республики Таджикистан
в сфере противодействия преступлениям,
посягающим на безопасность государства**

Обеспечение государственной безопасности занимает одно из важнейших мест в политике как Российской Федерации, так и Республики Таджикистан по обеспечению национальной безопасности. В этих целях, в уголовные законодательства, рассматриваемых стран, заключены ряд общественно опасных деяний, совер-

шение которых влечет за собой уголовную ответственность согласно соответствующим нормам Уголовного кодекса Российской Федерации и Республики Таджикистан.

В Уголовном кодексе Российской Федерации, как и в Уголовном кодексе Республики Таджикистан преступления, посягающие на безопасность государства, размещены в главе 29. Проанализировав соответствующие главы уголовных законодательств двух стран, можно заметить, что круг общественно опасных деяний в определенной степени отличается. Прослеживаются как схожие, так и различные моменты.

Так, российский законодатель включил в рассматриваемую главу 23 нормы, а таджикский законодатель – 13 норм. Однако, несмотря на большое количество норм в данной главе уголовного законодательства России, она не охватывает все нормы соответствующей главы уголовного законодательства Таджикистана. Речь идет о таких нормах как «Публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя Республики Таджикистан (ст. 307 УК РТ)» и «Организация учебы или организация учебной группы религиозно-экстремистского характера (ст. 307.4 УК РТ)»¹, которые в силу политических, идеологических, культурных, религиозных и иных причин отсутствуют в Уголовном кодексе Российской Федерации.

В свою очередь, в Уголовном кодексе Республики Таджикистан не нашли своего отражения такие нормы как «Сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной либо иностранной организацией (ст. 275.1 УК РФ)», «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280.1 УК РФ)», «Нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280.2 УК РФ)», «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными ор-

¹ Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года №574 ред. от 19.07.2022) URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325/ (дата обращения: 26.11.2022).

ганами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях (ст. 280.3 УК РФ)», «Публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства (ст. 280.4 УК РФ)», «Финансирование экстремистской деятельности (ст. 282.3 УК РФ)», «Неоднократная пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами (ст. 282.4 УК РФ)», «Незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну (ст. 283.1 УК РФ)», «Нарушение требований по защите государственной тайны (ст. 283.2 УК РФ)», «Осуществление деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности (ст. 284.1 УК РФ)», «Призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц (ст. 284.2 УК РФ)»¹, закрепленные в рассматриваемой главе Уголовного кодекса Российской Федерации.

Необходимо отметить, что «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ)», закрепленное в главе 29 уголовного законодательства России, нашло свое отражение в главе 21 (Преступления против общественной безопасности) уголовного законодательства Таджикистана, как «Возбуждение национальной, расовой, местнической или религиозной вражды (ст. 189 УК РТ)». Общественная безопасность определена таджикским законодателем как основной объект посягательства данного состава преступления.

Также следует отметить, что ряд статей в российском уголовном законодательстве были введены относительно недавно, в период с 2020 года по настоящее время, в особенности в 2022 году, обусловленные, сложившимися общественными отношениями, складывающиеся в связи с изменениями геополитической обстановки мирового сообщества, которые протекают очень высокими

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 26.11.2022).

темпами и требуют, в свою очередь, принятия незамедлительных мер. И, так как, сложившаяся обстановка в мировом сообществе напрямую коснулась Российскую Федерацию, в уголовное законодательство незамедлительно были внесены соответствующие изменения.

Что касается схожих норм, закрепленных в соответствующих главах уголовных законодательств обеих стран, то, наряду с точками соприкосновения, есть и различия.

Так, в части 2 статьи 305 (Измена государству) Уголовного кодекса таджикский законодатель предусматривает такие квалифицирующие составы, как совершение данного преступления: повторно; военнослужащим; с использованием служебного положения; в боевой обстановке или в военное время; при опасном или особо опасном рецидиве, за которые предусмотрены более жесткие санкции, чего не наблюдается в статье 275 УК РФ (Государственная измена).

Диспозиция части 1 статьи 306 УК РТ (Насильственный захват власти или насильственное удержание власти) в отличие от диспозиции, приведенной в части 1 соответствующей статьи российского уголовного законодательства, дополняется словами «либо насильственное нарушение территориальной целостности Республики Таджикистан». Также в части 2 указанной статьи, в отличие от российской нормы, содержатся квалифицирующие составы, приведенные при рассмотрении предыдущей статьи.

Публичные призывы к осуществлению экстремисткой деятельности, предусмотренная статьей 280 УК РФ, дополняется словами «и публичное оправдание экстремизма» в статье 307.1 УК РТ. В примечании, содержащегося в указанной статье, дается определение публичного оправдания экстремизма, под которым понимается публичная пропаганда о признании правильности идеологии и практики экстремизма, предложения к подражанию и его поддержке. Кроме того, приведены ряд квалифицирующих признаков, отсутствующих в соответствующей статье российского уголовного законодательства: в части 3 статьи 307.1 УК РТ – совершенные повторно; при опасном и особо опасном рецидиве.

Статьи 282.1 и 307.2 уголовного законодательства России и Таджикистана соответственно, закрепляющие организацию экстремистского сообщества существенных различий между собой не

имеют, за исключением некоторых моментов. Так, в статье 282.1 УК РФ закреплена часть 1.1, которая регламентирует «склонение, вербовку или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества», чего не наблюдается в статье 307.2 таджикского законодательства, однако в последней часть 3 предусматривает такой квалифицирующий состав, как повторное совершение данного преступления.

Организация деятельности экстремистской организации, закрепленная в статье 282.2 российского и в статье 307.3 таджикского уголовного законодательства, также обладают некоторыми различительными моментами. В диспозиции российской нормы приводится исключение террористических организаций из состава данного преступления, чего не наблюдается в таджикской норме, также приведена часть 1.1, регламентирующая «склонение, вербовку или иное вовлечение лица в деятельность экстремистской организации», и в части 3 предусмотрен квалифицирующий состав – использование своего служебного положения, которые отсутствуют в указанной статье уголовного законодательства Таджикистана. В свою очередь, в части 2 статьи 307.3 УК РТ содержится дополнение следующего содержания: «...а также оказание содействия в их деятельности с использованием средств массовой информации, сети интернет или иным способом», что не отражено в статье 282.2 УК РФ.

Диверсия в уголовных законодательствах обеих стран описывается одинаково, за исключением квалифицирующих составов. В части 2 статьи 309 УК РТ предусмотрено совершение преступления повторно, а части 2 статьи 281 УК РФ – причинение значительного имущественного ущерба либо наступление иных тяжких последствий, и в части 3 – умышленное причинение смерти человеку.

Необходимо также отметить, что такие составы преступлений, как «Шпионаж», «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля», «Вооруженный мятеж», «Разглашение государственной тайны» и «Утрата документов, содержащих государственную тайну», предусмотренные соответствующими статьями Уголовных кодексов Российской Федерации и Республики Таджикистан, имеют одинаковую смысловую, а во многих случаях и словесную схожесть описания диспозиций.

Подводя итог, следует отметить, что в уголовных законодательствах Российской Федерации и Республики Таджикистан наряду со схожими положениями, есть и существенные отличия. Схожесть норм характеризуется тем, что уголовные законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан вытекают из уголовного законодательства СССР, в состав которого они входили до его распада. А, в свою очередь, отличия характеризуются влиянием политических, социально-экономических, идеологических, культурных, географических, религиозных и иных факторов на вновь принятые Уголовные кодексы этих стран. Необходимо также отметить, и постоянное изменение мирового устройства и, складывающиеся в нем общественные отношения, которые по-разному влияют на те или иные государства и, в связи с которыми вносятся соответствующие изменения в законодательства стран, в том числе и в уголовные. Следовательно, отсюда и прослеживаются эти различия.

Южанинов Василий Сергеевич,
старший преподаватель кафедры
оперативно-разыскной деятельности
в органах внутренних дел
Краснодарского университета МВД России

Некоторые аспекты влияния семьи на девиантное, преступное поведение молодежи, совершающей киберпреступления

За последние два десятилетия общество быстро оцифровалось, что открыло перед правонарушителями новые возможности для совершения киберпреступлений. Широко признано, что, с одной стороны, существуют киберпреступления, которые являются традиционными правонарушениями, которые теперь можно совершать онлайн, такими как вымогательства и дистанционные мошенничества. И с другой стороны, существуют киберзависимые преступления, которые включают в себя новые виды преступлений, такие как взлом и заражение вредоносными программами, которые направлены на информационно-коммуникационные технологии и совершаются с их помощью, к их числу следует отнести

кражу денежных средств с расчетных счетов и банковских карт граждан, а также похищение персональных данных в сети Интернет¹. Последние данные свидетельствуют о важности борьбы с обоими видами киберпреступности. Официальная статистика и изучение виктимизации показывают, что наиболее распространенное киберпреступление – дистанционное мошенничество за последние 4 года увеличилось в кратном размере.

Все вышесказанное ставит перед учеными и правоприменителями ряд вопросов – следует ли рассматривать киберпреступность как новый вид преступлений или как старый, но в новой «обертке»; применимы ли существующие криминологические теории и выводы о причинах и зависимостях традиционных преступлений к киберпреступности или необходимы новые теории для этого нового типа преступлений. Вместе с тем на мой взгляд подавляющее большинство существующих исследований предлагают лишь ограниченный вклад в современные теоретические традиции, поскольку они имеют серьезные ограничения в данных, такие как в основном используются небольшие выборки, следовательно, остается в значительной степени неизвестным, в какой степени результаты исследований традиционной преступности могут быть обращены на киберпреступность.

Изучение ряда исследований в области преступности показало, что преступность, как правило, происходит в семьях². Однако, большинство исследований сосредоточено на традиционных преступлениях, а исследований семейных факторов, повышающих риск совершения киберпреступлений, практически нет. Очевидно, что как и у традиционных правонарушителей, так и у киберпреступников родственники чаще имеют судимость или ведут антиобщественный образ жизни – привлекаются к административной ответственности, чем у тех, кто не совершал преступлений. Вместе с тем дополнительный анализ проведенных исследований показал

¹ Чекунов И.Г. Современные киберугрозы. Уголовно-правовая и криминологическая классификация и квалификация киберпреступлений // Право и кибербезопасность. 2012. № 1. С. 9-22.

² М. Ван Дейк, Э.Р. Клеманс, В.И. Айхельсхайм Дети преступников из организованной преступности: как отец, как ребенок? Исследовательское и качественное исследование механизмов преемственности поколений в семьях организованной преступности // Европейский журнал уголовной политики и исследований, 25 (4) (2019). С. 345-363.

различие между киберпреступниками, которые привлекались к ответственности только за киберпреступления, и теми, кто также совершал традиционные преступления.

Одной из тем, которой особенно мало уделялось внимания, является степень, в которой семейные факторы риска традиционных правонарушений также являются факторами риска киберпреступлений. Поскольку исследования киберпреступников почти исключительно сосредоточены на факторах риска на индивидуальном уровне, текущие знания о потенциальном семейном влиянии на преступное поведение личности практически отсутствуют. Это важный пробел в знаниях, поскольку обширный и растущий объем исследований показал, что существуют различные характеристики и модели поведения членов семьи, которые предсказывают и, возможно, вызывают преступное поведение. Одним из наиболее часто встречающихся семейных факторов риска совершения уголовных правонарушений является преступное поведение членов семьи¹. За последние десятилетия большое количество исследований показало, что преступность, как правило, происходит в семьях. В какой степени преступное поведение членов семьи также является фактором риска киберпреступлений, остается неизвестным. Нет достоверного ответа на вопрос – происходят ли киберпреступники и традиционные правонарушители из схожих семей и, следовательно, применимы ли теоретические механизмы, лежащие в основе концентрации преступности в семьях, также к киберпреступникам или необходимы новые теории для объяснения их поведения².

Рассмотрим некоторые механизмы, объясняющих концентрацию традиционной преступности в семьях, и их возможного применения к киберпреступности.

Различные исследования показали, что преступность концентрируется внутри семей. Учитывая достаточно высокую концентрацию преступности в семьях, неудивительно, что многие иссле-

¹ Шаталов Е.А., Малаева Л.О. Преступность среди несовершеннолетних: влияние семьи. 2012.

² Нешитая О.Н. К вопросу о влиянии семьи как одной из основных причин преступности несовершеннолетних / О.Н. Нешитая, О.Н. Баженов // Актуальные проблемы права: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2015 г.). М.: Буки-Веди, 2015. С. 245-247.

дования показали, что родители и их дети демонстрируют сходство в своем преступном поведении, так дети с родителями-преступниками в 2,5 раза чаще совершают правонарушения, чем их сверстники без родителей-преступников. Другие исследования также показали, что конкретные преступления, такие как насильственные преступления, имущественные преступления, и организованная преступность концентрируются внутри семей и передаются от одного поколения к следующему¹.

Конкретная передача киберпреступлений (т.е. когда и родитель, и ребенок совершают преступления в сфере IT-технологий) может быть редкой из-за различий в использовании Интернета и IT-навыках между поколениями, а также из-за того, что число людей, арестованных и привлеченных к ответственности за киберпреступления, все еще невелико. Однако, основываясь на некоторых механизмах, которые часто используются для объяснения передачи преступного поведения от поколения к поколению, можно ожидать, что дети традиционных правонарушителей с большей вероятностью станут киберпреступниками по сравнению с детьми без криминальных родителей.

Одним из механизмов, который часто используется для объяснения сходства между поколениями, является социальное обучение. Согласно теориям социального обучения дети могут научиться преступному поведению, когда они наблюдают за ним со стороны своих родителей и имитируют его. Обучение может включать не только навыки или методы совершения преступных деяний, но также может включать отношение к преступному поведению или мотивы участия в преступлении. Как следствие, ожидается, что дети традиционных правонарушителей будут иметь более позитивное отношение и мотивацию к преступному поведению. Это может не только отразиться на их девиантном и преступном поведении в физическом мире, но и увеличить риск совершения ими преступлений в киберпространстве².

Также факторы риска преступного поведения могут играть важную роль в передаче преступности из поколения в поколение

¹ Лелеков В.А., Кошелева Е.В. Влияние семьи на преступность несовершеннолетних // Социологические исследования. 2006. №1. С. 103-112.

² Антонян Ю.М. Личность преступника / Ю.М. Антонян, В.Н. Кудрявцев, В.Е. Эминов. СПб.: Юрид. центр. Пресс, 2004. 366 с.

двумя различными способами. Один из них заключается в том, что факторы риска преступного поведения, такие как бедность, безработица, родительские обязанности в подростковом возрасте, могут передаваться от одного поколения к другому. Этот цикл лишений может затем привести к увековечиванию преступности на протяжении нескольких поколений¹. Этот механизм также согласуется с Общей теорией преступности Готтфредсона и Хирши, в которой они утверждают, что неадекватное воспитание приводит к низкому уровню самоконтроля, что, в свою очередь, является причиной преступного поведения. Поскольку маловероятно, что родители с низким самоконтролем должным образом контролируют своих детей и признают и последовательно наказывают их за плохое поведение, низкий уровень самоконтроля также передается от родителей к ребенку и может привести к преступному поведению в последующих поколениях².

Другим способом, при котором факторы риска могут играть определенную роль, является посредничество в отношениях между родителями и детьми, совершающими правонарушения, когда факторы риска для последних вызваны преступным поведением первых. Например, родительское преступление может привести к разводу родителей, который, как было установлено, связан с повышенным риском оскорбления детей³. Если такие факторы риска преступного поведения также повышают риск киберпреступного поведения, то может существовать взаимосвязь между традиционной преступностью родителей и киберпреступностью потомства.

Необходимо отметить и генетические факторы, которые могут объяснить потенциальную взаимосвязь между преступлениями родителей и киберпреступностью потомства. Вместе с тем ряд молекулярно-генетических исследований не увенчались успехом в

¹ Дж. Кроз, У. Бернасco, А.К. Лифбруер, Дж. Рувендал Воспитание в неполных семьях и преступная вовлеченность подростков: систематический обзор // Психология, преступность и право (2020), стр. 1-15.

² Фаррингтон, Дэвид П.; Валлийский, Брэндон С (2007). Спасение детей от преступной жизни: факторы раннего риска и эффективные меры. Нью-Йорк, Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета.

³ Вологина Ж.Ю. Преступность среди несовершеннолетних / Ж.Ю. Вологина, Н.В. Спивакова, А.А. Камалов // Право: современные тенденции: материалы междунар. науч. конф. № 3. 2012. С. 64-69.

выявлении конкретных генетических вариантов, связанных с антисоциальным поведением, недавние общегеномные исследования ассоциаций не выявили каких-либо значимых ассоциаций.

Относительно мало известно о генетическом влиянии на онлайн-поведение, поскольку двойных исследований онлайн-поведения все еще очень мало. Некоторые исследования показали, что генетические факторы объясняют значительную часть различий, например, в проблемном использовании Интернета и частоте использования социальных сетей. Это указывает на то, что на наше поведение в Интернете также влияют наши гены, и, следовательно, на киберпреступность также могут оказывать генетическое влияние. Если одни и те же генетические варианты связаны как с оффлайн, так и с онлайн-преступлениями, можно ожидать, что те, у кого родители-преступники, с большей вероятностью будут вовлечены в киберпреступность.

Наконец, была выдвинута гипотеза о том, что преступное поведение из поколения в поколение является следствием официальной предвзятости по отношению к известным криминальным семьям¹. Когда правоохранительные органы более интенсивно следят за известными криминальными семьями, их дети с большей вероятностью будут арестованы и осуждены за совершение преступления. Однако вызывает сомнение возможность применения этого механизма к киберпреступности. Поскольку киберпреступления совершаются в информационно-телекоммуникационном, интенсивный мониторинг, осуществляемый полицией в физическом пространстве, может не увеличить шансы обнаружения киберпреступников. Только когда полиция также следит за членами семьи, которые совместно используют социальные и компьютерные сети, официальный механизм предвзятости может применяться к киберпреступлениям.

Исходя из большинства вышеупомянутых механизмов, можно ожидать, что дети родителей-преступников также с большей вероятностью будут вовлечены в киберпреступность. Поскольку братья и сестры разделяют 50% своих генов, могут подражать поведению друг друга и усваивать его, а также живут в одном

¹ Фаррингтон, Дэвид П.; Валлийский, Брэндон С (2007). Спасение детей от преступной жизни: факторы раннего риска и эффективные меры. Нью-Йорк, Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета.

доме – и, следовательно, подвержены сходным факторам риска, – также можно ожидать ассоциации с преступным поведением братьев и сестер. Однако, насколько известно, вопрос о том, связано ли преступное поведение членов семьи с киберпреступлениями, ранее досконально не изучался. Чтобы восполнить этот пробел в литературе, в необходимо рассмотреть следующий исследовательский вопрос: в какой степени наличие членов криминальной семьи связано с совершением киберпреступлений? Чтобы ответить на этот исследовательский вопрос, можно провести сравнение распространенности криминальных родителей, братьев и сестер среди киберпреступников, традиционных правонарушителей и не правонарушителей.

Несмотря на то, что на сегодняшний день достоверного научного обоснования влияния и развития семейных факторов на количество киберпреступности нет. Необходимо отметить, что для снижения вовлеченности в киберпреступность необходимо разрабатывать программы раннего семейного обучения, которые являются эффективной, основанной стратегии предотвращения анти-социального поведения и правонарушений.

Вместе с тем, низкий процент раскрываемости преступлений, совершаемых в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, а следовательно и небольшое количество привлеченных к уголовной ответственности преступников ограничит выборку семей, что существенно затруднит исследование. Будет весьма затруднительно проверить – концентрируется ли киберпреступность также и внутри семей, так как вполне возможно, что некоторые члены семей киберпреступников также совершали киберпреступления, но никогда не привлекались за это к ответственности. Вместе с тем следует ожидать, что это будет более вероятно среди братьев и сестер, чем между родителем и ребенком, учитывая различия между поколениями в использовании Интернета и IT-навыках. Развитие цифрового пространства все еще находилось в зачаточном состоянии, когда нынешнее поколение родителей было в юности. Ограниченное распространение Интернета повлияло на цифровую зависимость этого поколения и, следовательно, также на изобилие криминальных возможностей в киберпространстве. В настоящее время мы являемся свидетелями роста целого поколения цифровой молодежи. Поколение, которому сегодня

меньше 30 лет, – это то, которое действительно ощутило на себе преимущества ИТ наряду с рисками, которые оно влечет за собой. Возможно, что в будущем исследования, посвященные оценке киберпреступлений среди двух поколений цифровой молодежи, найдет доказательства передачи киберпреступности из поколения в поколение. В этом случае различия в семейных правонарушениях, наблюдаемые между теми, кто совершал только киберпреступления, и традиционными правонарушителями, могли бы сгладиться.

Так как киберпреступники, которые совершают традиционные правонарушения, имеют сходное семейное происхождение с традиционными правонарушителями, предполагаю, что семейные вмешательства в виде профилактики, также могут быть эффективными для снижения антисоциального поведения среди киберпреступников. Однако, поскольку те, кто совершает только киберпреступления, обычно живут в семьях, не являющихся правонарушителями, они с меньшей вероятностью будут подвергнуты таким семейным программам обучения. На самом деле, сомнительно, будут ли такие программы эффективными для этой группы киберпреступников, поскольку они, по-видимому, живут в менее проблемных семьях, чем традиционные правонарушители. В любом случае, необходимы дополнительные исследования эффективности программ обучения, вмешательств и методов выявления и борьбы с киберпреступниками.

В данной статье рассмотрена малоизученная тема концентрации преступности в семьях киберпреступников. Используя разлучную литературу, рассматривающую данную тематику и имеющиеся немногочисленные исследования, в том числе проведенные за рубежом сделано предположение, что среди киберпреступников наибольшее сходство с традиционными правонарушителями имеют те, кто совершает традиционные преступления с использованием ИТ-технологий – вымогательства, дистанционные мошенничества, кражи с банковских карт. Напротив, те, кто совершает только киберпреступления (взломы, заражение вредоносными программами), требующие углубленных познаний в программировании, возможностях обхода и взлома различной защиты ресурсов, по-видимому, больше похожи на тех, кто не совершает право-

нарушений, с точки зрения семейных правоотношений. Таким образом можно сделать вывод, что традиционные механизмы передачи преступности из поколения в поколение могут лишь в малой части объяснить причастность к киберпреступности.

Яковлев Виталий Валерьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Предупреждение криминального насилия в условиях мегаполиса

Уровень, характер и распространенность насильственной преступности в обществе выступают важным показателем его морального и культурного развития, мерилom социальной и нравственной зрелости населения. Центральную и наиболее значимую по наступающим последствиям часть указанного вида криминального поведения составляют посягательства на самые важные права и свободы личности, среди которых право на жизнь, здоровье, личную неприкосновенность, честь, достоинство и т.д. Общество и государство в лице правоохранительной системы уделяют большое внимание решению проблем противодействия насильственной преступности, однако результаты правоохранительной деятельности свидетельствуют о явной недостаточности принимаемых мер. Несмотря на то, что в официальной статистике, характеризующей состояние преступности и результаты борьбы с ней, на протяжении значительного времени сохраняются положительные тенденции, указывающие на уменьшение регистрируемости основных категорий преступлений, совершаемых с применением насилия, в большинстве регионов России, говорить о реальных позитивных изменениях в сложной криминогенной ситуации не приходится. К сожалению, многие из показателей, опосредовано характеризующих содержание насильственных преступлений в современном обществе, свидетельствуют об обратном. К ним можно отнести снижение криминально активного возраста насильствен-

ных преступников, значительные гендерные изменения в их общей массе (существенное увеличение количества лиц женского пола), повышение удельного веса рецидива, развитие отдельных видов преступлений (сексуальное насилие в отношении несовершеннолетних и малолетних; с применением оружия; в состоянии алкогольного либо наркотического опьянения; экстремистские проявления и многое другое). Указанные обстоятельства требуют кардинальных изменений в системе предупреждения насильственных преступлений.

В рамках обозначенной проблемы можно с уверенностью выделить обособленный вид преступности в крупном городе, связанный с применением физического или психического насилия в отношении жертв преступления. Ее состояние и тенденции развития играют, без сомнения, весьма значимую роль в формировании общей криминогенной ситуации. Достаточно упомянуть такие ее особенности, как высокий общественный резонанс, вызываемый грубыми нарушениями общественного порядка и общественной безопасности в густонаселенных районах; стимулирование негативных процессов в социально-экономической и духовно-нравственной сфере; значительный ущерб, причиняемый указанными преступлениями и, как следствие – низкая оценка населением результатов деятельности правоохранительной системы государства. Характеризуя современное состояние и тенденции развития преступности в мегаполисах, считаем возможным сделать вывод о наличии существенных отличительных признаков количественного и качественного характера, обусловленных особенностями функционирования крупных городов как центров социально-экономического, политического, культурного развития общества. В связи с этим особую важность в процессе противодействия насильственной преступности в мегаполисах представляет изучение причинного комплекса указанного вида криминального поведения, позволяющего формировать перспективные методики профилактической работы.

Методы предупреждения насильственной преступности в мегаполисах призваны обеспечить эффективное воздействие на факторы воспроизводства криминального поведения, присущие двум относительно обособленным видам преступности. В силу специ-

фики развития современного социума они были объединены в качестве самостоятельного предмета превентивного воздействия. Речь идет о детерминации агрессивного поведения и о причинности преступности в крупных населенных пунктах. Урбанизация современного образа жизни подразумевает развитие негативного фактора отчужденности людей, сосредоточения жителей мегаполиса на собственных проблемах и безразличие к окружающим. Поддержание в таких условиях безопасности и правопорядка, приобретает особые черты¹. Этого требуют, в первую очередь, последствия критической плотности населения на ограниченной территории, проявляющиеся в росте межличностной агрессии, высокой интенсивности конфликтов, увеличении социальной дистанции между горожанами, постоянной готовности к борьбе за свое личное пространство. Как следствие – в крупных городах существенно выше вероятность проявления массовых беспорядков, обострения межкультурных конфликтов, религиозных, расовых и национальных споров, террористических актов, иных форм проявления криминального насилия.

Анализ криминогенной ситуации в крупных городах позволяет сделать вывод о том, что ценность личной безопасности как базовой потребности населения увеличивается в мегаполисе настолько, что традиционные методы деятельности полиции по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности становятся объективно недостаточными. На фоне прогрессирующей разобщенности населения на подразделения полиции накладывается так называемая коммуникативная функция, призванная компенсировать указанный криминогенный фактор. В реальности это проявляется в разъяснении сотрудниками органов внутренних дел гражданам правовых вопросов проживания в мегаполисе, маршрутов следования к различным объектам крупного населенного пункта, правил поведения при межличностных контактах и т.д.

Таким образом, назрела насущная потребность в разработке новых технологий правоохранительной деятельности, адекватно реагирующих на реалии городской среды. В настоящий момент во

¹ Голованова Т.В., Денисенко С.В. Особенности охраны общественного порядка в мегаполисах // Научный вестник Омской академии МВД России. Право. 2018. № 2(69). С.49.

многих развитых государствах мирового сообщества получила популярность методика «тотальной профилактики уличной преступности», представляющей, по нашему мнению, значительный интерес и в контексте рассматриваемой нами проблемы. Сущность данной методики изначально заключалась в предоставлении широких полномочий сотрудникам полиции, осуществляющим патрулирование улиц мегаполиса при осуществлении проверочных мероприятий вплоть до личного досмотра горожан. Одним из негативных факторов такой методики видится необходимость единовременного присутствия на улицах значительного количества полицейских патрулей. Препятствием реализации указанной меры предупредительного воздействия в современных условиях является, в первую очередь, ограниченная численность подразделений патрульно-постовой службы, даже в условиях мобильного патрулирования обслуживаемой территории. То же самое обстоятельство характерно и для иных подразделений органов внутренних дел, являющихся субъектами профилактики криминального насилия.

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий в современном обществе предоставляет широкие перспективы использования достижений науки и техники в правоохранительной деятельности. Необходимость их использования закреплена в законе о полиции в качестве основополагающего принципа. Министерство внутренних дел Российской Федерации, в частности, является инициатором создания и активным пользователем аппаратно-программного комплекса «Безопасный город». Целью этого комплекса является повышение базового уровня общественной безопасности, правопорядка и защищенности социальной среды за счет значительного улучшения координации деятельности сил и служб, ответственных за решение этих задач. Достигается такой результат путем внедрения на базе муниципальных образований комплексной информационной системы, обеспечивающей прогнозирование, мониторинг, предупреждение и ликвидацию возможных угроз, а также контроль устранения последствий чрезвычайных ситуаций и правонарушений.

Обязательным условием принимаемых мер является интеграция под управлением рассматриваемой системы действий информационно-управляющих подсистем дежурных, диспетчерских,

муниципальных служб для их оперативного взаимодействия в интересах муниципального образования¹. Крупный город в текущий момент представляется нам главным потребителем возможностей, предоставляемых указанным выше комплексом, который способен решить многие проблемы, связанные с необходимостью контроля со стороны органов внутренних дел за ситуацией, складывающейся на улицах города и иных объектах, требующих повышенного внимания правоохранителей. Данное обстоятельство требует от правоохранительного ведомства, с одной стороны, создания специализированной службы, обеспечивающей эффективное использование комплекса, с другой – соответствующей подготовки сотрудников подразделений органов внутренних дел, выполняющих правоохранительные задачи на обслуживаемой территории.

В качестве наглядного примера упомянутого формирования может служить специализированный аналитический отдел по оперативному использованию информации с камер видеонаблюдения, созданный в Управлении уголовного розыска ГУМВД по г. Москве. Как нам представляется, другие мегаполисы России должны не только применять рассматриваемый положительный опыт, но и совершенствовать приемы и способы использования получаемой при помощи АПК «Безопасный город» информации с учетом собственной специфики².

Подводя итог рассмотрения проблем предупреждения насильственной преступности в мегаполисах необходимо отметить, что данный вид криминальной деятельности отличается существенной спецификой своей криминологической характеристики, причинного комплекса и, как следствие – инструментария противодействия преступлениям со стороны общества и государства. Мегаполисы являются наиболее динамично развивающимися элементами современного общества, что обуславливает постоянную трансформацию и изменения структуры, динамики и тенденций развития преступности в крупных городах. Органы

¹ Бойченко О.А. Предупреждение преступлений, совершаемых незаконными мигрантами в условиях сверхкрупного города: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С.26.

² Кочегаров П., Раскин А. Система «Безопасный город» пока не стала полноценной защитой для россиян. URL: [http:// www.life.ru](http://www.life.ru) (Дата обращения: 15.09.2022).

внутренних дел, выполняющие задачи предупреждения преступлений, связанных с применением насилия, являются центральными субъектами указанной деятельности, задействованными практически на всех ее уровнях – общесоциальном, специально-криминологическом и индивидуальном.

Сотрудники подразделений органов внутренних дел осуществляют информационно-аналитические, координирующие, обеспечивающие функции, непосредственно применяют различные методики выявления и нейтрализации причин и условий рассматриваемого вида преступности. Каковы же наиболее перспективные направления предупредительной деятельности?

Прежде всего, необходимо совершенствование правового регулирования функционирования подразделений полиции в условиях мегаполиса, позволяющее правоохранителям своевременно и эффективно реагировать на все случаи усложнения криминогенной ситуации и совершения различного рода правонарушений на улицах города, влекущих за собой или создающих опасность конфликтной ситуации и агрессивных проявлений со стороны граждан.

Обеспечение эффекта постоянного присутствия – развитие системы социального контроля при помощи имеющихся в распоряжении правоохранительных органов сил и средств при тесном взаимодействии органов исполнительной власти, органов местного самоуправления и граждан на улицах, в общественных местах, точках большого скопления населения, незамедлительно реагирующих на противоправное поведение.

Широкое внедрение в предупредительную работу современных информационно-коммуникационных технологий, развитие на их основе аппаратно-программных комплексов, позволяющих многократно увеличивать объем необходимой для охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности информации.

Потребность незамедлительного анализа полученной информации о готовящихся, совершаемых или совершенных противоправных действиях и своевременного реагирования со стороны уполномоченных органов требует формирования специальных подразделений полиции – отделов по аналитике и оперативному использованию информации.

Сложная структура и программное обеспечение внедряемых в правоохранительную деятельность комплексов обуславливает потребность в специальной подготовке сотрудников органов внутренних дел, использующих возможности указанных систем. Данная задача должна решаться путем осуществления переподготовки и повышения квалификации на базе учебных заведений МВД России, а также разработки методических рекомендаций, содержащих алгоритмы действий в ситуациях, требующих использования средств наблюдения и фиксации правонарушений.

Содержание

Борисов С.В. Актуальные проблемы уголовно-правового противодействия преступлениям террористической и экстремистской направленности, совершаемым с использованием сети Интернет.....	3
Борков В.Н. Уголовная политика противодействия сговору врагов государства.....	12
Ендольцева А.В. Противодействие правовыми средствами бесконтрольному распространению персональных данных и их незаконному использованию.....	17
Игнатов А.Н. Механизмы образования латентной преступности.....	25
Карнаушенко Л.В. Эффективность социального контроля и методы его осуществления.....	32
Кашкаров А.А. Влияние административно-деликтного права на уголовно-правовую политику.....	39
Козаев Н.Ш. Идеологический фактор террористической деятельности.....	44
Колосович М.С., Ходякова Н.В. Гласность и публичность в уголовном судопроизводстве России середины XIX века.....	52
Печников Г.А., Олейник Е.А. О научном (диалектическом) подходе в уголовном процессе.....	56
Стешич Е.С. Культурологические аспекты уголовно-правового предупреждения половых девиаций, связанных с понуждением и домогательством (харассментом).....	61
Цоколова О.И. Уголовный проступок как перспективное направление уголовной и уголовно-процессуальной политики (тезисы доклада).....	68
Шкаплеров Ю.П. Об одной исторической закономерности в статистике применения мер пресечения в Республике Беларусь... ..	72
Яковлева Л.В. От занятия запрещенными промыслами к незаконному предпринимательству: история вопроса.....	75
Агабеков К.С. Особенности расследования преступлений, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности без лицензии.....	84
Азимзода Ш.Д. Об уголовно-процессуальном порядке прекращения уголовных дел на стадии досудебного производства по законодательству Республики Таджикистан.....	94
Алборов Р.Д. К вопросу о юридических коллизиях в законодательстве Южной Осетии.....	101

Алимпиев А.А. Массовые беспорядки как фактор, угрожающий основам конституционного строя, и организационные средства по их сдерживанию в Республике Казахстан.....	104
Андреев Н.А. Особенности личности современного преступника-экстремиста и его мотивация в механизме преступного поведения.....	114
Бешкок А.А. Вопросы правовой регламентации участия лиц, не обладающих процессуальным статусом, в производстве по уголовным делам и пути их решения.....	123
Бикмашев В.А., Савенко И.А. Соотношение институтов Общей части уголовного законодательства Казахстана, Киргизии, России и Узбекистана.....	128
Брагина А.Г. Надругательство над государственными символами Российской Федерации: особенности правового регулирования и квалификации.....	142
Вертепова Т.А. Актуальные проблемы квалификации убийства, сопряженного с иными преступлениями.....	148
Гамаюнова В.П. Проблема нелегальной миграции в современной России.....	154
Грибанов Е.В. Антикоррупционное просвещение населения: сущность и технология осуществления.....	162
Густова Э.В., Новикова В.И. Влияние решений Конституционного суда Российской Федерации на применение уголовного закона.....	167
Деревянская Т.П. Причинение вреда при оказании первой и медицинской помощи: вопросы квалификации.....	173
Евтушенко И.И. Современные факторы, влияющие на содержание уголовно-исполнительной политики.....	177
Ендольцева Ю.В. Развитие института освобождения от уголовной ответственности в разрезе тенденций современной уголовной политики.....	183
Зоиров Д.А. Социально-политические предпосылки криминалистического познания особенностей расследования экстремистской деятельности в молодежной среде (на примере Республики Таджикистан).....	188
Ильницкий А.С. Противодействие криминальной идеологии в сети Интернет: правовая основа и меры ее совершенствования.....	193
Калашников В.Г. Роль координационных и совещательных органов при высшем должностном лице субъекта Федерации с участием представителей МВД России в вопросах профилактики преступлений.....	199

Каледин М.Е. Современные тенденции преступности несовершеннолетних.....	205
Карчевский К.А. Объект преступлений в сфере предпринимательства, подлежащего лицензированию.....	211
Каснова М.С., Генрих Н.В. К вопросу об ответственности за насилие в отношении несовершеннолетних в семье.....	213
Кецко К.В. Некоторые криминологические особенности преступлений, предусмотренных статьями 241, 242, 242.1 УК РФ, совершаемых в сфере электронной коммерции.....	218
Колесников Р.В. Уголовная ответственность несовершеннолетних: некоторые проблемные вопросы законодательного регулирования и пути их решения.....	223
Кошкина В.В. Уголовно-правовые средства противодействия совершению хищений должностным лицом.....	232
Курбатова С.М. Формирование правосознания студентов неюридических специальностей посредством преподавания им правовых дисциплин	235
Лифанова Л.Г. К вопросу о предмете доказывания занятия высшего положения в преступной иерархии.....	241
Майорова Е.И. Парные категории уголовного права.....	246
Максимов П.В. Признаки преступного соучастия в форме шайки в доктринальных толкованиях дореволюционных правоведов.....	251
Мамий А.Х. К вопросу об исчислении процессуальных сроков при производстве предварительного следствия по уголовным делам.....	257
Меретуков А.Г. Обвинительный уклон при квалификации кражи, которой предшествовала находка.....	263
Наумова Н.М. Расположение норм об ответственности за посягательства на ядерную и радиационную безопасность в системе российского уголовного законодательства.....	268
Неупокоева И.А. Формирование типичных следственных ситуаций при расследовании террористического акта	273
Обухова С.А. К вопросу о детерминантах насильственных половых преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних.....	280
Паршина И.А. Алкоголизация населения в системе детерминант преступности.....	284
Пляс Д.Г. Объективные признаки состава преступления, предусмотренного статьей 240.1 УК РФ.....	289
Ракова Я.В. Виды противоправных деяний, совершаемых с использованием сети Интернет.....	294

Родин С.Г. Преступления, совершаемые с двумя формами вины: некоторые проблемы дифференциации ответственности.....	299
Рудик М.В., Зиятдинов Э.С. Особенности виктимологической профилактики понуждения к действиям сексуального характера.....	305
Рыбалко А.А. Особенности личности субъектов, совершающих действия, направленные на побуждение несовершеннолетнего к совершению самоубийства.....	310
Рясов Д.А. Особенности уголовно-правовой оценки использования биологических средств в целях диверсии.....	315
Сальников Н.В. Логика нормативного построения составов преступлений с альтернативными признаками в Уголовном кодексе Российской Федерации.....	322
Сачков А.Н. Совершенствование российского уголовного законодательства в сфере ответственности за организацию деятельности финансовых пирамид.....	333
Свиридов Д.А. Уголовная политика Республики Беларусь: современные тенденции.....	339
Сизо З.М. Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия (статья 207 ² УК РФ): проблемы уголовно-правовой интерпретации.....	344
Сныткин Р.И. Уголовно-правовые основания применения оружия при обстоятельстве, предусмотренном статьей 38 Уголовного кодекса Российской Федерации.....	353
Соловьев В.С., Осипенко А.Л. Проблемы статистического учета преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.....	362
Солодкая В.И. К вопросу о возможности обжалования заявителем решения об отказе в возбуждении уголовного дела.....	370
Старостенко О.А. Виктимологическая профилактика дистанционных хищений.....	374
Табакowa Н.А. К вопросу определения характера и степени общественной опасности преступлений в сфере выпуска и обращения ценных бумаг.....	378
Титов С.Н. Штраф в системе наказаний за преступления против интеллектуальной собственности.....	383
Токарчук Р.Е. Уголовно-правовые аспекты предупреждения противодействия со стороны правонарушителей, не выполняющих законные требования сотрудника полиции.....	388
Федченко В.В. Уголовная ответственность за развратные действия: проблемы квалификации и пути совершенствования уголовно-правовой нормы.....	393

Федюнин В.В., Зубов В.А., Цыганова Ю.С. Коррупция как явление, деформирующее правовое сознание.....	397
Хагур Ю.А. Социально-правовая обусловленность криминализации самоуправства.....	406
Хасанов Р.Д. Перспективы развития системы противодействия террористической угрозе в условиях становления информационного общества.....	411
Хомутов М.В. Антикриминальный потенциал социально ориентированных некоммерческих организаций при реализации государственной антинаркотической политики.....	418
Хохлова Е.В. О признаках персональных данных как предмете и средстве совершения преступлений.....	423
Чуб И.С. Социальная обусловленность реформирования системы противодействия коррупционным преступлениям.....	433
Эшонов Д.А. Сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан в сфере противодействия преступлениям, посягающим на безопасность государства.....	438
Южанинов В.С. Некоторые аспекты влияния семьи на девиантное, преступное поведение молодежи, совершающей киберпреступления.....	443
Яковлев В.В. Предупреждение криминального насилия в условиях мегаполиса.....	451

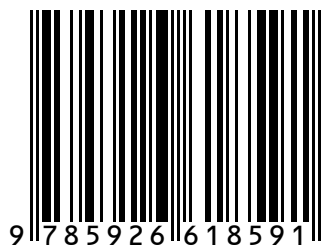
Научное издание

**УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА
И КУЛЬТУРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ**

Материалы
Международной научно-практической конференции
(30 сентября 2022 г.)

В авторской редакции
Компьютерная верстка *Г.А. Артемовой*

ISBN 978-5-9266-1859-1



Подписано в печать 20.12.2022. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 30,0. Тираж 150 экз. Заказ 92.

Краснодарский университет МВД России.
350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.